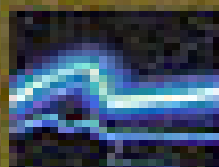

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЗИОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТОГО И НЕВЕДОМОГО

Annotation

Русалки, василиски, единороги... Старинные книги полны рассказов о встречах с этими мифическими созданиями. А были ли они в действительности? Оказывался ли кто-нибудь в объятиях морской девы? Правда ли, что существуют «снежный человек» и лох-несское чудовище? Есть ли в Африке динозавры? Можно ли встретиться с птеродактилем на острове Барса-Кельмес?

Об этом и еще о многом другом вы узнаете, прочитав книгу «Экзотическая зоология» серии «Энциклопедия загадочного и неведомого».

-
- [Город Творцов](#)
-

Николай Непомнящий

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЗООЛОГИЯ

*Майе Быковой,
нашедшей своего «снежного человека»,
и Валерию Орлову,
вечному певцу белого кречета,
посвящаю эту книгу*

ОТ АВТОРА

Однажды в Африке со мной приключилась такая история. Дело было в Мозамбике, в Богом забытой провинции, куда наша геологическая группа была направлена для подсчета запасов пегматитового месторождения и его оценки. На ночь все расположились возле большого озера, вернее болота, и старик из местного племени вызвался за небольшую плату продуктами (здесь голодали) побыть с нами ночью – чтобы чего не случилось. Надо ли говорить, что до рассвета мы не сомкнули глаз: один рассказ африканца сменялся другим, и конца им не было.

Уже под утро, когда туман стал рассеиваться и мы смогли различать берег и редкие растения на нем, старик повел нас к воде.

– Смотрите, – указал он на явственные следы на мокрой глине, – это он! Тот, о ком я рассказывал вам этой ночью.

Друзья-геологи уставились на крупные, по виду лягушачьи отпечатки. Они не были похожи ни на какие из известных нам следов местных животных. А между ними кто-то будто протащил огромную дубину величиной с телеграфный столб.

– Так это хвост! – воскликнул самый догадливый из нас. – Значит, рептилия?

– А почему не земноводное? – парировал другой. – Но не крокодил и не черепаха – точно.

Тогда кто?

Из рассказа старого африканца мы узнали, что местные жители давно заметили в болоте какое-то крупное неведомое им животное, которое по ночам издавало громкие крики и шипение и вылезало из воды на берег. Они назвали его Духом озера и обожествили.

– Увидеть его можно только ночью, – говорил старик, – потому что днем оно уходит по протокам в самую чашу и отлеживается в ямах и пещерах. Размерами, наверное, с гиппопотама. Голова маленькая, на длинной шее, тело похоже на бочку, лапы скорее напоминают рыбы плавники...

Для чего я все это рассказываю? Мысль о выживании древних животных захватила меня на всю жизнь. Я стал собирать всевозможные сведения о загадочных существах, открытых и забытых наукой, и тех, что до сих пор прячутся в непроходимых лесах, горах, глубоких морях и океанах планеты. Познакомился с людьми, которые отдавали жизни поискам сокровенных зверей и птиц. Многих из них, к сожалению, уже нет среди нас. Им я и посвящаю эту книгу.

Часть первая

ЖИВОТНЫЕ МИФИЧЕСКИЕ

ВАСИЛИСК

В античные времена василиском называли маленькую змею с белой меткой на голове, живущую в Ливийской пустыне и известную своим смертоносным ядом и способностью передвигаться с поднятой головой. Изображения василиска украшали головные уборы египетских фараонов и изваяний богов. В «Иероглифике» Горуполло мы находим любопытный отрывок, касающийся отношения древних египтян к этому удивительному существу: «Когда они хотят изобразить слово „вечность“, они рисуют змею, хвост которой спрятан за ее телом. У египтян эта змея зовется Урайон, а у греков – Василиск... Если она дохнёт на любое другое животное, даже не кусая его, жертва умирает. Поскольку эта змея обладает властью над жизнью и смертью, они помещают ее на головы своих богов».

В греческом языке «василиск» означает «маленький царь». Как и его имя, наше представление о василиске пришло из Греции. Для греков василиск был одним из чудес «заморской пустыни», однако до нашего времени греческие литературные источники о василиске не дошли. Статья о василиске содержится в «Естественной истории» римского писателя Плиния Старшего (I век н. э.), в том числе написанной и на основе трудов греческих историков и хронистов.

Вот описание Плиния: «Василиск обладает удивительной способностью: кто видит его – сразу умирает. Он живет в Киренаике. (На его голове – белое пятно, напоминающее диадему. Его длина – не больше 30 сантиметров.) Он обращает других змей в бегство своим шипением и передвигается не изгибаясь всем телом, а приподнимая свою среднюю часть. Не только от прикосновения, но и от дыхания василиска кусты и трава засыхают, а камни воспламеняются. Его действие на других животных и людей ужасно: рассказывают, что однажды всадник поразил василиска своим копьем и яд, поднявшийся через копье, убил не только человека, но и лошадь. Однако даже для этой удивительной змеи укусы ласки смертельны – таков закон природы: никто не остался без достойного соперника...

Волхвы приносят кровь василиска в жертву небесам. На солнце она густеет, как смола, и напоминает смолу по цвету. Если кровь василиска растворить в воде, она становится краснее, чем киноварь».

Таков «настоящий» василиск. Главная его черта, закрепленная в имени, – царственность. Возможно, она связана с особой отметиной на голове василиска или с его способностью передвигаться не опуская головы (этот аспект, видимо, был очень значим для древних египтян). Заслуживает внимания и тот факт, что невероятная губительная сила заключена в таком небольшом существе. Слово «василиск» можно в определенном контексте перевести и как «маленький тиран». Неудивительно, что василиск несет в себе в основном негативные качества «царственного существа».

Василиск практически не упоминается в литературе древности. Исключение составляют только пара отрывков из Ветхого завета и поэма грека Полидора «Эфиопика», в которой существование «злого глаза» подтверждается тем, что «василиск одним лишь взглядом и дыханием убивает все, что попадает к нему на пути». В «Деяниях» Аммиана Марцеллина (IV век н. э.) один из персонажей сравнивается с василиском, «который опасен даже на расстоянии». В «Фарсалии» Лукана описывается битва армии Катона со змеями. Василиск обращает змей в бегство и в одиночку противостоит армии. Солдат поражает василиска и избегает участи всадника, описанного Плинием, только благодаря тому, что отрубает себе руку, державшую копье.

В каждом из этих отрывков василиск заслужил упоминание не своей «коронай» или поднятой головой, а своим ядом. Сообщение Плиния о свойствах его крови указывает на издревле существовавший интерес к возможному применению свойств василиска в медицине и других областях. Согласно поверью, шкуру василиска вешали в храмах, чтобы отпугивать змей и скорпионов. Один из авторов говорит о том, что, если натереть серебро пеплом василиска, оно приобретает все свойства золота. Такие представления были собраны и систематизированы в средневековых бестиариях (сочинениях о реальных и фантастических животных) и алхимических трактатах эпохи Возрождения. О вражде между василиском и лаской впервые сообщается в труде III века до н. э.,

приписываемом Демокриту. В средние века появляются и другие средства борьбы с василиском: противоядием его убийственному яду и дыханию служат яд и запах ласки; шипение василиска смертельно, но и сам он погибает от крика петуха, а его смертоносный взгляд может быть обращен против него самого при помощи обычного зеркала.

После падения Римской империи Европа надолго потеряла связь с Африкой, которая вследствие этого стала еще более загадочным континентом. В средневековой Европе василиск представлялся настоящим чудовищем. Интересно, что, приобретая все новые и новые зловещие качества, василиск становился все менее экзотическим существом. Он рассматривался уже не как житель далекой Африки, а как нечто, на что можно с непоправимыми последствиями наступить прямо за порогом собственного дома. По одной из версий, Англия некогда просто кишела василисками.

Превращение василиска в сказочное чудовище обусловлено самой историей его рождения. В греческом переводе библейской Книги пророка Исаяи читаем: «Кто поест яиц их – умрет, а если раздавит – выползет василиск». В христианских комментариях василиск воспринимается как воплощение самого дьявола, который даже перед низвержением в ад гордо держит голову. Псалом 90 выражает веру во всемогущество Бога: «На аспида и василиска наступишь». Дьявольская природа василиска, определенная в Священном писании, и отсутствие его четкого описания послужили благодатной почвой для многих последующих вымыслов.

Мысль о том, что упомянутое Исаяей яйцо – птичье, происходит, видимо, из истории об ибисе. В «Деяниях» Аммиана Марцеллина рассказ о василиске следует непосредственно за упоминанием о том, что ибис контролирует численность змей в Египте, питаясь их яйцами. Кроме того, согласно Аммиану, ибис откладывает свои яйца через клюв (возможно, он неправильно интерпретировал образ ибиса со змеиным яйцом в клюве). В Египте существовало поверье, что ибис, поедающий змей, сам иногда откладывает змеиные яйца. Современник Аммиана, знаток Египта Кассиан категорически утверждает, что «нет сомнения в том, что василиски рождаются из яиц птицы, которую в Египте зовут ибисом».

Хотя идея о противостоянии василиска и петуха (видимо, как отражение того факта, что нечистая сила боится петушиного крика) известна со II века н.э., неясно только, в какое время с петухом стали связывать и легенду о рождении василиска. В бестиарии Пьера де Бове (1218) рассказывается о том, что яйцо василиска начинает формироваться в теле старого петуха. Петух откладывает его в укромном месте на кучу навоза, где его насиживает жаба. Из яйца вылупляется петух с длинным змеиным хвостом, который и есть самый настоящий василиск. Де Бове также описывает сцену охоты на василиска с зеркалом, свидетелем которой он, по его словам, был сам. Поверье о том, что ядовитый взгляд может быть обращен на самого василиска, видимо, восходит к мифу о Медузе, которая погибла от собственного отражения на щите Персея. Это тем более вероятно, если вспомнить, что Лукан считал василиска одним из чудовищ, родившихся из крови Медузы.

В позднем средневековье слово «василиск» нередко встречается в алхимических трактатах в качестве «философского камня». А Альбрехт Магнус в труде «О животных» отвергает истории о крылатом василиске, рожденном из петушиного яйца, как выдумки.

С расцветом естественных наук в эпоху Возрождения упоминания о василиске становятся редкими. Последний раз василиска «видели» в Варшаве в 1587 году. Два десятилетиями ранее швейцарский естествоиспытатель Конрад Геснер высказал в своей «Истории животных» скептическое мнение относительно существования василиска. Эдвард Топселл в «Истории змей» говорит о том, что петух со змеиным хвостом, возможно, существует (отрицать этот факт означало идти против церковных догм), но, во всяком случае, он не имеет ничего общего с василиском. Браун в 1646 году идет еще дальше: «Это существо – не только не василиск, но и вообще не существует в природе».

Удивительно то, что, как только миф о василиске-петухе был отвергнут, африканский василиск тоже был забыт. В эпоху Возрождения было создано немало «чучел» василиска, составленных из частей морских скатов и других рыб, часто с раскрашенными глазами. Такие чучела можно и сегодня увидеть в музеях Венеции и

Вероны. Большинство изображений василиска, относящихся к XVI—XVII векам, основаны именно на таких муляжах.

Существуют многочисленные изображения василиска на церковных барельефах, медальонах и гербах. В средневековых геральдических книгах василиск имеет голову и лапы петуха, птичье тело, покрытое чешуей, и змеиный хвост; трудно определить, чем покрыты его крылья – перьями или чешуей. Изображения василиска эпохи Возрождения отличаются чрезвычайным разнообразием. Нечто напоминающее василиска изображено на фресках Джотто в часовне Скровенджи в Падуе.

Интерес вызывает и полотно Карпаччо «Святой Трифоний, повергающий василиска». По легенде, святой изгнал дьявола, поэтому на картине василиск изображен таким, каким, по мнению живописца, должен быть дьявол: у него четыре лапы, тело льва и голова мула. Забавно, что, хотя для Карпаччо василиск – не мифологическое существо, а именно дьявол, название сыграло свою роль и картина повлияла на дальнейшее представление о василиске.

Василиск довольно часто упоминается в литературе, хотя никогда не бывает главным героем. Помимо многочисленных комментариев к Библии и бестиариев, однозначно именующих василиска воплощением дьявола и порока, его образ нередко встречается в английских и французских романах. Во времена Шекспира василисками называли проституток, однако английский драматург использовал это слово не только в современном ему значении, но и обращаясь к образу ядовитого существа. В трагедии «Ричард III» невеста Ричарда леди Энн желает стать василиском, существом ядовитым, но в то же время царственным, как и полагается будущей королеве.

В поэзии XIX века христианский образ василиска-дьявола начинает тускнеть. У Китса, Колриджа и Шелли василиск – скорее благородный египетский символ, чем средневековое чудовище. В «Оде к Неаполю» Шелли призывает город: «Будь, как имперский василиск, сражай врагов невидимым оружием».

Василиск не пользуется большой популярностью в наши дни. Он не имеет особого символического значения, как единорог или русалка. Место в мифологии, которое могло стать определенной

нишей для василиска, прочно занято драконом, чья история древнее и обширнее. Многие из нас, встретив изображение василиска, легко спутают его с драконом. Возможно, есть доля истины в поверье, что тот, кто видел василиска впервые, не погибает от его взгляда. Так или иначе, сегодня мы можем смотреть на изображение василиска на барельефе или фасаде здания не только не подвергая свою жизнь опасности, но даже и не замечая его.

ГАРПИИ

В современной английской песенке о гарпии она предстает перед нами как веселое поющее существо, находящее прелесть в шумных вечеринках:

Пришел я с арфой к гарпии,
И стали мы петь и играть,
Никто не может, как гарпия,
На арфе так славно бренчать.

В этой песенке не осталось ничего от тех древних существ – обычно их бывало трое, – которые устремлялись вниз с небес, хватали пищу когтями или длинными лапами и принимались низвергать ее на тех, кому посчастливилось трапезничать неподалеку. Сегодня, когда слово «гарпия» используется в уничижительном смысле, природа такого «антиобщественного поведения» гарпий, похоже, позабыта.

Гарпии изначально прославились не из-за их категорического неприятия правил приличия. Само это слово происходит от греческого *harpazein* – «схватить». В древней мифологии гарпии ассоциировались со штормовыми ветрами, которые уносили тех, кому было суждено исчезнуть. Гомер в «Илиаде» называет только одну из них по имени – Подаргу, мать лошадей Ахиллеса, родившую от Зефира, производящего ветер. Древнегреческий поэт Гесиод в «Теогонии» упоминает двух: «белокурую» Аэлло и Окипету, которая «дружит с ветрами и птицами, и ее быстрые крылья возносят ее высоко над землей». Гарпии обычно изображаются в виде хищных птиц с головой и грудью женщины; наиболее часто встречающиеся их имена – Келено, Нико-теон и Тиелла.

«Отец трагедии» Эсхил (ок. 525 – 456 до н. э.), наверное, был одним из первых, кто заметил, что гарпии уродливы (*Eumenides*). Более полное описание их импульсивного поведения и повадок появляется в эпическом цикле об аргонавтах. В поисках золотого

руна аргонавты встретили Финея, который был наказан слепотой и преждевременной старостью за злоупотребление даром пророка. Финей голодал из-за гарпий: «Гарпии всегда наблюдают за моей едой. Я устал и не знаю, как мне избавиться от них; они тотчас налетают черным облаком. Еще издали по шуму крыльев я слышу, что приближается Келено. Они прилетают и уносят всю мою пищу, опрокидывают и оскверняют чаши. Распространяется такое зловоние и начинается ужасная бойня, ибо эти монстры так же голодны, как и я».

В благодарность за пророчества Финея, которые помогли аргонавтам в их странствиях, Зет и Калаид побеждают гарпий и уводят их на Строфадские острова в Эгейском море, и те обещают никогда больше не досажать Финею. Там гарпии дожидались Энея, который спасся из горящей Трои и приготовил угощение для своих голодных друзей.

Герой «Энеиды» Вергилия (I век до н. э.) так позже опишет этот эпизод королеве Дидо: «Нет никого ужаснее гарпий, ни чума, ни гнев богов не может сравниться с ними, взмывающими со Стигианских вод. Это птицы с лицами юных дев. Ужасный смрад исходит из их желудков, у них когти на лапах, и они всегда бледны от голода... Внезапно они соскальзывают с гор на нас, громко хлопая крыльями, хватают пищу своими грязными лапами, делая ее несъедобной, распространяя ужасное зловоние, оглушительно крича». Наконец гарпии исчезают, и одна из них, Келено, усаживается на скалу и проклинает Энея. Он не построит обетованный город в Италии, говорит Келено, и она из-за голода будет вынуждена глотать собственные стопы.

Обжорство традиционно приписывалось гарпиям еще во времена Горация (I век до н. э.). Гораздо раньше гарпии начали восприниматься аллегорически. У греческого философа Гераклита гарпии, которые лишали Финея пищи, были высокоценными проститутками, которые пожирали выделения молодых мужчин. Эта идея повторяется у Евстафия и других философов. Во времена Евстафия, когда аллегория становится широко распространенной в религии и широко используются мифологические толкования, Третий Ватиканский толкователь мифов объединяет фурий и гарпий

и объясняет, что их нападению подвергаются скупцы. В XV веке Джованни Беллини наделяет гарпий похожими функциями. В серии аллегорических панно, иллюстрирующих семь смертных грехов, художник изобразил гарпию в виде аллегорической фигуры, олицетворяющей алчность, водрузив ее на два золотых шара. Шары символизировали ссору гарпий с Гесперидами, дочерьми Атласа, съевшими яблоки, которые они сторожили. Все это укрепляло «репутацию» гарпий как жадных существ. В XVI веке итальянский собиратель мифов Натале Конти заявил, что внешний облик гарпий дает представление, какими могут быть души скупцов.

Так как гарпии хорошо подходили для дидактических целей, средневековые моралисты и авторы «книг символов» эпохи Возрождения стали практически использовать легенду о них, делая акцент на чувстве их вины. Вот что записано в одной из них: «Гарпия имеет подобие человека и жаждет убить первого встретившегося, но когда она приближается к воде и смотрит на свое отражение, то видит, что убила себе подобного, и глубоко сожалеет, что повстречала человека. Это символизирует душу, которая убила Христа за ее грех, и она похожа на него, потому что создана по его подобию. И когда вспоминает, как умер Иисус за наши грехи, гарпия впадает в великую скорбь и печаль».

Винсент де Бове пересказал эту легенду в своей энциклопедической работе, а в редких случаях, когда гарпию включают в бестиарии, она изображается как раскаивающаяся убийца. В одном бестиарии крылатый монстр с человеческой головой и львиными лапами стоит над трупом, похожим на сирену; а как сказано в бестиарии Пьера де Бове, гарпия-убийца похожа и на лошадь, и на человека, у нее туловище льва, крылья змеи, лошадиный хвост. По одной версии, гарпия испытывает столь сильные угрызения совести, что кончает жизнь самоубийством.

С этой любопытной историей, вероятно, связано описание гарпий у Данте в седьмом круге ада. Его гарпии едят на листьях колючего кустарника, в которые воплотились после смерти души самоубийц. Только страдая от кровоточащих ран, причиняемых этими тварями, которые оскверняют все, к чему прикасаются, грешники могут получить искупление своих поступков.

Хотя и не часто, гарпии появляются в образе убийц во времена Ренессанса в иллюстрированных книгах нравоучительных стихов, написанных в классической традиции и известных как «книги символов». Под влиянием трактата «*Homicidia sui ipsius Ultor*» («Убийца мстит сам себе») Лаврентий Эктаний и Яков де Зеттер рассказывают о гарпии, которая вонзает зубы в кишки человека. Но пиршество длится недолго, так как когда гарпия видит в воде свое отражение таким, какой она предстанет после смерти, печаль увлекает ее в пучину вод, и гарпия погибает. Стих заканчивается призывом к злодеям раскаяться в своих преступлениях. Хотя упоминается только одна гарпия, на гравюре изображены три. А известный писатель-символист Рейснер называет гарпий не иначе как *Tria Animi Monstra*, три монстра разума. Английский современник этих писателей Генри Пичем перемещает гарпий на королевский двор и сопровождает свой стих удивительными гравюрами, на которых изображены птицы с головой женщины, с большой грудью и волосами до плеч. Принцы на гравюрах выступают в роли Финея, они слепы и их терзают три гарпии – лгунья, льстица и тунеядка.

К этому времени уже были установлены основные характеристики гарпий. Действительно, зоолог Конрад Геснер (1516 – 1565), отмечая, что ученые отождествляют гарпий с крылатыми демонами, смерчами и голодными псами, скептически относится к их утверждениям. Неутомимый энциклопедист Альдрованди, обобщивший классические и средневековые истории о гарпиях, выделил следующие рубрики-характеристики: жадность, ненасытность, нечистоплотность. Согласно его описаниям, гарпии имеют туловища хищных птиц, уши медведя, оперенные лапы, человеческие ноги, огромные когти и белую женскую грудь; их считали злыми божествами, демонами, символами смерча. Их также называли *canes Jovis* (псами Юпитера), так как они были фуриями, подручными-мстительницами Зевса. Они не в состоянии удерживать пищу, и, как результат, все, к чему прикасаются, оскверняется нечистотами, извергаемыми из их кишечников. Альдрованди говорит, что у человека такое состояние доктора называют «собачьим аппетитом».

В шекспировской «Буре» Просперо советует Ариэлю обратиться гарпией, чтобы все угощенья исчезли до того, как их начали есть. Бенедикт из «Много шума из ничего» заявляет, что касается Беатрис, то он лучше пойдет на край земли, чем «перекинется тремя словами с этой гарпией». В «Перикле» Шекспира такая реплика: «Ты как гарпия, – говорит Клеон своей злобной жене, – которая предает; ты, с твоим ангельским личиком, впиваешься орлиными когтями».

А вот какие символы в геральдике приписывал гарпиям поздний фаворит английской королевы Елизаветы I Джон Гуиллим (XVI век). Он считал гарпий особенными животными и выделял две их геральдические разновидности. Одна выглядит так: женское лицо, туловище, крылья и когти хищной птицы; у другой – женское лицо и туловище и птичьи крылья и когти. Гуиллим говорит о первом типе: «Гарпия представляется лазурной с расправленными крыльями и развевающимися волосами. Или закованной в броню. Такая броня есть в церкви Хантингтона. Вергилий описывает их так:

Из всех чудовищ – ужасней нет; оно порожденье
Великого гнева, что Бог наслал на род людской
Из адских пучин; с лицом юной девы это творенье,
Ненасытное чрево, когтистые лапы – вот облик какой».

Второй тип, пишет Гуиллим, использован в гербе Нюрнберга, и далее, ссылаясь на Аптона, заявляет, что «гарпий следует выдавать людям по окончании страшной битвы, чтобы они, глядя на свои знамена, могли раскаяться в глупости своего нападения».

В момент выхода книги Гуиллима по геральдике в южном нефе университетской церкви Христа-спасителя в Южном Лондоне был установлен памятник, в котором гарпии ассоциировались с лошадьми. Надпись на нем, по краям которой была выгравирована пара гарпий, гласила, что памятник воздвигнут в честь Джона Бингема, шорника Елизаветы I и Якова I. Такая ассоциация, однако, была явлением исключительным, а не слишком лестное высказывание Аптона относительно гарпий, казалось бы, призвано было отбить желание использовать их изображения в геральдике. К

концу XIX века, по свидетельству Уильяма Нормана, гарпии в геральдике стали менее популярными. Они даже стали предметом насмешек. «Это существо, – свидетельствует Р. Х. Эдгар, – наполовину женщина, наполовину птица, наверх посмотришь – красавица, вниз посмотришь – птаха». На иллюстрации, сопровождающей текст Р. Х. Эдгара, молодая женщина с туловищем птицы курит сигарету и держит в правой лапе стакан с вином.

Вплоть до нашего века жадность продолжала рассматриваться как неотъемлемая черта характера гарпий. Одно из определений, вошедшее в Оксфордский словарь, было таким: «Гарпия – хищное жадное существо, нападающее на людей и грабящее их».

Несомненно, именно эти качества имеются в виду, например, в высказывании преподобного Э. Кобхема Бруера (1900): «Он как гарпия, разумею под этим: тот, кто хочет поживиться на чужом; тот, кто без угрызений совести живет за чужой счет».

Однако гораздо чаще слово «гарпия» означает скорее сварливость, чем жадность, и употребляется по отношению к женщине. Такой пример мы находим ранее у Теккерея: «Неужели это моя свекровь, жадная, гнусная, распутная, бесстыдная гарпия?!» – восклицает леди Мария, когда узнает, что кто-то раскрыл тайну ее возраста.

Черты облика гарпии нетрудно объяснить с точки зрения психологии: крылья и птичье туловище символизируют женщину-мать, когти – разрушительный инстинкт, сохранившийся с детства, который превращает женщину-мать в жестокую хищницу. Поэтому почти все знаменитые мифологические матери-богини наделены внешностью птиц. Горуполло описывает египетскую мать-богиню как хищную птицу. Она обладает чертами, иногда приписываемыми гарпиям, – она забеременела от ветра и наделена даром пророчества, она приносит смерть и пожирает трупы. Говоря о гарпиях, греческие и римские писатели придают большое значение их негативной роли как губительниц живого и объекта мужского страха и ненависти.

Тем не менее упоминания о развевающихся волосах, целомудренных лицах гарпий, так же как и изображение тугих грудей и плавных птичьих изгибов туловища гарпий, свидетельствуют о

большом значении символа женщины-матери еще в глубокой древности. Например, так называемый памятник гарпии, перевезенный в Британский музей с руин Ксантоса, древней столицы Ликии в Малой Азии, изображает летящую гарпию, которая держит ребенка у груди, вцепившись в его ноги когтями.

Все это говорит о том, что вариаций внешнего облика гарпий очень много и они возникли задолго до упоминаний о них в классической литературе. Птицы с человеческими головами фигурировали в древнем искусстве Индии, Персии, Средней Азии и т. д. Гарпии наряду со сфинксами были популярны в средневековом исламском искусстве – на гобеленах, манускриптах, настенных росписях, в архитектуре, керамике и даже в росписи утвари. Они безошибочно угадываются в стилизованных фигурах на плафонах фатимидских люстр (Северная Африка, X—XII века н. э.). Эти фигуры имеют темные волосы на голове, зачесанные за уши, четко выраженные крылья, туловище и когти хищной птицы. Они тоже «дьявольские гарпии, предсказывающие несчастья».

ГРИФОН

«Грифон представляет собой млекопитающее о четырех ногах с крыльями. Эта разновидность диких животных зародилась где-то в северных широтах либо в горах. Телом грифон похож на льва, а крыльями и головой – на орла. С исключительной неприязнью относится к лошадям. Может грифон расправиться и с человеком, коль скоро их дорогам будет суждено пересечься». Так описывается в средневековом bestiarii одно из самых загадочных созданий из царства вымышленных животных. Будучи по природе своей существом весьма противоречивым, грифон соединяет в себе качества птицы и зверя, небеса и землю, добро и зло. Он с равным успехом может быть агрессором и жертвой, мародером и верным стражем.

Грифон (иногда его называют «гриффин») впервые «объявился» где-то на Ближнем Востоке около пяти тысяч лет назад. Задолго до того как упоминания о нем появились в письменных источниках, облик грифона уже был неоднократно запечатлен на слоновой кости, камне, шелке, войлоке, бронзе, серебре и золоте. Найти эти изображения можно было повсюду: на вазах и стенах дворцов, мозаичных полах и надгробьях. С караванами торговцев, армиями завоевателей и кочевыми племенами грифон «добрался» от иранских высокогорий до Гималаев и Китая на востоке и до побережья Ирландии – на западе. В средние века он все чаще и чаще встречается на гербах, стенах соборов и страницах манускриптов. Большинство людей были абсолютно уверены в реальном физическом существовании грифона. Но вот пришел XVI век, грянула интеллектуальная революция, посеявшая зерна сомнения: а были ли они на самом деле, эти сказочные существа, которые, по преданиям, обитали где-то в отдаленных уголках древнего мира? К концу XVII столетия считалось уже доказанным фактом, что никаких грифонов и в помине никогда не было. Но тем не менее и после этого грифоны, как и прежде, занимали человеческое воображение.

Сам облик грифона и его нрав заметно различаются в разных культурах и во многом отображают сложившиеся в том или ином обществе представления и системы ценностей. Чаще всего задняя часть туловища у него выглядит как львиная, хотя встречаются изображения, где у грифона, к примеру, лапы пантеры (вариант – собаки), он может иметь хвост, как у дракона или змеи. Когда грифон изображен с открытым клювом, то вполне можно разглядеть язык и зубы. На голове красуется павлиний хохолок или бараньи рога, королевская корона или же просто некая декоративная выпуклость (особенно часто это встречается на греческих изображениях). Хотя грифона относят к птицам, его нередко изображают с ушами, что, по всей видимости, должно свидетельствовать о наличии отменного слуха. Скифские грифоны увенчаны рогами антилоп – символом расторопности. Шея может быть украшена рядом шипов (этруссские грифоны), нередко гривой льва или лошади. Под клювом иногда имеется пучок птичьих перьев, смахивающий на бородку.

Необычная разновидность грифона встречается в английской геральдике. У него нет крыльев, зато из его тела выступают острые отростки, сгруппированные по три. Один из таких грифонов поддерживает гербовый щит Анны Болейн, супруги Генриха VIII, судьба которой, как известно, была печальна.

Хотя грифоны и являются злейшими врагами лошадей, тем не менее они имеют общего потомка. Называется он гиппогриф. Голова, крылья и передние конечности гиппогрифа в точности как у грифона, а спина и задние конечности достались ему явно от лошади. Совершенно неизвестный в античные времена, этот монстр не что иное, как творение воображения поэтов позднего средневековья. Будучи одной из разновидностей летающей лошади, гиппогриф в этом смысле приходится родственником крылатому Пегасу из Греции, восьминогую Слипниру, принадлежавшему скандинавскому богу Одину, серебряному коню, которого Магомет получил от архангела Гавриила.

Немецкий ученый Х. Принц предпринял попытку классифицировать все известные разновидности грифона и разделил их на три основные группы: грифон-птица, грифон-змея и грифон-лев. Некоторые специалисты оспаривают правомерность

подобного подхода. Ведь грифон-змея и грифон-лев, обосновывают они свою точку зрения, не более чем разновидность дракона, поскольку и тот и другой обычно изображаются с туловищем, покрытым чешуйками, – как у рептилий. И лишь грифон-птица, животное с птичьей головой и львиным туловищем, может с полным правом называться «собственно грифоном», неважно, изображается ли он при этом с крыльями или без них. Возможно, такая категоричность несколько чрезмерна. Скажем, некоторые драконы на китайских рисунках очень сильно смахивают на грифонов, а в средневековых текстах не всегда проводится четкое различие между грифонами и драконами; в иных случаях сами эти названия оказываются взаимозаменяемыми. Будучи образом собирательным, грифон имеет отношение и к сфинксу, и к химере, и к гарпиям и прочим подобным монстрам, которые появились примерно в одно и то же время и в одном и том же регионе в западной части Азии.

Нрав грифона вполне под стать его свирепому облику. Это хищное создание всегда настороже, оно вечно выясняет с кем-то отношения. Лучше стража не найти; в качестве мстителя он будет преследовать злодея, не ведая пощады. Все это во многом объясняет, почему грифон использовался в качестве эмблемы начиная с древнейших времен. Соединяя в себе мощь античных героев и величие богов, грифон прекрасно подходил на роль геральдического животного. Этот царственный зверь всегда ассоциировался в представлении людей с правителями неба и земли: от фараонов и критских царей до Александра Македонского и самого Господа. Появившись на царских печатях и монетах в древние времена, грифон пришелся очень кстати и в христианскую эпоху. Его охотно изображали на оружии рыцари, которые, вполне возможно, во время крестовых походов переняли подобную традицию у арабов. Один из самых ранних геральдических грифонов появился на щите Ричарда де Риверса, графа Экзетерского в 1167 году. Изображение грифонов или голов грифонов было чрезвычайно популярно в XV – XVII веках.

Явным господством грифона в геральдике, возможно, объясняется и то, что многие распространенные ныне фамилии произошли от названия этого сказочного существа. Возьмем, к примеру, фамилии Гриффорд, Гриффен или еще более популярную

Гриффин. В любом американском или английском телефонном справочнике люди, носящие подобные фамилии, занимают не одну и не две колонки. Немецкая разновидность «грифоновой фамилии» – многочисленные вариации с корнем «грайф» – чрезвычайно распространена в странах Центральной Европы. В латинизированном варианте «грайф» звучит как «грифиус», именно такой вариант предпочел в свое время известный немецкий поэт эпохи барокко Андреас Грифиус (1616—1664). Кроме того, в Германии, Австрии и Швейцарии есть немало мест, чьи названия опять-таки восходят к грифону: Грайфсвальд, Грайфенберг, Грайфенхаген, Грайфензее и многие другие.

Само слово «грифон» или «гриффин» происходит от греческого *grups* (латинское *gryphos*). Вполне вероятно, что *grups* как-то связано с другим греческим словом *grupos*, что значит «кривой», «изогнутый». Братья Гримм высказывали предположение, что греческое *grups* было позаимствовано из восточных языков – например, есть ассирийское *k'rub*, то есть «фантастическое крылатое существо», или еврейское *kerub*, «крылатый ангел». Возможно, кстати, что существует определенная связь между немецким словом *greifen*, что значит «хватать», и созвучным ему английским *grip*, имеющим то же значение. В немецком языке сохранилось также понятие *greifvogel*, которым обозначаются все хищные птицы: орлы, ястребы, соколы, грифы. Было бы логично предположить, что эти птицы в свое время и послужили прототипами мифического грифона, а львиные его атрибуты – уже более поздние «наслоения».

Сказочные птицы были неизменными действующими лицами древних мифологий. Складывается впечатление, что для первобытных племен во всех уголках солнца и небеса, перед которыми они преклонялись, олицетворялись в виде огромной птицы. Развитые цивилизации соединили несколько божественных атрибутов в единый «собираемый образ».

Один из них – индийская райская птица Гаруда, полуорел-получеловек, символ скорости и мощи, дитя небес и король всех птиц. Как гласят ведические тексты, Гаруда даже старше, чем Вишну.

В персидском и турецком фольклоре тоже встречается древняя птица божественного происхождения – Сенмурв или Симург. Иногда

Симург изображается с человеческим лицом – может быть, потому, что мусульмане верили в его способность мыслить и говорить. По преданию, Симург живет две тысячи лет. Размерами птица столь огромна, что размах ее крыльев заслоняет свет солнца, силы ее хватит, чтобы поднять в воздух верблюда или слона. Этой своей способностью Симург схож с Гарудой и легендарной гигантской птицей Рух, нередко упоминаемой в арабских сказках. Отголоски этих легенд слышны и в еврейских источниках – в талмудистских упоминаниях о зиз, гигантском создании, похожем на уже упоминавшихся мифических птиц. Любопытно, что грифон «обитает» лишь в Азии, Африке и Европе – в культуре американских туземцев присутствуют крылатые змеи и прочие монстры, но только не грифоны.

Одни ученые, полагающие, что человек и динозавры «пересеклись» на каком-то участке исторического пути, полагают, что представление о грифоне восходит к «коллективной памяти» человечества о древнейших летающих рептилиях вроде птеродактиля или доисторических птицах типа археоптерикса. По мнению других, лишь одна птица более или менее полно соответствует древним описаниям грифона. Это – бородач-ягнятник. У себя на родине, в горах Южной Европы, Центральной Азии и некоторых районах Африки, эта крупная старинная хищная птица имела на подбородке хохолок из длинных жестких волос, столь же жесткая щетина скрывала ноздри. В верхней части туловища она имела черно-серую – или рыжевато-коричневую светлого оттенка – окраску. Белая «шапочка» окаймлена черным. Длина ее составляла от сорока до сорока шести дюймов, а размах крыльев – около десяти футов. Сохранились рассказы о том, как бородачи-ягнятники уносили ягнят (отчего они и получили свое название) или маленьких детей, но зоологи заявляют, что для подобных утверждений нет никаких реальных оснований. Но в любом случае это зловещее и поражающее воображение создание вполне могло стать прообразом мифического грифона. С подобной точкой зрения можно соглашаться или не соглашаться, но очевидно, что в представлении доисторических людей гигантские хищные птицы могли олицетворять божественные или же, напротив, демонические силы.

Первое письменное упоминание о грифонах мы находим у древнегреческого автора Аристеея из Проконнеса, жившего в VII веке до н. э. Он совершил путешествие в глубь Центральной Азии в поисках гиперборейцев и их святилища Аполлона, который почитался в этих краях как повелитель света и тьмы. В своих странствиях Аристеей повстречал племя иммедонийцев, поведавших ему о том, что к северу от их земель находится горная цепь – обитель холодных ветров. Греческий путешественник решил, что это были Кавказские горы, хотя современные ученые больше склоняются к мнению, что это был скорее Урал или даже Алтай. Еще говорили, что есть там золотоносные реки и что обитающие в тех местах одноглазые люди – аримас-пы – то и дело похищают это золото у быстрых и злобных монстров, стерегущих его. Неизвестно, как называли этих монстров сами иммедонийцы, но Аристеей именует их «грифонами» – тогдашним грекам это название было понятно. Ведь к тому времени в греческом искусстве уже сложилось определенное представление о грифоне, и более поздние авторы приняли предложенное Аристееем обозначение монстров, стоящих на страже золотых россыпей.

Геродот, живший два столетия спустя после Аристеея, повторил рассказ о грифонах в своей «Истории». Ктесий из Книдоса, греческий врач, который был чуть младше Геродота, написал целый научный труд, посвященный Индии. В течение многих веков этот труд считался источником достовернейших фактов. Среди прочих чудес Ктесий дает детальнейшее описание грифона: «Это порода четвероногих птиц, размерами не уступающих волкам, лапами и когтями напоминающих львов, все их туловище покрыто черными перьями – только на груди они красные».

Такое оперение вполне «подходит» бородачу-ягнятнику, сам же образ четвероногой птицы мог быть знаком Ктесию по росписям царского дворца в Персеполе, где он жил довольно долгое время. Кстати, Ктесий утверждал, что единственный, кто «в состоянии справиться с грифоном, это лев или слон». Римский автор Клавдий Элиан, живший несколькими столетиями позже Ктесия, утверждает в своей книге «К характеристике животных», что у грифонов белые

крылья и разноцветные шеи, «как бы отделанные темно-синими перьями».

Более поздние авторы полагались прежде всего на Аристия и Геродота (как на очевидцев того, о чем они писали), как, к примеру, Плиний Старший, в 77 году н. э. завершивший свою «Естественную историю». В дальнейшем, правда, сведения становились все более запутанными и порой противоречивыми. Но и в средние века люди по-прежнему верили в подлинность свидетельств древних о существовании грифонов, и это притом, что тот же Аристий нигде не утверждает, будто ему довелось собственными глазами видеть этих загадочных существ. Грифоны представлены в бесчисленных bestiариях среди прочих животных, как реально существовавших, так и вымышленных. Как отмечает один специалист, «не имело особого значения, было ли на самом деле то или иное существо или нет. Важнее другое: что оно обозначало или символизировало». Все животные подразделялись на «добрых» и «злых». Грифона чаще относили ко второй группе, хотя некоторые авторы наделяли его всевозможными достоинствами. По утверждению одного из них, «грифон был символом знания», поскольку ему было известно, как отыскать золото. В целом же он предстает как персонаж весьма противоречивый.

Марко Поло, совершивший в XIII веке грандиозное путешествие и добравшийся аж до Китая, предпринял попытку отыскать хотя бы какие-то реальные подтверждения существованию грифонов. Услышав, к примеру, о гигантских птицах, обитающих на Мадагаскаре, он решил, что это и есть грифоны. Увы, его ждало разочарование: это действительно были птицы, «по строению напоминающие орлов, но только колоссального размера». Как должны выглядеть «настоящие грифоны», Поло прекрасно знал по изображениям на стенах собора святого Марка в Венеции и из многочисленных иллюстрированных манускриптов. Собственные впечатления путешественника нередко расходились с традиционными представлениями. В целом же его записки явно не оправдали ожидания современников.

Куда более привлекательными оказались «Скитания Мандевилля». Точно установить их автора сейчас не представляется возможным. В книге описываются путешествия по Африке и Азии,

обитающие там всевозможные расы и этнические группы людей и виды животных. Грифон, по словам автора, «размером и силой равен восьми львам... и сильнее и крупнее сотни орлов. Рассказывают, что один грифон как-то поднял в свое гнездо огромную лошадь».

Согласно средневековым представлениям о мире, существование различных сказочных существ считалось доказанным фактом, а различным частям их тела приписывалась чудодейственная сила. Грифон не исключение. По преданию, если из его когтя сделать кубок, то стоит недоброжелателю подмешать в питье яд, как сосуд тут же меняет свой цвет. Понятно, что заполучить такой коготь было очень непросто. Он мог достаться в качестве награды только человеку, сумевшему излечить грифона от тяжелой хвори. В средние века было известно несколько таких «когтей» – на самом деле это были рога различных животных, отделанные золотом и драгоценными камнями. Утверждали, что слепые прозревали, если перед их глазами поводить пером грифона. А в некоторых ранних германских книгах по медицине говорилось, что если грифона положить на грудь женщине, страдающей от бесплодия, то она чудесным образом исцелится от своего недуга.

В XVII веке появилось несколько объемистых трудов, авторы которых попытались разобраться, где кончается правда и начинается откровенный вымысел в бесчисленных описаниях невероятных существ. В 1646 году сэр Томас Браун заявил, что грифон представляет собой не что иное, как сугубо символическое животное. На смену освященным веками представлениям шли эмпирические знания, легшие в основу новой научной картины мира. И довольно скоро грифон – заодно с некоторыми своими сказочными собратьями – «удалился» туда, откуда он некогда и прибыл, – в мир искусства и поэзии.

Самое древнее из известных сегодня изображений грифона было обнаружено возле города Шуша (на территории современного Ирана). Он был запечатлен на сделанной около 3000 года до н. э. печати. Похожее клеймо с грифоном было изготовлено чуть позже в Библосе – в нескольких сотнях миль от Шуши.

Грифоны были издавна известны и в Египте. Во времена Пятой династии сам фараон изображался в виде грифона, повергающего

наземь врага, что символизировало мощь правителя. Согласно некоторым теориям, изображение грифона могло иметь и иное значение, символизируя союз бога солнца (изображавшегося с головой сокола) и богини ночи и неба (с туловищем кошки). В одном папирусе грифон был провозглашен самым могущественным среди всех живых существ, поскольку у него был «клюв сокола, глаза человека, туловище льва, ушные отверстия рыбы и хвост змеи» – то есть атрибуты представителей всех основных видов животного мира. А если учесть, что «еще один» египетский грифон, который, впрочем, претерпел со временем некоторые изменения, ассоциировался с Сетом, врагом Гора – бога солнца, то неудивительно, что эта птица стала своего рода посредником между светом и тьмой, добром и злом.

Египетское влияние заметно в минойской культуре, которая, в свою очередь, повлияла на многие другие цивилизации древности. Многочисленные изображения грифона были обнаружены на острове Крит на стенах тронного зала царского дворца в Кноссе, на надгробиях и в святилищах. За полторы тысячи лет до нашей эры подобные изображения все чаще и чаще появляются в западной части Азии.

Приблизительно с 1400 года до н. э. грифон «прижился» и в Греции. Там он ассоциировался прежде всего с Аполлоном, Дионисом и Немезидой. Аполлон нередко изображался верхом на грифоне или же едущим в колеснице, запряженной грифонами. Влияние Греции распространилось на Александрию, где грифон стал практически неизменным спутником Немезиды. Ведь оба отличались свирепым нравом и оба немилосердно карали злодеев.

Со временем грифоны «проникли» во все земли, находившиеся под греческим влиянием: вслед за Александром Великим они попали в Индию; их «приняли» этруски и римляне; но особенно широкое признание они встретили среди скифов и сарматов. Влияние (точнее, взаимовлияние) различных культур – процесс довольно сложный, и поэтому не всегда можно с уверенностью сказать, были ли сказочные птицы Индии или Персии предшественниками скифских грифонов или же наоборот.

Ясно лишь, что влияние кочевых племен заметно усилилось с падением Римской империи. Оно продолжалось и после того, как варвары приняли христианство и перешли к оседлому образу жизни. Грифон благополучно «перекочевал» в христианскую иконографию, где его изображение имело самое разное значение, зачастую прямо противоположное. Он с равным успехом мог быть и символом сатаны, и инкарнацией (воплощением) Христа. Одно время на стенах церквей и монастырей Европы от Италии до Ирландии были во множестве представлены изображения грифонов. Постепенно они стали исчезать – вполне возможно, под влиянием идей теолога Бернара Клервосского (1090—1153), – сохранившись лишь в геральдике. С возрождением греко-римского искусства в эпоху Ренессанса и раннего барокко интерес к загадочным существам возродился было вновь, но это был лишь слабый отблеск их былой славы. Иногда они встречаются еще на полотнах и гравюрах великих мастеров (к примеру, Дюрера). Золотых дел мастера порой изготавливают изумительные чаши в виде грифонов. Но сами они уже не более чем аллегория. Никто уже не связывает этих полульвов-полуптиц со сверхъестественными силами. Впрочем, грифону было суждено возродиться еще раз. Произошло это в самом начале прошлого века: Наполеон Бонапарт заметно обогатил неоклассицизм помпейскими и египетскими мотивами, которые призваны были восславить его империю. Но и на этот раз сфинксы и грифоны появляются только на предметах обстановки – как элемент декорации, и не более того. В наше время художники время от времени вспоминают о грифонах. В основном когда создают очередной логотип или иллюстрируют фантастические произведения.

Начиная со времен Древней Греции, литературные страницы не раз становились гостеприимным обиталищем для грифонов. Они упоминаются в «Прикованном Прометее» Эсхила, считающегося, как известно, «отцом трагедии». Нередко историческая правда и поэтический вымысел пересекались, как это произошло, например, в написанном приблизительно в 400 году до н. э. «Романе об Александре», ставшем необычайно популярным и дошедшем в различных переложениях до средних веков. Достигнув конца

известного в его эпоху мира, Александр вздумал покорить небеса. Для этого была сделана специальная колесница, в которую запрягли четырех грифонов. Александр поднялся очень высоко, но, прежде чем он смог достичь небес, Бог заставил грифонов спуститься обратно на землю. Здесь, правда, как и во многих более поздних литературных произведениях, остается неясным, имелся ли в виду классический грифон, или же этим словом авторы обозначали гигантских размеров хищных птиц.

Во многих произведениях средневековья, например в «Герцоге Эрнсте» (1180), грифоны описываются как необычайно злобные и сильные создания, которым вполне под силу понять в воздух взрослого человека.

В поэме X века «Шахнаме» Фирдоуси юный принц был возвращен Симулгом и на прощание получил от него в дар волшебное перо, которое должен был сжечь, если ему понадобится помощь.

В итальянской поэзии грифон – немаловажный символ, к примеру, в «Божественной комедии» Данте он олицетворяет самого Иисуса Христа. Близкая к нему «символическая птица» гиппогриф описывается в поэме «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто. Считается, что своего гиппогрифа Ариосто «сотворил», вдохновленный строкой из Вергилия.

Добавим, что грифон нередко встречается и в европейском фольклоре. Например, в немецком варианте сюжета о красавице и чудовище именно грифон переносит заколдованного принца и его невесту через Красное море.

После XVI века грифон в соответствии с новыми веяниями все больше и больше превращается в «стилистическую фигуру». Упоминания о нем можно найти в «Потерянном рае» Мильтона и в «Фаусте» Гете.

После «Фауста», законченного в 1831 году, литература не часто вспоминала о грифонах. По большей части это были произведения для детей вроде «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла или «Грифона и младшего каноника» Френка Стоктона (впервые опубликована в 70-е годы прошлого века).

Иногда грифона можно встретить в современных фантастических романах для взрослых; к примеру, у Пирса Энтони и Клиффорда

Саймака.

Грифон был частью западной цивилизации со времен ее зарождения. Он был разным. Он был повсюду. И он не утратил своей власти над нами, сколько бы люди ни пытались демистифицировать его образ. Ведь это сказочное существо – отражение самой человеческой природы, такой двойственной и противоречивой.

ДРАКОН

Из всех вымышленных существ дракон наиболее известен во всем мире. С глубокой древности до нашего времени, на востоке и на западе, в народном эпосе и фантастических произведениях дракон был олицетворением чудовищной сверхчеловеческой силы. В сказаниях многих народов мира драконы – извечные могучие противники героев. В каждой из легенд победа над драконом имеет огромное символическое, а подчас и практическое значение. Герои ближневосточных преданий таким образом спасали свои народы от различных бедствий. Победив дракона, мифологические греческие воины обретали бессмертие, а средневековые рыцари – несметные сокровища, прекрасных невест и королевские короны. В современных фантастических романах судьба цивилизаций многих планет зависит порой от исхода битвы с драконом, власть которого распространяется на всю Вселенную. Где бы ни появился дракон, ему всегда находился отважный соперник. Их борьба – главный сюжет мифов всех народов мира.

Впрочем, дракон далеко не всегда считался таким уж чудовищем. Современный дракон имеет довольно мало общего со своим средневековым предком и еще меньше – с драконами из древних мифов и легенд, которым зачастую была совершенно несвойственна чудовищная кровожадность.

Слово «дракон» греческого происхождения, однако и в Древней Греции, и во многих европейских странах дракона часто называли иначе. С другой стороны, драконами нередко называли змей и других животных, которые, строго говоря, таковыми не являлись. Проблема состоит еще и в том, что более или менее точно представления о том, кого следует называть драконом, никогда не было. Из бесформенного чудовища древних восточных легенд дракон превращается в плод современной фантастики – существо, наделенное вполне определенными размерами, внешним видом, цветом и другими чертами. Однако мы не должны забывать о том, что дракон – вымышленное существо и поэтому его описание просто не

может быть таким же четким, как описание чего-то реально существующего в природе. Возможно, именно поэтому дракон и встречается в столь многих культурах. Он – воплощение общечеловеческого страха перед змеями. Но это еще одна причина, по которой следует разделить похожие, но все же различающиеся понятия дракона и змеи.

В плане решения проблемы мы поговорим о существах, которые, во-первых, носят это имя (как греческий «дракон», римский «драко» или древнеирландский «драук») и, во-вторых, обладают основными свойствами дракона – змееподобные существа огромных размеров с крыльями, когтями, хвостом, извергающие огонь или яд, охраняющие сокровища, живущие в труднодоступных местах и противостоящие героическим воинам. Этот круг довольно широк, но, с другой стороны, в него не вошли многие существа, которых иногда именуют драконами: чудовища из египетских, вавилонских и древнеиндийских сказаний, миролюбивые восточные драконы, а также крылатые змеи, описанные древними и средневековыми учеными, чья агрессивность не была направлена исключительно на героев.

Образ дракона собирался по крупицам и принял окончательный вид только в средневековье. Корень слова «дракон» обозначает «взгляд», в то время как слова, обозначающие змею, в европейских языках происходят обычно от ее свойства передвигаться без помощи конечностей – ползти, изгибаться, «змеиться». Видимо, дракон был назван так за свою зоркость или за блестящие глаза. Это свойство еще в древности предопределило основную функцию дракона – охранять сокровища. Если добавить к этому еще и враждебную натуру дракона, унаследованную от змей, получим повторяющийся в легендах многих народов сюжет: дракон охраняет нечто ценное; некто пытается завладеть этим; дракон сопротивляется; начинается битва; дракон убит; победитель получает то, чего хотел. Этот сюжет можно рассматривать как подчеркивание свойства, отличающего дракона от змеи и закрепленного в его имени: он – страж.

Многие ученые, занимавшиеся изучением мифологического дракона, пытались определить источник, из которого возник этот образ. Попытки велись по трем направлениям: этимологическое,

когда во глазу угла ставится первоначальный смысл слова «дракон» и к которому мы обращались выше; натуралистическое – поиск дракона среди животного мира или динозавров; и, наконец, мифологическое – попытки отыскать связь дракона с более древними змееподобными персонажами. В то время как первое из направлений неплохо объясняет происхождение слова «дракон», два других гораздо ближе подходят к возможному источнику появления самого образа.

Естественный страх человека перед змеями привел к созданию образа вымышленного существа, в котором змеиные свойства были сильно преувеличены. Возможно, причиной появления сказаний о драконах были случайные находки костей динозавров древними людьми. В пользу этого предположения говорит и интерес к драконам, возникший в конце XIX века после обнаружения в Европе останков динозавров.

Ученые, предпочитающие мифологический подход, считают, что дракон представляет собой воплощение подземной жизни, которая из-за своей неизвестности воспринималась древними людьми как враждебная сила. Враждебность богам – основная черта драконов ближневосточных мифов, где божественные герои сражаются с чудовищем, чтобы спасти мир от хаоса. Мифологи утверждают, что собранный из различных более древних элементов образ дракона появился в Египте, а затем перекочевал в Индию, где дракон из просто живущего в воде существа превратился в божественного «покровителя вод». В дальневосточной мифологии дракон – великодушный защитник людей, распределяющий жизненно необходимую воду, символ плодородия и удачи. В европейском представлении, развившемся преимущественно на основе греческих мифов, дракон, напротив, является противником бога солнца. Так возникло фундаментальное различие между драконами Запада и Востока.

Как ни привлекательна эта идея, стоит, возможно, отказаться от поисков «первоначального дракона» и принять идею о том, что каждая культура испытывала необходимость в создании драконоподобного существа и что дракон придумывался народами всего мира независимо друг от друга.

Индийская «Ригведа» описывает сражение между небесным богом Индрой и подземным демоном Витрой, который обвинялся в похищении дождевых облаков и захвате земных источников воды. Витра описывается как драконоподобное существо. Божественные наги, существа с человеческими лицами и змеиными хвостами, населяют подземное озеро Патала. В зависимости от своего предназначения наги подразделяются на четыре типа: небесные – охраняющие дворцы, священные – дающие дождь, земные – осушающие реки и скрытые – оберегающие сокровища. В бирманской мифологии наги, соединяющие в себе образы дракона, змеи и крокодила, одаряют героев рубинами и, кроме того, покровительствуют некоторым королям.

Как и наги, китайские драконы лунги также подразделяются на четыре вида. Драконы, охраняющие императорский дворец, имеют в отличие от других не четыре, а пять когтей. Восточный дракон вообще чаще всего ассоциируется с королевской или императорской властью. Первый китайский император Фу Си, по преданию, имел драконий хвост. Его наследник Шен Нун был воспитан опять-таки драконом. Император Хуан Ти был доставлен на небо в колеснице из слоновой кости, запряженной шестью крылатыми драконами.

Рыба-дракон Ю-лунг, превратившаяся из карпа в крылатое существо и улетевшая на небо, перепрыгнув через водопад Ворота Дракона на реке Янцзы, является символом некоторых китайских философских школ, считается, что прохождение трудных экзаменов сродни прыжкам через водопад.

Греция дала Европе не только философию, науку, медицину и политику, но и самого известного монстра. Дракон оставил свой след в греческой истории, мифологии и естественных науках. Мегасфен упоминает о маленьких крылатых змеях, обитающих в Индии. Геродот пишет в своей «Истории» о «разноцветных крылатых змейках, охраняющих в Аравии деревья, на которых растут пряности». Однако европейское представление о драконе базируется скорее на греческих мифах, чем на науке.

Прежде всего стоит отметить то, что греческие драконы нередко имели по несколько голов и состояли из частей разных животных. В «Одиссее» и «Илиаде» описывается Химера – существо, составленное

из частей змеи, льва, козла и человека, которое извергает пламя. Гесиод в «Теогонии» говорит о змееподобных чудовищах, посланцах первобытного хаоса – Ехидне, Химере и Цифее. Ехидна – полудева-полузмея с пятнистой шкурой, существо, которое не умирает и не стареет, – живет в труднодоступной пещере и питается сырой человеческой плотью. От ее союза с Цифеем, врагом Зевса, родилась Химера, которая, согласно Гомеру, дышит пламенем и имеет три головы: змеиную, козлиную и драконью. Это чудовище было побеждено Персеем. Если Химера трехголовая, то ее отец Цифей – стоглавый дракон, глаза которого извергают огонь. Зевс побеждает Цифея в битве, от которой дрожали земля и небо.

Образ дракона, стерегущего сокровища, был широко распространен у греков. Аполлон, победивший зловонное, извивающееся чудовище, построил на добытое богатство знаменитый храм в Дельфах. Место, где произошла битва, было названо Пито («зловоние»), отсюда название «питон».

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского Ясон находит золотое руно в зубах огромного дракона с огненными глазами, «величиной превосходящего корабль с пятьюдесятью гребцами», живущего в священной роще в Колхиде. С помощью Медеи, дочери царя Колхиды, усыпившей дракона своим пением, Ясон убивает его и овладевает золотым руном. Из зубов дракона, посеянных на поле, которое Ясон вспахал специально для этой цели укрощенном свирепом быке бога Ареса, вырастают вооруженные воины, с которыми Ясон также вынужден вступить в битву. После убийства своих детей Медея спасается бегством из Коринфа в Дельфы на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

Подвиг Ясона повторяет Кадм, который побеждает эонийского дракона. По легенде, Кадм, желая принести в жертву Афине корову, посылает своих людей за водой к роднику Ареса, но дракон, стороживший родник, убивает посланцев. Кадм побеждает дракона и по совету Афины сеет его зубы, из которых также вырастают воины. В качестве расплаты за смерть дракона Кадм служит Аресу в течение восьми лет.

Однако, возможно, самый известный дракон – Ладон из сада Гесперид, охраняющий золотые яблоки, подаренные Зевсом своей

невесте Гере. Согласно Аполлодору, Ладон – потомок Цифея и Ехидны, бессмертный дракон с сотней голов, говорящих разными голосами. Геракл, убивший Ладона, чтобы завладеть яблоками, тоже становится бессмертным.

Известно, что римская мифология практически целиком заимствована из греческой. Это особенно верно в отношении римского представления о драконе. Овидий в «Метаморфозах» пересказывает греческие мифы о сражениях Ясона, Кадма и Геракла с драконами. В его версии истории об аргонавтах дракон с золотыми клыками и тремя языками стережет золотое дерево, на котором висит руно. Однако Ясон усыпляет дракона не пением, а соком специально подобранных трав. В результате, как пишет Овидий, «глаза, не ведавшие прежде сна, сомкнулись в дремоте», что позволило Ясону взять руно.

Одиннадцатый подвиг Геракла упоминается Овидием лишь вскользь, но там также имеется указание на «недремлющее око» дракона. В то же время, в легенде о Кадме описанию дракона уделено немалое внимание: здесь он представлен как существо с золотой шкурой, тремя языками и тремя рядами зубов в пасти; извивающееся кольцами тело дракона наполнено ядом, а из его глаз вырывается пламя. Кадм поражает его копьем.

Вергилий в «Энеиде» описывает дракона, стерегущего золотые яблоки в саду Гесперид, и двух драконов, вышедших из моря и убивших жреца Лаокоона и его двоих сыновей. Хотя история последних двух драконов восходит, видимо, к догреческому образу дракона – морского чудовища, их описание целиком укладывается в греческую традицию: у них бесконечной длины хвосты, кроваво-красные панцири и пышущие огнем кровавые глаза.

В легенде, описанной Элианом, принца Пинда, подружившегося с драконом в пустыне, из зависти убивают братья. Поскольку дракон, по словам Элиана, «слышит и видит много лучше любого из живущих», он приходит отомстить за смерть друга и душит братьев своим хвостом, а затем сторожит тело Пинда до погребения. Этот не совсем обычный пример поведения дракона, в котором его функции хранителя трансформируются в покровительство, не единичен. Изображения дракона-покровителя нередко встречаются на боевых

щитах и знаменах у римлян и кельтов, а викинги часто украшали носы своих кораблей фигурами драконов.

В басне Федра лиса прорывает нору в подземную темницу, где дракон стережет клад. На вопрос лисицы, какая польза в подземном бодрствовании дракона, он отвечает, что это – судьба, назначенная ему Юпитером. В заключении басни Федор осуждает скупцов, которым богатство не приносит удовольствий.

Плиний в своем труде о медицинских средствах описывает различия между эффектами укусов ужей, василисков, змей, гадюк, саламандр и драконов, рекомендуя для исцеления от них различные противоядия. Тело дракона, по его мнению, не содержит ядов и его различные части могут служить хорошими лекарствами и снадобьями: голова дракона, зарытая перед порогом, приносит в дом счастье; мазь из глаз дракона избавляет от ночных кошмаров; его зубы и позвонки являются отличными амулетами. Кроме того, Плиний пересказывает историю спасения юноши прирученным им драконом. Однако дракон Плиния мало похож на гигантское мифологическое чудовище. Скорее всего, он называл драконом определенный вид змей.

Плиний также упоминает о сорокаметровом драконе, убитом Регулом во время первой Пунической войны, клыки и шкура которого выставлялись в Риме на всеобщее обозрение в течение нескольких лет, и о поединке дракона со слоном, в котором оба погибают: задушенный кольцами драконьего хвоста слон раздавливает его своей массой.

Творчество греческих и римских мифотворцев, писателей свидетельствует о большом интересе к драконам в античные времена. Этот интерес был унаследован европейским средневековьем.

Обширную информацию о драконах содержат средневековые бестиарии – псевдонаучные трактаты, в которых описания существующих и вымышленных зверей, птиц и даже камней были призваны подтвердить христианские догмы. Вот выдержки из статьи о драконе из бестиария XII века, которую можно назвать типичной: «Дракон – величайший из всех змей и всего живущего на земле. Когда дракон выходит из своей пещеры и устремляется к небу, воздух

вокруг него воспламеняется. У него небольшой рот и длинная тонкая шея, а на спине – гребень». Кроме того, сообщается, что дракон – служитель дьявола и, без всякого сомнения, после смерти попадает в ад.

Однако главный источник средневекового знания о драконах, безусловно, Библия. Если сведения о драконе пришли в Китай вместе с индийским буддизмом, то Европу с ними познакомило христианство. Можно сказать, что Библия заполнена драконами от начала и до конца. В Откровении святого Иоанна Богослова (Апокалипсисе) читаем: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет. И низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не пройдет тысяча лет». Вот еще один отрывок, отождествляющий дракона с сатаной и описывающий его низвержение в ад: «...большой красный дракон с семью головами и десятью рогами... Хвост его увлек с неба треть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца... И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диавол ом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю...» Сатана, в обличье змея искушавший Еву отведать запретный плод, низвержен в ад и в начале священной истории, и в легенде о конце света.

Упоминания о драконе далеко не ограничиваются Апокалипсисом и Книгой бытия. В то время как описание дракона в Апокалипсисе несомненно совпадает с его греческим мифологическим образом, ветхозаветный дракон связан с более древней ближневосточной традицией, в которой распространен сюжет о божестве, убивающем чудовище, чтобы дать начало жизни на Земле. При переводе Ветхого завета с древнееврейского языка на греческий произошла путаница, в результате драконом в Библии зачастую называют то, что в еврейском оригинале им не было, и наоборот.

Так, ошибка переводчиков, назвавших драконом шакала, породила широко распространенное в средневековье мнение о том, что среда обитания дракона – пустыня. С другой стороны, явными чертами дракона обладает Левиафан – огнедышащее чудовище с блестящими глазами, из ноздрей которого вырывается пар.

В средневековой литературе дракон выступает в качестве символа различных бедствий и человеческой алчности. Подобное описание дракона содержится в древнем англосаксонском эпосе «Беовульф». У него гладкая шкура «отвратительного цвета», он летает, дышит огнем, его мясо ядовито. Он живет в пещере в скале на берегу моря, где в течение 300 лет охраняет сокровище, на которое наложено проклятие. После того как грабитель пытается завладеть кладом, дракон свирепеет и начинает набеги на окрестные земли. Король Беовульф вызывается освободить страну от чудовища. Его битва с драконом нелегка. Дракон практически неуязвим: Беовульф не может поразить его кожу мечом, а потом и вовсе разбивает его о голову дракона. Только с помощью своего оруженосца Беовульф поражает дракона в его единственное уязвимое место – небольшое пятнышко на шее. Дракон побежден, но истощенный битвой Беовульф ненадолго переживает своего врага.

Дракон – нередкий персонаж норвежских саг. В них присутствует не встречающаяся больше нигде деталь: многие драконы начинают свою жизнь людьми, но позже, из-за неумеренной жадности, превращаются в чудовищ, стерегущих свои богатства. Таков дракон Фафнир, убитый героем Сигурдом. Перед смертью дракон предсказывает Сигурду всю его последующую жизнь, в том числе и смерть, как результат исполнения проклятия, наложенного на его сокровища. Другой известный скандинавский дракон – Нидхогр, который пожирает корни Древа жизни. Сын верховного бога Одина – Тор убивает дракона, но и сам погибает от полученных в сражении ран. Нидхогр иногда изображается и как хранитель мира людей от первобытного хаоса – дракон, держащий хвост во рту и опоясывающий Землю своим телом. Эта функция дракона-стража широко используется в боевых орнаментах викингов и в оформлении их кораблей.

Однако самый известный драконоборец средневековья – святой Георгий. Легенда о святом Георгии вкратце такова: страну, которой правит старый, беспомощный король, опустошает ужасный дракон, требующий себе в пищу юношей и девушек; после того как жребий падает на королевскую дочь, является герой, который убивает монстра, женится на принцессе и наследует корону; жители королевства принимают христианство. Интересно, что ни римские, ни раннехристианские источники не упоминают о сражении Георгия с драконом, а концентрируют внимание на его мученической смерти. Изображения святого Георгия, поражающего дракона, появились только в XII веке, когда с ним начали связывать более древнюю легенду. По разным версиям, Георгий либо убивает дракона сразу (в том числе и крестным знаменем), либо пленяет его и, связав поясом принцессы, приводит в город, обещая убить его только после того, как определенное число жителей обратится в христианство.

Впрочем, победа над драконом не всегда дается Георгию легко. В книге XVII века «Семь поборников христианства» описывается его ожесточенная битва с чудовищем «блестящим, как серебро, золотым животом, чья шкура тверже, чем латунь». Вырвавшийся из своего логова дракон повергает святого на землю, а копье, брошенное Георгием, разлетается на тысячу осколков. Собравшись с силами, Георгий поражает дракона мечом в живот. Из раны на святого вырывается поток яда, лишаящего его на некоторое время сознания. Придя в себя под апельсиновым деревом, Георгий возобновляет битву, прежде взглянув на небо и получив благословение. Он вонзает меч по самую рукоятку под крыло дракона, где шкура не так прочна, так что меч Аскалон проходит через «сердце, печень, кости и кровь» дракона. От крови дракона вся трава в округе становится красной. Святой Георгий обезглавливает чудовище и благодарит Всемогущего Бога за помощь.

Георгий, безусловно, не единственный христианский святой, победивший дракона. Этот подвиг приписывается святому Филиппу, Леонарду, Матвею, Сильвестру и многим другим. Драконы, противостоящие святым, представляются ужасными чудовищами, однако победа над ними достигается, как правило, легко, что является аллегорией христианского учения о том, что благочестие

легко побеждает порок. Так, святой Донат убивает дракона, плюнув ему в рот, а древненорвежский святой Гутмунд повергает врага молитвой и святой водой.

Битвы с драконами неоднократно описываются в легендах о приключениях короля Артура и его рыцарей. Сэр Тристан, убивший дракона и принесший в качестве трофея его язык королю Корнуолла Марку, получает в жены Изольду. Дракон, с которым сражается сэр Ланселот, появляется из-за надгробия, на котором начертано предсказание о битве с драконом и победе Ланселота. Сам Артур видит в своих вещих снах битву драконов разных цветов, символизирующих реальных противников. А сэр Утер становится королем при помощи дракона, спустившегося с небес.

С началом эпохи Возрождения дракон практически исчезает из литературы. Хотя в своих произведениях о нем упоминают Шекспир, Мильтон, Браунинг и другие, дракон на несколько столетий перестает быть одним из главных литературных персонажей. В словаре Сэмюэла Джонсона, изданном в 1755 году, читаем: «Дракон – вид крылатой змеи, возможно, вымышленный, часто фигурирует в средневековых романах». Слово «возможно» подтверждает тот факт, что в XVIII веке попытки обнаружить дракона среди животного мира все еще не прекращались, однако за ним уже прочно закрепился ярлык «атрибута средневековья».

Дракон снова становится популярным только в XIX столетии, в основном вследствие возросшего интереса к народным сказкам и мифам. О драконах пишут английский поэт Теннисон и немецкие писатели-сказочники братья Гримм. К этому же времени относятся и первые попытки изучения образа дракона в старинных европейских преданиях и легендах.

В детской литературе XX века появляются новые черты дракона – он часто предстает совершенно неагрессивным. Типичным примером нового дракона можно назвать вежливого и дружелюбного Ленивого Дракона из одноименной книжки Кеннета Грэма. Несмотря на то что он наделен всеми основными чертами классического дракона – когтями, длинным хвостом и огнем, извергающимся из его пасти, он добродушен и совсем не напоминает «посланца хаоса». Он любит рассказывать истории, сочинять стихи и

вспоминать о «старых добрых временах, когда драконы водились в изобилии и вообще жизнь была лучше». Святой Георгий вступает с ним в шуточную битву, в которой никто не получает ран. Заканчивается история тем, что Георгий, дракон и жители близлежащего города собираются на праздничный ужин, на котором дракон ведет себя чрезвычайно учтиво и становится душой компании. В сказке Ирвина Шапиро «Джонатан и дракон» жители города долго и безуспешно пытаются различными способами прогнать дракона. Это продолжается до тех пор, пока мальчик Джонатан не залезает ему на спину и шепчет на ухо: «Мистер Дракон, будьте так добры уйти отсюда».

Гораздо больший интерес представляют драконы Дж. Р. Р. Толкиена. Описание дракона Смауга и его смерти в «Хоббите» напоминают классические сцены из «Беовульфа» и норвежских «Эдд». Смауг обладает не только острым зрением, но и превосходными слухом и обонянием. Карлики решают захватить клад дракона и убивают его стрелой, попавшей в его единственное уязвимое место – под крылом. Мертвый дракон тонет в водах озера Эсгарот. Толкиен остается верен древнеанглийской традиции: на сокровища дракона налагается проклятие, и они приносят несчастье карликам и людям, которые овладевают ими из жадности. В «Сильмариллионе» Толкиен развивает собственную мифологию драконов. «Огненные драконы» Урулоки были сотворены Морготом для борьбы со своими врагами – карликами и людьми.

Драконы оставили след и в искусстве. Устрашающие изображения драконов наносились на щиты древнегреческих воинов. Скульптуры драконов-стражей можно видеть и в буддийских храмах, и в христианских церквях. Дракон, свернувшийся кольцом, – распространенный элемент кельтских и скандинавских орнаментов. Победа святого Георгия над драконом – излюбленный сюжет икон и росписей средневековья. Как символ силы и отваги дракон нередко использовался в гербах знатных феодалов и королевских семей.

Дракон не остался без внимания и в наши дни. В 1981 году компания Уолта Диснея выпустила видеоигру «Борец с драконом». Драконы появляются в киноверсиях «Конана-Варвара» и «Легенд о короле Артуре». Ими заполнены фантастические романы. Что же

заставляет человечество в конце XX века снова обращаться к древнейшему из вымышленных образов? Ответ на этот вопрос, возможно, довольно прост: фантазия и мифотворчество – единственная необходимость человеческого существования. Если это верно, то дракону суждена еще долгая жизнь.

ЕДИНОРОГ

Легенда о единороге была известна на Западе, по крайней мере, за четыре века до рождения Христа, а на Востоке появилась и того раньше. Исключая дракона, ни одно другое животное не пользовалось такой необычайно широкой славой. Возможно, такая популярность объясняется загадочностью и необыкновенными способностями единорога: полагали, что он самое удивительное существо, живущее в удаленных от мест обитания человека районах, что он силен и благороден, что становится кротким и покорным в присутствии девственницы, а его рог обладает многими чудесными свойствами. Относительно внешнего вида единорога люди не пришли к общему мнению. С единорогом связано много самых разных символов и аллегорий.

Тема единорога привлекала многих исследователей: Оделл Шепард «Учение о единороге (1930), Ричард Эт-тиндаузен „Единорог“ (1950), Роберт Ридигер Бир „Единорог: миф и реальность“ (1972), Юрген Эйнхорн „Дух единорога“ („*Spiritalis Unicornus*“) (1976), Маргарет Б. Фримен „Гобелены с изображением единорога“ (1976) и другие. В некоторых из названных книг тема освещается поверхностно, но есть среди них и серьезные труды, например, книги Эйнхорна и Фримен.

Большинство людей наделяют единорога телом лошади. На Западе единорога изображали как существо, похожее на лошадь или козла (или на того и другого сразу: тело лошади и борода козла). На Востоке существовали свои традиции. В Китае насчитывалось несколько видов мифологического единорога, из них самый популярный – ки-лин; его описания весьма противоречивы. В Японии известны два вида: ки-рин, схожий с ки-лином, и син-ю, похожий на льва. В мусульманском мире единорога называют какаданн; у него внешность быка, оленя, лошади, антилопы или другого животного, а иногда он имеет даже крылья. Самый необычный единорог персидский – в виде трехногого белого осла с шестью глазами, девятью ртами и золотым рогом.

Считалось, что единороги живут как на суше, так и в море, поскольку существовало поверье, что каждому сухопутному животному должен соответствовать его водяной аналог. Последний мог иметь тело большой рыбы или кита.

Многообразие видов единорога хорошо передал в своем триптихе «Сад земных наслаждений» (ок. 1500) Иероним Босх. В левой части триптиха три единорога: белый с телом лошади, с раздвоенными копытами, прямым рогом со спиральными извивами на голове; другой – бурый, похожий на оленя, на его голове изогнутый рог с округлыми узлами; третий – водяной единорог с туловищем рыбы, головой лошади и бородой козла, плавающий в пруду. По крайней мере, четыре единорога видны среди людей и зверей вокруг пруда. Один в виде белой лошади, его рог усеян короткими острыми шипами; у другого туловище оленя, на голове длинные торчащие уши, козлиная борода и огромный рог. Третий парнокопытный, с лошадиным туловищем и головой и рогом, расходящимся на два отростка. Босх в чем-то отражает традиционные представления различных народов о единороге, но также и привносит в его облик свое.

Многие ученые-натуралисты утверждали, что единорог – не плод воображения людей, а происходит от реальных животных. Большинство считало, что единорог – потомок однорогого азиатского носорога. Хотя внешним видом они явно различаются, сходство между ними все же есть, например в поведении. Подвергшийся нападению единорог очень свиреп, его трудно победить. Его рог, по легенде, обладает целебными свойствами. То же говорили и о носороге.

Происхождение единорога связывали также с антилопами и другими двурогими животными. Из них наиболее вероятным его предком считалась антилопа-бейза, или сернобык; антилопа-орикс – крупное животное с белыми пятнами на туловище и длинными, практически прямыми рогами, – согласимся, такой образ гораздо больше подходит для единорога. Аристотель уверял, что у антилопы один рог: когда животное стоит боком, действительно создается такое впечатление. Кроме того, животное вполне могло родиться однорогим или потерять рог в схватке.

Еще одно существо, родственное единорогу, – нарвал – небольшой кит, обитающий в арктических водах. Из его верхней челюсти растет белый зуб, или бивень, со спиральными извивами.

Существует еще одна гипотеза, объясняющая происхождение единорога. Однорогое животное могло быть получено искусственно, с помощью операции. В 1933 году биолог из университета штата Мэн (США), У. Франклин Дав произвел такую операцию новорожденному йоркширскому теленку. Описывая результаты эксперимента, Дав объяснял, что рога жвачных животных растут не прямо из черепа, а из рогового нароста, или роговой ткани, расположенной над лобными костями. Дав пересадил два роговых нароста в центр лба теленка, совместив их. В результате получилось животное с длинным прямым рогом. Дав свидетельствовал, что взрослое прооперированное животное демонстрировало необыкновенную силу, сходную с той, какую приписывают единорогу: рог придал ему уверенности в себе, поскольку он мог его использовать с большим эффектом. Дав писал, что секрет трансплантации роговых наростов был известен в древнем мире. Например, римский писатель Плиний Старший в одиннадцатой книге своей «Естественной истории» описывает подобный случай; правда, была произведена обратная операция: из одного рога получили четыре, но это свидетельствует и о возможности противоположного.

Родиной единорога считается Индия, хотя это и не бесспорно. Древние писатели упоминают как его возможную родину Африку; существует также мнение, что единорог происходит из Китая.

Первое упоминание об однорогом животном на Западе относится к 400-м годам до н. э. Появилось оно в книге грека Ктесия, прослужившего около 17 лет лекарем при персидском дворе. По возвращении в Грецию он написал две книги – о Персии и об Индии. В последней Ктесий упоминает о больших диких ослах с темно-красными головами, голубыми глазами и голубым туловищем, с рогом на лбу. Если кто-то из такого рога выпьет вина или воды, его не возьмет ни одна болезнь. Ктесий также говорит, что этих ослов крайне трудно поймать живыми, охотники ловят их, только когда они находятся с детенышами, которых не могут бросить.

Трудно сказать, какое животное описал Ктесий. Он никогда не был в Индии и не видел так называемого осла. Кроме того, дикие ослы безрогие, и автор должен был знать это, так как они встречались и в Персии.

Следующее упоминание о единороге находим у Аристотеля. Он писал: «Мы не видели ни одного непарнокопытного животного с парой рогов. Но некоторые, например индийский осел, имеют один рог и являются непарнокопытными. У антилопы один рог и раздвоенные копыта» (История животных. 2.1). Хотя приведенная цитата мало что прибавляет к уже сказанному выше, однако ввиду авторитетности источника мы сочли нужным сослаться на него.

Юлий Цезарь описывает необычного вида однорогое животное, которое якобы обитало в Херкинианском лесу в Германии: «Этот бык похож очертаниями на оленя, из середины лба торчит один рог, больше и прямее, чем все известные до этого. Из его вершины распространяются ветви, подобно раскрытой руке». (Галльская война. 6.26).

Римский писатель Клавдий Элиан, родившийся около 170 года н. э., в книге «Пестрые рассказы» упоминает о трех разновидностях единорога. Первые два схожи с тем, которого описывает Ктесий, а третий представляет собой однорогое животное, которое зовется картазоном и обитает в Индии. Оно «размером со взрослую лошадь, рыжего окраса, имеет гриву лошади и очень быстрое». Между глазами растет черный рог с кольцами, или спиралями. Картазоны не агрессивны по отношению к другим животным, но нетерпимы друг к другу: самцы бьются между собой, нападают даже на самок. В период спаривания нрав самцов смягчается, но с появлением у самок детенышей они снова свирепеют.

Указанные авторы, несомненно, внесли вклад в создание легенды о единороге как о неукротимого нрава, сильном и быстром животном с чудодейственным рогом.

Теперь обратимся к Китаю. Первое упоминание о единорогах в китайских источниках относится к 2697 году до н. э. Исследовавший их Чарльз Гоудд насчитывает по крайней мере 6 видов этих животных: ки-лин, кинг, киох тван, пох, хиаи чаи, ту джон шу. Самый популярный – ки-лин обычно имеет туловище оленя, иногда лошади,

голова может быть львиной или оленьей, хвост бычьим или другого животного, тело может быть чешуйчатым. У ки-лин один либо два рога телесного цвета, иногда окрашен только кончик рога. Ки-лин соединяет в себе мужское (ки) и женское (лин) начала. Существо это нежное, оно даже не в состоянии наступить на острую траву; предпочитает уединенные места. Наряду с драконом, птицей феникс и черепахой ки-лин считался разумным существом.

О единороге имеются упоминания в Библии. Точнее, о животном, которое называлось в Иудее re'em. В большинстве современных переводов его называют зубром или *bos primigenius* – большим свирепым диким буйволом, который вымер несколько веков назад. В II – III веках н. э., когда Ветхий завет переводили с иудейского на греческий, переводчики, не зная значения слова re'em, написали *monoceros* (однорогий). Познее, в IV веке н. э. re'em переводилось как носорог (*rhinoceros*) и иногда как единорог. Так упоминания о единороге появились в Библии.

Сведения о единороге содержатся также в «Физио-логусе» – аллегорическом бестиарии, написанном предположительно между II и IV веками н. э. Переведенный на многие языки, «Физиологус» был очень популярен в разных странах и оказал большое влияние на европейскую литературу и искусство средневековья. Именно в этой книге помещена одна из первых историй о единороге и девственнице.

«Физиологус» описывает единорога как небольшого размера существо, напоминающее молодого козла, с рогом посередине головы. Он очень силен, и охотники его поймать были бессильны, пока не нашли способ справиться с ним. Они приводили девственницу в то место, где обычно появлялись единороги. Единорог тут же становился кротким и клал голову девушке на колени, тут его ловили и отводили во дворец королю. Затем в «Физиологусе» следует аллегорическое толкование истории. Единорог символизирует Христа, рог – его силу и единство Отца и Сына, девственница – Деву Марию, а когда единорог припадает к ее коленям, этот акт сравнивается с зачатием Девой Марией и обретением Христом человеческой плоти. Небольшие размеры

единорога говорят о смирении Христа. Священники первых лет нашей эры также сравнивали Христа с единорогом.

В средние века большинство людей, бесспорно, верили в реальное существование единорога, что доказывалось и в Библии, «Физиологусе» и других книгах. Вера укрепилась после того, как европейцы по возвращении из путешествия на Восток рассказали, что своими глазами видели единорога. Одним из таких путешественников был Марко Поло, который наблюдал «единорогов» на Суматре. Это, по его словам, были огромные и уродливые звери, которые любили валяться в грязи и едва ли подпустили бы к себе невинную девушку, да и никакая девушка не согласилась бы приблизиться к подобным тварям. Очевидно, что на самом деле Марко Поло описал носорогов.

Вера в единорога оставалась непоколебимой и в эпоху Возрождения. Объявилось множество очевидцев, описания единорогов были включены в трактаты по зоологии. Но некоторые писатели уже тогда выражали сомнение по поводу волшебной силы его рога. Скептицизм по этому поводу возрастал в XVII – XVIII веках. Хотя некоторые люди еще в XIX веке считали существование единорога реальностью. Но ученые уже успешно боролись с невеждами. Самый убедительный аргумент против существования единорога высказал французский натуралист Жорж Кювье в 1827 году, доказавший, что ни одно парнокопытное не может иметь один рог, поскольку такое животное имеет разделенные лобные кости и рог не может естественным образом вырасти на месте разделения. Кювье был прав: носорог действительно не является исключением среди парнокопытных и его рог не прикреплен к костям черепа.

В легендах о единороге много символики. И даже если он давно уже не воспринимается как реальное существо, ему продолжают приписывать аллегорическое значение, что, видимо, удовлетворяет давнюю потребность человека прикоснуться к загадочному и мистическому.

Главное, что надо заметить, это то, что на Западе единорог рождает одновременно положительные и негативные ассоциации. Он символизирует храбрость, благородство, мудрость, но вместе с

тем гордыню, ярость и разрушительную силу. Он символ Христа и Дьявола, непобедимой силы Христа и губительной силы Дьявола.

Китайская мифология приписывает ки-лину только положительные качества. Он символизирует мудрость, справедливость и честность. Он появляется только во времена справедливого правителя, а его появление знаменует рождение или смерть мудреца.

Единорог – символ чистоты и непорочности ввиду магической целительной силы, приписываемой его рогу, и ассоциацией с Христом и Девой Марией. В легенде о девственнице он безошибочно распознает ее целомудрие и, если девушка порочна, пронзает ее рогом.

Однако единорог также символ вожделения. И это нетрудно объяснить. Как сильное и могучее животное он ассоциируется с силой самца, его рог – фаллический символ. В «Физиологусе» ничего не говорится о сексуальных действиях девушки, но все же легенда рождает и такую интерпретацию: только существо женского пола может покорить единорога, он кладет голову ей на колени, и она ласкает его. Его покорность похожа на покорность любовника. Арабская версия «Фи-зиологуса» отличается от стандартной, она содержит довольно эротическую историю: девушка в ней тоже непорочна, но лишена скромности, которую можно было бы ожидать от девственницы. Единорог подходит к ней, и она предлагает ему свои груди, которые он начинает сосать. Потом она берет его рукой за рог.

Умерщвление единорога, по христианской легенде, также имеет аллегорическое значение. Охотники – враги Христа, гибель единорога символизирует его мучения и смерть.

Единорогу долгое время приписывали такое качество, как царственность. Элиан упоминает, что молодых единорогов приводили к королю и выставляли на публичное обозрение; в «Физиологусе» плененное животное тоже отводят во дворец к королю. Европейские путешественники рассказывали о единорогах, которые принадлежали правителям Востока. В свете этого понятно, почему изображение единорога часто использовалось в геральдике.

Наиболее известен герб британской королевской армии, на котором единорог и лев изображены как союзники.

Единорогу приписывали и символ воздержания, монашеской жизни из-за его стремления к уединению. Наконец, он символизирует силу и здоровье.

Что же касается самой знаменитой легенды о единороге, о которой мы часто упоминали, то тут надо заметить следующее: многие люди верили, что в основе этого мифа лежит достоверная история. К примеру, единорога привлекает особый сладострастный запах, исходящий от девственницы. Девушка могла очаровать его и другим способом – взглядом или прикосновением к рогу.

Существует еще одна легенда о единороге, согласно которой он обладает способностью очищать воду своим рогом. Такое его свойство описано в греческой версии «Физиологуса»: вода в озере была отравлена змеей и стала ядовитой. Единорог начертал рогом на воде крест, и после этого животные смогли ее пить. Здесь также налицо сопоставление единорога с Христом, который очищает от греха (яда), вызванного Дьяволом (змеей). Единорогу приписывали и способность распознавать рогом яд. Рог покрывался капельками пота при приближении к отраве или ядовитая жидкость закипала, когда в нее опускали рог. Вот почему такой популярностью пользовались кубки и чаши из рога или измельченный рог.

Считалось, что рог обладал чудодейственной силой. Он будто бы излечивал от эпилепсии, лихорадки, других болезней, продлевал молодость и укреплял потенцию. Неудивительно, что стоил он дорого. Во времена Ренессанса торговля рогом велась в широких масштабах. Даже небольшой его кусочек оценивался в целое состояние, рог целиком был поистине бесценным. К 1600 году в Европе насчитывалось по крайней мере 12 рогов.

Врагом единорога издавна считался слон. Они всегда вступали в борьбу, и обычно кончалось тем, что единорог пропарывал слону брюхо. Со львом у единорога тоже были трудные отношения. Но лев мог заманить единорога в ловушку: спасаясь от погони, он устремлялся к дереву и в самый последний момент отскакивал в сторону, единорог же вонзался рогом в дерево, и лев мог легко

расправиться с ним. Льва называют царем зверей, но претендовать на это звание вполне может также и единорог.

Говорили, что единорог обитал в Эдеме и был на Ноевом ковчеге. Но некоторые утверждали, что единорог со своей самкой отказался ступить на ковчег, а по другой легенде самец и самка единороги были настолько неуправляемыми, что Ной сам прогнал их. В некоторых источниках сообщалось, что единорог утонул во время потопа, другие же, наоборот, считали, что он спасся вплавь.

Единорог оставил заметный след в литературе и в искусстве средневековья и эпохи Возрождения. Упоминания о нем встречаются в книгах, его изображают на иллюстрациях, картинах, гобеленах, на предметах культа, шкатулках, медальонах. Пика культ единорога достиг в XV веке. Со второй половины XVI века интерес к нему затухает, но в XX веке он возрождается снова.

Тема единорога, в особенности сюжет о единороге и девственнице, активно развивалась в изобразительном искусстве. Наиболее известные работы – две серии гобеленов конца XV века «Девушка и единорог» и «Охота на единорога». Первая, хранящаяся в музее Клуни в Париже, состоит из шести гобеленов, пять из которых символизируют чувства человека. На нежно-красном фоне на гобеленах изображены цветы, деревья, птицы, обезьяны, другие животные, лев и единорог, единорог и девушка. Другая серия, «Охота на единорога» (музей Клойстерс в Нью-Йорке), включает семь гобеленов. На них изображены охота, убийство, воскрешение единорога и его пленение.

Тема единорога находит воплощение и в литературе. Иногда единорог является центральной фигурой повествования, например в современной фантастике и детской литературе. Единороги в мифах связаны с волшебством и магией, поэтому они часто обитают в сказочных местах и королевствах.

Иногда единорога представляют вовсе не волшебным животным. Так, у Рабле Пантагрюэль видит 32 единорога в Атласной стране, где все птицы и звери изображены на гобелене. В книге Л. Кэрролла «В Зазеркалье» единорог и лев борются за корону.

Шекспир упоминает о единорогах в романтической драме «Буря». Уильям Батлер Йетс в книге «Единорог со звезд» (1908) связывает с

единорогом разрушительную силу, которая приносит обновление и перерождение. Поэма Райнера Марии Рильке «Сонеты к Орфею» (1923) написана под впечатлением от гобелена «Девушка и единорог». Хотя Рильке и не верит в существование единорога, его отображение в искусстве как бы дарует ему духовную жизнь, которая подчас кажется реальнее физической.

В пьесе Т. Уильямса «Стеклянный зверинец» (1945) единорог символизирует одиночество и уязвимость главной героини. В книге К. С. Льюиса «Последняя битва» (1954) единорог борется против сил зла и вместе с другими животными приглашен в рай. В произведении Т. Х. Уайта «Король раз и навсегда» четыре мальчика заставляют кухарку выступить в роли приманки для единорога. И хотя вначале они намеревались оставить единорога в живых, потом жестоко расправляются с ним.

О единороге говорят и пишут и сегодня. Продаются фигурки единорога, различные сувениры с его изображениями. Он частый персонаж художественных произведений и живописных полотен. С ним связано множество символов и аллегорий, и поэтому можно с уверенностью утверждать, что ему предстоит еще долгая жизнь в искусстве и сознании людей.

КЕНТАВР

Классический кентавр – существо с туловищем и ногами лошади и человеческими головой и руками. Однако существует немало вариаций его внешнего вида. Кентавр мог быть и крылатым. Во всех этих случаях он оставался человеком-лошадью. В средние века появились онокентавр (комбинация человека и осла), букентавр (человек-буйвол) и леонтокентавр (человек-лев). В индийском искусстве известно изображение человека с ногами буйвола (или лошади) и хвостом рыбы. Для обозначения существ, не схожих внешне с лошадью, но сохраняющих черты кентавра, в научной литературе используется термин «кентавроиды».

Образ кентавра, видимо, возник в Вавилоне во 2-м тысячелетии до н. э. Кочевники касситы, пришедшие в Месопотамию из Ирана около 1750 года до н. э., вели ожесточенную борьбу с Египтом и Ассирией за владычество на Ближнем Востоке. По границам своей империи касситы воздвигали огромные каменные изваяния богов-хранителей, среди них – кентавров. Одно из них изображало крылатое существо с лошадиным туловищем, двумя лицами – человеческим, глядящим вперед, и драконьим, обращенным назад, и двумя хвостами (лошадиным и скорпионьим); в руках – лук с натянутой тетивой. Другой известный монумент – изваяние классического кентавра без крыльев, с одной головой и одним хвостом, готового выстрелить в противника из своего лука. Разумеется, то, что касситы изображали кентавра в своих скульптурах, вовсе не означает, что они же его и придумали, но, поскольку империя касситов прекратила существование к середине XII века до н. э., мы можем с полным правом утверждать, что история кентавра насчитывает более трех тысяч лет.

Появление образа кентавра говорит о том, что уже во время касситов лошадь играла важную роль в жизни человека. Древнейшее упоминание о лошади – «осле с запада» или «горном осле» – мы находим на глиняной вавилонской табличке, датированной 2100 годом до н. э. Однако прежде чем лошадь стала на Ближнем Востоке

привычным спутником человека, прошли века. Очень вероятно, что кочевники-касситы внесли свою лепту в распространение лошади и колесниц. Возможно, древние земледельцы воспринимали всадников на лошади целостным существом, но, скорее всего, жители Средиземноморья, склонные к изобретению «составных» существ, придумав кентавра, таким образом просто отразили распространение лошади.

Итак, существо, известное как кентавр, появилось на Ближнем Востоке между 1750 и 1250 годами до н. э. и служило духом-хранителем, главным оружием которого были лук и стрелы. Касситы, имевшие обширные торговые связи, принесли кентавра в микенскую цивилизацию, также исчезнувшую к середине XII века до н. э. С Крита он попал в Древнюю Грецию. Изображение битвы Тесея с кентавром на амфоре VIII века до н. э. указывает на то, что к этому времени греки уже успели развить мифологию, вобравшую в себя микенских героев.

В древнегреческой культуре образ и символика кентавра подверглись значительным изменениям. Кентавр Хейрон (и, в меньшей степени, кентавр Фолос) считался мудрым покровителем человечества. Он обычно изображался с ветвями лавра в обеих руках. В «Илиаде» Хейрон – лекарь, друг и учитель героев, создатель хитроумных приспособлений для ведения войны и, наконец, «самый праведный из кентавров».

Однако в целом кентавр остался символом пьянства и насилия. Эта двойственность, возможно, восходит еще к временам касситов, изображавших кентавра с двумя лицами – человеческим и драконьим. В «Одиссее» описана история о том, как кентавр Эвритион, приглашенный на свадьбу Пейритоона, напился вина и попытался обесчестить невесту. В наказание ему отрезали уши и нос и вышвырнули вон. Кентавр призвал своих собратьев к отмщению, и спустя некоторое время произошла битва, в которой кентавры потерпели поражение.

Греки, разводившие и любившие лошадей, были хорошо знакомы с их нравом. Не случайно именно природа лошади ассоциировалась у них с непредсказуемыми проявлениями насилия у этого в общем и целом положительного существа. Греческий кентавр – практически человек, однако его поведение разительным образом меняется под

воздействием вина. Гомер пишет: «Именно вино повинно в бесчинствах, которые известный кентавр Эврителион учинил во дворце великодушного Пейритоона в Лапите. Его разум взбесился от опьянения. И в ярости своей натворил он много бед в доме Пейритоона... С тех пор продолжается вражда между людьми и кентаврами. И он был первым, кто ощутил на себе зло пьянства».

Кентавр был популярным героем росписи ваз. Его художественное воплощение зависело от того, какой кентавр был изображен на вазе. Два самых «цивилизованных» кентавра – Хейрон и Фолос – обычно изображались с ногами человека, в то время как вся задняя часть их тел оставалась лошадиной. Хейрон почти всегда одет, у него могли быть человеческие уши. Фолос, напротив, чаще всего предстает обнаженным и непременно с лошадиными ушами.

Кентавр с четырьмя лошадиными ногами воспринимался греками скорее как животное, чем как человек. Несмотря на человеческую голову, его уши – почти всегда лошадиные, а лицо – грубое и бородатое. Кентавра, как правило, изображали обнаженным, с мужскими и конскими гениталиями одновременно. Образ кентавра, безусловно, не был общим для всей Греции: в континентальной ее части кентавров изображали с всклокоченными длинными волосами, а в Ионии и Этрурии – с короткими. Эти существа не обязательно имели при себе лук – чаще бревно или булыжник. Классическим можно назвать изображение смерти Каиня в битве при Лапите: кентавры погребают умирающего героя под горой бревен и камней.

На вазе работы Клития (560 до н. э.) изображены оба вида кентавров: с одной стороны – Хейрон, одетый в хитон и возглавляющий процессию богов в честь новобрачной пары (Пелея и Фетии), дружески приветствует жениха; на обратной стороне – сцена битвы при Лапите. Роспись символизирует двойственность природы кентавров, противопоставляя Хейрона, подчинившегося порядку, который установлен людьми, и других кентавров, которые угрожают этому порядку своим диким нравом.

Эти два типа – не единственные, а лишь наиболее распространенные в Греции. Кроме них изображались крылатые кентавры, указывающие на то, что кассит-ская традиция не умерла окончательно. Несколько кипрских терракотовых фигур VII века до н.

э. можно с полным основанием назвать «кентавроидами». В отличие от Минотавра с туловищем человека и головой буйвола у этих существ имеются человеческие головы (иногда – с рогами) и тела буйволов, что, вероятно, связано с культом бога плодородия – быка.

Не меньшую загадку, чем сам образ кентавра, представляет его имя. Ни Гомер, ни другой древнегреческий поэт Гесиод, упоминая о кентаврах, не описывают их наружность, если таковой, разумеется, не считать характеристику «волосатые люди-звери». Хотя изображения лошадей с человеческими головами встречаются начиная уже с VIII века до н. э., нет никаких оснований полагать, что во времена Гомера представление о «полузвериных» существах было настолько распространенным, что не нуждалось в комментариях. Современный английский писатель Роберт Грейвс, много обращавшийся в своем творчестве к эпохе античности, считал, что кентаврами Гомер именует представителей воинственного племени, которые поклонялись лошади. Под предводительством своего царя Хейрона кентавры выступили против своих врагов лапитов совместно с ахейцами.

Споры о происхождении слова «кентавр» никогда не утихали. По разным версиям, оно могло произойти от латинского «центурия» – «сотня» или греческих «центрон» – «козел», «кентео» – «охотиться, преследовать» и «таврос» – «бык».

Первым древнегреческим поэтом, упомянувшим о лошадиной природе кентавров, был Пиндар (ок. 518– 442 или 438 до н. э.). В «Пифиане» он говорит о возникновении кентавров. Лапит по имени Иксион влюбляется в Геру, и Зевс в отместку посылает к нему облако, напоминающее по виду богиню, Иксион совокупляется с облаком, и оно рождает ему ребенка: «Мать эта принесла ему чудовищное потомство. Не было никогда ни такой матери, ни такого ребенка, которого не приняли ни люди, ни боги. Она вырастила его и нарекла Кентавром. От его союза с магнезийской кобылицей произошло небывалое племя, нижнюю часть унаследовавшее от матери, а верхнюю – от отца». С другой стороны, согласно Пиндару, происхождение Хейрона было совершенно иным. Он – «сын Филера, потомка Крона, который некогда правил огромным царством и был сыном Небес». Хейрон женился на девушке по имени Харико, и у них

родились вполне человеческого вида дочери. Он, видимо, был единственным «домашним» кентавром. Именно Хейрон являлся воспитателем Ахилла и Геркулеса.

История другого кентавра – Нессоса – дошла до нас благодаря трагедии Софокла (V век до н. э.). Геракл везет к себе в дом свою невесту Дейанейру. Кентавр зарабатывает перевозом людей через реку Эвен. Дейанейра садится к нему на спину, чтобы перебраться на другой берег, но посередине реки Нессос хватает ее и пытается обесчестить. Геракл спасает невесту, пронзая кентавра копьем в грудь. Умирая, Нессос советует Дейанейре собрать его кровь и использовать ее в качестве приворотного зелья в случае, если Геракл когда-нибудь полюбит другую женщину. Дейанейра обмакивает в кровь кентавра край туники. Когда Геракл надевает тунику, пропитанная ядом ткань прилипает к его телу и причиняет такую мучительную боль, что он бросается в огонь. Если в Греции кентавр был воплощением животных качеств, несовместимых с человеческой натурой, необузданных страстей и неумеренной сексуальности, то в Древнем Риме он превратился в миролюбивого спутника Диониса и Эроса. Наибольший вклад в формирование римского варианта образа кентавра сделал, безусловно, Овидий (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) в «Метаморфозах». Поэт вносит множество деталей в историю женитьбы Пейритоона и последовавшего затем сражения. В битве участвуют не только Фолос и Нессос, но и другие кентавры, являющиеся плодом воображения Овидия. Среди них наибольший интерес представляют Циллар и Гилонома.

Циллар – юный, белокурый кентавр, Гилонома – его возлюбленная, девушка-кентавр с длинными волосами, украшенными розами, фиалками и белыми лилиями, «прекрасней которой не было в лесах». Когда Циллар погибает в битве, Гилонома бросается на копье, пронзившее ее возлюбленного, и сливается с ним в последнем объятии. Эта история прекрасного кентавра, его женственной возлюбленной, их верной любви и трогательного самоубийства контрастирует с образом дикого и необузданного греческого кентавра.

Древнейший из дошедших до нас гороскопов был составлен около 410 года до н. э. в Вавилоне. Не вызывает сомнений то, что

зодиакальный Стрелец (Кентавр), так же как Скорпион и Козерог («антилопа подземного океана» Эя), – образы, навеянные касситскими пограничными монументами. Наряду с созвездием Кентавра-Стрельца существует и Южный Кентавр. Под именем зодиакального Козерога кентавр перешел и в искусство исламского мира.

Закрепление кентавра в качестве одного из зодиакальных символов сыграло свою роль в том, что память о нем сохранилась и в средневековье. В bestiариях образ онокентавра, человека-осла, однозначно связывали с дьяволом. Средневековый кентавр всегда изображался облаченным в тунику или плащ и непременно держащим боевой лук в руках. Таким его можно увидеть на гербе английского короля Стефана I. Существуют и изображения кентавра с человеческими руками, неуклюже стоящего на единственных задних лошадиных ногах.

На байонском гобелене, запечатлевшем сцены нормандского завоевания Англии (XI век н. э.) в эпизоде, изображающем Гарольда на пути к Вильгельму Завоевателю, присутствуют пять длинноволосых одетых кентавров, двое из них – крылатые. А в эпизоде «Гарольд спасает двоих солдат» изображен кентавроид с львиными лапами. Каменное изваяние еще одного леонтокентавра можно увидеть в Вестминстерском аббатстве в Лондоне.

В «Божественной комедии» Данте встречаем Хейрона, Нессоса и Фолоса в седьмом круге ада, где они сбрасывают в реку из кипящей крови души «насильников». Данте удается в небольшом отрывке перечислить большинство мифологических черт кентавров. Когда Хейрон замечает Данте и Вергилия, он достает стрелу из колчана, висящего у его бедер, и расправляет бороду, чтобы она не мешала ему разговаривать. Хейрон не лишен интеллекта: он видит, что нога «того, кто позади, передвигает то, чего касается», и понимает, что Данте жив. Нессос вспоминает свое прижизненное ремесло и перевозит Данте и Вергилия через кровавую реку Флегетон. Кентавры седьмого круга – «хранители и распорядители вечной справедливости».

Единственное, что упустил Данте в описании «быстроногих зверей», – не указал их лошадиную природу. Образованный

итальянец, вне всякого сомнения, не только читал Овидия, но и видел бронзовых римских кентавров, полагая, что его читатели не хуже знакомы с ними. Однако иллюстраторы комедии, похоже, имели на этот счет значительный пробел. Один из них изобразил кентавра с человеческой головой, растущей прямо из груди лошади, разумеется, без рук и торса. Стоя перед задачей изобразить кентавров-лучников, художник совершенно растерялся и нарисовал их просто как обнаженных мужчин.

В «Истории Трои» Лефевра кентавр по непонятной причине становится союзником троянцев. Кентавр «с гривой, как у лошади, глазами красными, как угли, метко стрелял из своего лука; зверь этот вселял ужас в греков и многих из них поразил своими стрелами». Видимо, именно эта история была известна Шекспиру. В «Троиле и Крессиде» герой Троянской войны Менелай говорит: «Ужасный кентавр вселил страх в наших воинов». В кентавре Шекспира возрождается греческий образ этого существа – угроза общественному порядку.

В XIX веке образ кентавра привлек к себе еще больший интерес в литературе и искусстве. Гете сделал Хейрона одной из центральных фигур в описании Вальпургиевой ночи в «Фаусте». Здесь Хейрон снова становится мудрым и добрым существом. Именно он отвозит Фауста на встречу с Еленой. Для Гете Хейрон – олицетворение мужской красоты – «он получеловек и безупречен в беге».

Кентавра изображали на своих полотнах и в оккультурах Боттичелли, Пизанелло, Микеланджело, Рубенс, Беклинг, Роден, Пикассо и многие другие. Ему посвящено множество литературных произведений и научных трудов. В XIX веке кентавр также не остался забытым.

МАНТИКОРА

Мантикора, возможно, самое кровожадное и опасное из вымышленных существ. У нее туловище льва, человеческое лицо, голубые глаза и голос, подобный звучанию свирели. Но главные и самые ужасные ее черты – три ряда зубов во рту, ядовитое жало на конце хвоста, как у скорпиона, и отравленные шипы на хвосте, которые мантикора может выстреливать в любом направлении. Наконец, «мантикора» в переводе с фарси означает – «людоед».

Первое упоминание о мантикоре мы встречаем в книгах уже хорошо знакомого читателю греческого врача Ктесия. Благодаря Ктесию грекам стали известны многие персидские мифы. Дальнейшие греческие и римские описания повторяют основные признаки ман-тикоры, данные Ктесием, – покрытое рыжей шерстью львиное туловище, три ряда зубов и хвост с ядовитым жалом и отравленными шипами. Аристотель и Плиний в своих трудах прямо ссылаются на Ктесия.

Однако наиболее полное древнее описание мантикоры сделано во II веке н. э. Элианом. Он приводит несколько любопытных подробностей: «Всякого, кто приближается к ней, она поражает своим жалом... Ядовитые шипы на ее хвосте по толщине сравнимы со стеблем камыша, а в длину имеют около 30 сантиметров... Она способна победить любое из животных, за исключением льва». Хотя очевидно, что Элиан, как Аристотель и Плиний, черпал свои знания о мантикоре у Ктесия, он добавляет, что подробные сведения об этом чудовище содержатся в труде историка Книда. Во II веке н. э. Филострат из Лемноса упоминает о мантикоре как об одном из чудес, о которых Аполлоний расспрашивает Иарха на холме мудрецов.

Хотя о мантикоре редко говорится в древних научных книгах, ее описаниями изобилуют средневековые бестиарии. Оттуда мантикора переключалась в естественнонаучные труды и фольклорные произведения. В XIII веке о ней писал Варфоломей Английский, в XIV – Уильям Кэкстон в книге «Зеркало мира». У Кэкстона три ряда зубов мантикоры превратились в «частокол огромных зубов в ее горле», а

ее голос, подобный мелодии свирели, становится «сладким змеиным шипением, которым она притягивает к себе людей, чтобы затем пожрать их». Это, по-видимому, единственный случай, когда мантикора оказалась перепутанной с сиреной.

В эпоху Возрождения мантикора попадает на страницы «Истории животных» Конрада Геснера и «Истории четвероногих зверей» Эдварда Топселла. Начиная с XVIII века мантикора не упоминается ни в одном серьезном научном труде, за исключением посвященных исследованию мифов.

Как уже говорилось, на протяжении веков в описание манतिकоры были привнесены лишь малозначительные детали. К примеру, Плиний пишет, что ее глаза не голубые, а зеленые, Варфоломей Английский говорит о том, что «у нее покрытое шерстью тело медведя», а на некоторых средневековых гербах мантикора изображена с кривым или спиралевидным рогом на голове, а иногда с хвостом и крыльями дракона. Однако такие изменения, сделанные разными авторами, мало сказались на общем представлении о мантикоре – со времен Ктесия существует только одна «разновидность» манतिकоры.

Хотя происхождение манतिकоры неоднократно пытались связать с индийским зверем «макара», европейским волком-оборотнем и другими существами, правильнее всего, очевидно, будет сказать, что она «происходит» от индийского тигра. Это предположение высказал еще во II столетии н. э. комментатор Ктесия греческий писатель Павсаний. Он считал, что челюсти с зубами в три ряда, человеческое лицо и хвост скорпиона – не что иное, как «фантазия индийских крестьян, испытывающих ужас перед этим животным». По мнению Валентайна Болла, легенда о трех рядах зубов могла возникнуть из-за того, что коренные зубы некоторых хищников имеют несколько острых рядов на каждом, а жало манतिकоры – ороговевший участок кожи на кончике хвоста тигра, напоминающий своим видом коготь. Кроме того, по индийскому поверью, усы тигра считаются ядовитыми. Уилсон полагает, что древние персы увидели человеческое лицо манतिकоры на индийских скульптурах тигра-божества.

В средние века мантикора стала эмблемой пророка Иеремии, поскольку она – существо подземное, а Иеремия был сброшен

врагами в глубокую яму. В фольклоре мантикора стала символом тирании, зависти, зла вообще. Еще в конце 30-х годов нашего столетия испанские крестьяне считали мантикору «зверем плохих предзнаменований».

Начиная со средних веков мантикора приходит в художественную литературу. В романе XIII века «Царь Александр» говорится о том, что у берегов Каспия Александр Македонский потерял в битвах со львами, медведями, драконами, единорогами и мантикорами 30 тысяч своих воинов. В поэме Джона Скелтона «Воробей Филипп» (XVIII век) маленькая девочка, обращаясь к коту, убившему ее любимую птичку, говорит: «Пусть твой мозг съедят горные мантикоры». В пьесе Джорджа Уилкинса «Несчастья насильственного брака» один из героев с «мантикорами, врагами человечества, у которых два ряда зубов» сравнивает ростовщиков.

Мантикора – один из зверей-искусителей в новелле Флобера «Искушение святого Антония». У Флобера мантикора – тоже рыжий лев с человеческим лицом и тремя рядами зубов; кроме того, она распространяет чуму.

В XX веке мантикора изображается несколько более «человеколюбивой». В басне Менотги «Единорог, Горгона и Мантикора» последняя говорит о том, что на самом деле очень любит людей и только из-за одиночества, застенчивости и желания поделиться своей любовью иногда кусает, а точнее, целует их руки. А в некоторых детских книжках мантикора превращается в веселое, доброе и ранимое существо.

В фантастическом рассказе Пирса Энтони «Заклинание хамелеона» мантикора, «существо, размером с лошадь, с головой человека, телом льва, крыльями дракона и хвостом скорпиона», охраняет дом доброго волшебника.

Изображения мантикоры встречаются не чаще, чем упоминания о ней в литературе. Большинство из них книжные иллюстрации. В отличие от ученых и писателей художники позволяли себе относиться к образу мантикоры с большей долей фантазии. Мантикору изображали и с длинными женскими волосами, и со стрелами на хвосте. Единственное изображение трех рядов зубов можно увидеть в вестминстерском бестиарии. Мантикора украшает

карту мира Герефорда XIII века. Самая подробная иллюстрация воспроизведена в бестиарии XVII века. На ней изображено существо с головой мужчины, туловищем льва, хвостом скорпиона, крыльями и когтями дракона, коровьими рогами и козьим выменем.

Картинки из бестиариев вдохновляли многих декораторов христианских храмов. Изображение мантикоры можно увидеть на восьмигранной колонне в аббатстве Сувини, на мозаиках в кафедральных соборах в Аосте и в Каоре, где мантикора олицетворяет святого Иеремию.

За свою более чем двухтысячелетнюю историю мантикора мало изменилась и, несмотря на предпринимаемые в нынешнем веке попытки придать ей добродетельные черты, остается символом кровожадности.

МЕДУЗА ГОРГОНА

Имя «Горгона» известно с глубокой древности. Задолго до Гомера греки называли «горгонейоном» маску-талисман, которую изображали на одежде, предметах обихода, оружия, инструментах, украшениях, монетах и фасадах зданий. Уже в те древние времена мифы о Горгоне и Медузе тесно переплелись и эти имена практически стали синонимами.

Горгона наделена невероятно коварной красотой, завораживающей любого, кто взглянет на нее. В зависимости от обстоятельств ее жертва окаменевает, теряет дар речи, лишается чувств или умирает. Силу Медузы можно обратить против нее самой или использовать в борьбе с другими противниками.

Согласно различным, зачастую противоречивым, источникам, Медуза – женское существо. Легенда о Медузе Горгоне окончательно сформировалась к VIII веку до н. э. В эпоху Гомера Горгона была настолько известным персонажем, что он просто упоминает о ней в своих поэмах, не излагая ее истории, которая, как, видимо, он считает, прекрасно известна грекам. Зевс вселял ужас в своих врагов щитом Афины – эгидой, на котором была изображена голова Горгоны. Ни один из античных авторов не упоминает о том, каким образом она обрела свои незаурядные способности. В гомеровские времена изображения Медузы были распространены повсеместно: их можно увидеть на монетах, бокалах для вина, хлебных формах, над входной дверью и у домашнего очага во многих афинских домах. Считалось, что капли ее крови в амулете предохраняют владельца от несчастий.

После Гомера значительный вклад в развитие образа Медузы сделал Гесиод (конец VIII—VII век до н. э.). В поэмах «Теогония» и «щит» упоминаются две из пяти сестер Горгоны – Стено и Эвриала – чудовища, живущие на краю мира, а также описывается смерть Горгоны от руки Персея. По сравнению с беглыми упоминаниями и намеками Гомера это уже огромная информация. Эсхил (525—456 годы до н. э.) добавляет к ней еще несколько деталей. В «Прикованном Прометее» он говорит о сестрах Медузы – крылатых

женщинах со змеями вместо волос и смертоносным взглядом. В двух других трагедиях Эсхила образ Медузы олицетворяет отвратительность зла и безжалостность человека.

Однако особенно интересные поправки к истории о Горгоне делает в «Двенадцатой пифийской оде» Пиндар. В отрывке о происхождении флейты он говорит, что инструмент был создан Афиной, впечатленной криками сестер Горгоны в день ее смерти. Пиндар описывает красоту и привлекательность Медузы, вдохновлявшую поэтов-романтиков на протяжении многих столетий. От него же исходят сведения о том, что жертвы Горгоны окаменевают от ее взгляда.

Свою лепту в развитие мифов о Медузе внес Еврипид (V век до н. э.) в «Ионе». Героиня этой поэмы Креза описывает два небольших полых амулета, доставшихся ей от отца – Эрихтония, который, в свою очередь, получил их от Афины. Каждый из амулетов содержит каплю крови Медузы. Одна из капель – благотворная, обладающая целительными свойствами, другая – яд из змеиного тела. Здесь, как и у Пиндара, Медуза – существо двойственное.

Наиболее известное, полное и значительное по своему воздействию на европейскую мифологию описание Горгоны сделано Овидием в четвертой и пятой книгах «Метаморфоз». В его истории главным персонажем становится смелый, дерзкий и жестокий герой Персей. Для того чтобы подчеркнуть значимость победы Персея над Медузой, Овидий подробно говорит о происхождении и чудовищных способностях его змее-волосой соперницы. Именно описанию Овидия в своем большинстве следовали писатели и художники последующих столетий.

Под пером Овидия история Медузы превратилась в легенду. Дочь Форция, сына моря и суши, и Цето, Медуза принадлежит к младшей тройне сестер Горгон (по Овидию, старших сестер Горгон – Грей – было две, они родились уже старыми, с одним глазом на двоих и с одним зубом в общем рту). Хотя у всех трех младших Горгон вместо волос змеи, только Медуза обладает чудесным даром завораживать людей взглядом (и в положительном, и в отрицательном смысле этого выражения) и только она одна из трех сестер смертна. Персей избегает ее прямого взгляда и отрубает спящей Медузе голову, глядя

в ее отражение на своем отполированном щите. Из крови, хлынувшей из раны, «как из материнского чрева», появляются сыновья Медузы – Пегас и Хризаор. Их отцом, видимо, следует считать Персея.

Персей прячет отрубленную голову в сумку, подаренную ему для этой цели Афиной. Сила Горгоны не действует, пока ее голова в этой сумке. На обратном пути в Эфиопию Персей трижды вынимает голову поверженной соперницы. В первый раз, в пустыне, он несет голову перед собой. Из тех мест, куда капает кровь Горгоны, выползают змеи. Во второй раз Персей направляет взгляд Горгоны на ливийского царя Атласа, который не поверил рассказу воина о своих подвигах и отказал ему в гостеприимстве. За это Атлас был превращен в каменистую гору. Наконец, в третий раз Персей вынимает голову из сумки при встрече со своей возлюбленной Андромедой. Он кладет голову лицом вниз «среди папоротников и водорослей», и магический взгляд Медузы превращает водоросли в кораллы. Это превращение – самый чудесный эпизод в истории о Медузе. Овидий уже не упоминает об опасности, которую представляет голова Горгоны.

В завершение героического рассказа Овидий еще раз излагает родословную Медузы и упоминает о проклятии, наложенном на нее ревнивой и завистливой Афиной. Он рассказывает о том, что в юности Горгона была очень красивой и волосы были ее главной гордостью. Однако все изменилось после того, как Посейдон насильно овладел ею в храме Афины. Разгневанная осквернением своего святилища (а может быть, и из зависти к красоте Медузы), Афина направила на нее свой щит и, превратив роскошные волосы в змей, изгнала ее из своего храма на вечные времена. С тех пор на щите Афины изображена голова Медузы, устрашающая врагов.

После Овидия единственным из классических продолжателей истории Медузы был Аполлодор. В «Библиотеке» он скрупулезно излагает все известные ему варианты легенды. И хотя большинство последующих исследователей и писателей ссылались не на него, а на Пиндара, Овидия и даже на невразумительные упоминания Гомера, именно Аполлодор был лучшим комментатором истории о Медузе и сделал больше других для того, чтобы она стала известной

последующим поколениям. Упоминания о Медузе можно также найти в «Симпозиуме» Ксенофана и в «Пантеоне» Лукиана.

Вопрос о том, можно ли связывать возникновение мифа о Медузе с универсальным поверьем о «дурном глазе», как это делали ранние исследователи, остается открытым. Среди мифов народов Скандинавии, Индии, австралийских аборигенов, американских индейцев и эскимосов немало таких, в которых говорится о людях, обращенных в камень «дурным взглядом». В бразильских преданиях фигурирует птица, способная обращать в камень всякого, кто видит ее; некоему охотнику удалось обезглавить такую птицу, не глядя на нее, и затем использовать ее голову против своих врагов. Как видим, история Горгоны не ограничивается циклом легенд о Персее.

Неизвестно, когда возник обычай наносить на боевые щиты устрашающие рисунки, психологически воздействующие на противника и потому будто бы делающие его более уязвимым. Такие изображения зачастую служили и «средством» против «дурного глаза». Их можно было видеть на носу кораблей, зданиях, медальонах для детей и домашних животных. Хотя миф о Горгоне не был ни причиной, ни следствием поверья о «дурном глазе», именно благодаря ему в обиход вошли амулеты-горгонеионы.

Изображения Медузы встречаются не только в древнегреческом и римском, но и в древневосточном искусстве. Один из хорошо сохранившихся примеров – предметов с таким изображением – знаменитая мраморная маска, датируемая V веком до н. э. и хранящаяся в художественном музее Монако. В отличие от большинства античных горгонеино маска отражает негативные черты образа Горгоны, доведенные до карикатурного вида. С другой стороны, лик монакской Медузы без преувеличения можно назвать прекрасным – практически круглое, гладкое женское лицо с немного опущенными веками. Под ее подбородком сплелись две змеи. Именно эта Медуза привела в восхищение Гете, увидевшего ее во дворце Ронданини в Риме. «Изображение прекрасного лица, объятого предсмертной агонией, в благородной полупрозрачности желтого камня неописуемо удачно», – писал Гете. Эту маску иногда называют Медузой Ронданини.

Хорошо сохранившиеся изображения Медузы можно увидеть на древнегреческих амфорах. На ранних из них преобладают черты Медузы-чудовища, гротескной воительницы, обезглавливаемой Персеем. Позднее, когда образ Горгоны перестал восприниматься однозначно негативно, интерес к сцене обезглавливания упал: стоило только Горгоне заслужить некоторую долю симпатий, публика перестала получать удовольствие от сцен ее смерти. Медуза стала жертвой, красивой и трогательной в своей гибели.

Медуза Горгона – одна из самых известных фигур греческой и римской мифологии. Яркость ее описаний в европейской литературе и изображений в искусстве в значительной мере зависит от того, насколько близки творения позднейших писателей, художников к античным источникам. Доступ к таким источникам после падения римской цивилизации оказался довольно затрудненным. Образ Медузы продолжал жить в сказаниях и легендах, но только в средневековье вернулся в литературу и изобразительное искусство.

Типичным для средневекового восприятия Горгоны можно считать отрывок из девятой песни «Ада» Данте. Ее образ в интерпретации христианина Данте выступает как сочетание красоты и ужаса; Медуза – олицетворение противоречивых желаний, ей противопоставлен образ добродетельной Мательды. Медуза последнее, самое сильное искушение Данте, путешествующего по аду. Он добивается искупления грехов, избегнув взгляда Медузы благодаря своему проводнику Вергилию, прикрывшему его глаза рукой.

Как это ни странно, Медуза Данте выглядит совершенно непривлекательной на иллюстрациях к «Аду» такого крупного мастера, как английский художник Уильям Блейк (1757—1827): она смотрит на ворота города Дис невыразительным каменным взглядом, пока нечетко выписанный на рисунке Данте проходит мимо нее в сопровождении Вергилия. Как и многие другие, эта иллюстрация Блейка имеет мало общего с содержанием произведения Данте, изобразившего «чудесный» ад, в котором чудовища превратились в ручных животных, а пламя не обжигает.

Большинство средневековых упоминаний о Медузе содержат негативную оценку ее образа. Авторы часто противопоставляют ее

Афине как символ зла и добра, пророка и добродетели, похоти и целомудрия. Изображенная на щите Афины Медуза в эту эпоху становится олицетворением беспорядка, ярости, сумасшествия и смерти.

Петрарка называет свою любовь к Лауре «грехом идолопоклонства» и сравнивает свою возлюбленную с Медузой: «Медуза и мой грех меня окаменили». Позднее, в «Триумфе целомудрия», Петрарка вводит образ, ставший популярным в любовной лирике эпохи Возрождения, – Лауры-Афины – олицетворения добродетели и целомудрия, обороняющейся щитом с изображением Горгоны. Этот сюжет можно встретить у таких крупных поэтов средневековья, как Дю Белле (в поэмах, адресованных Маргарите де Валуа), Спенсер (в «Эпиталамионе», «Чудесной королеве»), Мильтон (в «Комусе»).

На бронзовой скульптуре Персея работы Челлини (1553) герой держит за волосы голову Горгоны (по которой одной только и можно догадаться, что изображен именно Персей). Горгона совсем не выглядит опасной. Более того, ее лицо – копия лица Персея: тонкие брови, чувственные губы, правильной формы нос и немного прикрытые глаза. Даже их волосы похожи на голове Медузы не змеи, а мелкие кудри.

Медуза Челлини – непревзойденное изображение этого сложного и противоречивого образа в искусстве, как и Медуза Овидия в литературе. Все последующие творцы не смогли выйти из тени этой прекрасной статуи. Глуповатый Персей у Караваджо, похоже, больше обеспокоен тем, чтобы змеи с головы Медузы не укусили в нос его самого. Столь же мало впечатляет фигура Персея в звездном атласе Яна Гевелиуса (1687): герой тащит за собой по небесному пространству голову Горгоны с полным, плоским лицом размером едва ли не с торс Персея.

Любопытное описание Медузы содержится в «Истории четвероногих зверей» Эдварда Топселла (1607). По характеристике автора, Медуза – существо с драконьим хребтом, зубами дикого кабана, ядовитой гривой, крыльями, человеческими руками и смертельным дыханием. По Топселлу, Медуза живет в Африке, в Ливии. Вопреки традиции, он утверждает, что Горгона – не человек и,

более того, существо мужского пола, имеющее размер, средний между теленком и быком. Впрочем, это не единственное свидетельство о Горгоне как о «мужском существе». В таком же качестве она появляется в трагедии Шекспира: с Медузой разгневанная Клеопатра сравнивает Антония.

Возникновение нерационалистического течения в искусстве, начавшегося с «доромантиков» Руссо и Гете, вдохнуло в образ Медузы новую жизнь. Никогда еще с античных времен ей не уделяли столь пристального внимания. Романтики видели в ней не просто мифологическую Горгону по имени Медуза, а образ мрачной женщины, наделенной непреодолимо опасной красотой, истинное имя которой – Смерть. Восхищение поэтов и художников возвело ее в ранг музы. Она вдохновляла Эдгара По, Бодлера, Колриджа, Китса, Шелли, Россетти д'Аннунцио и других.

Шелли впечатлила картина из галереи Уффици во Флоренции, которую ошибочно приписывали Леонардо да Винчи, на самом деле принадлежащая кисти неизвестного фламандского живописца. На ней голова Медузы окружена дымкой, в которой угадываются силуэты змей, летучих мышей и других зловещих существ. Ее полуоткрытый рот извергает ядовитое облако.

В конце XIX века Медузе примерили новую маску. Созданное в 1895 году бельгийцем Фернандом Кнопффом полотно «Кровь Медузы» вошло в число классических произведений символизма. На нем нет крови, но запечатлено загадочное женское лицо с тонкими чертами. Взгляд женщины направлен вперед. Ее зрачки расположены необычно близко к уголкам прозрачных глаз. Небольшая змея с открытой пастью, в которой виден ядовитый зуб, выползает из-за высокого воротника платья женщины. Две другие змеи преданно расположились около ее висков.

На известной иллюстрации английского графика Бердсли к «Саломее» Оскара Уайльда «Награда танцовщицы» (1894) Саломея держит за волосы голову не Иоанна Крестителя, а Медузы. Две женщины, танцовщица и ее муза – Горгона, смотрят друг на друга в восхищении.

Новый взгляд на историю Медузы, сложившийся к началу XX века, нашел воплощение в скульптуре ученицы Родена Камиллы Клодель

«Персей и голова Медузы» (1898 – 1902). Отразилось в ней и то, что незадолго до того, как к ней пришел замысел скульптуры, ваятельница поссорилась со своим учителем. Ее Горгона не выглядит ужасным существом. Но и не прекрасной женщиной. Изогнув левую руку, Персей держит ее голову над своей. Морщины на обвисших щеках Медузы подчеркивают контраст между нею и юным Персеем. Скульптура Клодель скорее изображает достойную зрелую женщину, в результате трагических недоразумений попавшую под власть молодого, глуповатого победителя.

Среди современных литературных интерпретаций мифа о Медузе Горгоне, безусловно, заслуживает внимания пьеса Эмилио Карбаллидо «Медуза» (1958). Карбаллидо превращает древнюю легенду в экзистенциальную аллегорию. Персей получает задание убить чудовище – Медузу. В какой-то момент герой понимает, что он – не меньшее чудовище, чем сама Медуза. Он пытается разобраться в себе и оправдать необходимость убийства, но в результате все больше отделяется от привычного ему общественного порядка. Медуза становится у Карбаллидо символом избавления от иллюзий. Она помогает юноше – герою пьесы уйти от стереотипного взгляда на несовместимость добра и зла.

Со времен Пиндара Медуза Горгона совмещает в себе одновременно ужас и очарование. Она олицетворяет слияние в человеке хаоса и порядка, свободы и самоограничения, сознания и подсознания. Кое-кто может предположить, что мифы – отражение заблуждений древности. Скорее они – зеркало человеческой души.

МИНОТАВР

Минотавр – бык Миноса, царя Крита, по легенде, был получеловеком-полубуйволом, о котором вспоминают в основном в связи с мифами о подвигах Тесея. Хотя существуют изображения Минотавра, относящиеся к архаичному периоду в истории Древней Греции, первые упоминания о нем в дошедших до нас античных источниках сделаны Аполлодором и Плутархом.

История Минотавра, изложенная Аполлодором в «Библиотеке», такова: Астерий, правитель Крита, взял в жены дочь финикийского царя Европу и усыновил ее детей – Сарпедона, Радамантия и Миноса, сыновей Зевса. Повзрослевшие братья поссорились на почве любви к юному Милету, сыну Аполлона и Арии. Началась война, в результате которой Миносу удалось изгнать братьев и захватить власть на всем Крите. Чтобы закрепить свою победу, Минос пытается заслужить покровительство богов. Он просит Посейдона прислать из морских глубин быка, обещая принести его в жертву богам. Посейдон выполняет просьбу, но Минос приносит в жертву другого быка. Разгневанный нарушением данного ему обещания, Посейдон наделяет быка свирепым нравом и вселяет в жену Миноса Пасифаю любовную страсть к быку. Пасифая просит Дедала, афинянина, сосланного на Крит за убийство, придумать способ, позволивший бы ей утолить свою страсть. Дедал вырезает из дерева полую фигуру коровы, накрывает ее шкурой жертвенного животного и помещает Парсифаю внутрь фигуры. От совокупления с быком Пасифая рождает Астерия, которого прозвали Минотавром.

Минотавр – существо с туловищем человека и головой быка. По совету оракулов Минос заключает его в Лабиринт, здание, построенное Дедалом таким образом, что попавший в него уже не может выбраться оттуда.

Спустя время другой потомок Миноса – Андрогей отправляется на Панафинские игры, где побеждает всех соперников. Царь Эгей посылает его убить Марафонского быка, который сеет смерть и разрушения во всей марафонской долине. Андрогей находит быка,

привезенного Геркулесом с Крита (это один из его двенадцати подвигов), но гибнет в поединке с ним. (По другой версии, Андрогей убивают завистливые соперники по Панафинским играм.) Прознав о смерти сына, Минос со своим флотом нападает на Афины и захватывает Мегару, предместье Афин, но, не будучи в силах покорить Афины, просит Зевса отомстить афинянам за смерть сына. Город охватывает страшная эпидемия чумы. Горожане просят совета у оракула, и тот отвечает, что единственный способ изгнать чуму – выполнить требования Миноса, какими бы они ни оказались. Минос приказывает ежегодно в виде жертвы Минотаврису присылать на Крит семь юношей и семь девушек. Волей жребия или по собственному желанию в третью партию попадает Тесей, сын царя Аттики Эгея. По прибытии на Крит в него влюбляется дочь Миноса Ариадна и обещает ему помощь, если он возьмет ее в жены и увезет в Афины. Тесей клянется исполнить просьбу. По совету Дедала Ариадна дает Тесею клубок нити, конец которой он привязывает у входа в Лабиринт. Тесей распутывает клубок в течение своего пути внутри здания-ловушки. В середине Лабиринта он находит спящего Минотавра и забивает его до смерти кулаками. На обратном пути, который он находит держась за распутанную нить, Тесей освобождает других пленников, которых вместе с Ариадной выводит к морю, где они строят корабль, на котором отправляются в Афины.

Не все древние авторы соглашались с версией Аполлодора. Диодор Сицилийский и Плутарх в «Тесее» утверждают, что афиняне были дважды обязаны посылать жертву Минотаврису каждые десять лет в течение всей его жизни. Ссылаясь на Гелланика, Плутарх добавляет, что Минос специально приезжал в Афины выбирать жертвы, которые, по разным сведениям, затем либо погибали от рогов Минотавра, либо были обречены до самой смерти бродить по Лабиринту в поисках выхода. Более того, не все греческие авторы соглашались с версией о смерти Минотавра. Тот же Плутарх пишет о том, что пленникам было запрещено брать с собой на Крит какое бы то ни было оружие, однако, судя по изображению на греческой амфоре, Тесей, удерживая быка за рога, пронзает его мечом. На золотом украшении из Коринфа, датированном VII веком н. э., возможно древнейшем изображении этой мифологической сцены,

Тесей также пронзает Минотавра мечом в грудь, придерживая его за ухо. Аналогичная сцена запечатлена и на щите, относящемся примерно к этому же времени.

Необычная интерпретация сцены смерти Минотавра изображена на амфоре, хранящейся в музее Базеля (ок. 660 до н. э.). На ней Тесей и Ариадна бросают камни в человека-быка, который, вопреки традиции, выглядит не как человек с бычьей головой, а как бык – с человеческой головой. В этом Тесею и Ариадне помогают афинские пленники.

Особый интерес к мифу о Минотавре, видимо, питали этруски. При раскопках в Этрурии (современная Тоскана) найдены многочисленные изображения мифологических сцен, относящиеся к довольно широкому временному диапазону. Этруски нередко своеобразно переиначивали смысл греческих мифов и легенд. Например, сидящий на спине Минотавра триумфатор с луком в левой руке, изображенный на кастелланском зеркале, – не Тесей, а Геркулес (Геракл). На другом предмете – этрусской черной вазе из Лувра – снова изображен Геркулес с львиной шкурой на плечах, который бьет Минотавра дубинкой.

В древности не существовало единого мнения по поводу внешности Минотавра. Аполлодор считает, что у него было туловище человека и голова быка. С ним соглашается Диодор. Однако на черной амфоре из Вульчи Минотавр изображен с хвостом и пятнистой, как у леопарда, шкурой. Римские авторы, похоже, имели еще более расплывчатое представление о Минотавре, чем греки. Павсаний затрудняется сказать, кем был Минотавр – человеком или зверем. Катулл просто именует его «диким чудовищем», а Вергилий – «гибридным потомком с двойственной природой». Для Овидия Минотавр – «чудовище с двойственной сутью» (в «Метаморфозах») и «получеловек-полубык» (в «Героидах»). В неопределенном образе получеловека-полубыка Минотавр перешел и в искусство средневековой Европы.

Как часть героического мифа о Тесее, легенда о Минотавре не избежала внесения в нее различных деталей, связанных с вмешательством в их судьбу богини Афины. На греческих вазах нередко можно видеть сцены, на которых Афина подбадривает

героя, когда тот вонзает меч в чудовище, или вытаскивает его из ворот Лабиринта.

Ссылаясь на Филохора, Плутарх приводит версию легенды, изложенную якобы самими жителями Крита. Они утверждали, что Минотавром на самом деле был полководец царя Миноса по имени Тавр. В награду за победу в Играх, которые Минос устроил в память о своем сыне Андрогее, Тавр получил в рабство молодых афинских пленников, которых содержали в неприступной критской темнице, известной как Лабиринт. Будучи от природы человеком грубым, Тавр обращается с ними с крайней жестокостью. Однако на третьих Играх в честь Андрогеев Тесей значительно превзошел всех остальных участников, включая Тавра. За свою атлетическую доблесть Тесей снискал любовь Ариадны. Минос также был доволен победой афинянина, поскольку недолюбливал влиятельного Тавра за его жестокий характер, к тому же царь подозревал его в связи со своей женой Пасифаей. Миносу пришлось вернуть афинских пленников на родину и отменить наложенное им на Афины обязательство.

В искусстве Древнего Рима были широко распространены мозаики, изображавшие Лабиринт. Такие мозаики сохранились во многих уголках бывшей Римской империи – в Помпеях, Кремоне, Бриндизи, Неапафосе (Италия), Экс-ан-Провансе (Франция), Сусе (Тунис), Кормероде (Швейцария), Зальцбурге (Австрия) и т. д. На всех этих изображениях Минотавр – центральная фигура. На мозаичном полу дворца в Помпеях Тесей и Минотавр схватились в смертельном поединке на глазах у испуганных девушек-пленниц. На зальцбургской мозаике Тесей в развевающемся плаще хватает Минотавра за правый рог, в свободной руке он держит дубинку, готовый обрушить ее на спину чудовища. На мозаике в Камероде изображены также и птицы, – возможно, намек на Дедала и Икара, которые ускользнули из Лабиринта, куда их заточил Минос, при помощи самодельных крыльев. На мозаике в Сусе изображен побежденный Минотавр. Тесей и молодые афиняне отплывают от ворот Лабиринта, над которыми написаны слова: «Заключенный сюда погибнет».

Хотя изображения Минотавра и Лабиринта в римских виллах едва ли имели какое-то символическое значение и служили исключительно для украшения, мозаики в склепах и на саркофагах

отражают веру римлян в загробную жизнь. На оборотной стороне греческих монет, изображавших Лабиринт, нередко можно увидеть не только голову быка, но и лица богинь Де-метры и Персефоны. Таким образом, еще в Древней Греции Лабиринт считался символом подземного царства, а Минотавр – олицетворением самой смерти.

В средние века и эпоху Возрождения Минотавр продолжал оставаться популярным персонажем церковных мозаик, иллюстраций к манускриптам, хрестоматиям и энциклопедиям, комментариев к античным трудам, в поэзии, искусстве. Жилище Минотавра рассматривалось как символ мирских удовольствий. На мозаике в церкви Сан Савино в Пьяченце Лабиринт символизирует мир, широкий на входе и узкий на выходе. Избалованному удовольствиями жизни человеку нелегко найти свой путь к спасению. Гвидо Пизанский идет еще дальше в своих комментариях к «Аду» Данте. По его мнению, Минотавр был потомком Пасифаи и Тавра, придворного царя Миноса, и символизирует Дьявола, а Лабиринт является символом мира заблуждений (*labor* – «ошибка» и *intus* – «внутри»). Как Дьявол овладевает душами, когда люди становятся на неверную дорогу, так и Минотавр пожирает молодых афинян, когда они попадают в его жилище. Как Ариадна помогла Тесею выбраться из Лабиринта, так и Иисус Христос выводит заблудшие души к свету вечной жизни. Иными словами, поединок Тесея с Минотавром и освобождение юных пленников символизируют борьбу Господа и сатаны за человеческие души.

Такое понимание образа Минотавра было близко и поэзии Боккаччо. В «Генеалогии богов» он утверждает, что из союза души (Пасифая – дочь солнца) и плотских удовольствий происходит порок звериной ярости, олицетворяет которую Минотавр. В средневековье было принято изображать Минотавра напоминающим кентавра – с человеческой головой и торсом быка. Это, видимо, связано с нечеткостью его описания у Овидия и Вергилия. Исидор Севильский упоминает о Минотавре в статье о кентавре в своей «Этимологии». В виде кентавра он изображен и на мозаике в соборе Сан Микеле в Павии, и на большинстве иллюстраций к «Аду» Данте. Представляет интерес отрывок из перевода работ Орозия, сделанного королем Альфредом, где говорится, что Минотавр – получеловек-полулев.

Безусловно, лучшим литературным памятником Минотавру стал «Ад» Данте, в котором чудовище охраняет «жестоких» в седьмом круге. Данте не называет прямо Минотавра и говорит о нем как о «несчастье Крита», «твари» и «зверском гневе». Во время путешествия по аду сопровождающий Данте Вергилий дразнит Минотавра напоминанием о его смерти от руки Тесея. Взбешенное словами поэта чудовище начинает метаться в слепой ярости, и странники спешно минуют его. У Данте Минотавр – жертва собственных страстей, он не может забыть свое поражение, предрешившее его вечную судьбу.

В «Легенде о доброй женщине» Джеффри Чосера (XIV век) изложена еще одна вариация древнего мифа: Тесей берет с собой в Лабиринт куски воска и смолы, которые бросает в пасть Минотавра, чтобы склеить его зубы. Этот эпизод аллегорически растолковывает Гвидо Пизанский. По его мнению, воск и смола символизируют самопожертвование Христа во имя спасения человечества от Сатаны.

В эпоху позднего средневековья история Минотавра продолжала интересовать художников и исследователей и в несколько меньшей степени поэтов и писателей. В изданиях «Метаморфоз» и геральдических сборниках XVI и XVII веков можно встретить немало гравюр, изображающих Минотавра. В комментариях Джорджа Сандиса к трудам Овидия (1632) Лабиринт – это мир, в котором живет человек, Минотавр символизирует чувственные наслаждения, а Ариадна – искреннюю любовь.

Исследователи XVIII века пытались увидеть в мифах отражение реальных исторических событий. Так, Дидро в «Энциклопедии» (1765) пишет о том, что чудовищный образ Минотавра следует понимать как осуждение измены Пасифаи с царедворцем Миноса Тавром, а победа Тесея над Минотавром – аллегория на итог борьбы царя Миноса с афинянами.

Мраморная статуя скульптора Антонио Кановы «Тесей-триумфатор» (1781—1782) символизирует победу ума и красоты над животным началом. Вдохновленный фресками Помпеи, Канова изваял Тесея сидящим на безжизненном теле чудовища с бычьей головой. Прекрасное, мускулистое тело Тесея, спокойное выражение

его лица контрастируют с грузным телом и бычьей головой его противника.

На полотне Постава Моро «Афиняне в лабиринте Минотавра» (1855) Тесея вообще нет. На одном из набросков Моро изобразил Минотавра, сжимающего в своих руках жертву и попирающего ногой гору безжизненных тел, однако в итоге художник отказался от этого замысла и изобразил не менее драматическую сцену: юные афиняне слышат шаги приближающегося чудовища – девушки в ужасе прижимаются друг к другу, юноши испуганно прислушиваются, один из них, стоя на коленях, указывает рукой по направлению к коридору, по которому приближается напоминающее кентавра существо с головой и руками человека и туловищем быка.

Моро в какой-то степени предвосхитил отношение к Минотавру, сформировавшееся в XX веке. Минотавр был вырван из привычного круга подвигов Тесея и загадок Лабиринта. Сравнительная мифология, труды Дарвина и Фрейда заставили по-новому взглянуть на это существо, на человечность в звере и звериную жестокость в человеке. Такую перемену можно заметить, например, на полотне Джорджа Уоттса «Минотавр». Под впечатлением газетной статьи об уличной проституции художник решил аллегорически изобразить разрушение невинности грубостью. Минотавр глядит вдаль со стены своей цитадели. В руке он сжимает раздавленное тело лебедя. Впрочем, хотя смысл аллегории довольно прозрачен, Минотавр едва ли выглядит как чудовище. Скорее как существо, в котором человеческие ум и сознание борются с темными инстинктами.

С тех пор как было установлено, насколько сильное влияние оказала на греческую культуру минойская цивилизация, возникновение мифа о Минотавре стали связывать с владычеством минойцев на море. Джексон Найт считает, что легенда о полубыке-получеловеке Минотавре возникла из рассказов афинских юношей, отвозивших на Крит дань (некоторые из них, возможно, сами были данью). Они рассказывали о культуре, которую едва ли понимали: о необычном дворце и ритуалах, жрецах в бычьих масках и танце лабиринта. Найт считает, что Минотавр – плод фантазии греков, мифологический образ жрецов с бычьими головами-масками.

С этой точкой зрения не соглашается Мартин Нильсон, который указывает на то, что, хотя попытки связать легенду о Минотавре с критским культом быка выглядят логичными, не существует никаких доказательств того, что этого культа придерживались и минойцы. На Крите поединки с быком были обычным развлечением, а не сакральной церемонией. Нильсон считает, что на формирование мифа повлияли изображения полулюдей-полуживотных.

Критские фрески, изображающие прыжки через быка, видимо, могут служить подтверждением того, что миф о Минотавре является отражением минойско-го обычая выставлять в противники пленникам-гладиаторам быка. Такой поединок обычно плохо заканчивался для пленника, а быка приносили в жертву, убивая двусторонним топором – «лабрисом» (возможно, отсюда происходит слово «лабиринт»).

Наиболее значительным вкладом в художественный образ Минотавра в XX веке можно считать серию гравюр и набросков, выполненных Пикассо между 1933 и 1937 годами. Для сюрреалистов Минотавр был символом конфликта сил сознания и подсознания. Пикассо сделал эскиз для обложки первого номера журнала «Минотавр». На каждом из последующих номеров, выходящих до 1939 года, изображался Минотавр, каким его представляли Дали, Магритт, Макс Эрнст, Ривера и другие. Минотавр Пикассо переменчив: на одном рисунке он – олицетворение темного и жестокого в человеке, на другом – игривое жизнерадостное животное. В изображениях смерти Минотавра Пикассо соединяет испанскую корриду с критским ритуалом. На гравюре «Минотавр на арене» обнаженная девушка на глазах у безразличной публики пронзает спину чудовища мечом. На рисунке «Смерть Минотавра» истекающий кровью на пустой арене человек-бык, приподняв голову, с тоской смотрит на небо. Завершает серию изображение искупления Минотавра, заставляющее вспомнить финал истории царя Эдипа: слепого, дряхлого зверя ведет за поводок маленькая девочка с букетом цветов.

В этих и других рисунках Пикассо не просто переосмысливает миф о Минотавре, а превращает его в трагического героя. Художнику, как никому другому, удалось воспользоваться многогранностью

этого образа для отражения различных состояний человеческой души. Противоречивый образ, в котором слились воедино несовместимые понятия: звериная жестокость и человечность, гнев и страдание, смерть и необычайная жизнеспособность, – пожалуй, один из лучших символов сознания человека XX столетия.

РУСАЛКА

Русалку обычно изображают в виде девушки с рыбьим хвостом; однако у нее может быть и пара ног, и пара хвостов, которые, в свою очередь, могут быть не только рыбьими, но и дельфиньими или змеиными. Она поет чудесные песни, а нередко еще и играет на арфе. Помимо русалок известны также и «русалы» – иногда такие же романтические, иногда вспыльчивые и гневные. Русалки любят греться на солнце на прибрежном песке или на скалах, расчесывая гребнями свои длинные волосы. Они живут не только в море, но и в озерах, реках и даже колодцах. В России – в омутах.

Жанна Железнова из Петрозаводска сообщила вот такую историю:

«В этнографической экспедиции я узнала о встрече человека с невиданным земноводным человекообразным существом.

Это было во время Великой Отечественной войны в Белоруссии. Солдат отстал от своего взвода, догоняя его, шел по лесной дороге. И вдруг видит: на этой дороге лежит человек. Он бросился к нему и когда подбежал, то понял, что это не совсем человек, а кто или что – понять невозможно. С виду мужчина с бородой, но весь в рыбьей чешуе, а на руках и ногах вместо пальцев перепонки. Солдат перевернул его на спину, увидел, что у него лицо человеческое, хотя и нельзя назвать его красивым, но и безобразным не назовешь. И этот чешуйчатый стал знаками показывать солдату на себя и куда-то в сторону, видимо, просил его туда отнести. Солдат пошел в том направлении и скоро увидел небольшое лесное озеро. Отволок туда чешуйчатого, опустил в воду. Он немного полежал в воде, пришел в себя и уплыл. И даже на прощанье солдату рукой помахал».

Легенда о русалке возникла сравнительно недавно по мифологическим меркам и приняла окончательную форму в эпоху средневековья. Первым литературным упоминанием о русалках можно считать то место в «Романе о розе» Чосера (1366), где говорится: «То было чудо, подобное пению морских русалок».

В культуре практически всех народов известны легенды о духах вод, часто эти духи – поющие женщины, олицетворяющие красоту вида и звука воды. Русалки капризны, своенравны и могущественны, как и реки, в которых они обитают. Они могут сотворить добро, но могут и навредить.

Древнейшее из известных морских божеств – вавилонский бог Эа (или Оанн, как его именовали в греческих текстах). Он вышел из Эритрейского моря и научил людей наукам и искусству. На барельефе VIII века до н. э., выставленном в Лувре, Оанн изображен в виде человека с рыбьим хвостом. На Ближнем Востоке в древности почитали русалку – богиню луны, которую сирийцы называли Атаргат, а филистимляне – Дерсето.

В индийской мифологии хранителями вод были небесные нимфы апсары, игравшие на лютнях, в Китае и Японии – драконы и их жены. В греческих и римских мифах фигурирует множество водных божеств и существ: бог морей Посейдон (Нептун), его сын Тритон, морские нимфы nereиды – дочери Нерея, бога спокойного моря, речные наяды (нимфы) и, наконец, океаниды, дочери бога водной стихии Океана. Тритона обычно изображали с рыбьим хвостом, остальные водные духи часто выглядели, как обычные люди.

В Британии и Ирландии слагали легенды о морских девах, которые сбрасывают рыбий хвост перед тем, как выйти на сушу. В Скандинавии и Германии водные существа разделялись на морских и речных. Во Франции, Италии, Португалии и Испании их называли сиренами, хотя в греческих мифах сирены были птицами с женскими лицами. Героиня французских легенд Мелузина, женщина-змея, иногда изображалась и как русалка с двумя хвостами. В русских сказках духи вод – русалки, которые топят купальщиков, и плутоватые водяные. В африканских преданиях это водные женщины и ведьмы. В легендах североамериканских индейцев говорится о двуххвостых морских божествах и девах-рыбах.

Культ поклонения древним божествам вод остался в прошлом, но вера в русалок, мудрых и могущественных водных существ, продолжает жить. Возможно, первые мифы о русалках возникли из рассказов об утопленниках и человеческих жертвах, принесенных водным божествам. К примеру, Сабрина, незаконнорожденная дочь

короля Локрина, была сброшена мачехой в реку, которую с тех пор называют Северн, и стала речной богиней – покровительницей невинных девушек.

Подобное превращение с менее приятными последствиями произошло со служанкой Пег О'Нелл, которая провалилась под лед, набирая воду в реке, и теперь каждые семь лет топит пловцов в реке Риббл. Таких историй, которые, скорее всего, придумывали, чтобы оградить детей от опасностей, довольно много: история несчастной служанки Пег мало чем отличается от историй Дженни Гринтис из Ланкашира, Грандилоу из Йоркшира, Пег Паулер – русалки из реки Тис и других русалок. Известная по поэме Гейне рейнская нимфа Лорелея – тоже опасный речной дух: заслушавшись ее песнями, моряки направляли свои корабли прямо на опасные скалы. В образе Лорелеи присутствует очевидная связь с древнегреческими сиренами.

Впрочем, русалки нередко совершают и добрые дела: предупреждают о приближающейся буре, исполняют желания, поднимают со дна сокровища, учат наукам. В валлийской легенде нимфа озера Ллин-и-Фан-Фах вышла замуж за смертного и, родив ему сына, исчезла. Затем появились три мудреца и научили ее сына всему, что сами знали. Русалки совершают благие дела не только по доброй воле. Согласно легендам, русалку можно заставить выполнить любое желание, если отнять у нее какой-нибудь из предметов туалета. Браки с русалками обычно недолговечны. Заключение такого брака всегда связано с каким-либо условием, и, когда условие нарушается, русалка исчезает. Русалки нередко забирают смертных в подводное царство. Слепой Морис Коннор, лучший волынщик в Мюнстере, последовал за русалкой в море. Согласно преданию, его пение до сих пор слышно из-под воды.

После окончательного утверждения христианства в Европе духовенство пыталось задуть остатки языческих верований. Однако малозначительные персонажи, такие, как русалки, с которыми не были связаны основные языческие культы, не представляли большой опасности для новой религии и продолжали жить в фольклоре. В христианской религии русалка с гребнем и

зеркалом в руках стала символом тщеславия и женского коварства, ведущих мужчин к моральной гибели.

Как и многие другие вымышленные существа, русалки и их символическое значение были неоднократно описаны в средневековых bestiариях. Персонажами ранних bestiариев были не русалки, а сирены. Однако после того, как сирены и русалки смешались в сознании народов, то же произошло и в bestiариях. В бес-тиарии Уайта (XII век) русалки описаны как полулюди-полурыбы, но иллюстрация изображает девушку с крыльями на талии, птичьими лапами и рыбьим хвостом. В «Божественном bestiарии» XIII века Гийома Леклерка говорится о том, что нижняя часть русалки – птичья или рыба. Варфоломей Английский утверждает, что сирены – девы-рыбы, хотя и отмечает, что по некоторым источникам нижняя часть их тела – птичья.

Среди научных источников следует отметить описания nereид и тритонов, сделанные Плинием со слов очевидцев. Судя по всему, существа, описанные Плинием, – морские коровы и котики.

В исландских хрониках XII века запечатлено свидетельство о полуженщине-полурыбе, которую видели у берегов Гренландии. У нее было ужасное лицо, широкий рот и два подбородка. Рафаэль Холиншед сообщает о том, что во времена английского короля Генриха II рыбаки поймали человека-рыбу, который отказывался говорить и питался как сырой, так и вареной рыбой. Через два месяца он убежал в море. В 1403 году, как гласит легенда, после шторма в Западной Фрисландии нашли русалку, запутавшуюся в водорослях. Ее одели и кормили обычной пищей. Она научилась прясть и кланяться перед распятием, но так и не заговорила. Она часто предпринимала безуспешные попытки к бегству обратно в море и умерла через четырнадцать лет.

Моряки с корабля Генри Гудзона утверждали, что видели русалку в 1608 году во время поисков северного пути в Индию: «Ее спина и грудь были женскими... ее кожа была очень белой... у нее были длинные черные волосы и хвост, как у дельфина». 8 сентября 1809 года в английской «Таймс» появилась заметка школьного учителя Уильяма Мунро, который писал о том, что во время одной из своих прогулок по побережью он увидел сидящую на труднодоступной

скале, вблизи которой воды были особенно опасны для плавания, обнаженную женщину с полным лицом, румяными щеками и голубыми глазами, причесывающую волосы. Спустя несколько минут она нырнула в воду и уплыла.

Такого рода свидетельства долго поддерживали веру в существование человекоподобных морских существ, хотя со времен средневековья никому так и не удалось поймать или найти тело какого-нибудь из них. Скорее всего, за русалок принимали тропических ламантинов, небольших китов, котиков, и тюленей. Вблизи эти животные, безусловно, совсем не напоминают людей, но их позы и крики бывают порой очень «человеческими». Пойманные средневековыми рыбаками человек-рыба и русалка были, видимо, немymi людьми с незаурядными способностями к плаванию. Или?..

В «Естественной истории Индии», изданной в 1717 году, имеются упоминания об экзотическом живом существе с Дальнего Востока, которое поймали близ Молуккских островов: «Она была длиной 59 дюймов и чем-то напоминала угря... Прожила в бочке с водой 4 дня и 7 часов... издавала негромкие звуки, ничего не ела и затем умерла».

В 1723 году в Дании была учреждена Королевская комиссия, которая должна была внести ясность в вопрос о существовании русалок. Но во время поездки на Фарерские острова с целью сбора информации о русалках члены комиссии натолкнулись на русала-мужчину. В докладе комиссии указывалось, что у русала «глубоко посаженные глаза и черная борода, которая выглядела так, как будто была подстрижена».

А совсем недавно, в 1983 году, антрополог из университета Вирджинии (США) Рей Уогнер сообщил в одной ричмондской газете, что в южной части Тихого океана, недалеко от острова Новая Гвинея, он дважды видел существо, чем-то напоминающее человека. Уогнер пояснил, что с помощью новейшего подводного видеоборудования ему удалось установить, что это существо оказалось морской коровой. В большинстве известных случаев, считает Уогнер, за русалок принимали тюленей, бурых дельфинов, ламантинов или морских коров. Однако он не утверждает, что русалки вообще не существуют. «Люди все-таки очарованы русалками, и рассказы о них звучат часто правдоподобно», – говорит психотерапевт Линда

Картер-Эйк, которая проводит исследование в рамках программы по психоанализу. По ее мнению, русалки живут в сознании людей. Океан воздействует на область подсознания человека, вызывая в воображении образ русалки. Хитрость состоит в том, чтобы не дать ей утащить вас за собой.

Вплоть до XIX века, когда научные и географические открытия практически лишили мифологических существ прав на существование, процветала практика создания чучел «русалок» из тел обезьян и рыбьих хвостов. Отвратительные «русалки» выглядели достаточно пугающе.

Поскольку русалка была религиозным символом искушения и коварства, запретов на ее изображение в искусстве и литературе никогда не существовало. В пьесе «Сон в летнюю ночь» Шекспира говорится о русалке, чье пение было так прекрасно, что бурное море успокоилось, а некоторые звезды, заслушавшись пением морской красавицы, упали с небес.

Интересно, что образ русалки пережил расцвет именно в XIX веке, когда наука окончательно разделила фантазии и реальность, а в прозе и поэзии возродила интерес к романтике. Особенно много баллад о морском народе было создано в Британии и Скандинавии. В Британии русалка стала еще и символом империи, правящей морями и добывающей ей богатства в заморских колониях. Ее изображения украшали корабли, гербы и оружие. Таверне «Русалка», в которой собирались лондонские писатели и поэты, посвятил свое стихотворение Ките.

В 1811 году увидела свет поэма барона ле Лямонт-Фуке «Ундина», по которой вскоре была написана опера. В ней говорится о женитьбе речной нимфы Ундины и смертного человека: Ундина могла бы обрести человеческую душу и чувственное сердце, но муж изменяет ей, и она возвращается в реку. Имя «ундина» (от латинского «унда» – «вода») впервые использовал швейцарский врач и алхимик Парацельс (XVI век) – основоположник «систематической мифологии», соединившей образы мифологических существ с греческим учением о четырех составляющих мира: земле, воздухе, огне и воде. Ундина стала символом воды.

Русалки и люди не обретают счастья вместе. В сказке Андерсена русалка обретает душу, но не любовь принца. В поэме «Обманутый морской юноша» Арнольда героиня Маргарет изменяет возлюбленному из боязни потерять душу. А в романе «Рыбак и его душа» Оскара Уайльда рыбак стремится избавиться от своей души в надежде жениться на русалке.

Другой мотив, использованный, к примеру, в «Русалке» Пушкина и «Невесте Ламмермура» Вальтера Скотта, – русалка, защищающая невинных девушек и мстящая неверным женихам.

Гейне в «Лорелее» и Теннисон в «Морских феях» и «Русалке» обращаются скорее к образу человека, желающего избавиться от человеческих забот и идущего на смерть ради желания услышать прекрасное пение русалок. Характерно, что Теннисон пишет о «серебряных ногах» русалок, а его морские нимфы – видимо, гомеровские сирены, певшие для Одиссея.

В поэме «Разрыв союза» Томаса Худа, символизирующей стремление Ирландии к независимости от Британской империи, русалка желает ампутировать свой «саксонский» хвост, чтобы стать настоящим человеком.

В литературе XX века русалки становятся менее частыми персонажами, а брак с русалкой нередко описывается в сатирической форме. В «Морской леди» Уэллса русалка оказывается неспособной понять моральные ограничения, которые люди накладывают на свою жизнь.

Русалки оставили заметный след и в музыке. Им посвящены «Песня Русалки» Гайдна, симфоническая поэма «Водяной» и опера «Русалка» Дворжака, незаконченная опера «Лорелея» и увертюра «Прекрасная Мелузина» Мендельсона, оперы «Русалка» Даргомыжского и «Садко» Римского-Корсакова, в которой Садко влюбляется в дочь морского царя. Русалки появляются в опере «Ринальдо» Генделя и в «Кольце нибелунга» Вагнера.

Скульптура русалки украшает копенгагенскую бухту. Русалка с мечом в руке изображена на гербе Варшавы. Изображения тритонов были очень популярны в эпоху барокко (их можно увидеть, например, на полотне «Триумф Галатеи» Рафаэля). На иллюстрации к Нюрнбергской Библии (1483) можно видеть Ноев ковчег, плывущий в

окружении русалок. Однако первым в истории изображением русалки в живописи следует назвать полотно Даниэля Маклиза «Происхождение арфы» (1842), на которой русалка с арфой в руках плачет о своей несчастной любви.

В отличие от средневекового представления русалка конца XIX века – «роковая женщина». Такой ее изображают Арнольд Беклинг, Эдвард Мунк, Густав Климт и многие другие. В нашем веке (на работах Рене Маргитта и Поля Дельво) образ русалки приобретает несколько комический оттенок.

Вода – символ одновременно смерти и перерождения. Как и вода, русалки на протяжении веков не только представляли опасность для людей, но и помогали им. Меняющийся образ русалки, послуживший источником вдохновения стольким художникам, поэтам и писателям, видимо, останется таким же притягательным и в будущем.

Дополнения. Русалка, пожалуй, единственное из мифологических существ, обретшее почву в славянских преданиях и... сегодняшней жизни. В связи с этим мы не можем не рассказать здесь о встречах с этими существами наших соотечественников. Итак...

Рассказывает известный криптозоолог М. Г. Быкова:

– Зрительно украинцами и южными великороссами русалки воспринимаются как водяные красавицы. На севере России это чаще всего косматые, безобразные женщины с большой отвислой грудью. Они показываются из воды вечером или ночью, пытаются привлечь внимание, бродят около воды и даже в лесу. Встретившись с ней лицом к лицу, человек лишь иногда успевает разглядеть ее.

Приведу случай необычной встречи, сравнительно недавний. Письмо, в котором рассказывается о нем, получено одной из московских редакций в ответ на публикацию статьи Б. Ф. Поршнева на тему о реальности леших и русалок. Хотя речь здесь идет о некоей разновидности – болотнянике.

В годы Отечественной войны Иван Юрченко проживал в деревне Николаевке, учился в начальной школе. Школа направляла учеников полоть сорняки в колхозных посевах далеко за деревню, где от полей начинались болота. Возле болот были сенокосы. Косцы устроили рядом сарай для ночевки, постелили на нары сено. Однажды утром, придя на прополку, ребята зашли в сарай и заметили, что на сене

остались вмятины от двух фигур огромного роста, видимо ночевавших в сарае в ту ночь. Они удивились росту людей, поговорили об этом и принялись за работу. Иван захотел оправиться и ушел с поля к болоту, к кустам. В это время на болоте за кустами он заметил двух неизвестных, которые пристально следили за ним. Иван обратил внимание на то, какими они были черными, на головах у них были длинные волосы, в плечах они были очень широкими. Рост не смог определить, так как мешали кусты. Разглядев их, Иван сильно испугался и, крича, побежал к ребятам. Узнав, что кто-то есть на болоте, все побежали в деревню к коменданту и председателю колхоза. Те, вооружившись наганом и ружьем, с ребятами двинулись к месту происшествия (комендатура в то время существовала для ссыльных). Неизвестные черные люди ушли в глубь болота и из-за кустарника смотрели на людей. Люди рассматривали их, никто не решался продвинуться вперед. Мужчины выстрелили в воздух, неизвестные оскалили белые зубы (что особенно бросилось в глаза на черном фоне их лиц), стали издавать звуки, похожие на раскатистый хохот. По словам Юрченко: «ляс, ляс, ляс». После чего ему показалось, что они присели или погрузились в болото. Больше их никто не видел. В сарае на сене остались следы, видимо, самца огромного роста и самки поменьше, можно было рассмотреть след больших грудей.

Так знают ли наши современники о таких существах? Или это единственный непонятный случай?

«В 1952 году я, М. Сергеева, работала на лесозаготовительном участке „Балабановск“ (Западная Сибирь). Заготавливали лес только зимой, а весной сплавливали по реке Карайга. Местность вокруг болотистая, летом мы собирали там грибы и ягоды. Много здесь и озер. Километрах в двенадцати от участка было озеро По-расье. На него-то 4 июля мы и отправились: я, старик-сторож с племянником Алексеем и Таня Шумилова. По дороге дед рассказал, что озеро это торфяное, в 1913 году оно загорелось от молнии и горело целых семь лет. Теперь на нем много плавучих островов. Их называют „кымья“. Пока погода стоит хорошая, кымья у берега, но если отойдут на середину озера – жди дождей.

До места мы добрались уже в одиннадцатом часу вечера. Наскоро натянули два полога и тут же свалились от усталости. А дед пошел ставить сети.

Когда мы утром проснулись, уха была уже готова. Рыбы в сетях набилось много, загрузили целиком повозку. И тут я заметила, что недалеко за деревьями виднеется еще одно озеро. Спросила об этом старика, но он рассердился на меня и буркнул: «Озеро как озеро...» Больше ни о чем расспрашивать я его не стала, но Алексею и Татьяне обо всем рассказала. Выбрав момент, когда дед ушел смотреть дальнюю сеть, мы побежали к тому озеру, благо до него было всего метров двести. Вода в нем оказалась такой чистой, что все камешки на дне были видны. Таня и Алексей решили искупаться, я же только сняла платок и положила его на какую-то корягу у берега, а сама присела рядом. Алексей был уже в воде и звал Таню, когда вдруг та вскрикнула, схватила свою одежду и бросилась в лес. Я взглянула на Алексея, который стоял неподвижно и смотрел перед собой округлившимися глазами. И тут я увидела, как к его ногам тянется чья-то рука. Под водой к Алексею плыла девушка. Она бесшумно вынырнула, подняла голову с длинными черными волосами, которые тут же убрала с лица. На меня глянули ее большие синие глаза, девушка с улыбкой протягивала руки к Алексею. Я вскрикнула и, вскочив, рванула его за волосы из воды. Заметила, как при этом зло сверкнул взгляд водяной девушки. Она схватила лежавший на коряге мой платок и, расхохотавшись, ушла под воду.

Мы и опомниться не успели, как дед оказался рядом. Он торопливо перекрестил Алексея, поплевал в сторону и только после этого облегченно вздохнул. Я и не подозревала, что наш сторож – человек верующий (хотя мы здесь улавливаем и элементы суеверия. – М. Б.)...

В декабре того же года меня перебросили на другой участок, и постепенно тот случай стал забываться. Однако спустя девять лет я вдруг получила письмо от старика, в котором он писал, что тяжело болен и вряд ли поднимется. Я взяла отпуск на три дня и поехала к нему. Мы проговорили всю ночь, тогда-то старик мне и рассказал одну историю. Лет сорок назад, молодым парнем, он работал десятником. Однажды пошел в лес за жердями. Тогда впервые и

попал на то самое озеро. Решил искупаться... и завладела им русалка. Трое суток не отпускала, с жизнью уже распрощался. Но на счастье, вспомнилось благословение матери... И громко произнес он эти слова. Русалка с ненавистью оттолкнула его, да с такой силой, что он оказался на берегу...

Только тогда я поняла, почему старик так не хотел пускать нас на то озеро».

В современной прессе встречаются потрясающие наше воображение сведения о подобных существах. Ценно то, что они исходят от так называемых простых и, во всяком случае, не искусственных именно в этом вопросе людей. Но вместе с тем их неискушенность приводит к некоторым накладкам, хотя для меня это не имеет значения, ибо моя цель – достоверность повествования. В существе вопроса наука разберется, когда накопится достаточное число данных. В сумме многочисленные повествования позволят сразу отличить правду от пригрезившегося, присочиненного или неточности рассказчика. При этом надо учитывать, что всякого рода негативные аспекты могут исходить не только от рассказчика, но и от записывающего показания. Так, в одном из воспоминаний о необычной встрече, происшедшей более 30 лет назад и по всем правилам тогдашней нашей жизни сокрытой (во избежание встреч с другими службами), есть странное противоречие. Рассказывает полковник пограничной службы в запасе З. Материал опубликован в альманахе «Не может быть» (май 1991) под названием «Человек-амфибия». Станным показалось в рассказе то, что, если имелась в виду амфибия, то зачем ей пользоваться камышинкой в качестве дыхательной трубки, якобы примененной при уходе под воду. Вполне возможно, что этот материал – такое же сочинение, как и очерк о гигантских крысах.

Итак, речь идет о сентябрьской «вылазке» на природу в Катульские плавни, к большим озерам, заросшим камышом, в 20 километрах от советско-румынской границы.

«Услышав стоны у брошенного экскаватора, пограничник заметил на плавающем островке „жутковатого вида человекообразное существо. Черно-коричневого цвета тело, маслянистое какое-то, длинные, грязные, спутавшиеся волосы, борода до пупа, вся в

зеленой тине, существо все облеплено пиявками... А правая рука его (это был абсолютно голый мужчина) вся в крови, и кровь сочится через камышовый островок в воду. Стонет – больно...”

Далее сюжет развивался бесхитростно. З., увидев рану, предположил, что объект был задет ковшом экскаватора. Во время оказания помощи (осмотр, очистка раны, перевязка и даже два укола) пограничник рассмотрел между пальцами пострадавшего перепонки, «как у утки». Кончилась встреча тем, что существо ушло под воду почему-то при помощи камышинки.

Предполагаю, что З. не мог знать, что существо, так похожее на человека, по нашему предположению, не должно говорить, владеть речью. Он вспоминает, что оно воспроизводило стон, бульканье и нечто похожее на кваканье. И в этом есть какой-то правдивый элемент повествования.

Записавший же историю идет по линии консультации этого воспоминания «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». И, как всегда, ему отвечает историк, что, дескать, не совсем здоровые люди, случайно попавшие в воду, могут подвергнуться мутациям, которые потом (как быстро?) закрепляются и дают возможность приспособиться к водной среде.

Ответ историка сам по себе интересен и нетрадиционен для официальной науки. Но где же продолжение?..

РУХ

Рух – мифологическая птица, известная в Европе благодаря сказкам «Тысяча и одна ночь» и описаниям путешествий Марко Поло. Ее образ можно связать с арабской птицей анка, персидским симургом, египетским фениксом, еврейской птицей зиз и гигантскими птицами из европейских и североамериканских легенд. По разным описаниям, белая птица Рух напоминает орла, кондора или альбатроса, однако она гораздо больше каждой из этих птиц. Согласно преданию, размах ее крыльев – «60 шагов», а каждое из ее перьев длиной «8 шагов». Чтобы обойти яйцо птицы, требуется «более пятидесяти шагов». Рух достаточно велик размерами и силен для того, чтобы поднять в своих когтях высоко в воздух не только человека, но и трех слонов. Если верить легендам, перенос людей и слонов через моря и горы – основное занятие этой птицы.

Широко распространено мнение, что образ птицы Рух своим возникновением обязан реально существующей птице, к примеру орлу. Оно, безусловно, может быть верным. Но не менее верным, очевидно, должно считаться и предположение, что миф о птице Рух появился как воплощение извечного стремления человека подняться в небо, покинуть обыденность и стать подобным птице. Впрочем, птица Рух нередко символизировала и возмездие богов. Вряд ли когда-нибудь удастся выяснить точные причины рождения этого образа. Впрочем, какими бы они ни были, Рух навсегда останется в человеческом сознании как одна из самых чудесных мифологических птиц.

В персидском языке слово «рух» означает также «шахматная ладья» и – иногда – «носорог». Легенды о Рухе тесно связаны с арабскими мифами о птице анка. Созданная Богом как птица-совершенство, она затем превратилась в настоящее бедствие для людей. Анка также описывается как огромная птица, способная поднять слона; живет она 1700 лет, что роднит ее с египетским фениксом. В некоторых арабских книгах анку называют вымершей

птицей. Согласно преданию, во время династии Фатимидов (X—XII века н. э.) анки нередко содержались в зоологических садах халифов.

Возможно, древние люди придумали птицу Рух для того, чтобы объяснить происхождение метеоритных дождей: в некоторых легендах она сбрасывает на землю и на корабли в море огромные камни. Другая точка зрения связывает миф о птице Рух существованием ныне вымершей гигантской птицы эпиорнис – «птицы-слона», жившей на Мадагаскаре. Однако эпиорнис летал не лучше страуса и едва ли был способен поднять что-нибудь в воздух.

Адмирал Этьен де Флакур, губернатор Мадагаскара и глава Ост-Индской французской компании, опубликовал в 1658 году «Историю великого острова Мадагаскар», в которой описал огромную нелетающую птицу, жившую на юге острова. В 1851 году, на основании находок ее костей и обломков яиц, существование к тому времени уже вымершего эпиорниса было признано наукой (об этой истории мы расскажем ниже).

Арабские купцы и путешественники могли видеть эпиорниса (как и других больших птиц) во время своих странствий и сложить легенды об этой пятиметровой высоты птице с соответствующей величины яйцами. Не так давно была предпринята попытка собрать целое яйцо эпиорниса из осколков возрастом от двухсот до тысячи лет. Воссозданное яйцо имело внушительные размеры – 30 сантиметров высотой и более метра в обхвате.

Первое упоминание о птице Рух мы находим в арабских сказках «Тысяча и одна ночь», где говорится и о том, что Рух известен более тысячи лет. В 404-ю ночь Шехерезада рассказывает историю Абд Аль-Рахмана, который в результате кораблекрушения оказывается на необитаемом острове, где видит гигантскую птицу с крыльями размахом в тысячу сажений и ее птенцов. Из этого путешествия он привозит пух с крыла неоперившегося птенца.

В 405-ю ночь следует повествование о том, что во время путешествия по китайским морям Абд Аль-Рахман сходит на берег и там видит белый купол высотой в сто локтей, который оказывается яйцом птицы Рух. Абд Аль-Рахман и его спутники разбивают яйцо и уносят невылупившегося птенца. В пути их настигает Рух с огромным обломком скалы в когтях. К счастью, Рух промахивается. К морякам,

отведавшим мясо птенца, чудесным образом возвращается молодость.

В 543-ю ночь царица рассказывает о втором путешествии Синдбада. Взбунтовавшаяся команда высаживает Синдбада на необитаемом острове, где он находит огромный купол окружностью 50 шагов. Внезапно появляется огромная птица, закрывающая крыльями солнце. Синдбад вспоминает историю о птице Рух, кормящей птенцов слонами, которую он слышал и раньше, и понимает, что купол – не что иное, как яйцо птицы. Он привязывает себя к лапам спящего Руха в надежде спастись с острова. Утром Рух переносит Синдбада на другой остров, населенный огромными змеями.

Наконец в 556-ю ночь повествуется о том, как в своем четвертом путешествии Синдбад причаливает на корабле к острову и снова видит возвышающийся белый купол. Несмотря на предостережения Синдбада, его спутники-купцы разбивают яйцо, убивают птенца и отрезают от него большие куски мяса. В море к кораблю приближается пара чудовищных птиц Рух с огромными камнями в лапах. Птицы разбивают судно, и все находившиеся на нем оказываются в море. Синдбад привязывает себя к доске и на ней доплывает до суши.

«Тысяча и одна ночь» не единственный арабский источник, упоминающий о птице Рух. О ней в XIII веке сообщают в своих книгах географ Аль-Касвини и естествоиспытатель Аль Варди.

Мифы, подобные арабским, в которых название птицы не уточняется, запечатлены в «Джатаках» – собраниях индийских сказаний IV века до н. э. Египетские жрецы рассказывали Геродоту (V век до н. э.) о гигантской птице, способной поднять в небо человека.

В преданиях чукчей упоминается огромная птица Нога, пожирающая оленей, лосей, китов и людей. Подобные мифы бытовали и у алеутов островов Тихого океана. В фольклоре североамериканских индейцев апачей говорится об огромном орле, уносящем людей. Легенды о птицах-гигантах были распространены и у индейцев прерий Северной Америки.

В XIII веке птицу Рух в своих дневниках описал Марко Поло. В главе об острове Мадагаскар он пишет о том, что, по словам

туземцев, Рух раз в году появляется на юге острова. Птица похожа на орла, но размерами намного превосходит его. Рух поднимает слонов в воздух и убивает их, бросая на скалы. Те, кто видел птицу, говорили, что Рух известен в Европе под именем «грифон», хотя и не похож на классического грифона – птицу с телом льва. Марко Поло рассказывал, что на его расспросы жители Мадагаскара отвечали, что Рух – настоящая птица. Индийский правитель, услышав о птице, послал своих людей на Мадагаскар, откуда они привезли огромное перо девяти пядей длиной.

После перевода арабских сказок птица Рух стала распространенным персонажем европейской живописи и литературы. На гравюре голландского художника XVI века Йоханна Страдануса «Магеллан открывает проливы» изображена птица с огромным клювом, вдвое превышающая размеры слона, которого она держит в когтях. Особенно интересно упоминание о Рухе в поэме Майкла Дрейтона «Потоп», в которой Ной собирает на свой ковчег «каждой твари по паре» от маленького жаворонка до огромного Руха, величайшей из птиц. Американский писатель Герман Мелвилл в романе «Моби Дик» (1851) сравнивает огромного альбатроса с птицей Рух.

Братья Гримм дважды упоминают о большой птице в своих сказках. В «Беляночке и Розочке» две девочки спасают карлика от огромной птицы, которая хотела унести его в своих когтях, а в сказке «Птенец-Найденыш» охотник встречает мальчика, которого большая птица принесла в клюве в гнездо, находящееся на верхушке огромного дерева.

О чудесной птице не забывают и в наши дни. В детской книге Эдварда Игера «Волшебство у озера» четверо детей, мечтающих найти сокровища, попадают на сказочный остров, где живет птица Рух. Дети привязывают себя к лапам птицы, и она переносит их к пещере Али-Бабы. Ларри Наивен описывает в фантастическом рассказе «Птица в руке» зоопарк будущего, населенный вымышленными животными. Среди питомцев зоопарка – птица Рух, переносица в когтях слонов.

Невероятной величины птица Рух в течение тысячелетий захватывала воображение людей всего мира, от Аравии и Персии до

Европы и Америки. Легенда о ней продолжает жить и в наши дни.

САТИР

Первые упоминания о сатирах – лесных существах, полулюдях-полукозлах, относятся к VIII столетию до н. э. Мифы о них связаны с культом Диониса, бога виноделия и веселья, которого римляне называли Вакхом (Бахусом). В греческих и римских легендах сатиры и их двойники – фавны, силваны, силены, паны – выступали чаще всего как проказники, шуты, трусишки, пьяницы, сластолюбцы, обманщики и развратники. В христианской традиции их стали ассоциировать с дьяволом. Контрастность качеств, приписываемых сатиру, сделала его одним из самых популярных образов литературы и искусства на протяжении всей мировой истории. Даже в нашем столетии он остается одновременно символом невинности и простодушия и зла.

Хотя в современном понимании между сатирами, фавнами и панами практически ставится знак равенства, стоит уточнить, какие различия между ними видели древние греки и римляне. У греков сатиры – мужские духи лесов и гор в пантеоне Диониса – были существами с «приплюснутыми носами, лохматыми волосами, козлиными ушами и короткими хвостами». В римской мифологии появились и сатиры-женщины. Наиболее близким сатиру можно назвать Пана – лохматого и бородатого бога полей и лесов с козлиными рогами и копытами, который также служит Дионису.

В каждой из древнегреческих провинций существовал свой собственный Пан. Фессалийского Пана называли Аристеом, и он считался покровителем животноводства и земледелия. В Малой Азии Пан был богом плодородия по имени Приап, которого изображали с огромным эрегированным фаллосом. В греческих и римских садах нередко устанавливали «гермы» – четырехгранные колонны с фигурами бога плодородия, называвшиеся так в честь Пана – Гермеса.

Один из сыновей Пана, Силений, согласно некоторым легендам, был учителем Диониса. Именно он помог Дионису впервые изготовить вино. Силения, самого старого среди сатириков, обычно

изображали как толстого, пьяного старика с отвисшим животом и лысой головой, все тело которого было покрыто волосами. Потомки Силения – силены считались божествами ручьев и рек. Самый известный из силенов – Марсий. Главным отличием силенов от сатиров был конский хвост.

Римляне идентифицировали Пана с богом плодородия Фавном, имя которого происходит от слова «фари» – «рассказчик». Фавн мог предсказывать будущее по своим снам. Его потомки-фавны – шаловливые существа обоих полов, которые вызывали ночные кошмары. Другим римским божеством, которого можно связать с Паном, был Сильван – дух лесов и садов. Он также оставил после себя потомство обоих полов – сильванов.

Отличить всех этих многочисленных богов и духов друг от друга довольно трудно. Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес (1899—1986) считает, что речь идет об одном и том же типе существ, которых в Древней Греции называли сатирами, а в Древнем Риме – панами, фавнами и сильванами; сатиры имели козлиные ноги и человеческое тело выше пояса. «Сатиры были покрыты густой шерстью, у них были тонкие рога, острые уши, быстрые глаза и кривые носы». Далее в этой статье мы будем именовать всех существ этого рода сатирами, за исключением тех случаев, когда между ними будет необходимо провести различие.

Греческий поэт Гесиод (VIII век до н. э.) пишет о том, что сатиры, нимфы и куреты произошли от дочерей Гекатера. Сатиры, по его мнению, – бесполезные, непригодные к работе существа. В то время как Гесиод не уделяет внимания описанию сатиров, «Гимн Пану», приписываемый анонимному ученику Гомера, содержит яркое описание этого бога: «С козлиными ногами, двумя рогами, идет он по зеленому лесу, среди деревьев, вместе с нимфами... Пан – светловолосый бог природы».

В пьесе Эсхила «Эдонианы» Диониса-ребенка воспитывает Силен – отец сатиров. Эта комедия отражает рост значения культа Диониса в Греции. Составной частью ритуала Диониса было сопровождаемое танцами распевание песен восхваления – «дифирамбов». Аристотель в «Поэтике» пишет о том, что греческий театр родился из дифирамбов.

Дифирамбы исполняли мужчины, одетые сатирами с конскими хвостами. Этот сюжет многократно отражается в росписях на греческих вазах. Из дифирамбов были сложены первые сатирические комедии. После трех трагедий, которыми начиналось представление в греческом театре, на сцене появлялся хор из сатиров и силен, которые вели себя развязно, а порой неприлично, чтобы развеять торжественную обстановку, созданную предыдущими пьесами, и подчеркнуть связь театрального общества с культом Диониса.

Сатирические пьесы нередко ставились на открытом воздухе, в лесу. На актерах были уродливые маски, и они были облачены в козлиные или оленьи шкуры. Иногда к костюмам добавлялись хвосты и искусственные кожаные фаллосы внушительных размеров. Театральный сатир – глупое, уродливое и дикое существо.

Обязательной частью сатирической пьесы был танец с игрой на двойной «флейте Пана» (сиринксе). Греческий писатель Лукиан излагает в «Диалоге о богах» (II век н. э.) легенду о том, как Пан погнался за целомудренной нимфой Сиринкс, которая, чтобы спастись, превратилась в тростник на реке Ладон. Пан не смог отличить ее от остальных тростинки и, срезав несколько наугад, сделал из них флейту, которая стала неизменным атрибутом сатиров. Эту историю повторяет в «Метаморфозах» Овидий. Он пишет о том, что Сиринкс удалось убежать не только от Пана, но и от сатиров и других богов. Этот вариант интересен тем, что Овидий указывает на связь между многочисленными «козлинообразными» существами.

В указанных сатирических пьесах ноги исполнителей-актеров были, естественно, человеческими, в то же время в «Гимне Пану» описан бог «с козлиными ногами». Слияние этих образов отчетливо видно в поэме Горация «Могущество Вакха», в которой упоминаются «козлоногие сатиры».

Одна из самых примечательных комедий о сатирах была создана после походов Александра Македонского (IV век до н. э.). В ней Дионис в сопровождении Пана, Силения, сатиров и менад (жриц Диониса) покоряет Индию при помощи вина. Эта комедия подтолкнула некоторых авторов к забавному выводу о том, что сатиры были не вымышленными, а реальными существами,

населявшими Индию. Ктесий и Мегасфен, посол диадоха Селевка I при дворе индийского царя Чандрагупты, упоминают о том, что сатиры населяют индийские плоскогорья.

Римский энциклопедист Плиний Старший (23—79 н. э.), видимо, пользовался трудами Ктесия и Мегасфена. В его «Естественной истории» говорится о том, что сатиры получили свое название от греческого «сате», то есть «мужской орган», поскольку они «всегда одержимы похотью». Плиний утверждает, что сатиры населяют не только Индию, но и Эфиопию.

Вера в реальное существование сатиров дожила до позднего средневековья. В «Нюрнбергских хрониках» Шеделя (1493) содержится иллюстрированная антология загадочных животных Индии, включающая сатира. Этот пример – не единственный. Причиной служит то, что сатиры упомянуты в Библии. Пророк Исайя говорит о том, что после разрушения Вавилон превратится в логово злых существ: «Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые (сатиры) будут скакать там». То же произойдет и с городом Едом: «И лешие (сатиры) будут перекликаться один с другим».

В «Золотой легенде» – собрании французских историй о святых, созданном в XIII веке Якобом из Ворагина, рассказывается о том, что святой Антоний во время поисков святого Павла Отшельника встречает в пустыне сатира – «дьявольское существо, которое язычники почитают как лесное божество».

Хотя ни в греческой, ни в римской мифологии сатиры не воспринимались как зло, их средневековый сатанинский образ во многом обязан своим происхождением легенде о сатире Марсии, который, возомнив себя непревзойденным игроком на флейте, вызвал на соревнование Аполлона. В наказание за дерзость с проигравшего Марсия заживо сдирают кожу. Средневековые теологи увидели в этом аллегория победы Аполлона – олицетворения света и чистоты – над злом.

Другой причиной превращения сатира в сатану в средневековых легендах была его связь с Паном и Дионисом, которых нередко изображали в виде рогатых существ с неутолимой жаждой плотских утех. Козлиные ноги, острые уши и бегающие глаза несомненно

подходили к образу дьявола. В Панае, сыне Гермеса, провожающего мертвых в подземное царство, и Дионисе, воскрешающем из мертвых, средневековые теологи видели символы тьмы.

В VII веке н. э. английские женщины продолжали имитировать менад и их ритуал поклонения Вакху (то есть Дионису). Лунными ночами, одевшись в шкуры животных, они пели песни и танцевали вокруг козла в лесной чаще. Архиепископ Кентерберийский Теодор заклеил этот древний ритуал плодородия как «дьявольский». Несмотря на это, ритуал, трансформировавшийся в ведьминский шабаш, продолжал исполняться еще, по крайней мере, тысячу лет, а сатану стали часто изображать в образе козла. Для средневекового человека дьявол и сатир стали неразделимыми символами зла. Подтверждением этому служит строка из «Кармина бурана» – латинского песнопения, сочиненного монахами монастыря Бенедиктбойер в Верхней Баварии в XIII веке: «Я изгоняю вас, фавны, нимфы, сатиры, тролли... демоны во всех обличьях».

Кроме того, в средние века сатиров стали прочно ассоциировать с обезьянами. Еще в III веке греческий ритор Филострат Младший писал в «Жизни Аполлона» о том, что видел ребенка сатира, целиком покрытого шерстью. В «Естественной истории» Плиния сатир – ловкое животное, передвигающееся на четырех лапах, но способное тем не менее подниматься на задние лапы и передвигаться как человек. В бесчисленных бестиариях сатиры и обезьяны описывались в одних и тех же главах. Этот взгляд отражен и в современном научном названии орангутана – «симиа сатирис».

Варфоломей Английский пишет не только о том, что сатиры – разновидность обезьян, но и что некоторые из них – циклопы, у некоторых нет голов, а у отдельных особей глаза расположены на плечах. Эдвард Топселл в «Истории четвероногих зверей» (1607) видит отличие между обезьянами и сатирами в том, что последние – «похотливые животные, охотящиеся на женщин».

С началом эпохи Возрождения средневековый образ сатира начинает уступать место прежнему классическому. В пьесе Джона Флетчера «Верная пастушка» (1608 год) Пан – «хранитель овец, защитник чистоты и свободы». А его современник драматург

Бенджамин Джонсон сравнивает с Паном короля Якова I – покровителя овцеводства.

Ницше раскрывает смысл совмещения козлиного и божественного в сатире в «Рождении трагедии» (1872). По его мнению, сатир – философская метафора греческой цивилизации, образ, соединяющий в себе красоту, идиллию, сексуальность, простоту и зло.

Образ сатира в литературе и искусстве также изменялся на протяжении веков. Изображение сцены из комедии Эсхила «Прометей и сатиры», первое представление которой состоялось в 472 году до н. э., можно увидеть в росписях на греческих вазах: сатиры танцуют с факелами, зажженными от огня, похищенного Прометеем у богов. На греческих вазах сатиоров-актеров в звериных шкурах легко отличить от «настоящих» хвостатых сатилов, которые нередко изображены во время совокупления друг с другом, менадами или животными.

Мраморное изваяние «Сатир» работы Праксителя (IV век до н. э.), выставленное в Капитолийском музее Рима, представляет собой скорее идеализированный человеческий образ. О его природе сатира напоминают только заостренные уши и звериная шкура, наброшенная на плечи. Спящий «Сатир Барберини» из Мюнхенской глиптотеки (музея скульптуры) изображает историю царя Мидаса, который опьянил сатира для того, чтобы изловить его и потребовать от него пророчеств.

Статуи Пана в греческом и римском искусстве воплощали в камне более животное, чем человеческое существо. Рогатых, лохматых Панов с козлиными ногами можно увидеть изваянных в скульптурах, изображающих обучение Олимпа игре на флейте и оргии Диониса (Национальный музей Неаполя). Слияние образов сатира и Пана можно заметить уже в относящейся ко II столетию н. э. мраморной статуе молодого сатира с козлиными ногами, играющего на флейте.

С наступлением средневековья сатир в европейском искусстве превратился в дьявола. Назовем лишь несколько из бесчисленных примеров: волосатый сатир-сатана с безобразным лицом и козлиными копытами, искушающий святого Иеронима на гравюре Пьера Боэстю «Чудесные истории» (1597); сатир-дьявол, сеющий

семена зла на гравюре Франса Хогенберга (1559), сатир с козлиной головой, взвешивающий человеческие души, на испанском алтаре XIII века из Барселонского музея.

В позднем средневековье сатиров было принято изображать с музыкальными инструментами – флейтой или волынкой. Лютня и рожок, считавшиеся символами светской музыки, противопоставляемой духовной, тоже нередко представлялись инструментами сил зла.

В эпоху Возрождения были сделаны многочисленные переводы античных книг и пьес, что вызвало волну интереса к языческим темам и соответственно пересмотр сложившихся взглядов на сатиров. На полотне Боттичелли «Марс и Венера» (1485) четыре шаловливых ребенка-сатира олицетворяют невинные радости сельской жизни. А на картине «Открытие меда» Пьеро ди Козимо (1498) сатиры собирают мед для приготовления спиртного напитка. После создания в 1516 году Рафаэлем фрески «Свадьба Купидона и Психеи» сатиры стали на картинах неизменными персонажами сцен свадеб античных богов и языческих празднеств.

Вплоть до 1563 года, когда католическая церковь запретила изображать эротические сцены, сатиры были их постоянными героями. Наиболее известны полотна итальянских мастеров – «Сатир нападает на женщину, которую защищают три купидона», «Возбужденный сатир несет женщину», на которых сатир, как ясно из названий, принуждает женщин к соитию. Интересно, что существуют и картины, изображающие противоположные сцены: вырывающегося сатира несут к женщине, готовой принять его.

В XVII и XVIII веках снова в живописи и скульптуре преобладают идиллические изображения сатиров. На полотнах Никола Пуссена сатиры с козлиными конечностями отличаются от фавнов с человеческими ногами. В XIX веке трактовка художественного образа сатира была крайне широкой. Его можно увидеть и на иллюстрациях к «Сну в летнюю ночь» Шекспира, и в сценах ведьминских шабашей.

Немало рисунков, на которых изображен сатир, было сделано в конце XIX века английским художником Обри Бердсли. Многие рисунки выполнены в юмористической манере, как, например,

сатир-парикмахер, стригущий девушку. На других изображены классические сатиры, играющие на флейтах для танцующих нимф.

Самый известный среди художников XX века, изображающих сатиров, Пабло Пикассо, который вскоре после освобождения Парижа от оккупантов в 1944 году создал три полотна: «Вакханалия», «Триумф Пана: радость жизни» и «Фавн, играющий на флейте», символизирующие возвращение Европы к жизни после кошмара второй мировой войны.

Из литературных памятников сатиру следует отметить комедию Еврипида «Циклоп» – единственную из дошедших до нас греческих сатирических пьес, в которой сатир вместе с Одиссеем и его спутниками попадает в логово циклопа Полифема. Одиссеем и его люди ослепляют циклопа и уходят, сатир же остается с ним в качестве его любовника. Пьеса в сатирической форме передает смысл справедливости. Само слово «сатира», как жанр литературы, стало употребляться в связи с романом «Сатирикон» (66 н. э.) римского писателя Петрония, в котором, однако, сатиры не фигурируют.

Наиболее значительные из произведений средневековья, в которых являются действующими лицами сатиры, – «Рай, вновь обретенный» Джона Мильтона (1671), «Гимн о демонах» Пьера де Ронсара (1555) и «Жизнь души» Генри Мора (1650). Сатиры – важные персонажи многих пьес Вильяма Шекспира и Эдмунда Спенсера. Им посвящали свои произведения Шелли, Гюго, Браунинг, Стивенсон, Уайльд и другие.

Необходимо упомянуть и о балете «Послеполуденный отдых Фавна» на музыку Стравинского. Костюм, в котором Вацлав Нижинский танцевал в нем в 1912 году в Париже, отражает классическую сущность безобидного шаловливого сатира.

В заключение приведем мнение режиссера Эндрю Берната, который считает, что современное общество вывело свой особый вид сатира – «голливудский». Нового сатира, который изысканно одевается, спит весь день, а по ночам волочится за женщинами, излишне много пьет и курит, можно назвать олицетворением самоубийственных тенденций безумного XX века, не ведающего любви и благородства.

СИРЕНЫ

Сирены – мифические существа женского пола, женщины-птицы или русалки, которые своим пением и чарующей музыкой увлекают моряков и губят их.

Сирены пришли к нам из древнегреческой мифологии, главным образом из легенд о Ясоне и Одиссее (Улиссе, по-латыни). Ясон и аргонавты в «Аргонавтике», написанной Аполлоном Родосским (III век до н. э.), встречают сирен, дочерей реки Акелоя и музы Терпсихоры, по облику наполовину птиц, наполовину русалок. Их пение привлекло аргонавтов, и они погибли бы, если бы Орфей сам не зачаровал сирен своей игрой на лире. Гомеровский Одиссей привязал своих спутников к мачте и заткнул им уши, чтобы они не могли слышать пение сирен. Гомер не приписывает им каких-либо сверхчеловеческих свойств; судя по его поэме, сирен было две.

Хотя Аполлоний творил позднее Гомера, миф о Ясоне древнее истории об Одиссее. Сирен традиционно изображают чаще как птиц с женскими головами, чем женщин-колдуний, как пытались это сделать некоторые авторы, ссылаясь на Гомера, который опустил их описание в «Одиссее». Классические писатели, касавшиеся этой темы, всегда изображали сирен в виде птиц.

В «Библиотеке» Аполлодора (I – II века н. э.) сирены представлены в виде птиц от пояса и ниже, их имена – Писиноэ, Аглаопе и Телксиэпия, они дочери Акелоя и музы Мельпомены, одна играет на арфе, другая – на флейте, третья поет.

Английский историк Джеймс Джордж Фрейзер (1854—1941) обобщил упоминания о сиренах в произведениях классических писателей. По его данным, птицеподобные сирены встречаются у Элиана («De natura animalium»), Овидия («Метаморфозы»), Хигинуса («Фабулы»), Евстафия («По поводу „Одиссеи“ Гомера») и Павсания («Описание Эллады»). В различных версиях сирен либо две, либо три, либо четыре. Их отец Акелой или Форкес, бог моря, мать – Мельпомена, Терпсихора или Стеропа. Имена сирен: Телес, Райдне, Молпе и Телксиопе, Левкозиа и Лигия или Телксионе, Молпе и

Аглафонус или Аглаофеме и Телксиепиа. Аполлодор и Хигинус считают, что сирены погибли после встречи с Одиссеем, и таким образом, исполнилось древнее предсказание оракула, что они умрут, когда судно пройдет мимо них невредимым. Другие авторы утверждают, что от досады они утопили сами себя.

Еще один вариант мифа известен из краткого упоминания о сиренах в «Описании Эллады» Павсания (II век н. э.): в Коронеех была статуя Геры с сиренами в руке, «так как история гласит, что Гера убедила дочерей Акелоя соревноваться с музами в пении. Музы победили, вырвали перья из сирен... и сделали себе короны из них». Английский поэт XVI века Э. Спенсер истолковывал смысл этого мифа в том ключе, что русалки символизируют искушение: «девушек-колдуний» в наказание за их «высокомерие» в состязании с музами наделили рыбьими хвостами.

Картины и скульптуры доклассической и классической эпохи также изображают сирен с туловищами птиц, и их довольно трудно отличить от гарпий. Сирены часто изображались на древних классических надгробьях и могли символизировать души умерших или духов, которые сопровождают душу к богу подземного царства Гадесу (Аиду). Деннис Пейдж в книге «Предание о гомеровской „Одиссее“» высказывает предположение, что Гомер мог придумать описание своих человекоподобных сирен, обобщив легенды о сопровождении душ во владения Аида с легендами о демонических существах женского пола, которые, используя свою красоту, соблазняют, а затем убивают мужчин.

Американский исследователь Джон Поллард указывает на то, что дошедшие до нас произведения искусства свидетельствуют, что с сиренами связан целый ряд ассоциаций и символов, сохранившихся в литературе, не считая изображений сирен на надгробиях и тех, которые повстречались Одиссеем и его спутникам. Сирены изображаются рядом с Тесеем, Артемидой, Герой, Афиной, Дионисом; хотя большинство сирен женского пола, некоторые, особенно ранних эпох, имеют бороды. Они не только предвещают смерть или приводят к гибели, но также доставляют неземное наслаждение своим пением и символизируют животную силу.

Практически единственным писателем классической античности, который описал сирен с привлекательной стороны, был Платон. В мифе об Эр, которым заканчивается диалог Сократа «О государстве», автор представляет небесную музыку как пение восьми сирен, по одной на орбите каждой из планет и еще одной на орбите неподвижных звезд.

Неизвестно точно, когда и в связи с чем сирены стали ассоциироваться с русалками, утратив свои крылья и покинув гнезда на скалистых островах, чтобы погрузиться в морские волны. Возможно, это произошло в средние века в связи с распространением бестиариев. В романских и некоторых других языках словом «сирена» и его родственными формами стали называть русалок, хотя употребление этого слова свидетельствует и о влиянии классического образа сирены.

В итальянской легенде «Жена сирены» сирены, которые спасают тонущую жену и заботятся о ней, любят петь морякам (эта особенность присуща и некоторым русалкам, а не только классическим сиренам); современный итальянский писатель Итало Кальвино, пересказывая эту историю, усилил эффект, сочинив слова их песни, которая как бы призывала моряков выпрыгивать за борт в море; сирена с рыбьим хвостом в «Лигее» Джузеппе Томази ди Лампедузы (в английском переводе «Профессор и русалка») имеет классическое имя; у «маленькой сирены» Элеоноры из книги Жана де Брунхоффа «Каникулы Зефира» также рыбий хвост, она добродушна и отнюдь не соблазнительница и у нее нет склонности к музицированию.

В «Книге воображаемых существ» аргентинские писатели Хорхе Луис Борхес и Маргарита Гуереро в главе о сиренах отмечают, что разница между русалкой и сиреной состоит в наличии или отсутствии хвоста, но это различие на практике не всегда наблюдается. Русалка в одноименной поэме Альфреда Теннисона (XIX век) имеет «серебряные ступни»; сирена, изображенная на титульной иллюстрации к роману Уильяма Теккерея «Пенденнис», которая побуждает Пена уйти от его возлюбленной Лауры, имеет хвост.

Изображаемые с ногами или с хвостом, сирены были не столь популярны в литературе, как русалки. Под влиянием легенд об Одиссее и Ясоне сирены поначалу символизировали страх мужчины перед женской сексуальностью, что не идет ни в какое сравнение с разнообразием сюжетов и ассоциаций, которые мы находим в произведениях о русалках. Тем не менее сирены тоже оставили свой след в литературе и искусстве.

В трех самых знаменитых произведениях литературы сирены являются среди множества других необычных существ.

Данте в «Чистилище» видит во сне сирену, уродливую женщину, поющую о своей страсти к Улиссу, и по мере того как льется ее песня, она преобразуется в красавицу.

Гете один из немногих писателей, изобразивших сирену с туловищем птицы, он поместил ее в толпу монстров и младших божеств из греческой мифологии в классической сцене вальпургиевой ночи во второй части «Фауста». Эта сцена является параллелью «романтической» вальпургиевой ночи фаустовского времени в первой части трагедии. Сирены из вальпургиевой ночи в весьма несвойственной для них манере символизируют здоровую чувственность. Хотя Сфинкс обвиняет их в том, что они принуждали мужчин к занятию любовью с тем, чтобы потом растерзать их когтями, в конце сцены сирены приводят всех действующих лиц с победной песнью к Эросу, создателю и правителю всего сущего.

В «Улиссе» ирландского писателя Джеймса Джойса (1882—1941), одиссее героя романа Леопольда Блума в современном Дублине, сирены – две барменши, подающие золотое пиво, в баре как бы слышится пение сирен.

Сирены также выступают действующими лицами в литературных переложениях легенды о Ясоне, например, в поэме Уильяма Морриса «Жизнь и смерть Ясона» (XIX век) или современном романе Роберта Грейвса «Геркулес. Мой спутник в плаванье». В версии Грейвса сирены – люди, жрицы матери-богини. Однако в поэме «Улисс» Грейвс изображает сирен как символ страха Улисса перед женщинами и одновременно страстного желания.

Многие писатели использовали понятие «сирена» не в буквальном смысле, не имея в виду сверхъестественных существ, а

метафорически, описывая какую-либо соблазнительную особу. Эта метафора очень популярна. Один из самых ярких примеров – Лигея в одноименном рассказе Эдгара По, которая носит имя сирены и красота которой приводит к гибели рассказчика. С сиреной же сравнивается голодный человек, который неумеренно нахваливает обед и отрывает своих коллег от работы в рассказе Чехова «Сирена».

В некоторых произведениях сирены появляются среди множества других фантастических существ. Вот два современных примера. «Источник магии» Пиэрс Энтони и «Колдовская песня» Элизабет Скарборо – это две легкие комедии, где среди других действующих лиц фигурируют сирены.

Сирены редко используются в качестве кинематографических и сценических персонажей. «Справочник фантастических фильмов», составленный Уолтом Ли, насчитывает всего 10 фильмов, в названиях которых упоминаются сирены, причем половина фильмов – на языках, в которых не существует различия между сиренами и русалками. Любопытное метафорическое значение сирен мы встречаем в «Песне сирены» (1911 год) с участием Теды Бара в роли певицы, которую проклял отец и вследствие этого потерявшей голос. Как правило, сирены появляются в большинстве киноверсий легенд о Ясоне и Одиссее.

В музыкальных произведениях сирены фигурируют реже русалок. Наиболее известное из них ноктюрн Дебюсси «Сирены». Укажем и некоторые другие музыкальные сочинения, посвященные сиренам: опера «Сирена» Даниэля Обера, симфония «Сирены» Рейнгольда Глиэра, симфоническая поэма «Песня сирены» Димса Тейлора.

В живописи и графике художники иногда изображают женщин в виде сирен с человеческими ногами. На полотне «Сирены» Джона Уильямса Уотерхауса у женщины чешуйчатые от икр ноги, она смотрит на тонущего мужчину. На его же картине «Русалка» у женщины рыбий хвост и она изображена в одиночестве. Дэ-ниэл Маклайз, иллюстрировавший книгу английского поэта-романтика Томаса Мура «Происхождение арфы», нарисовал сирену с ногами, она оплакивает потерянную любовь; ту же сирену мы видим на его гравюре, однако у нее уже имеется хвост.

Художники, чей родной язык не знает различия в обозначении русалок и сирен, тех и других чаще изображают с хвостами. Это можно видеть, например, на картине Поля Делво «Сирены при полной луне». Крайне редко в изобразительном искусстве встречаются сирены с классическим птичьим подобием; один из немногих таких примеров – картина Арманда Пойнта «Сирена».

Сирены в наше время по-прежнему не слишком популярны. Русалкам приписывается большая часть фантастических функций, а их предшественницам сиренам оставлена роль метафорическая. Вдобавок к символическому значению красоты и прекрасного голоса они иногда дают свое имя гораздо менее музыкальным сиренам, которые предупреждают о нападении, или животным отряда сирен – ламантинам, дюгоням, морским коровам (вымерший вид), которых издавна иногда принимали за русалок.

Римский писатель Светоний в сочинении «О жизни двенадцати Цезарей» считает императора Тиберия глупым из-за его страстного интереса к мифологии. Тиберий, например, ставил своих собеседников в тупик вопросами о том, что поют сирены. Хронист Томас Браун в произведении «Гидриотафия, или Похоронная урна» замечает: «Какую песню поют сирены или под каким именем является Ахиллес среди женщин – эти загадки никто не в состоянии разгадать».

СФИНКС

Слово «сфинкс» происходит от греческого «сфиггеин» – «связывать», «сжимать». Поэтому греческий Сфинкс – существо с львиным телом и головой женщины – считался удушителем. Впрочем, хотя имя Сфинкса происходит из греческого, его корни следует искать в Египте. Большой Сфинкс из Гизы, бескрылое чудовище с львиным телом и мужской головой, – древнейшее из дошедших до нас изображений. Из Египта миф о Сфинксе распространился в Ассирии, Греции, а затем и во всей Западной Европе.

В ассирийской и древнегреческой цивилизации Сфинкс был широко представлен в архитектуре и изобразительном искусстве. Его изображения можно увидеть на античных колоннах, вазах, золотых украшениях, на щитах и оружии воинов. Сфинкс украшает шлем Афины в Парфеноне. За свою почти пятитысячелетнюю историю Сфинкс почти утратил божественную сущность. Он ассоциировался и с бараном, и с быком, и с соколом, и с орлом, и с гарпиями, и с сиренами.

Уже в древние времена не существовало единого представления о Сфинксе. Как уже сказано, в Египте он представлял собою бескрылое мужское существо и часто изображался сидящим. Египетских сфинксов можно разделить на три типа: андросфинкс – лев с человеческой головой или лицом, криосфинкс – лев с головой барана и иеракосфинкс – лев с головой ястреба. В древней Месопотамии Сфинкс мог быть и мужским и женским, и крылатым и бескрылым существом. Женские сфинксы часто встречаются в искусстве Финикии и Сирии. В Древней Греции Сфинкс обычно изображался с женским лицом и грудью, крыльями орла и телом льва. Изображения лежащего Сфинкса у греков встречались достаточно редко.

Несмотря на все вариации, образ Сфинкса оставался довольно стабильным. Причиной такой стабильности, видимо, служит то, что образом являлся Большой Сфинкс из Гизы – самый впечатляющий своими размерами и выразительностью монумент вымышленного

существа, сохраняющий свое значение в изобразительном искусстве и в наши дни.

Параллельно с художественным развивался и литературный образ Сфинкса. Первое упоминание о нем встречается в шумерском мифе «Энума элиш» 2-го тысячелетия до н. э. В этом мифе Тиамат, мать природы, богиня безбрежных морских вод, и Алсу, отец жизни, бог пресных вод, производят на свет младших богов, чьи обязанности состоят в поддержании первичного порядка и спокойствия божественной пары. Алсу замышляет истребить младших богов, но они, прознав о его намерении, убивают его до того, как он приводит свой план в исполнение. Разгневанная смертью супруга Тиамат объявляет войну своим детям и порождает чудовищ-мстителей – гадюку, дракона, Сфинкса, льва, бешеную собаку и человека-скорпиона.

Шумерская история происхождения Сфинкса резко диссонирует с египетской. Если в Египте Сфинкс почитался божественным символом власти фараонов, то в «Энума элиш» он выступает как воплощение зла, плод гнева и жажды мщенья. Возможно, такая трактовка объясняется тем, что литературные образы вымышленных существ нередко отличаются от их художественного воплощения. Это обусловлено тем, что в древних литературных памятниках редко описывается внешний вид существ – либо подразумевается, что людям отлично известно, как они выглядят, либо решение этой задачи отдается на откуп их фантазии. Нельзя не учитывать и тот факт, что «Энума элиш» и Большой Сфинкс – почти современники.

То, что в литературе не приводится детального описания Сфинкса, послужило причиной многих недоразумений, связанных с его образом. Вплоть до XX века, пока писатели и художники не обратились непосредственно к египетскому первоисточнику, Сфинкс в европейской традиции представлялся женским существом – вечным, загадочным и наделенным таящей опасностью привлекательностью. К примеру, на картине Франца фон Штука изображен не только Сфинкс с женскими чертами, но и лежащая на его спине обнаженная женщина, повторяющая его позу. Многие художники рисовали «улыбающегося Сфинкса». Образ Сфинкса подвергся изменениям еще в Древней Греции, где он из

царственного мужского существа превратился в эротическое женское существо, удушителя мужчин.

В Древнем Египте иероглиф Сфинкса – «неб» означал «хозяин», «правитель». Сфинкс служил также символом постижения истины. Не случайно фараоны восседали на троне, опирающемся на лапы льва. Некоторые исследователи высказывают мнение, что в Египте Сфинкс считался еще охранителем религии и божественных мистерий и даже символом воскрешения после смерти. В качестве хранителя тайн Сфинкс вновь появляется в эпоху Возрождения.

Тем не менее возникшая в «Энума элиш» традиция Сфинкса-зла оказала большое влияние на формирование его европейского образа. Гесиод называет Сфинкса дочерью Орта и Ехидны. Аполлодор – дочерью Цифея и Ехидны, он же утверждает, что музы научили Сфинкса его загадкам. В Греции Сфинкса издавна ассоциировали с болезнями и смертью; дыхание дочери Цифея обращалось в жаркий южный ветер сирокко, губительный для всего живого.

Средневековые авторы черпали знания о Сфинксе из «Библиотеки» Аполлодора и «Эдипа» Сенеки. Поэтому неудивительно, что для Андреа Агатти (1491– 1550) Сфинкс – воплощение невежества, для Эдмунда Спенсера (1552—1599) – символ инквизиции, а для Бенджамина Джонсона (XVII век) – «вечный враг любви и красоты, заманивающий их в свои ловушки». Лишь Фрэнсис Бэкон считает Сфинкса символом науки и знания.

Греки, ассоциировавшие Сфинкса с душевными болезнями и смертью, создали несколько легенд, подтверждающих эту его репутацию. Вот отрывок из истории царя Эдипа: «Город Фивы страдал от чудовища, нападавшего на путников. Имя ему было Сфинкс. У него было туловище льва, голова и грудь женщины. Сфинкс лежал на придорожном камне и останавливал каждого, кто проходил мимо, предлагая ему отгадать загадку. Пройти мимо него могли только те, кто отгадывал, остальным суждено было умереть. Никто так и не сумел дать правильный ответ, и все погибли. Эдип не испугался рассказа и направился к Сфинксу, который спросил его: „Кто утром ходит на четырех лапах, днем – на двух, а вечером – на трех?“ Эдип ответил: „Человек, который в детстве ползает на четвереньках, в

зрелом возрасте – на двух ногах, а в старости – с посохом“. Сфинкс был побежден и убрался восвояси».

В трагедии Софокла «Царь Эдип» со времени победы над Сфинксом до того момента, как Эдип становится царем Фив, проходит 20 лет. Такой же период разделяет его от невольного убийства своего отца до женитьбы на собственной матери – двух событий в жизни Эдипа, предсказанных дельфийским оракулом. Эдип пытается узнать имя убийцы царя Лая, его отца, и спрашивает у Креона, почему жители Фив так и не провели расследование, на что тот отвечает: «Сфинкс разучил нас думать о прошлом и заставил обратиться к насущным нуждам». Другими словами, Сфинкс – символ забвения, враг истины и памяти. По крайней мере, со времен Софокла Сфинкс и душевные болезни стали в представлении европейца нераздельными. В средневековой литературе, философии, теологии и психологии Сфинкс символизирует «чудовищные силы разрушения мысли, речи и рассудка».

Книга Фрэнсиса Бэкона «Сфинкс, или Знание» посвящена описанию борьбы Знания и Невежества. Для него знание – неисследованная страна, загадка, требующая разрешения. Знание может стать мучительным и опасным для человека, не готового принять его. Сфинкс у Бэкона – олицетворение «разрушительной одержимости», охватывающей человека, стремящегося к знаниям, символ «жизненной необходимости подхода к ним с холодным рассудком». Вот отрывок из книги Бэкона: «Знание в руках невежественного и неумелого человека, без преувеличения, становится чудовищем. Знание многогранно и может быть применено по-разному. У него лицо и голос женщины – олицетворение его красоты. У знания есть крылья, потому что научные открытия распространяются очень быстро, невзирая на границы. Острые и цепкие когти нужны ему для того, чтобы аксиомы и аргументы проникли в человеческое сознание и накрепко удерживались в нем, так, чтобы от них нельзя было избавиться. И если они неправильно поняты или использованы, они приносят беспокойство и мучения тем или иным путем и в конце концов просто разрывают сознание на куски». Взгляд Бэкона на Сфинкса –

очень близок греческому. Отношение Бэкона к знанию сродни отношению Эдипа к Сфинксу.

Современник Бэкона Михаэль Майер развивает его аллегория. Майер советует любому здравомыслящему человеку не забывать о том, что истина постигается путем преодоления многих ошибок и ошибки эти всегда мучительны: «Это то, что философы древности пытались сказать нам, говоря о Сфинксе». Для Майера Сфинкс – символ «труднодоступности и запутанности искусства философствования» не только для фивян, но и для египтян задолго до них. Сфинкс загадывает загадки, стоя перед «вратами философии», и «не вредит тем, кто проходит мимо; того же, кто, считая себя мудрым и достойным, пытается отгадать загадку, в случае неудачи ждет разрушение: его сердце будет разорвано сомнениями и он потеряет рассудок – таков смысл философии, и тот, кто понимает его, поймет и меня».

С восприятием Сфинкса Бэконом и Майером хорошо согласуется фраза Георга Фридриха Гегеля, произнесенная два столетия спустя: «Человеческая голова на зверином теле олицетворяет Разум, возвышающийся над Природой, который, однако, не в состоянии полностью оторваться от своей связи с ней».

В поэме Ральфа Эмерсона «Сфинкс» (1841) автор излагает свое видение философского смысла встречи человека с этим загадочным существом. Эмерсон повторяет сюжет трагедии о царе Эдипе: Сфинкс останавливает странника и загадывает ему загадку и, если тот дает правильный ответ, исчезает. Впрочем, поэма Эмерсона – больше чем повторение истории Эдипа. Его постаревший, почти глухой Сфинкс с дряхлыми крыльями так и не встретил человека, способного понять истинный смысл связи человека с природой. Загадка – в самом Человеке, и с ним устами Сфинкса говорит сама Природа. Путешественник-поэт легко дает верный ответ, потому что видит мир не только глазами, но и душой. Сфинкс символизирует разум поэта, стремящийся слиться с его душой, разум, страдающий, будучи оторванным от души. Его жилище – мятущееся сознание поэта.

Удивительно то, как охотно новеллисты XIX и XX веков подхватили идею о том, что Сфинкс обретает реальность лишь в человеческом разуме. В одноименном рассказе Эдгара По Сфинкс существует

только в воспаленном воображении человека, одержимого ужасом перед смертью от холеры. В главе романа «Моби Дик» Германа Мелвилла, названной «Сфинкс», не фигурирует сам Сфинкс – его образ возникает в сознании капитана Ахаба, когда тот видит поднимающуюся из океана голову кита. В «Сфинксе» Оскара Уайльда поэту чудится «любопытная кошка с „пестрыми“ глазами и золотыми ресницами», лежащая в углу комнаты на китайском коврике, иными словами, домашний Сфинкс – олицетворение охвативших сознание поэта разрушительных чувственных грез. А в «Машине времени» Герберта Уэллса слепой и больной Белый Сфинкс служит символом племени каннибалов, в которых превратился род человеческий.

Фрэнсис Бэкон посеял ветер. Пожинать же бурю приходится современным поколениям. Символы, заключенные в образе Сфинкса, не были оставлены без внимания Зигмундом Фрейдом (1856—1939). В «Толковании сновидений» Фрейд утверждает, что «судьба царя Эдипа волнует нас только потому, что на его месте мог бы оказаться любой из нас». Он высказывает мысль о том, что «легенда о царе Эдипе возникла из первобытных сновидений, содержащих подсознательное желание ребенка вступить в половые отношения с родителями, появляющееся с началом полового созревания». Другими словами, история Эдипа, по Фрейду, отражение сна о половом контакте с матерью. Однако в таком объяснении эдипова комплекса нет упоминаний о Сфинксе. Зато ученики Фрейда извлекли Сфинкса из человеческого подсознания на свет божий.

Для Марка Канцера Сфинкс – воплощение «загадок полового акта и таинства рождения», которые разрешил Эдип. Жорж Девере считает, что победа Эдипа над Сфинксом «представляет собой одновременно гетеросексуальную и гомосексуальную победу и акт триумфа». Подобные мысли кочуют из статьи в статью вплоть до наших дней.

В статье «Фрейд и человеческая душа» (1983) Бруно Беттельхейм предлагает читателю собственное прочтение мифа об Эдипе: «Поскольку известно, что Сфинкс знал огромное количество загадок, следует полагать, что загадка, данная Эдипу, предназначалась именно ему». Он далее пишет: «Очевидно, что Эдипа, над которым довели последствия травмы, более чем других волновали проблемы»

хождения и символы способов передвижения, к которым прибегают люди разных возрастов; будучи уже взрослым юношей, все еще ползающим на четвереньках, он гораздо больше, чем какой-нибудь малыш, осознает свою неспособность встать на ноги. История встречи со Сфинксом подчеркивает, что ответ на загадку жизни – не просто человек, а каждый из нас».

В психоаналитике Сфинкс предстает довольно полезным чудовищем, заинтересованным во благе тех, кто с ним соприкасается. Зная о страстном желании Эдипа ходить и о том, что невозможность этого связана с нанесенной ему в детстве травмой, Сфинкс, как любой чего-то стоящий психоаналитик, не просто задает Эдипу наводящие вопросы, но и подталкивает его к правильным ответам.

В продолжение фрейдистского тезиса об эдиповом комплексе кратко рассмотрим трактовку других Сфинксов, «извлеченных из глубин человеческого подсознания», – с полотен Жана Энгра и Поставы Моро. На картине Энгра «Эдип и Сфинкс» внимание уделено в основном царю: обнаженный Эдип стоит оперевшись о придорожный камень и, наклонившись вперед, смотрит прямо на Сфинкса, сидящего на камнях у входа в пещеру. Свет падает на его лицо и длинные черные волосы. Сфинкс же почти целиком укрыт в тени скалы, только его женская грудь, находящаяся на уровне глаз Эдипа, освещена ярким светом. На фоне черного входа в пещеру четко видна нога спрятавшегося в ней человека; другой человек, объятый тревогой, стоит позади Эдипа, он испуганно глядит на Сфинкса и порывается к бегству. На горизонте изображен силуэт Фив – храм и покатая крыша здания с колоннами.

Картина Моро «Эдип и Сфинкс» была написана под впечатлением от полотна Энгра. Однако между ними немало различий. В центре работы Моро – Сфинкс. Он бросается на Эдипа, как огромная кошка на дерево, – его спина изогнута, мышцы лап напряжены, орлиные крылья расправлены и каждое перо на них тщательно выписано. У Сфинкса голова красивой девушки с вьющимися волосами, на голове – корона, украшенная жемчугом. У него гладкая белая кожа, все его черты привлекательны. Полная грудь Сфинкса касается груди Эдипа, а его большие добрые глаза пристально глядят в глаза царя. Здесь Сфинкс одновременно и «роковая женщина» Альфреда де Мюссе,

«очаровательная, но несущая гибель», и «Безжалостная красавица» Китса, и «Лорелея» Гейне, и «Кармен» Мериме. В полотнах Энгра и Моро мы видим скорее не фрейдистское инстинктивное отражение подсознательных желаний, а юнговский взгляд на Сфинкса, как на страшную всепожирающую богиню-мать Тиамат.

В поэме «Двойное видение Майкла Робартеса» ирландского поэта Уильяма Йитса (1865—1939) рассказчик видит «глазами разума» Будду, Сфинкса и маленькую девочку, которая танцует между ними. Для Йитса, Будда – символ «проникновенного разума, любви и ее искушений», а Сфинкс – олицетворение «знания и жажды его обретения». Девочка, в которой герой поэмы узнает троянскую Елену, – образ красоты. Сфинкс, Будда и девочка символизируют у Йитса «знание прошлого и будущего, красоты и любви во всех их печалях и разрушительных способностях». Хотя здесь описан греческий Сфинкс – женское существо, он напрочь лишен качеств хищника (в отличие от Сфинкса из мифа о царе Эдипе). Он смотрит на окружающий мир глазами интеллекта.

В разные периоды истории со Сфинксом связывали разные символы. Это существо предстало и в качестве защитника, и в качестве разрушителя. Но прежде всего Сфинкс – символ загадочного и невыразимого. Таким он был всегда, таким остается по сей день. Именно поэтому его образ так волнует нас.

ФЕНИКС

Феникс – священная птица, напоминающая по описанию орла или цаплю с золотыми и красными перьями, которая способна возрождаться, иногда даже из своего пепла. Согласно мифам, на Земле живет только один феникс. По разным источникам, его жизнь длится 500, 1000, 1461 или даже 12 994 года. Мифы о фениксе возникли в Древнем Египте, откуда распространились в Греции, Риме, затем в христианской Европе, стали известны во всем мире. Эта птица считается символом солнца, а также и загробной жизни.

В разных странах феникс был известен под разными именами. В Аравии его называли «анка», в Персии – «симуург», в Индии – «гаруда». Некоторое сходство с фениксом имеет и скандинавский мифологический ворон Йель. Со всеми этими персонажами древних легенд схожи мифы о вечной птице солнца, прообразом которой называют цаплю, орла, альбатроса, кондора и других реальных птиц.

В китайских мифах часто описывается рожденная солнцем чудесной красоты птица с перьями пяти цветов, поющая прекрасную песню из пяти нот. Это птица Фен-хуан – один из священных китайских символов наряду с драконом, черепахой и единорогом. Появление Фен-хуан приносит счастье, а за ее отлетом следуют природные бедствия. Японская птица Хо-о, символ императорской власти, олицетворяет солнце спустившееся на землю, чтобы делать людям добро.

Образ известной по народным сказкам, балету Стравинского русской мифологической Жар-птицы, которую Иван-царевич спасает от Кощея Бессмертного, появился, по-видимому, под влиянием как западных, так и восточных мифов. В сборнике русских сказок Афанасьева есть два повествования об огненной птице – «Василиса Прекрасная и Жар-птица» и «Иван Царевич, Жар-птица и Серый Волк». У сказочной Жар-птицы огненно-красные и золотые перья, крылья – как языки пламени, а глаза сверкают, как алмазы. Ближайший к ней образ – персидский сокол «каршипта», который, как и Жар-птица, умеет говорить.

Со времен Геродота (V век до н. э.) феникс остается одним из самых популярных мифологических персонажей. По известности с ним не может соперничать ни одна птица. Ни одна птица не захватывала человеческое воображение так, как священный феникс из Гелиополиса, мистическая птица древнеегипетского «города солнца». Феникс служил символом солнца, заходящего вечером и снова появляющегося утром, и вечной жизни души, покидающей тело после смерти.

Возможно, феникс возник в сознании людей как воплощение вечной мечты человечества о бессмертии. Пробразом феникса могли послужить и некоторые виды реальных птиц, избавляющихся от паразитов, позволяя муравьям заползать на свои перья, или использующие для этой цели дым. Примеры такого поведения описаны у ворон и других птиц. Другой причиной возникновения мифа могла быть линька, при которой некоторые птицы полностью теряют перья, а затем «рождаются заново» в новом оперении. Конечно, все эти предположения – не более чем догадка. Но возможно, они содержат в себе долю истины.

Первое упоминание о фениксе мы находим у греческого поэта Гесиода, который говорит о нем как о широко известной долгоживущей птице. Однако ее самое подробное описание оставил Геродот. Оно и послужило отправной точкой для развития многочисленных мифов о фениксе. Согласно Геродоту, египтяне почитали феникса как священную птицу. Сам он не видел птицу и описывает ее по фреске из гелиопольского храма: феникс похож на орла с красными и золотыми перьями. Вот история, изложенная Геродотом: молодой феникс прилетает в Египет из Аравии один раз в 500 лет, в когтях он приносит забальзамированное в мирре тело своего предка, которое хоронит в Храме солнца в Гелиополисе.

Библейский пророк Иезекииль называет феникса царем птиц и восхищается его чудесной песней. Диоген Лаэртский (III век н. э.) упоминает о фениксе, как о единственной птице, которая не нуждается в партнере для рождения потомства.

Первое описание возрождения феникса мы находим у Плиния Старшего: феникс живет в Аравии 540 лет, а затем умирает в гнезде, источающем аромат; из костей и костного мозга мертвой птицы

появляется маленький червь, из которого вырастает новый феникс. Со времен Плиния (I век н. э.) мифологические черты феникса остаются практически неизменными: птица живет очень долго, она является людям только незадолго до смерти, после смерти рождается заново и, наконец, феникс – птица солнца.

Сильное влияние на распространение легенд о фениксе оказали «Метаморфозы» Овидия, который создал римскую версию мифа на основе греческого знания о птице солнца. Образ феникса как нельзя лучше иллюстрирует название книги: «метаморфозис» по-гречески означает «перевоплощение». По Овидию, феникс бессмертная птица, но его жизнь состоит из пятисотлетних циклов. В конце каждого цикла птица строит на высокой пальме гнездо из мирра, корицы и других благовоний. Солнце воспламеняет гнездо, и феникс сгорает в огне. Молодой феникс, рождающийся из пепла, живет следующие 500 лет. Когда птенец становится достаточно сильным, он переносит прах своего предка в храм города солнца.

Деталь, связанная с пальмовым деревом, может привести на некоторые догадки относительно происхождения феникса. Его описание у Овидия заставляет вспомнить о другой священной птице Египта – пурпурной цапле бену, название которой обозначает еще и вид пальмы. В древнеегипетской «Книге мертвых» говорится, что цапля бену также служила в Гелиополисе одним из символов солнца. В некоторых источниках бену называют «душой бога Ра» – египетского бога солнца, а также символом верховного бога Осириса, из сердца которого она якобы появилась.

Римский историк Тацит (I век н. э.), утверждает, что живущий 1461 год феникс перед смертью выделяет в гнездо некое плодородное вещество, из которого и рождается молодая птица. Современник Тацита святой Клемент Римский впервые связывает образ феникса с христианским учением: повторяя рассказ Овидия о пятисотлетнем фениксе, обитающем в Аравии, Клемент завершает свой рассказ словами о том, что Создатель, сотворивший феникса, таким образом продемонстрировал, что дарует бессмертие тому, кто посвящает жизнь верному служению Ему. Эта мысль Клемента была подхвачена более поздними христианскими авторами – Тертуллианом, Лактанцием, Руфином, святым Григорием Турским и другими. В

бестиариях, средневековых книгах, в которых описания животных сопровождались религиозными комментариями, легенда о фениксе символизирует воскрешение Христа.

С течением веков количество упоминаний о фениксе в источниках растет в геометрической прогрессии. Если за все время до Рождества Христова известны только девять указаний на феникса, то в одном только I веке н. э. мы находим уже 21 упоминание у десяти авторов. В раннехристианские времена их насчитывается уже более 100, а количество литературных источников относящихся к средневековью, просто не поддается исчислению.

Символическое значение феникса с течением времени менялось. Если, как уже не раз говорилось, в Древнем Египте феникс отождествлялся с солнцем, то в Риме он стал символом императорской власти. Его изображения нередко встречаются на римских монетах.

В христианском учении феникс становится символом не только бессмертия духа, божественной любви и благословения, но и Бога-Сына, воскресшего на третий день после распятия. Изображения феникса украшают соборы в Туре, Магдебурге, Базеле, многих других европейских городах. Наиболее впечатляет настенная мозаика XII века в соборе в св. Петра в Риме: на ней изображен феникс, напоминающий скорее орла, чем цаплю, с бело-голубым оперением, но с золото-красными крыльями, его голова окружена белыми и золотыми нимбами.

Хотя феникс довольно редко появляется на полотнах художников времен европейского Возрождения, его изображения широко используются в геральдике. Феникс украшает щит Жанны д'Арк, печать шотландской королевы Марии Стюарт, медальон Елизаветы I, английской королевы. На броши леди Джейн Сеймур нарисован феникс, объятый пламенем.

Феникс с расправленными крыльями изображен и на одноименной картине Рембрандта. Существует предположение, что это полотно было заказано художнику амстердамской европейской общиной, символом которой также был феникс.

Бесчисленны упоминания о фениксе в художественной литературе. Древнейшие из литературных источников – английская

«Поэма о Фениксе» (IX век), в которой птица олицетворяет загробную жизнь, «Поучение о Фениксе» (XII век), содержащая описание посещения рая святым Петром, который становится свидетелем возрождения феникса из пепла на третий день после смерти, и «Перцифаль» Вольфрама фон Эшенба-ха (XII век), где бессмертный феникс сторожит священный Камень Грааля.

В средневековой «Физиологии» мы находим христианскую версию мифа о фениксе: божественная птица прилетает в Гелиополис и знаками указывает жрецу, в каком месте следует развести костер; феникс погружается в огонь и сгорает дотла, но на следующий день из его праха выползает червь, который еще через день превращается в птенца; когда жрец приходит в храм на третий день, он видит взрослую птицу, которая затем улетает в неизвестном направлении. История, естественно, увязывается с воскрешением Христа.

Феникс фигурирует в «Божественной комедии» Данте и в сонетах Петрарки. Последний сравнивает с фениксом свою бессмертную любовь к Беатриче. Несмотря на то что, согласно древним источникам, на Земле живет только один феникс, герои романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле встречают во время своих путешествий одновременно 14 фениксов на одном дереве.

Феникс – один из любимых образов Шекспира. Мифологическая птица – герой его пьесы «Феникс и горлица». Феникс – символ бессмертия и истины, а горлица – любви и красоты. Оба сгорают в огне по причине «брачного целомудрия». В качестве символа возрождения и неповторимости феникс упоминается в пьесах «Буря», «Как вам это понравится», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Генрих IV», «Жизнь короля Генриха V» и «Тимон Афинский».

В 1646 году выходит книга Томаса Брауна «Изучение всеобщих заблуждений», одна из глав которой посвящена фениксу. Браун анализирует описания феникса в греческих и римских источниках, в Библии и у христианских авторов. Он приходит к выводу о том, что феникс не существует, поскольку никто и никогда его не видел. Браун также подвергает сомнению основные мифологические черты

феникса – его единственность в природе, его способ размножения, его невероятное долголетие.

Сотни поэтов и писателей обращались за вдохновением к образу феникса. В «Потерянном рае» Мильтона архангел Рафаил спускается на землю к Адаму в образе феникса. Китс пишет: «Мне крылья феникса пошли... чтобы улететь я мог к своим мечтам».

Феникс был и остается самой популярной мифологической птицей в мире. Он поистине бессмертен. Он живет со времен Геродота и Гесиода в нашей истории, мифах, фольклоре, литературе и искусстве. В его честь назван город в Соединенных Штатах. Пусть и дальше здравствует единственный и вечный феникс!

ХИМЕРА

В греческой мифологии химера («коза») – чудовище, которое побеждает герой Беллерофонт. Древнейшие упоминания о ней в литературе мы находим у Гомера и Гесиода. Гомер сообщает, что химера – огнедышащее чудовище, «спереди выглядит, как лев, имеет тело козы и хвост змеи». Гесиод также говорит о том, что химера извергает огонь, и описывает ее как «существо ужасное, огромное, быстроногое и сильное, у нее три головы: одна – львиная, другая – козья, а третья – змеиная, голова кровожадного дракона». В греческом искусстве химера обычно изображалась с туловищем льва, головой козы и змеиным хвостом.

Со временем слово «химера» стало ассоциироваться с целым рядом существ, «собранных» из частей тела различных животных и человека. Примером этого служит описание химеры у исследователя XVIII века Коутса: «Существо, выдуманное поэтами, с лицом прекрасной девушки, передними лапами и грудью льва, туловищем козла, задними лапами грифона и хвостом змеи». В современном языке химера в переносном смысле часто означает нереальную мечту или безумную идею.

И Гомер и Гесиод верили в божественное происхождение химеры. Согласно Гесиоду, ее матерью была Ехидна – наполовину девушка «с горящими глазами и бледными щеками», наполовину ужасная огромная змея. Отцом химеры был Цифей – младший сын Геи и Тартара. Цифей описывается как чудовище «выше любой из гор», с огромными крыльями, огненными глазами, лапами дракона и хвостом гадюки. У химеры были не менее любопытные братья: хранитель подземного царства пес Цербер и двухголовый пес Орт, охранявший стада Гериона. Однако это не единственная версия происхождения химеры. По другим источникам, ее отцом был Орт, а матерью – многоголовая Гидра. Впрочем, каково бы ни было ее происхождение, химера – безусловно, одно из древнейших мифических чудовищ, постоянно боровшихся с богами-олимпийцами за власть во вселенной.

Считалось, что химера жила в Ликий в Малой Азии. Имели место попытки связать ее происхождение с вулканом Химера (Янар): Сервий, комментатор Вергилия, пишет о том, что из жерла вулкана вырывалось пламя, у его вершины жили львы, на склонах паслись козы, а у подножия гнездились змеи. Плутарх полагал, что источником возникновения мифа о химере послужил пиратский корабль, украшенный изображениями змеи, льва и козы. Другие утверждали, что химера – это не что иное, как мифологический символ льва, пожирающего козу.

Бронзовые фигурки химеры времен династии Хань (II век до н. э. – II век н. э.) были найдены в Китае; химера нередко изображалась на индийских печатях и персидских надгробиях. Греки изображали химеру как льва с козлиной головой на спине и на крыльях.

Хотя химера не была таким популярным персонажем, как Горгона или Сфинкс, сохранилось немало изображений битвы химеры с Беллерофонтом, сидящим верхом на крылатом коне Пегасе. Легенда о сражении Беллерофонта с химерой – одна из древнейших в греческой мифологии. По разным версиям, Беллерофонт – либо сын царя Главка Коринфского, принявший это имя после убийства Беллера и своего собственного брата, либо, поскольку герои часто имели божественное происхождение, сын самого Посейдона. Его семья издавна была в немилости у богов. Отец Главка – Сизиф в качестве наказания за разглашение секрета Зевса был вынужден всю жизнь катить на гору огромный камень. Главк прогневал богов тем, что кормил своих лошадей человеческим мясом, полагая, что они станут смелее в битвах.

После убийства брата Беллерофонт бежит в Тирин. Царь Прозет соглашается принять его. Жена царя – Антея влюбляется в героя и, не получив взаимности, мстительно обвиняет Беллерофонта в попытке соблазнить ее. Прозет посылает Беллерофонта к отцу Антеи – царю Ликий Иобату с письмом, в котором обвиняет героя в прелюбодеянии и требует его казнить. Иобат проникается к Беллерофону глубокой симпатией и вскрывает письмо только на девятый день. Содержание письма ужасает Иобата. Он не желает лично исполнить требование Прозета и поручает Беллерофону выполнить опасное задание, в котором, как считает Иобат, его ждет

неминуемая смерть. В то время Ликию опустошала неуязвимая огнедышащая химера. Ко всему прочему, химере покровительствует заклятый враг Прозета – карийский царь. Беллерофонт должен избавить страну от химеры.

Мудрец Полиэйд советует Беллерофонту укротить крылатого коня Пегаса и отправиться на битву именно на нем. Согласно мифам, Пегас родился из крови убитой Персеем Медузы Горгоны. От удара копыта Пегаса на горе Геликон забил знаменитый фонтан Гиппокрен, посвященный музам. Беллерофонт находит Пегаса в Коринфе и с помощью Афины надевает на него золотую узду. Верхом на коне он летит в Ликию и с безопасного для себя расстояния поражает химеру стрелами. Наконец он бросает копье со свинцовым наконечником прямо в пасть химеры. Вырывающийся из ее пасти огонь расплавляет свинец, он сжигает внутренности химеры, и чудовище погибает.

Иобат поручает Беллерофонту и другие смертельно опасные задания, но затем узнает правду о его взаимоотношениях с Антеей и в награду за службу отдает ему в жены другую свою дочь – Филоною. К несчастью, Беллерофонтом овладевает гордыня. Он решает взлететь на Пегасе на священный Олимп. Зевс низвергает его на землю, где герой, слепой и хромой, скитается в нищете до самой смерти.

Сцены битвы с химерой запечатлены на вазах из Коринфа и Аттики. На аттических амфорах львиная и козлиная головы химеры расположены на противоположных частях ее туловища и смотрят в разные стороны. На знаменитой бронзовой фигуре V века, найденной в Италии, химера представлена в виде льва со змеиным хвостом и головой козы на спине.

В средние века изображения химеры часто встречаются на боевых щитах, мозаиках на религиозные мотивы, на иллюстрациях к Библии. Франческо ди Джорд-жио и Рубенс посвятили битве Беллерофонта с химерой свои живописные полотна. Название «Химера» носит картина французского художника XIX века Постава Моро. Она отражает новый смысл слова «химера»: на полотне нет изображения классического чудовища, здесь химера скорее олицетворение ночных кошмаров и порочных желаний. Сам Моро

говорил, что его работа посвящена «химерным снам о бедствиях, боли и смерти».

В античной литературе, помимо Гомера и Гесиода, к образу химеры обращались Еврипид, Овидий и Вергилий. В «Энеиде» химера предстает как одно из ужасных чудовищ, которых царь Эней встречает в подземном мире. В литературе нового времени, например в произведении Гюстава Флобера «Искушение святого Антония», химера – «символ фантазии», зеленоглазое существо, которое лает и извергает огонь из ноздрей, не очень удачно ведет беседу со Сфинксом – «символом реальности». Характер беседы символизирует неустранимый разрыв между реальностью и мечтой. В пьесе «Цирк доктора Лао» Чарльза Финнея химера показана как лев с орлиными крыльями и хвостом дракона, а сам герой романа доктор Лао утверждает, что химера не может очищать желудок естественным путем и вынуждена сжигать остатки пищи в своих внутренностях, – отсюда и огонь, вырывающийся из пасти.

В заключение коротко остановимся на «женской» ипостаси химеры. Кроме нее в греческой мифологии женскими существами считались Сфинкс, Медуза, Гидра, Ехидна и некоторые другие. В других культурах также имеются подобные образы. Возможно, эти существа отражают отрицательные черты Великой Богини времен матриархата. Три части химеры могли служить символами времен года: лев – весна, коза – лето, змея – осень и зима.

Одним из главных ритуалов в матриархальных религиях являлось жертвоприношение Священному Царю и Царице – людям, представляющим на земле Великую Богиню. Возможно, из этого ритуала позднее возник миф о химере – пожирательнице человеческой плоти. Во 2-м тысячелетии до н. э. матриархату в Греции бросила вызов патриархальная эллинская религия. В мифологии борьба между ними и победа патриархата отражены в мифах, где герои-мужчины побеждают чудовищ-женщин: Персей – Медузу, Геркулес – Гидру, Беллерофонт – Химеру. Согласно мифам, в это время Зевс становится верховным божеством, подчинившим себе Землю-Геру. Победа над химерой может символизировать и реальный захват эллинами матриархальных святилищ Горной Богини на горе Геликон и в Коринфе.

Наконец, с точки зрения современной психологии, химера олицетворяет «темную», подсознательную сторону человеческого существа, с которым сражается мужское Я. Такие монстры, как химера, не менее важны, чем герои. Если подсознательное убивает или грубо подавляет, даже «герой» может потерять человеческое лицо, и тогда его, как честолюбивого Беллерофонта, ожидает божественная кара. Следует опасаться химеры и даже сражаться с ней, однако не нужно тешить себя мыслью, что ее можно когда-нибудь окончательно победить.

Часть вторая
ЖИВОТНЫЕ ПОЛУМИФИЧЕСКИЕ

(Штрихи к портрету молодой науки криптозоологии)

"ЭТОТ «УЖАСНЫЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

Литература о нем огромна. Случаев – тысячи. С чего начать? Наверное, с «классики»...

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Где-то в высокогорных долинах Индии, рядом с высочайшими пиками мира, живет Неведомое или, вернее. Необъяснимое. Свидетельства о нем состоят главным образом из следов. Они ведут к самым вершинам, эти загадочные следы на снегу. И они изменчивы, ибо по размерам и глубине зависят от яркости солнечных лучей и состояния снежного покрова.

Коренные жители этого региона утверждают, что следы оставляют существа пугливые и неприветливые, неведомые белым пришельцам и не имеющие собственного имени в европейских языках. Белые пришельцы предпочитают оставаться при мнении, что следы оставляют белые медведи, которые могут быть пугливыми даже в состоянии голода. Но местное население усиленно это отрицает: не медведи, а снежные люди оставляют такие следы, а они, белые люди, натываются лишь на следы, им не дано встретить тех, кто их оставил...

Любого, кто спустится с Гималаев, спрашивают, не слышал ли он что-то о «снежном человеке», не хочет ли он записать свои впечатления или рассказы своих друзей, которым повезло больше. Все такие заметки начинаются более или менее одинаково: «Тайна возникла одновременно с началом первой экспедиции на Эверест в 1921 году». Именно так начиналось сообщение руководителя этого восхождения британского полковника С. К. Говарда-Бери, который в сопровождении пяти других европейских участников и 26 проводников из числа местных жителей попытался взобраться по северному склону Эвереста в сентябре того самого года. Используя в качестве плацдарма ледник, экспедиция устремилась к Лхакца Ла, проходу на высоте 22 тысяч футов. Там на абсолютно сухом снегу они

увидели следы зайцев и лисиц. Но их изумлению не было границ, когда взорам их предстали отпечатки, которые могли оставить голые ступни человека...

Носильщики, как пишет полковник Говард-Бери, в один голос заявили, что это следы метохкангми (В журналах и газетах можно встретить несколько вариантов написания этого слова. Мы придерживаемся транскрипции В. Меррея, участника экспедиции на Эверест 1951 года, который был знаком с язвками местных жителей). Они добавили, что слово это переводится, в отличие от других, употребляемых для этого существа, – мирка, йети, согпа; означает: кангми – «снежный человек», а метох возглас, соответствующий понятию «ужасный», «страшный». Сам полковник заявил, что «что-то неведомое должно водиться здесь, типа расы снежных людей» (но он высказал предположение, будто следы – волчьи), однако пресса никак не отреагировала на его объяснение.

Хотя сообщение об этом восхождении и обошло множество газет и иллюстрированных еженедельников, сама возможность встречи на огромных высотах с диким человеком рассматривалась как фантастика. Да местные жители просто морочат голову европейцам! Такой взгляд живет и поныне. Но ведь полковник был не первым, кто сообщил о таинственных следах и вообще о «снежном человеке». Самый первый источник, известный нам, – книга британского майора Уэдделла, который, как видно из титульного листа его произведения, был медиком в индийской армии. Книга называлась «В Гималаях» и вышла в Лондоне в 1899 году, а сама экспедиция из Дарджилинга в северо-восточный Сикким была предпринята десятилетием раньше. На странице 223 можно прочитать такой абзац:

«Несколько крупных следов на снегу пересекли наши собственные отпечатки и уходили к высоким пикам. Похоже, они принадлежали диким волосатым людям, которые, по преданию, живут среди вечных снегов и связаны с мифическим белым львом, чей рык слышен в бурю. Вера в них жива у жителей Тибета, но никто не мог дать мне точный ответ...»

Майор Уэдделл в поисках лучшего объяснения высказал предположение, что следы могут принадлежать медведю.

Еще один достаточно сомнительный источник, предшествовавший сообщению полковника Говарда-Бери, – книга французского автора Жана Маркес-Ривера «Тайная Индия и ее магия». Одно уже ее название наводит на скептические мысли. Маркес-Риверу некий странник рассказал, что встречающиеся в горах человекоподобные существа – раса гигантов, не медведей и не обезьян, которые говорят на неведомом языке. Странник заявил, что участвовал в экспедиции местных жителей по их следам и видел «снежного человека». Десять или «больше» их сидело кружком, они были ростом 10-12 футов, били в барабан и раскачивались, как бы отправляя некий сложный обряд. «Волосы покрывали их тело, они были голыми на такой высоте, и уныние отражалось на их жутких лицах».

Никому не обязательно верить в эти случаи, но все они описаны совершенно независимо друг от друга и являются дополнительными штрихами ко всей этой истории. Еще одно подтверждение большого распространения и схожести поверья подоспело в 1922 году от руководителя второй экспедиции на Эверест генерала Брюса. Остановившись на постой в монастыре Ронгбук, что расположился к северу от горы, он спросил ламу, слышал ли тот что-нибудь о метохкангми. Лама отреагировал так, будто его спросили о совершенно обычном обитателе этих мест, и сказал, что да, пять таких существ живут дальше по долине Ронгбук.

Генерал Брюс решил было, что нельзя не воспользоваться такой возможностью и не прикоснуться к этой загадке – на это стоило потратить время и силы. Но решение свое так и не выполнил, убоявшись отклониться от главной цели. Все-таки у его экспедиции были весьма конкретные задачи, связанные с военными действиями. Это было главной ошибкой. Кто знает, что произошло бы, пойдя Брюс по направлению, указанному ламой? Скорее всего, Брюс просто не поверил в «снежного человека».

В 1922 году в Бомбее появилось новое сообщение – итальянца Н. А. Томбази, вернувшегося из фотоэкспедиции с южных отрогов ледникового района Канченджанги. Синьор Томбази просто заявил: «Я видел „снежного человека“ на высоте 15 тысяч футов». Вот отрывок из его сообщения:

«Ослепительный свет мешал мне разглядеть чтолибо на протяжении некоторого времени, но скоро я четко увидел объект в 2-3 сотнях ярдов ниже по долине. Несомненно, фигура напоминала человеческую, двигалась она вверх по склону и остановилась, чтобы сорвать ветку рододендрона. Она выглядела темной на фоне снега и была явно без одежды. Через некоторое время она зашла в ложбину и потерялась из виду. Я осмотрел следы, которые оказались по глубине схожими с людскими, но большими по размеру. Следы пяти пальцев и подъем были очевидны, но отпечаток пятки нечеткий. Следы, несомненно, принадлежали двуногому существу. Длина шага в 12-18 дюймов обычна для мужчины, который никуда не торопится. Что касается следов, то пятка не всегда отпечатывается или нечетка».

Так же как сообщение Говарда-Бери о таинственных следах оказались не первыми, так и строки Томбази о том, как он видел «снежного человека», тоже не оригинальны. Раньше, чем он, видел «снежного человека» некто Элвес, опубликовавший об этом сообщение в трудах лондонского Зоологического общества в 1915 году. То было свидетельство не самого Элвеса, а егеря Ди Гента, несшего службу возле Дарджилинга и утверждавшего, что заметил человекообразные фигуры, которые местные жители называли согла, возвышающиеся над кустарником. Они больше походили на обезьян, чем на людей, говорит Гент, и покрыты были длинной желтовато-коричневой шерстью. Длина их шага составляла 1,5-2 фута на плоской поверхности почвы. Но в некоторых местах они как бы «ходили на коленях», так что следы пальцев как бы указывали назад. Это весьма важные наблюдения, особенно если учесть, что некоторые предания тибетцев утверждают, что ноги у «снежного человека» повернуты пальцами вовнутрь (именно это и вызывает недоверчивый смех у оппонентов). Хронологически история, поведенная английским исследователем Хью Найтом, располагается между случаем Элвеса и Гента, с одной стороны, и сообщением Томбази – с другой. К сожалению, я не смог найти оригинал рассказа Найта, так что эта информация оказалась вторичной и, видимо, искаженной. Хью Найт заявил, что встретил «снежного человека», который не ожидал его появления, на близком расстоянии. Он был ростом с высокого человека с выпуклой грудью и длинными руками.

Шерсть была желтоватая, с мягким длинным волосом. В нем угадывались монголоидные черты и вывернутые неуклюжие конечности. Явно неодетое существо держало нечто наподобие лука. Оно сразу же убежало, больше Найт его не видел.

Еще один человек выступил в защиту «снежного человека» со своим сообщением – Рональд Каульбах, известный немецкий географ и путешественник. В 1936 году он напал на следы, которые были похожи на отпечатки ног человекообразного существа. Это было между реками Чу и Салвин. Следов было около пяти. С Каульбахом были четыре носильщика-шерпа. Все четверо верили в существование метохкангми, но лишь двое заявили, что эти следы оставлены им, двое других предпочли сказать, что следы принадлежат снежному барсу.

Каульбах подчеркнул, что «в этой части страны никогда не водились медведи», но ему сказали позже, что следы могли оставить панды или неизвестные обезьяны, но Каульбах продолжал упорствовать, что ни обезьяны, ни панды здесь не водятся, но даже если бы водились, то ни за что не пересекают линию снегов. Он бы мог сказать (но не сделал этого), что сам факт открытия нового вида обезьяны тоже был бы знаменательным событием в зоологии.

Тот медведь, которому приписывали неведомые следы, известен американским зоологам как *Ursus actors pruinosus*. Этот подвид бурого медведя действительно встречается в Гималаях, но не везде, и по размерам приближается к американским гризли. Цвет шерсти палевый, может быть даже белым. И когда он шагает, задняя нога стирает след передней, создавая этаким образом смазанный след. Вот как описывает Френк Смит в своей книге «Долина цветов» эту ситуацию:

"Четыре дюйма снега выпали неожиданно, и стало очевидно, что следы появились накануне вечером, после того, как солнце убавило мощь своих лучей, за ночь подморозило, и следы определились во всех деталях. На равнине они не превышали 13 дюймов в длину и 6 в ширину, но, по мере того как цепочка уходила вверх, они становились 8 дюймов в длину, а ширина была той же. Длина шага была от 18 дюймов до 2 футов на равнине, но гораздо меньше по мере подъема. Ступни сначала были развернуты наружу, как у

человека. Имелись четкие оттиски пальцев, 1,5 дюйма длины и 3/4 дюйма ширины, но в отличие от человеческих располагались симметрично...

Мои снимки были проявлены в фирме «Кодак» в Бомбее при условиях, исключающих возможности подлога и фальшивки, и обследованы профессором Джулианом Хаксли, секретарем британского Зоологического общества, доктором Мартином Хинтоном, зоологом музея естественной истории в Лондоне, и мистером Р. Поконом. Вывод был таков: следы оставлены медведем. Сначала был назван один подвид – *Ursus actors pruinosus*, но потом мнение изменили, назвав *Ursus actors isabellinus*, распространенный в Западных и Центральных Гималаях. Следы похожи по размерам и типу, и вряд ли их оставило какое-нибудь животное".

Было бы, конечно, хорошо, если бы снимки мистера Смита дали что-то еще, кроме такого вывода. Но этого еще не произошло, хотя его носильщики-шерпы были явно смущены этими следами: им же хорошо знаком смазанный медвежий след. Кроме того, отпечатки лап медведя и «снежного человека», случалось, находили рядом... Много историй о встречах странных следов появилось перед второй мировой войной, которая прервала поиски в Гималаях. В 1937 году Эрик Шиптон и Х. Тилмэн предприняли экспедицию в Каракорум. Один из ее участников с двумя шерпами побывал в редко посещаемом районе – Снежное озеро и нашел там следы: «Они были округлые, около фута в диаметре; 9 дюймов шириной и отстояли на 18 дюймов друг от друга. Они располагались точно по прямой линии и не накладывались, как это бывало в случае с четвероногими животными. Шерпы сказали, это следы йети».

Спустя несколько дней те же шерпы в соседней снежной долине распознали следы медведя. Эрик Шиптон сам видел такие же круглые следы, слегка присыпанные снегом. А Х. Тилмэн, который поначалу относил веру в йети к предрассудкам, публично изменил свое мнение (Томбази тоже сначала проявлял скептицизм, называя йети призрачным увлечением, пока однажды сам не увидел одно такое существо. – прим. пер.) И хотя эти следы не несли в себе деталей, важно, что они располагались по прямой линии. Медведи так не ходят. Правда, лисы и другие мелкие хищники оставляют ровные

цепочки следов. В Европе говорят: «Лисица прошла как по веревочке», но так могут ходить только мелкие животные. Крупному животному нужно иметь ноги, как у верблюда, чтобы оставить подобный след, или же быть двуногим...

Нельзя не упомянуть об одном шерпе, который сопровождал Шиптона, – Сене Тенцинге. Тот видел не только следы йети, но и самого их обладателя. В ноябре 1949 года большая группа шерпов собралась перед монастырем Тхьянгбоче на религиозный фестиваль. Монастырь расположен на склоне холма на высоте 13 тысяч футов не так далеко от Эвереста. Гору можно видеть из окон монастыря. Шерпы собрались на лугу, граничащем с лесом. И именно из леса неожиданно появился йети. Ближние шерпы были в 80 футах от него, они потом рассказывали, что он был того же роста, что и они сами, и что тело было покрыто, кроме лица, красновато-коричневой шерстью.

Э. Шиптон, У. Меррей и другие исследователи были лично знакомы с Тенцингом и имели возможность беседовать с ним вскоре после события. Дело было в британском посольстве в Катманду, шерпа пригласили войти, он был одет в походную форму – ботинки с шипами и плотные штаны. Они позже рассказывали, что Тенцинг настолько обстоятельно поведал эту историю, что его вряд ли можно заподозрить в фальсификации.

Потом была экспедиция 1951 года, и появились новые свидетельства. У. Меррей поведал одну историю в «Скоте мэгэзин» (Т. 59. 1953. № 2):

"В начале ноября мы перебрались с Эвереста в Сола Комбу в Непале и обследовали неизвестные отроги в 30-40 милях к западу. Наша группа разделилась. Шиптон и Уорд проникли в самое сердце Гауришанкара – дикого конгломерата высоких ледяных пиков, проникли через проход на 20-тысячфуговой высоте, сейчас названный Менлунг Ла. Бурдийон и я шли за ними с отставанием на несколько дней (после своих более северных исследований). От Менлунг Ла мы просочились на западный ледник. Так на высоте 18 тысяч футов на его покрытой снегом поверхности натолкнулись на следы двуногих, сильно отличающихся от отпечатков ног Шиптона и Уорда. Мы пошли по этим следам в глубь ледника на две мили и не

могли не отметить, что те, кто их оставил, выбирали лучший маршрут среди нагромождения льда. Владельцы следов выбирали, ходя среди торосов снега и льда, находя оптимальные варианты для продвижения вперед. По своему виду следы соответствовали предыдущим описаниям находок такого рода.

Через две мили ледник начал обрастать трещинами. и след резко завернул вправо на каменистую равнину, где и затерялся. Мы сами пошли по морене, отметив несколько стад диких коз и овец. Наверное, здесь были и йети.

Найдя Шиптона и Уорда, мы застали их за разглядыванием точно таких следов, которые они обнаружили за несколько дней до нас, когда отпечатки были совсем свежие.

Когда снег сырой и тяжелый, йети оставляют лишь глубокий отпечаток ступни, а когда слой снега тонкий и подмороженный, отпечатывается пятка и различимы пять пальцев. Когда йети перепрыгивает или перешагивает трещину или яму, след особенно четко виден на противоположной стороне. Следы были 8 дюймов ширины и 12,5 длины, расстояние между отпечатками составляло 9-10 дюймов. Тенцинг, сопровождавший Шиптона, определил следы двух йети. Он хорошо знал медвежьи следы и сказал, что эти – не медвежьи...

Э. Шиптон, шедший по свежим следам, заснял их, и снимок доказывает, что эти следы действительно не медвежьи.

Науке неизвестно животное, обитающее в этом районе, чтобы оно оставляло такие следы (Доктор У. Сван из колледжа Сан-Франциско обратил внимание на близкое сходство между следами, заснятыми Шиптоном, и теми, что сфотографировал Карл Экли в Африке – следами горной гориллы. – «Сайенс», т. 127, 1958). И хотя они напоминают человеческие, но явно к таковым не относятся. Этот факт важен также, ибо в дополнение к утверждению о том, что они медвежьи, волчьи, обезьяньи и так далее, некоторые люди считают, что их оставили аскеты-индуисты, отшельники и т. д. Конечно, аскеты, которые ходят голыми, и отшельники существуют, но они оставляют все же человеческие следы 10 дюймов длины и 4 – ширины".

Явно следы оставляет кто-то еще, кроме этих животных и отшельников. Меррей заканчивает свою статью на юмористической

ноте: «Что же это такое „ужасный снежный человек“? Думаю, не что иное, как йети, метохкангми, мирка или согпа».

Но что такое метохкангми? Перед тем как попытаться ответить на этот вопрос, хочу перелистать еще несколько журналов и книг. Андре Рош из швейцарской экспедиции 1952 года сообщал о нескольких группах следов, наводящих на мысль о том, будто семья переселялась из долины, как только экспедиция входила в нее. Весной 1954 года лондонская «Дейли мейл» послала экспедицию в Непал на поиски «снежного человека», но результатом был не сам снежный человек, а книга о нем (Иззард Р. Загадка снежного человека. Нью-Йорк, 1955). Таким же образом собралась весьма милая коллекция газетных историй со всех континентов, и только настоящие исследователи могут определить значимость того или иного сообщения, сопоставив факты.

Пока эта экспедиция была в пути, полковник К. Н. Рана, директор правительственного бюро шахт Непала, сообщил, что два непальца захватили в плен двух «снежных людей». Один из них ребенок. Но информация пришла слишком поздно. Поиск ничего не дал, они исчезли. Отмечалось, что случай этот не такой уж необычный в этой стране ледников, высоких пиков, снежных перевалов, но раздражало опять одно и то же. В другом случае еще один йети, самец, был захвачен местными жителями. Они ненадежно связали его, но особь отказалась есть, что бы ей ни предлагали, и умерла в пути. Не сознавая, что мертвое животное представляет такую же ценность, как и живое, непальцы избавились от трупа и явились к властям лишь с историей своих приключений. К сожалению, в правдивость таких историй мало кто верит сегодня.

Наиболее осязаемый «объект животного происхождения» хранится в монастыре Тхьянгбоче. Это так называемый скальп йети. Ральф Иззард упоминает многих людей, которые видели его и не нашли ни одного шва, что является доказательством подлинности. Лама не хочет расставаться с ним, что вполне понятно, но особо почетным посетителям его показывают. В 1953 году монастырь осматривал Навнит Парекх из Бомбейского общества естественной истории и был удостоен чести быть подведенным к скальпу. Воспользовавшись расположением старого ламы, Парекх не

преминул выдернуть пару волос из скальпа которые он срочно отослал в Брунsvик, штат Нью-Йорк, другу Леону Хаусмэну – для осмотра и идентификации. Доктор Хаусмэн склонен думать, что «скальп» – шапка, сделанная из меха с плеч или задней части крупного млекопитающего. Пряди волос не принадлежат ни обезьяне лангуру, ни медведю и ни одному из возможных родственников. Пряди очень старые, их возраст может исчисляться столетиями.

В заключение Хаусмэн отметил, что если это действительно шапка, то животное, из шерсти которого она сделана, должно быть родом не из Непала и не из Тибета.

В 1957 году охота на «снежного человека» сотрудников «Дейли мейл» была повторена частной экспедицией, но снова без заметных результатов. Позже в том же году один из участников советской экспедиции на Памире заявил, что видел объект на расстоянии. Памир находится на территории Таджикистана, и целью экспедиции был поиск гидроресурсов. В один из дней А. Пронин, гидрогеолог, увидел «снежного человека» на горной вершине и наблюдал его в течение пяти минут. Существо было коренастым, у него были длинные руки. Тело покрыто серо-коричневой шерстью, сообщил А. Пронин в «Комсомольской правде». Спустя три дня А. Пронин увидел его на том же месте. Было это в августе 1957 года. Я не знаю, что русские думают по поводу «снежного человека», тем более что сообщения в основном приходили из «капиталистических» стран, но свидетельства соотечественников заставили их проявить активность. Была создана специальная группа, среди ее участников оказался геолог и исследователь Сергей Обручев и историк Борис Поршнеv. В ноябре 1958 года коллектив группы сделал заявление, в котором утверждались две вещи: первое – существование «снежного человека» понемногу подтверждается и второе – место его обитания находится в пустынях Тибета и провинции Синзян в Северо-Западном Китае. Один из русских исследователей высказал предположение, что неудачи поисков, проводившихся до сих пор, возникли из-за того, что они искали не там.

"Многие тибетцы встречали это существо, – писали русские, – они говорят о нем как о животном, передвигающемся на двух ногах, с

коричневой блестящей шерстью и длинными волосами на голове. Лицо похоже и на обезьяны, и на человеке. Охотники часто находят остатки его пищи, например, кроличьи потроха. Но заявляют, что те употребляют и растительную пищу.

Сегодня, когда набралось достаточное количество фактов и наблюдений, можно сделать несколько выводов. Объяснение феномену предлагается такое.

1. Это – обезьяна лангур. Совершенно беспочвенное заключение, Лангуры передвигаются на четырех ногах, они не такие массивные, и там, где встречаются, они хорошо известны местному населению.

2. Следы оставляют медведи, так как они иногда ходят на задних лапах. Несомненно, некоторые следы действительно оставлены медведями, но медведи лишь эпизодически встают на задние лапы. Следы, обнаруженные Шиптоном, никоим образом нельзя отнести к медвежьим.

3. Следы оставляет милодон, гигантский ленивец. Гипотеза абсурдна и подходит лишь потому, что милодон тоже ходит на задних лапах и обладает длинной шерстью, защищающей его от холода. Но все ленивцы – живущие и вымершие – обитатели Нового Света.

4. Йети – примитивный тип человека, может быть, исчезнувший гигантопитек или же человекообразная обезьяна. Это единственное заслуживающее рассмотрения утверждение.

На сегодняшний день сохранилось три вида человекообразных обезьян, различных по типу и внешности. Два живут в Африке – шимпанзе и горилла, третий орангутан – в Юго-Восточной Азии. Все они отличаются прямохождением. Шимпанзе делает это лучше, чем орангутаны. Но ни один из них не ходит исключительно на задних ногах, они часто прибегают к ходьбе на четвереньках.

Горная горилла способна выдерживать достаточно низкие температуры и наименее обволочена по сравнению с остальными, в то время как оранг, живущий во влажных лесах Суматры, имеет наиболее длинную шерсть, хотя и не очень плотную.

Загадку нельзя решить одним лишь утверждением, что какая-то неведомая человекообразная обезьяна живет в Центральной Азии. Однако это не так уж и невозможно. Человекообразные обезьяны жили в Азии в геологическом прошлом и могли походить на тех

животных, что были названы в связи со «снежным человеком»: и панда, —и-лангур первоначально обитали в субтропических областях. Горы росли, район становился более холодным, и гигантская панда (гигантский енот) привыкла к меняющимся условиям – это было лучше, чем мигрировать. Проблему пищи удалось решить: она перешла полностью на ростки бамбука, тропическое растение, оказавшееся выносливым и способным расти в прохладном климате.

Лангур, долгое время остававшийся мифическим животным, пока его не открыл преподобный отец Арман Давид, тоже выбрал прохладные горные леса, ошеломив зоологов своим экстравагантным видом на снежных склонах, за что и получил имя снежной обезьяны. Само собой, все эти животные и не забирались выше линии снегов, где нет кормовой базы для растительноядных животных.

То, что случилось с лангуром и пандой, могло произойти с любой человекообразной обезьяной. Но простое утверждение о существовании центральноазиатского эквивалента горной гориллы не решает проблему! Ведь нужно допустить наличие обезьяны с такими особыми данными, как постоянное прямохождение. Трудно предположить, для чего обезьяне оставаться в холодном лесу. Ну ладно, лес есть лес. Но нужно еще помнить, что она допускала еще и плотоядную диету. Но и это можно себе представить в тяжелых климатических условиях. Но как рассматривать свидетельство Хью Найта об орудиях труда у таких животных?

Значит, стоит говорить о чем-то или о ком-то более близком к человеку – проточеловеке? И образ вымершего гигантопитека снова возникает перед нами. Между двумя мировыми войнами в Восточной Азии произошли интересные вещи. Еще в 1891 году голландский врач Эжен Дюбуа нашел череп (без челюстей) и бедро недалеко от Нгави на Яве. «Собственником» этих частей тела стал питекантропус эректус, прямоходящий обезьяночеловек. И все вопросы вертелись вокруг одного: был ли это уже человек или еще обезьяна. Мнения разделились. Новые свидетельства появились в 1929 году. Доктор Д. Блэк получил примитивные черепа из окрестностей Пекина. Их обладателя назвали синантропом и признали человеческим

существом. Нашли и сходства с питекантропом, указывающие на то, что питекантроп тоже мог быть человеком. Затем Ява дала еще материал по питекантропу: в январе 1939 года на Яву приехал доктор Р. фон Кенигсвальд, там уже работал его соотечественник Франц фон Вайденрайх. Кенигсвальд прихватил с собой нижнюю челюсть: на ней сохранились зубы, несомненно, уже человеческие. Но был и зазор между передними зубами и клыками, которые всегда считались типичными для антропоидов. Несмотря на это, оба антрополога сочли челюсть человеческой из-за зубов, невзирая на то, что она оказалась слишком крупной для человека...

После некоторых колебаний новый тип получил название питекантропус робустус. Потом Кенигсвальд нашел еще две челюсти, обе возле Сангирана на Яве. Первую нельзя было классифицировать, так как не хватало многих зубов. Другая была, несомненно, человеческой, но она оказалась слишком крупной даже для питекантропуса робустуса! Кенигсвальд решил, что она относится еще к одному типу, и назвал его мегантропус палеояваникус – большой человек со старой Явы. Выступая с одной из лекций, Вайденрайх сказал: «Мы не ошибемся, утверждая, что мегантропус достигал по размерам, сложению и силе параметров крупного самца гориллы».

Но оснований для сомнений было достаточно. В природе всегда встречались отдельные индивидуумы гиганты с патологическими изменениями из-за нарушения гормонального развития. Это явление получило название акромегалитического гигантизма. Где гарантия, что челюсть не принадлежала именно такой особи? Вайденрайх был готов к такой постановке вопроса. У акромегалитического гиганта увеличение отмечено лишь в нижних частях, сопровождаясь непропорционально крупным подбородком. Челюсть же мегантропуса крупная вся целиком, и у него вообще нет подбородка.

Далее, зубы у гиганта – с допустимой патологией. Зубы мегантропуса соответствуют остальной кости. Значит, заключили антропологи, ничего патологического в той кости нет. Она просто крупная и принадлежит примитивному человеку с ростом и силой гориллы, но более разумному.

Китайцы называют все ископаемые кости костями дракона и зубами дракона и приписывают им чудодейственные лечебные свойства. Поэтому они держат в секрете места, где их находят, и западным —ученым приходится покупать их в аптеках. Именно в аптеке Кенигсвальду удалось купить три крупных коренных зуба (без корня), которые выглядели как человеческие, но были в 6 раз крупнее, чем соответствующие коренные зубы современного человека. Кенигсвальд отнес их к гигантопитеку, но Вайденайх заявил, что лучше назвать их хозяина гигантотропусом. Если соотнести размеры зубов с размерами тела, то существо должно было в два раза превышать по росту гориллу.

Все это доказывает наличие в Азии нескольких типов человекообразных существ. Что касается йети, то тут имеются две возможности: или это человекообразная обезьяна, отличающаяся от других подобных существ, акклиматизировавшаяся в здешнем климате, или это потомок древнего типа существ, именуемых «снежными людьми»...

ВСЕГО ТРИ СЛУЧАЯ ИЗ ДАЛЕКОГО И НЕ ОЧЕНЬ ОТДАЛЕННОГО ПРОШЛОГО

В 1661 году в литовско-гродненских лесах военный отряд выгонял на охотников нескольких медведей, а среди них – дикого человека, который был выловлен, привезен в Варшаву и подарен королю Яну II Казимиру, супруга которого пыталась очеловечить это существо. То был «хлопец» 13-15 лет с густо покрытым волосами телом, полностью лишенный дара речи и каких-либо навыков человеческого общения. Его удалось приручить и в конце концов научить несложным кухонным работам. Очевидцы записали многие оценки и наблюдения за «мышкой-человеком», а некий Ян Редвич в 1674 году опубликовал специальное сочинение об этом чуде. Таких свидетельств не десятки – сотни.

Известный русский натуралист Н. А. Байков в 1914 году в горных лесах Южной Маньчжурии далеко в тайге пришел к хижине охотника Фу Цая. Тот пользовался помощью странного существа, которое

вполне прижилось в его фанзе. Ему дали человеческое имя Лан Жень. В силки и ловушки, расставленные Фу Цаем, он был приучен с необъяснимой ловкостью загонять птицу и зверя. По немногим признакам – сутулость, волосатость, бессловесность – мы сразу узнаем в описании Байкова нечто, напоминающее нашего подопечного, хотя этот одомашненный экземпляр был одет охотником в какие-то лохмотья. Он был малорослый, на вид лет за сорок. «На голове у него спутанные и всклокоченные волосы образовали шапку. Лицо его красно-бурого цвета, напоминало морду хищного зверя, сходство это усиливалось открытым большим ртом, в глубине которого сверкали ряды крепких зубов с острыми выдающимися клыками. Увидев нас, он присел, спустив свои длинные волосатые руки с крючковатыми пальцами до полу, и замычал каким-то диким звериным голосом. Дикие, почти безумные глаза его горели в темноте как у волка. На замечание хозяина он опять ответил рычанием и отошел в сторону к наружной стене, где и улегся на полу, свернувшись калачиком, как собаки».

Н. А. Байков продолжает рассказ: "...В это время Лан Жень, лежавший в углу на полу, зарычал во сне, как это часто делают собаки: приподнял свою косматую голову и зевнул, открыв широкую пасть и сверкая острыми клыками. В этот момент он был до того похож на зверя, что спутник мой, Бобошин, не удержался и проговорил: «Вот, прости господи, народится же такое чудовище! На человека-то и вовсе не похож! А если б ты видел его в тайге, то испугался бы: волк, да и только! А по деревьям лазает не хуже обезьяны! Да и сила в нем звериная, даром что маленький да щуплый. Представь, и собаки его боятся, как волка. А на улице ему прохода не дают. Но ни одна ему не попадается: задушит сразу и перекусит ей горло. А так он добродушный парень и покладистый...»

Ночью Бобошин разбудил Байкова, и они осторожно вышли вслед за выскользнувшим из фанзы Лан Женем. Луна озаряла тайгу и заснеженные горы. Притаившись в тени навеса, они наблюдали присевшего на корточки под кедром и поднявшего голову Лан Женья, который издавал вой, подражавший в точности протяжному всю красного волка. Во время вытья он вытягивал нижнюю челюсть и по

мере понижения звука опускал голову почти до земли, совсем так, как это делают волки...

С ближайшей сопки ему отвечали таким же воем звери, причем, когда они ненадолго замолкали, волкчеловек усиленно подзывал их своим воем. Вскоре на поляну вышли три волка и осторожно, временами приседая, стали приближаться, а Лан Жень пополз им навстречу. Своими движениями и воем он удивительно точно подражал волкам. Звери подпустили его к себе шагов на пять, после чего медленно побежали обратно к лесу, а Лан Жень, поднявшись с четверенек, быстро побежал за ними и скрылся в тайге".

«Утром, – продолжает Байков, – чуть свет явился из тайги Лан Жень, все такой же дикий и несуразный на вид и непонятный. Фу Цай, сев за еду, подал ему тушку ободранной накануне белки. Тот схватил ее обеими руками, поднес ко рту и начал ее есть с головы, причем кости хрустели на его крепких зубах, как соломинки».

И еще один рассказ – из сравнительно недавнего времени. Автор этого свидетельства, поступившего в распоряжение семинара по проблеме реликтового гоминоида при Дарвиновском музее, – генерал-майор Топильский, служивший в пограничных войсках на южных рубежах.

В 1925 году М. С. Топильский был командиром отряда красноармейцев, направленного на борьбу с басмачами в горы Таджикистана. Подробных карт не было, и полагаться приходилось на сведения, полученные от местного населения. А жители сообщали, что в некоторые районы ездить опасно, потому что там живут «одами-явои» – «дикие люди».

Однажды, преследуя банду, отряд наткнулся в районе Ванчского и Язгулемского хребтов на цепочку следов босых ног, напоминающих человеческие. Собака этот след не взяла. Пошли за басмачами. Те укрылись в пещере под ледяным карнизом. Бандитам предложили сдаться и дали на размышление час. Потом из пещеры раздались выстрелы. От стрельбы обрушился карниз и закрыл вход в пещеру. Только один раненый басмач выполз из нее. Он-то и рассказал, что, пока главари совещались, из глубины пещеры показались какие-то неведомые волосатые фигуры. Испугавшись, бандиты принялись стрелять...

Бойцы разобрали осколки льда – необходимо было отыскать главаря и документы. Одновременно нашли и труп человекообразного существа. Его описывает сам М. С. Топильский: "На первый взгляд мне показалось, что предо мной труп обезьяны: он был покрыт шерстью. Но в то же время труп оказался похожим на человека. Мы неоднократно переворачивали труп на живот и на спину, измеряли. Тщательный осмотр трупа, произведенный нашим лекпомом, исключал допущение, что это был человек. Существо было мужского пола, ростом 165-170 сантиметров. В целом цвет его шерсти был серовато-бурый, шерсть весьма густая, хотя и без подшерстка. Меньше всего волос – на ягодицах, из чего лекпом сделал заключение, что существо это сидит, как человек. Больше всего волос на бедрах. На коленях волос совсем нет, заметны мозолистые образования. Вся стопа и подошва совершенно без волос, покрыта грубой коричневой кожей. Плечи и руки покрыты волосами так, что густота их уменьшается к кисти, причем на тыльной стороне кисти волосы еще есть, а на ладони совершенно отсутствуют; кожа на ладони грубая, мозолистая. Волосы покрывают и шею. Но на лице их нет; цвет лица темный: нет ни бороды, ни усов, а лишь немногие волосы по краям над верхней губой создают впечатление намек на усы.

Убитый лежал с открытыми глазами, оскаленными зубами. Цвет глаз темный. Зубы очень крупные, ровные, без сильно выступающих клыков. Над глазами очень мощные выступы – надбровья. Сильно выступающие скулы. Нос приплюснутый, с глубоко вдавленной переносицей. Уши безволосые, кажется, более заострены кверху, чем у человека. Нижняя челюсть очень массивная. Убитый обладал мощной грудью, сильно развитой мускулатурой. В строении тела мы не заметили отклонений от человека".

Труп закопали там же во льду и двинулись дальше.

Если на географической карте мира поставить точки в тех местах, где происходили удивительные встречи со «снежным человеком», то весь земной шар, за исключением, конечно, полярных областей, окажется покрытым этими точками. Мы не гарантируем здесь стопроцентной достоверности, нет. В некоторых случаях люди ошибаются. Но остальные-то свидетельства искренние рассказы

самых обычных людей. А гипсовые отливки следов, а образцы шерсти, которые не идентифицируются ни с одним из ныне живущих видов животных... А записи голоса, наконец...

Вот регионы планеты, где встречи с загадочными существами случаются наиболее часто: Памир, Гималаи, Тянь-Шань, горы Кавказа, север европейской части и Сибири, западные области США и Канады. Есть сведения и из Австралии, и из Африки. О поисках и встречах со «снежным человеком» написано много (См. на рус. яз.: Хиллари Э., Дойг Д. На холодных вершинах. М., 1983; Иззард Р. По следам снежного человека. М., 1958). Давайте послушаем-менее известных свидетелей, которым посчастливилось увидеть существо в различных точках планеты. Рассказывает монгол Равжир:

– Это случилось в один из июльских вечеров. На вершине горы Хоши-глэн, которую мы вместе с двумя проводниками избрали объектом наблюдений, лежал снег. Внизу же моросил дождь. И вот в том месте, где покрывавший гору лед и снег начинали оттаивать, образуя островки рыхлого грунта, как раз и прошел алмас. Четко обозначились крупные следы, по форме напоминавшие человеческую ступню. Замерили. Ширина передней части – 13 сантиметров, задней – 9. Длина следа – 36,5 сантиметра. Здесь же мы обнаружили несколько рыжеватых волос. Предположительно рост существа превышал 2 метра 20 сантиметров.

...Однажды мы охотились у озера Цаган-Нур. Во время засады, устроенной под скалами, кто-то из спутников (нас было тогда восемь человек) неосторожно чиркнул спичкой. И тут же раздался такой пронзительный свист, что наш пес буквально приклеился к земле. От неожиданности мы тоже прижались друг к другу. Через некоторое время, выглянув из укрытия, мы разглядели в бинокль того, кто поверг нас в смятение. Это был алмас. Видимо, демонстрируя свое недовольство, он странно подергал руками. И вскоре удалился, сшибая попадавшие по пути камни. А через несколько минут мы уже увидели его на другой скале. При первой же попытке приблизиться к нему человекоподобное существо вновь скрылось и больше не появлялось.

СУЩЕСТВО, РОЖДЕННОЕ ЛАВИНОЙ

Когда Тони Вулдридж, ученый-физик и альпинистлюбитель, приехавший в 1986 году в Гималаи по заданию одной из английских фирм, увидел свежие, похожие на обезьяньи, но слишком крупные следы в снегу, протянувшиеся по обе стороны высокогорного склона, он сразу подумал о йети. Эта мысль его позабавила. В городе Джошимате, который расположен к северо-востоку от Дели, недалеко от границы с Непалом, на высоте 1800 метров, откуда Тони начинал свои восхождения, отрываясь на время от дел, все местные шутки так или иначе были связаны со «снежным человеком».

Шутки возникали не на пустом месте. Примерно в тех же краях, но уже в 1976 году, горновосходители Питер Бордман и Джо Таскер пережили ужасную ночь. Они были разбужены утробным рычанием, а когда утром осмелились вылезти из палатки, обнаружили, что их продовольственные запасы разграблены. Кроме следов, сходных с теми, которые описал Тилман (о нем говорилось выше), они увидели 36 довольно ловко снятых и разбросанных вокруг палатки оберток от конфет...

Итак, Вулдридж наткнулся на отпечатки лап неизвестного животного.

– Я решил, что это следы крупной обезьяны, вспоминал он впоследствии. – Обезьян было очень много внизу, в долине. Почему бы одной, самой «любопытной», не забраться поближе к солнышку?

Но, судя по размеру «обуви», это была слишком большая обезьяна. Таких Вулдриджу видеть не приходилось. Да и вообще, на такой высоте, куда он забрался (3300 метров), из крупных неопытных животных реально было встретить, пожалуй, только снежного барса. Однако отпечатки лап у него совсем другие.

Время близилось к полудню. День выдался солнечным. Снег быстро размягчался. Это повышало опасность схода снежной лавины. А Вулдриджу еще предстоял немалый путь до намеченного рубежа – края альпийской долины, упирившейся в неприступные

зубья гор. Потому он не стал терять времени на бесплодные догадки и двинулся дальше.

Прошло около часа. Цель была уже близка, но снег все больше размягчался. Вулдридж нервничал, и лавина не заставила себя ждать...

Его спас небольшой отрожек, вдоль которого он шел и который ограничивал видимость справа. С гулом, громовыми раскатами, сметая все на своем пути, лавина пронеслась рядом.

Поднявшись на гребень отрога, Вулдридж с замиранием сердца смотрел на следы недавнего обвала. Опасность, пускай даже миновавшая, но до конца не осознанная, заставляет нас вновь и вновь прокручивать в памяти роковые секунды. И потому Вулдридж не сразу заметил странный мазок, будто оставленный на разрыхленной поверхности тяжелым катком. Он шел у дальнего края непроходимой после лавины зоны, немного наискосок, а с того места, где обрывался мазок катка, тянулась цепочка следов к ближайшему кусту. За кустом маячила какая-то фигура. Вулдридж посмотрел на нее в бинокль и увидел...

За кустом, судорожно вцепившись в ветки, стояло удивительное существо. Рост его Вулдридж оценивает около двух метров. Тело было покрыто густой темной шерстью. Весь облик существа: могучий торс, «квадратная», будто вросшая в плечи голова, длинные, мускулистые руки (передние лапы?) – все говорило о недюжинной силе.

У Вулдриджа был фотоаппарат, и он, боясь упустить момент, сделал снимок. Но существо и не думало убегать. Наверное, оно понимало, что человеку до него не добраться. Или, скорее всего, напуганное недавним обвалом, не решалось выпустить из рук опору. Так или иначе, оно оставалось на месте. А Вулдридж вплотную подошел к рубежу, за которым начиналась рыхлая, непроходимая, еще не успевшая затвердеть после схода лавины полоса снега, и, не торопясь, «расстрелял» половину запаса пленки.

Однако до «снежного человека» (а то, что он видит перед собой именно его, Вулдридж не сомневался) было все-таки далеко. После обработки фотопленки фигурка обозначилась весьма

незначительной закорючкой высотой в два миллиметра. Как жалко, что у Вулдриджа не оказалось с собой телеобъектива!

Прошло около часа. Погода испортилась, повалил снег. Распростившись с надеждой на более близкую встречу с невиданным существом (все это время оно не покидало свой «пост»), Вулдридж отправился в обратный путь.

О встрече со «снежным человеком» Вулдридж долго никому ничего не рассказывал. И только через четыре месяца уникальные снимки попали в руки специалистов. Этого срока «существо с лавины» с лихвой хватило, чтобы перекочевать в другой район гор.

– Я очень обеспокоен активностью людей в поисках йети, – говорит Вулдридж, объясняя причину своего долгого молчания. – Мы не знаем, сколько еще осталось этих редчайших животных. Может быть, их так мало, что изъятие из природы одного из них окажется роковым для всей популяции?

Фотографии, сделанные Тони Вулдриджем, были внимательно изучены английскими специалистами. Вот какое мнение сложилось о них у профессора физической антропологии Роберта Мартина:

– Снимки следов якобы неизвестного науке животного имеют небольшую практическую ценность. Таяние снега могло очень сильно изменить их форму. Но тем не менее, по крайней мере, на одном отпечатке видно, что большой палец ноги животного отведен от фаланги остальных. Это характерный признак приматов.

На другом снимке запечатлена цепочка следов, идущих вниз и вверх по склону. Глядя на нее, нетрудно понять, что животное передвигалось на двух ногах.

Однако доказывает ли это, что перед нами следы, оставленные легендарным йети? Некоторые виды обезьян, в том числе обитающий в Гималаях лангур, способны проходить небольшие участки пути на задних конечностях, балансируя лапами.

Разумеется, особый интерес вызывает снимок самого существа. Очень жаль, что неизвестное животное вышло мелким планом. При увеличении снимок недостаточно четкий. Он допускает самые различные толкования.

Но стоит заметить, что посадка головы весьма характерна для таких приматов, как лангуры. Вулдридж сообщает, что опущенные

«руки» животного достигают колен. Это наводит на мысль о человекообразных обезьянах. Однако, важно отметить, крупные лангуры тоже отличаются довольно длинными передними лапами.

Вес лангура тем больше, чем дальше к северу он обитает. В Гималаях он может достигать 20 килограммов. Шерсть у лангуров, как правило, землисто-серых светлых оттенков, но есть и довольно темные экземпляры. Все вышесказанное говорит за то, что на фотографии мог быть запечатлен крупный лангур, приспособившийся к скудному высокогорному рациону.

Казалось бы, все сходится. Но где же на снимке хвост, который у лангуров развит и достигает длины тела?

Безоговорочно поддержал версию Тони Вулдриджа о «снежном человеке» профессор анатомии и антропологии Джон Нейпир.

– Я склоняюсь к мысли, что существо, изображенное на снимке, – реликтовый гоминоид. Конечно, можно предполагать что угодно, вплоть до того, что мы видим отшельника, одетого в звериную шкуру и на высоте 3300 метров творящего молитву. Но все-таки, на мой взгляд, следует избегать надуманных объяснений.

Очертания фигуры существа буквально повторяют описание так называемого алмасты (местное название «снежного человека» в Кабардино-Балкарии), сделанное гидрогеологом А. Г. Прониным. Подобных удивительно похожих описаний очень много. Словом, после долгих сомнений я становлюсь убежденным сторонником существования йети.

ВОЛОСАТЫЕ ДИКИЕ ЛЮДИ КИТАЯ

«Он был около семи футов ростом, плечи шире, чем у человека, нависающий лоб, глубоко сидящие глаза и широкий нос со слегка вывернутыми ноздрями. У него были впалые щеки, уши, похожие на человечьи, но крупнее, круглые глаза, также более крупные, чем глаза человека. Выпирающая вперед нижняя челюсть, выступающие губы. Передние зубы крупные, как у лошади. Глаза черные. Волосы темно-каштановые, длинные, в фут длиной, свободно свисали на плечи. Все лицо, за исключением носа и ушей, было покрыто

короткой шерстью. Руки висели ниже колен. Кисти рук большие, пальцы около шести дюймов длиной, сочленения пальцев лишь слегка выделены. Хвоста не было, и тело было покрыто короткой шерстью. У него были тяжелые бедра, короче, чем голени. Он шел прямо, широко расставляя ноги. Ступни были дюймов двенадцать длиной и примерно шесть дюймов шириной – спереди шире, чем сзади. С плоскими ногтями. Это был мужчина. Вот то, что мне удалось ясно разглядеть».

Это описание в октябре 1977 года дал группе исследователей из Китайской Академии наук в Пекине 33-летний лидер коммуны Панг Енсенг.

Панг рассказал, как он встретил «волосатого человека» в лесу на склоне ущелья, куда он пошел заготавливать топливо.

– Этот человек подходил все ближе и ближе. Я пятился назад, пока не уткнулся спиной в скалу. Дальше бежать было некуда. Я поднял топор, готовый сразиться за жизнь. Мы стояли друг против друга, не двигаясь с места, около часа. Потом я поднял камень и бросил в него. Камень попал ему в грудь. Он издал несколько воплей и начал тереть место удара левой рукой. Потом повернулся налево, прислонился к дереву, а затем медленно побрел вниз, к дну ущелья. Он продолжал издавать стонущие звуки.

...Лунной ночью в мае 1976 года шестеро лидеров коммуны из лесного района Шенонгийя в провинции Хубей ехали на джипе неподалеку от деревни Чуншуйя. Вдруг их фары осветили «странное бесхвостое существо с красноватыми волосами», которое стояло на дороге.

Водитель остановил джип, удерживая в лучах фар существо, а пятеро человек вышли из машины и отправились исследовать встречного. Они подошли на несколько футов – существо также казалось заинтригованным их появлением, но потом оно скрылось во тьме. Люди не делали попыток преследовать его, но на следующее утро отправили телеграмму в Пекин, в Академию наук. Все были убеждены, что видели одного из легендарных «волосатых людей» Китая.

Страшные сказки

На протяжении веков китайский фольклор хранит страшные истории о больших волосатых, похожих на людей существах, которые ходят на задних лапах. В соответствии с легендами, эти существа населяют центральный горный район Китая Куинлинь-Башан-Шенонгийя, в этом районе водятся также гигантские панды и другие редкие виды животных, не встречающиеся больше нигде в мире.

До недавнего времени истории о диких людях встречались в Китае, как и повсюду, с изрядным скептицизмом, если не с прямым недоверием. Случившееся той лунной ночью тем не менее дало толчок к тому, чтобы отношение это изменилось. Ученые из Института палеоантропологии и палеонтологии позвоночных Академии наук были настолько заинтригованы этим описанием, сделанным шестью руководителями коммуны, что развернули полномасштабное исследование, в течение которого были собраны сотни подобных свидетельств от людей, живущих в Центральном Китае.

Возможно, первое письменное упоминание о диких людях было сделано около 2000 лет назад министром и поэтом Кью Юанем, которые в своих стихах часто упоминал о «горных великанах-людоедах». Семь веков спустя, во времена правления династии Тань, историк Ли Яншу описал группу волосатых людей, живших в лесах Хубей. Почти в то же время, когда американцы вели свою войну за независимость, поэт Юан Мей писал о странных «похожих на обезьян, но обезьянами не являющихся» существах в провинции Шанси.

Но хотя старая литература помогает установить историю диких людей, она – недостаточный источник для того, чтобы определить, кто эти существа и откуда они появились. И вот в 1976 году китайские ученые организовали исследовательскую группу, чтобы найти более точные данные. Ученые из Пекина и Шанхая, из провинций Хубей, Шанси и Сычуань более двух лет прочесывали наименее доступные участки лесов в поисках следов. Более 100 человек, при поддержке воинских частей и добровольцев, исследовали 600 квадратных миль,

в которые вошли все территории Шеногийи и окружающих районов, где когда-либо отмечались следы диких людей.

Неуловимые создания

Но хотя научная группа собрала описания диких людей, состоящие из сотен тысяч слов, и целую библиотеку, полную данных, сами эти существа оказались столь же неуловимыми, как лох-несское чудовище и йети. Фотографы из пекинской студии научных и образовательных фильмов провели в лесах почти два года, но им так и не удалось запечатлеть дикого человека. Они подошли к нему на такое же расстояние, как и очевидец из района Фаньхань, где расположилась штаб-квартира исследователей. Как говорится в журнале «Чайна реконстрактс», 32-летняя женщина по имени Гонь Юлан выбежала из леса, прижимая к себе четырехлетнюю дочь. Женщина кричала: «Дикий человек, дикий человек!» Позже она рассказала исследователям, что они с дочерью собирали травы в горах, когда увидели волосатое человекоподобное существо, которое чесалось о дерево.

Когда исследователи прибыли на место, они не нашли само существо, но обнаружили множество прядей темно-каштановых волос разной длины на стволе дерева, на высоте около 4 футов.

Тем не менее волосы эти стали для исследователей ценным доказательством. Образцы были доставлены в Пекин, изучены, и было доказано, что волосы отличаются по составу и виду от волос медведей – как черных, так и бурых. Более всего эти волосы напоминают волосы приматов.

В дополнение к волосам ученые нашли отчетливые отпечатки ступней и экскременты, которые, как они считают, могут служить доказательством возможного существования диких людей. Как сказано в одном из донесений, написанных на месте и сопровождаемых фотографиями, «отпечатки принадлежат продолговатой стопе, расширенной (около 4 дюймов) впереди и суженной (около двух дюймов) сзади. Отпечатки пальцев овальные,

один палец, очевидно, отстает от других. Следы идут друг за другом в одном ряду, расстояние между следами варьируется от двадцати дюймов до ярда».

В районе, где четверо различных очевидцев, включая ту женщину с ребенком, отмечали появление дикого обезьяноподобного существа, исследователи нашли шесть куч экскрементов на вершине скалы на полпути к горе. Хотя те были уже затвердевшими и высохшими, при анализе удалось обнаружить кусочки непереваренной кожуры фруктов и диких орехов, но никаких фрагментов животного происхождения – меха или костей. Ученые заключили, что экскременты не могли принадлежать ни человеку, ни плотоядным животным. Тем не менее количество экскрементов и характер непережеванных и непереваренных остатков пищи они были слишком малы – не говорят о том, что эти экскременты оставлены копытными животными или медведями. В целом образцы весьма напоминают экскременты травоядных приматов.

Теории

Хотя эти данные не дают окончательных доказательств, касающихся происхождения и даже существования диких людей, китайские ученые выдвинули две теории, имеющие отношение к этим странным существам. Одни считают, что дикие люди – это атавизм, генетический регресс к ранним формам человеческого рода, появившийся в результате случайных комбинаций наследственных генов. По мнению других, эти Существа являются прямыми потомками отдаленного предка человека, гигантской обезьяны – гигантопитека.

Теория атавизма предполагает, что дикие люди – это всего лишь люди, рожденные с ненормально большим количеством волос на лице и теле. Такие волосатые люди определенно существуют в Китае, и на протяжении веков китайцы отторгали их из-за их сходства с обезьянами. Известно, что раньше чрезмерно волосатых детей убивали при рождении или оставляли в лесу на произвол судьбы.

(Для китайцев, как и для многих жителей Востока, растительность на теле – явление редкое и потому неприятное. Они стараются удалить волосяной покров, порой соскребывая веревочной мочалкой.)

Одно время китайцы полагали, что эти волосатые люди – возврат с таким наследственным прототипам, как обезьяночеловек. Но по данным современных генетиков, ненормальные характеристики, такие, как чрезмерный волосяной покров, являются результатом произвольных рекомбинаций рецессивных признаков.

Китайское правительство старается убедить граждан, что никакой загадки и никакого проклятия в этой избыточной волосатости нет, пытаясь таким образом взять вод защиту несчастных. Статья в «Чайна пикториэл», например, рассказывает о ребенке по имени Ю Дзенхуань, который родился в 1978 году. Все его тело было покрыто волосами. Фотографии, иллюстрирующие статью, демонстрируют всю семью – родителей и старшую сестренку мальчика. Все они вполне нормальные люди.

Как говорится в статье, реклама, данная ребенку, побудила многих посетить эту семью, а также написать о сходных случаях в Академию наук. Сегодня зафиксировано 19 таких случаев.

Все эти люди поздно теряют свои молочные зубы, но в остальном их развитие ничем не отличается от нормального. «Атавизм, – сказано в статье, – как было доказано наблюдениями, не влияет на повседневную жизнь человека. Интеллект таких людей развивается нормально». Далее в статье говорится об одном волосатом ребенке, который прекрасно учится, и о другом, который великолепно поет и играет на флейте и является «примерным рабочим».

Увеличивающиеся знания о волосатых людях подтверждают теорию о том, что дикие люди – это изгои в результате появившихся у них атавистических признаков. Они выжили и организовали свои колонии в лесу. Единственный недостаток такой теории – это рост этих людей. Свидетели описывают эти существа как весьма рослых, и большинство следов, оставленных ими, гораздо крупнее тех, что мог оставить человек. Некоторые ученые отмечают эти возражения, заявляя, что поскольку веками дикие люди должны были выживать в тяжелых условиях, то выжили лишь наиболее крупные и приспособленные особи.

Эти оставшиеся без ответа вопросы побудили многих вернуться к теории, что дикие люди – живые потомки гигантской человекообразной обезьяны – гигантопитека, – которая населяла Землю 2 миллиона лет назад. Хотя древние обезьяны, как считается, прекратили существование тысячелетия назад, ученые отмечают, что гигантская панда – вид, который, как известно, жил бок о бок с гигантскими обезьянами, по-прежнему населяет тот же самый регион. Многие из живущих ныне ископаемых растений – таких, как голубиное дерево, китайское тюльпановое дерево и метасеквойя, – также все еще растут в Куинлинь-Башан-Шенонгийя. Другие редкие и древние животные, такие как такин и золотая обезьяна, существуют только в этом регионе. Поэтому, предполагают некоторые ученые, гигантские обезьяны также сохранились здесь как вид.

Кости гигантских обезьян

Как ранние, так и недавние исследования говорят, что эти обезьяны водились на крайнем юге Китая, но они также существовали в эпоху среднего плейстоцена – от 500 до 600 тысяч лет назад. Тем не менее кроме костей гигантских обезьян были найдены следы других костных окаменелостей, использовавшихся в древнекитайских традиционных лекарственных препаратах.

«Следуя известным нам данным, мы можем лишь сказать, что гигантопитеки имели крупные, массивные кости и мощный торс, однако конечности были ненамного длиннее и сильнее, чем у человека, – говорит Ву Рукань, палеоантрополог из Академии наук. – Гигантопитек был такого же роста или чуть выше современного человека». Это описание поразительно совпадает с данными тех, кто видел китайского дикого человека.

Многовековая загадка дикого человека Китая до сих пор не решена. Не хватает данных для того, чтобы доказать существование подобного создания, не говоря уже о том, чтобы выяснить его происхождение.

ТАИНСТВЕННЫЕ ОБИТАТЕЛИ ДЖУНГЛЕЙ

Их называют «тхак-тхе» – «лесные люди». И, как говорят, обитают они на склонах хребта Чыонгшон в Среднем и Нижнем Лаосе. Видели их и во Вьетнаме.

Мне неоднократно приходилось во время пребывания в разных районах Индокитая слышать о них от самых разных людей – ученых, крестьян, охотников. Вот лишь некоторые из этих сообщений.

Директор института истории ДРВ Чан Хуэй Льеу:

«В лесных и высокогорных местностях Тай-Нгуена, судя по рассказам тамошних жителей, есть человекоподобные животные, которых называют „ань-нак-тань“ или „зохать“... В 1944-м в горах района Тай-Нгуен на территории общины Едорон уезда Мадорат один юноша убил из арбалета стрелой „ань-нак-таня“, когда тот спускался к ручью за крабами и водорослями. Будучи смертельно раненным, „ань-нак-тань“ все же пытался скрыться в находящейся поблизости пещере. Когда нашли его труп, оказалось, что это существо женского пола, сильно обволосенное, небольшого роста...»

...Уилфред Бэрчетт, австралийский журналист:

«Мой проводник рассказывал, что однажды в 1949 году увидел в горах Нгуена группу человекообразных существ. Одно такое существо мужского пола удалось поймать. Тело этого существа покрывали густые черные волосы; он издавал щебечущие звуки, не напоминающие человеческую речь, ел только сырое мясо, речных крабов и листья пальм, очень боялся людей: Его решили отпустить, но он неожиданно умер».

...Кхамфас Фонекео, лаосский этнограф:

"На юге, в районе Саравана, где я часто бываю, местные жители говорят, что в джунглях можно натолкнуться на «лесных людей», «тхак-тхе». Я не вижу в этих сообщениях ничего невероятного, ибо в отдаленных районах нашей страны есть немало племен, живущих в

полной изоляции от внешнего мира в условиях первобытного общества. Что же касается «тхак-тхе», то они, насколько мне известно, не могут говорить и перекликаются между собой нечленораздельными звуками. Тело у них покрыто волосами. Рост невелик: примерно как у десяти-двенадцатилетнего подростка. Они любят лакомиться речными крабами. Людей старательно избегают. Бродят очень небольшими группами, и вообще численность их, судя по всему, крайне мала...

Судя по рассказам очевидцев, район обитания «тхак-тхе» охватывает горную местность к югу от плато Боловен".

...Чоунламан Утама, лаосский крестьянин:

«Эти существа встречаются изредка в джунглях южнее плато Боловен. Членораздельной речи у них нет. Переговариваются криками. Тело покрыто шерстью. Роста маленького. Чаще всего их видят около водоемов и ручьев».

Часть этих сведений была опубликована в лаосской печати, некоторые рассказы я слышал сам. И, не сговариваясь, очевидцы рисуют один и тот же словесный портрет «лесных людей». Так кто они, эти «тхак-тхе»? Люди, не перешагнувшие порога древнего палеолита, или человекообразные прямо ходящие обезьяны неизвестного еще науке вида? Ответа на эти вопросы пока нет.

БОЛЬШЕНОГ ПРИХОДИТ В ВАШИНГТОН

Рано вечером 19 августа 1970 года миссис Луиза Бакстер из Скамании, штат Вашингтон, проезжала мимо автостоянки в Бикон-Роке, когда у ее автомобиля спустила шина. Миссис Бакстер поменяла колесо и вдруг, совершенно неожиданно, ощутила, что за ней кто-то наблюдает. Чувства ее не подвели, хотя и наблюдатель оказался совсем не таким, какого она ожидала увидеть. Поглядев на участок леса, тянувшийся от обочины, она с ужасом обнаружила крупную морду какого-то коричневого, как кокос, грязного существа с огромными прямоугольными белыми зубами и большими, как у обезьян, ноздрями. Как того и следовало ожидать, женщина

закричала, прыгнула в свою машину и в панике нажала на газ. Посмотрев в зеркало заднего обзора, она разглядела, что существо выбралось на дорогу и застыло, выпрямившись в полный рост, который, по ее словам, был никак не меньше 10 футов. «Оно было просто огромно, – вспоминала она позднее. – Такой гигант, похожий на обезьяну. Определенно большеног».

Хотя описание и принадлежало испуганной женщине, но все же встреча, рассказанная миссис Бакстер, не была чем-то совершенно необычным для обитателей штата. Ведь и в нынешнем веке, и раньше приходило множество сообщений о существе, которое, кажется, является самым неуловимым из всех приматов Земли, так называемом большеноге, или саскваче, зверечеловеке, который, как считают криптозоологи, обитает в густых лесах северо-западного побережья Тихого океана. Огромные волосатые существа, много выше людей и весящие больше 400 фунтов, вероятно, как и «снежный человек» Гималаев, являются живыми реликтами доисторических времен. Правоверные антропологи стараются не замечать сообщений о них, считая их порождением городского фольклора, но регулярные появления их в наше время в разных местах, по крайней мере, дюжины штатов Америки и Канады все же внушают уверенность в том, что подобные реликтовые создания действительно могли выжить в глухих, отдаленных от цивилизации лесах.

Убедительными свидетельствами стали многочисленные следы ног, которые не раз фотографировали и отпечатывали в гипсе. Хотя некоторые из следов большенога представляют собой явные подделки, но все же нельзя объяснить одной только тягой к сенсациям такое количество отпечатков. Например, не так давно была обнаружена цепочка из более 3 тысяч следов, протянувшаяся на несколько миль, и в довольно безлюдном месте. Трудно поверить, что кому-то захотелось взять на себя тяжкий труд фальсифицировать столь длинную трассу.

В последние два десятилетия следы сасквача стали объектом тщательного изучения в нескольких американских университетах и канадских лабораториях. Было выяснено, что типичные следы взрослых особей составляют 16 дюймов в длину и 7 в ширину и

обнаруживают явное отсутствие изгиба стопы. Вместе с тем ясно различимые две фаланги на всех пальцах указывают на своеобразное приспособление, выработанное в процессе эволюции, для перенесения значительного веса. И соответственно глубина отпечатков позволяет смоделировать двуногое животное с массой свыше 300 фунтов, а иногда и много больше. Отсутствие отметин, которые указывали бы на наличие когтей, исключает возможность того, что отпечатки большеногов на самом деле принадлежат медведям, в то время как иные детали анатомии (такие, как данные о кожных наростах по краю стопы, потовых порах и потертостях) было бы совершенно невозможно воспроизвести искусственно, что уменьшает и вероятность фальсификации.

Многие годы встречи с большеногами, подобные описанной миссис Бакстер, воспринимались большинством американских зоологов недоверчиво, несмотря на подкрепляющие свидетельства в виде следов. Но их скептицизм несколько пошатнулся в 1967 году, когда охотник по имени Роджер Паттерсон заснял короткий, но впечатляющий фильм, где видна взрослая представительница большеногов, идущая легким шагом по высохшему руслу Блафф-Крика, что в Северной Калифорнии. Древесные стволы на земле, заметные на заднем плане, позволяют довольно точно установить рост существа и его физические размеры. Внимательный анализ пленки, произведенный экспертами на биологических факультетах университетов Лондона, НьюЙорка и Москвы, позволяет заключить, что заснятое существо было ростом примерно в 6 футов 5 дюймов, с шириной бедер и плеч явно большей, чем у любого человека, и шириной шага в целый метр. Хотя нет ничего невозможного в том, что на пленке снят рослый, массивный мужчина, обряженный в обезьянью шкуру с различными искусственными подкладками, специалисты склонны считать, что любому мошеннику было бы чрезвычайно трудно добиться такой непринужденной походки, жестикуляции и прочих телодвижений. По мнению трех виднейших русских ученых, исследовавших фильм в Москве, в походке существа запечатлены «естественные движения без каких-либо признаков неловкости, которые неизбежно читались бы при имитации». Отчетливо заметные черты – плоское лицо, покатым лоб и

выступающие надбровные дуги, явное отсутствие шеи и чуть согнутые при ходьбе ноги – дают право считать, что самый ближайший родственник американского сасквача – питекантропус эректус, обезьяноподобное существо, которое, как думают, вымерло около миллиона лет назад.

Что бы там ни разгуливало по Блафф-Крику в фильме, ясно, что это никак не медведь. Это важный аргумент в пользу гипотезы о большеного, ибо заметно ослабляет самое распространенное возражение скептиков, говорящих, что сасквач на самом деле всего лишь обычный гризли. Подобное утверждение, по сути, является прямым оскорблением для свидетелей, намекая на их тупость и крайнюю ненаблюдательность.

Чем ближе к своему завершению XX век, тем больше свидетельств тех, кто верит в существование дикого человека в лесах Америки, – они приходят все в большем числе из таких удаленных друг от друга штатов, как Флорида, Теннесси, Мичиган, Алабама, Северная Каролина, Айова, Вашингтон, и с огромных просторов северо-запада, где легенды о саскваче были распространены еще у индейцев. И тем не менее, как резонно указывают сомневающиеся, пока не найдено ни костей, ни кожи, ни тел этих животных, прямых доказательств их существования нет.

Из статьи Майкла Поулизника, активиста поисков бигфута в США:

Мои поиски большенога на Аляске начались в октябре 1975 года. Я до сих пор не нашел его, но поиски этого таинственного примата не прекращаются. На Аляске это таинственное создание обычно называют Бушменом, то есть человеком из буша, кустарниковым обитателем.

Стремление найти большенога выгнало меня из моего временного обиталища в Анкоридже; я обследовал Внутреннюю, Южно-Центральную и Юго-Западную Аляску – в поисках мне помогала некоммерческая общественная организация, базирующаяся в Майами, – Американский антропологический исследовательский фонд. Насколько мне известно, до того наиболее

научно обоснованных попыток установить контакт с большеногом на Аляске не предпринималось.

Но зачем же его искать? Давайте вернемся на два миллиона лет назад. По африканской саванне в поисках пищи бродит странное создание. Это создание выглядит как обезьяна, но также напоминает и человека. Оно ходит на двух задних лапах, однако лоб его низок и скошен, а челюсть выдается вперед.

Оно этого не сознает, но это создание представляет собой гигантский шаг вперед в эволюции. Может быть, это и есть то самое «недостающее звено» между обезьяной и человеком? Сегодня этого создания, которое отважилось приподнять себя над другими животными, больше не существует. А может, все же еще существует? И это ли творение природы превратилось в нас с вами?

Поиски на Аляске были совершенно естественным продолжением розысков на северо-западном побережье Тихого океана – там, в горах, вот уже более века живут странные легенды. Многие люди говорили, что собственными глазами видели огромные, похожие на обезьян существа, а также их следы – уникальные, превосходящие по размерам все остальные; некоторые измеряли эти следы, длина их доходила до 16 дюймов; следы эти встречались в горных районах северо-западного побережья Тихого океана.

Жители Аляски с большой охотой помогали мне в моих поисках – даже те, кто относился к затее достаточно скептически. Вся информация, которой я пока располагаю, поступила ко мне из писем, а также из бесед. Беседы эти я вел прежде всего для того, чтобы доказать окружающим, что мною движет серьезный научный интерес, а отнюдь не погоня за сенсациями.

Некоторые жители Аляски – особенно местные жители: не очень охотно обсуждают свои встречи с этим странным существом – они боятся, что над ними будут смеяться или назовут их сумасшедшими.

Алеуты, живущие на островах Кадьяк и Афогнак, из поколения в поколение рассказывают легенды о таинственном, похожем на человека, животном. Они называют это существо «Оулак'х». Я получил наиболее интересные свидетельства очевидцев именно на этих островах и планирую провести здесь более углубленные исследования.

Четыре рыбака с Кадьяка вышли на рыбную ловлю к заливу Казакова (Опасности) в 1974 году. В залив впадают две реки. И, охотясь на лосося, они увидели, как с одного берега реки прыгнул в воду некто и устремился к другому берегу. Один из рыбаков подумал, что это лось, и схватился за ружье. Но товарищ остановил его.

Они ясно разглядели верхнюю часть туловища пловца. Они видели, как он плывет, как взмахивает руками – руки были очень длинными, до 4 футов длиной, как описывают рыбаки. Они видели, как с длинных волос, которыми поросли руки, капает вода.

Фермер с острова Кадьяк сообщал о том, что он находил останки домашнего скота, причем по этим останкам можно было определить, что в смерти скота не повинны ни медведи, ни какие-либо еще животные.

С большеногом также ассоциируются внушающие суеверный страх вопли и забивающий все остальное запах – я нашел и эти признаки в моих исследованиях на Аляске.

Семья фермеров-рыболовов, живущая возле Клэм-Галч, сообщала, что в течение июля 1971 года слышала леденящие кровь нечеловеческие вопли. Неподалеку были найдены огромные следы, напоминающие медвежьи, но отпечатков медвежьих когтей не было.

Совсем недавно группа туристов из Анкориджа, обосновавшихся к югу от города на склоне горы возле ручья Макхью, слышала ночью шумы и шорохи, которые, как они уверяют, не могут быть вызваны медведем или лосем.

Одно из наиболее интересных из пока доступных мне свидетельских показаний принадлежит жителю Анкориджа, у которого есть небольшой домик возле Питерсвилла к западу от Талкеетны. Он с несколькими товарищами ехал верхом у подножия гор на юге национального парка «Маунт Маккинли». Дело было в конце лета. В бинокль они увидели три странных существа.

Группа всадников смогла преследовать существа, которые напоминали большеногога, – столь выразительным был запах и столь четкими были следы, похожие на человечьи, но с сильно выгнутым сводом стопы. Когда всадники расположились на ночлег, они слышали ужасные крики в ночи.

Этот человек также сообщил, что он нашел, видимо, и место ночевки существ. У него не сохранились остатки волос, которые он обнаружил на этом месте, он описывает их похожими на щетину, но толще, чем волос медведя. Человек этот также говорит, что видел, как существа поедали ягоды. Он говорит, что они напоминали сделанный для меня рисунок большенога, но казались ниже ростом и более прямоходящими.

Мои попытки установить контакт с большеногом будут продолжаться.

СВЕЖИЕ ПИСЬМА

Десятки писем, поступающие в редакции журналов и газет после публикаций материалов недавних экспедиций и походов, все полнее раскрывают образ неведомого существа.

А. Митина, немолодой, наверное, уже человек из Калуги, пишет:

«В самом начале 30-х годов мой дед одним из первых вступил в колхоз и работал на пасеке. В то время на Рязанщине были большие массивы лесов, перерезанные болотами и оврагами. Как-то раз пришел он с пасеки очень расстроенный и что-то стал рассказывать бабушке. Я просила ее объяснить мне, что же произошло. Она все отнекивалась. В конце недели дед опять вернулся не в себе. Что-то сказал бабушке, и та пообещала навестить пасеку. Я с трудом уговорила ее, чтобы она взяла и меня. Солнце садилось за лес, когда перед нами возникла знакомая картина: улы, избушка, костер. Когда сварилась похлебка, дедушка положил в угли картошку. Мы вошли в избушку. Было темно. Огня не зажигали. Дед твердил одно и то же: „Сейчас придет, вот увидишь!“ Они с бабушкой прильнули к маленькому окошку, а меня заставили играть с Полканом на полу. В какой-то момент тот вдруг вскочил на ноги, шерсть на загривке поднялась, и он тихо, с жалобным надрывом, завыл. Стало жутко. Дед зашептал: „Смотри под орешник внимательнее. Вон-вон, справа!“

Я не утерпела, протиснулась к окошку и стала вглядываться туда, куда он указал. И хоть было темно, но я рассмотрела человека огромного роста, широкого в плечах, который в этот момент вышел на поляну. Ступал он медленно и тяжело. Мы замерли. Потом я заплакала. Дедушка меня погладил по голове: «Не бойся, он сюда не пойдет». Зубы стучали у меня от страха, но я все равно смотрела, куда он идет. А он направился прямо к костру, опустился на четвереньки и стал разгребать угли. Угли вспыхивали, освещая на короткие мгновения фигуру незнакомца. Особенно запомнились мне руки и лицо, покрытые шерстью, как и все тело. Он выхватывал из костра картошку и отбрасывал ее в сторону. Затем подхватил несколько, подбросил на одной руке, перекинул в другую и, прижав их к животу, зашагал в ту сторону, откуда пришел.

Когда страх исчез, дед нам рассказал, что это «хозяин» леса, и, когда ему голодно в лесу, он приходит к пасеке и стоит в орешнике. А когда дед уходит, начинает выбирать из костра картошку. Вот и приходится, дескать, оставлять ему порцию. В один из приездов к деду я уснула однажды на коленях у бабушки, а проснулась от их тихой беседы. Дед: «Лошадь на днях ушла. Была с колокольчиком, а все же никак не найду. Возникла мысль: а не в овраг ли она упала? Спустился туда, держась за кусты. Услышал не то стон, не то плач. Думаю, лошадь сломала ногу. Раздвигаю тихонько кусты: пресвятая богородица! Что я вижу! Вроде логова под корнями деревьев, травы натаскано много, на ней лежит „хозяйка“. Живот огромный. Видно, рожает. А „сам“ сидит перед ней на корточках, руки на коленях. Подпирает голову руками и мычит. И только потому они не услышали меня. Надо же – все как у людей, и муки тоже»».

В том же году мне лично пришлось встретиться с «хозяином» и увидеть его лицо, но обстоятельства будут понятны не всем.

Геолог Александр Новиков прислал из Тюменской области такое письмо:

«Это произошло в 1982 году в кишлаке Фарух недалеко от таджикской реки Вахш. Хозяин, в доме которого мы остановились, не только видел гули (местное название реликта), но и имел с ним

схватку, закончившуюся серьезной травмой ноги рассказчика. До той поры мне не доводилось слышать такого убедительного и темпераментного рассказа о встрече с гоминоидом. Но я о другом.

Нас было восемь человек, в том числе моя жена. Фарух был исходной точкой нашего маршрута, а путь пролегал через перевал в долину заброшенных кишлаков. Та долина казалась нам идеальной для обитания гули. Посудите сами: запущенные сады абрикосов, алычи и грецкого ореха, пещеры и отсутствие людей. У нас была надежда.

А пока мы принимали угощение гостеприимного хозяина, готовились ко сну, расположившись в одной большой комнате. Причем жена моя спала у стены, затем дальше от нее я и все остальные товарищи. Я бы не уделял внимания тому положению, в котором мы приняли сон, но той ночью меня посетил ужас, равного которому я до сих пор не испытывал. Пробудившись неожиданно ночью, я смог лишь открыть глаза, остальные движения были невозможны. Это был паралич страха, но движения век скованы не были. Страх нарастал волнами, достигая апогея, когда сердце замирало, а затем выдавало толчок на грани своих возможностей. Пространство затемненной комнаты, в которое был обращен мой взгляд, было искривлено. Позже я понял, что это были галлюцинации. Окна почему-то поменялись местами, а за одним из них мерещился кто-то огромный. За первой волной ужаса накатилась вторая и начиналась третья. Я понял, что сердце может не выдержать, собрал все силы, сконцентрировался и, сделав незначительное движение, вышел из оцепенения. Затем, приподнявшись, что-то крикнул. Все мгновенно прошло. Ужаса как не бывало. Комната приняла свои обычные очертания. Я откинулся и сразу уснул.

Утром у меня и мысли не было рассказать кому-то о пережитом.

И еще некоторые детали той ночи: была непогода с ветром и дождем, собаки лаяли неистово, а утром хозяин сказал, что в кишлак приходили волки. Я же уверен, что приходил Он. Наша группа благополучно выполнила свою программу, хотя ни гоминоида, ни его следов мы не нашли и недели через две возвратились в Душанбе. Про свои страхи я так никому и не рассказывал и начинал уже подумывать, что причина субъективная – съел что-то не то или

погода там... Но вот однажды в ожидании денежного перевода мы с женой гуляли возле почтамта, и у нас пошел такой разговор:

– Саша, я все боялась тебе почему-то рассказывать, но со мной в Фарухе творились странные вещи. Я насторожился, но прикинулся непонимающим: – А что такое, Нина?

– Мне ночью стало очень страшно. Ощущение такое, будто в груди что-то растет, растет... Потом я теряла сознание на какое-то мгновение, приходила в себя, и все начиналось сначала. – Сколько раз?

– Два раза. На третий ты приподнялся, что-то крикнул, и я сразу уснула.

Я еще осторожно порасспрашивал у жены детали ее переживаний, затем поведал свои и с тех пор внимательно отношусь к тому, что не взвесишь и не измеришь линейкой.

Второй контакт подобного рода произошел со мной в 1985 году. Тогда мы небольшой группой в пять человек обследовали ущелья в районе реки Сиамы на ПамироДлае. Работали под началом Игоря Бурцева. Дело близилось к концу. Игорь Дмитриевич уезжал в Москву, а у нас, остававшихся, еще было время сходить в верховья одного из притоков на высоте около 4 тысяч метров.

Мы поднялись туда уже в сумерках, и полная луна помогла нам разбить бивуак на голых камнях. В памяти остался какой-то дикий восторг, который сопровождал меня на пути вверх. Я словно черпал силы от скал и ледников, от звезд, луны и прохладного ветра...

Холодная ночь прошла без происшествий. День на плато пробежал кое-как, вся группа ушла в базовый лагерь, а я остался для проведения одинокой ночевки. Ночь заявила о себе таким холодом, что я, ерзая на камнях в худом спальнике, начал ругать себя за то, что не ушел со всеми. Сон был неважный. Холод будил, заставляя менять положение, и вот в какой-то момент я пробудился, а пошевелиться не мог. Паралич. Чувство такое, будто находишься в коконе. Страх, конечно, был, и сердце молотило на пределе. Трудно сказать, сколько это продолжалось, но вот я услышал совсем рядом характерный тихий звук от гравия, когда на него наступают, и... меня постепенно отпустило. Я (и да простят меня отважные сердца) еще глубже залез в

мешок, а вылез уже утром с сильнейшей аритмией и побрел вниз. Такова правда.

А совсем недавно я снова влился в коллектив единомышленников. Где был базовый лагерь и район основных поисков, я умолчу. Опыт реки Сиамы, подвергшейся нашествию недавно, заставляет быть осторожным с координатами. Скажу лишь, что было это снова на Памиро-Алае.

Итак, после знакомства Миша Вертунов, изыскатель из Ижевска, предлагает мне провести ночевку в весьма труднодоступном месте. Я сразу соглашаюсь. И вот мы под вечер покинули лагерь и начали подъем. Крутой тягун сменился скальным траверсом, где я пару раз, зависая над бездной, пожалел, что отправились без снаряжения. В сумерках Миша привел меня в довольно мрачное ущелье. Едва успели мы зайти туда, как откуда-то сверху раздался сильный треск, вызванный несомненно каким-то крупным животным. Миша не поленился пойти на разведку, затратив полчаса «светлого» времени. Безрезультатно. Мы расстались, не зная, кто за кого волнуется больше. Его тревоги касались моей ночевки, я же представлял, каково ему будет в темноте ползти по скалам вниз.

Устроившись поудобнее, я лежал и смотрел на звезды. На этот раз спальник был теплее. Рядом со мной из кустов доносилось потрескивание сучьев, и так продолжалось почти всю ночь. Никаких эмоций это не вызвало. Очевидно – дикобраз.

...Этот контакт был почти без страха. Просто кто-то быстро-быстро стал надувать у меня в груди теплый шарик. Он рос, наполняя все тело легким электричеством. Но, видно, не все струны оборвались во мне. Мое опасение потерять над собой контроль перебороло эту теплую волну. Лежу, молотится сердце. Почти в это время мне на коврик падает маленький скатанный камушек, брошенный так, чтобы упасть в изголовье между спальником и ковриком. Ему я почти не удивился. Было около трех часов ночи 13 сентября 1988 года».

«Уважаемая редакция!

Множество публикаций о «снежном человеке» подтолкнуло меня написать о моей встрече... у нас, в Москве...

А дело было так. Я художник книги, и мне еще в 1957 году в журнале «Юный натуралист» (№ 9) довелось иллюстрировать рассказ И. Акимовича «Таинственные следы в Гималаях». Особенностью моей работы как художника-документалиста является особая тщательность поиска изобразительного материала и ответственность при изображении. Тогда я нашел только фото следов гоминоида – их я и нарисовал. Запомнил, что они не очень похожи на человеческие... В это время, к сожалению, мало кто верил в «снежного человека» как в реальность. Я все же начал собирать попадавшиеся мне материалы и публикации по этой теме в отдельную папку.

В 1962 году в издательстве «Детгиз» мне предложили иллюстрировать повесть карельского писателя-археолога А. М. Линевского «Листы каменной книги», написанной писателем на материале петроглифов, открытых им самим в Карелии около Белого моря на реке Выг. Это – известные теперь «бесовы следки». Повесть Линевский строил на догадках о причине возникновения этих наскальных изображений. Ранее он написал две научные книги об истории своей находки. В них он спорил с членом-корреспондентом Академии наук В. И. Равдоникасом об оценке расшифровки некоторых рисунков. Ученые сошлись на том, что эти камни имели ритуальное назначение.

Подробно изучая приведенные в книгах Линевского кальки, снятые им непосредственно с камней у водопада Шейрукша, я обратил внимание на особенность классификации изображений. Есть камни, где изображены люди, и обязательно в действии: с оружием, с луками, палками, в лодке, на лыжах. Люди изображены остро, выразительно, гротесково, но схематично, как знаки. Изображается охота на кита, плавание на лодках и охота на моржей, лов оленей, ходьба на лыжах. Особой композиции нет – это каменная записная книжка-памятка. И создавались изображения во времени, как фиксация событий, иногда перекрывая предыдущие, а не как декоративное оформление камней. Но есть камень-монолит, где изображены только одни животные, людей на нем нет. Линевский считал, что это мишень – цель, в которую, вернее, в изображенных на ней зверей, «охотились» для сопутствования удачи в настоящей охоте

на зверя. Подобное встречается и теперь у некоторых африканских охотничьих племен. Это подтверждают щербинки на камне от ударов дротика. На этом камне звери изображены особенно тщательно, индивидуально, портретно – почти по-японски... Живо изображены лебеди, их лапы с чуть приподнятыми пальцами, сережки у морд лосей. Киты изображены сверху. Вообще видно, что художник искал наиболее выразительный ракурс, а не просто создавал эмоциональный образ зверя.

Вот на этом-то зверином камне я и встретился со «снежным человеком» и его следами, изученными мною уже в 1957 году.

Удивительно, что древний художник поместил его на звериный камень. Это тот самый «бес» и его следы, которые побудили к наречению всей группы камней «бесовыми следками». Видно, многих приковало изображение «почти человеческих следов», но никто не ассоциировал их со «снежным человеком».

«Существо» помещено не в центре камня, как хозяин, а резко сдвинуто почти к краю камня, дано в профиль – как наиболее рассказывающее о себе и запоминающееся. Это человекообразное существо с огромными стопами идет и оставляет за собой реальные следы в размер стопы с правильным чередованием ног. Явно, что древний художник видел и существо и его след, был ошеломлен его размером, поражен длиной шага и со всей тщательностью скопировал его на камень. Другого случая изображения следов на петроглифах не припомню. Следы тянутся слева направо через весь камень, в некоторых местах даже перекрывая более ранние изображения. След приводит к изображению существа с огромной ступней. Рисунок пальцев ступни, их группировка точно повторяют их отпечаток на следе.

Рассматривая след, убеждаешься, что он лишь отдаленно похож на человеческий: стопа шире, без свода, пальцы расположены не под углом, как у человека, а поставлены почти перпендикулярно к оси стопы. Все пальцы, кроме большого, согнуты и вдавлены в почву. Это видно по большому пальцу на следе – он выступает дальше других вперед. У человека второй палец выдается вперед дальше, чем большой. Само существование следа свидетельствует о реальности того, кто его оставил. Существо – «бес» – наделено индивидуальной,

портретной характеристикой. Ничего символического, мистического в его профильном изображении нет. Особенно если сравнивать его с изображением «беса» на «Весовом носу» на Онеге. (Хотя я убежден, что оба изображают «снежного человека».) Но на Онеге «бес» огромен – 2,5 метра по высоте. Он дан в центре, фасово, господствующим над остальными зверями, гипнотизирующе для смотрящего. «Бес» же на водопаде Шейрукша находится не в центре, а в дальнем, невидимом с Вычи углу камня, 70 сантиметров по высоте. Он не господствует, а масштабно связан с окружающими его изображениями зверей.

Интересна и реакция местных жителей на это изображение. В названии «бесовы следки» акцент дан явно на следы, как более таинственно впечатляющие, чем сам образ «беса». Очень может быть, что и древний художник чаще встречал следы, чем само существо, и это послужило поводом дать изображение следов. Внушительный шаг на камне – 120 сантиметров, длина стопы 30-35 сантиметров (а ведь подобное находят и при современных экспедициях). У изображенного существа кисть руки развернута и все пальцы раскрыты, развернута и внушительная стопа, словно в анатомическом атласе. Я сличил наложением след, изображенный на камне, со следом на фото, снятым в экспедиции, – они совпали.

Профильная характеристика «беса» явно не случайна – выбрано такое положение, которое наиболее ясно запечатлелось бы, – опять говорит о реальности существа. И это поражает, ведь это создал и продумал первобытный человек. Как изображена кисть руки – с очень длинным большим пальцем, четко выбита на камне фаланга пальца, как дана ступня... при более слабой и короткой, чем у человека нормального, ноге. Округлое, яйцевидной формы туловище с горбом. (Люди на петроглифе не имеют горбов – спины у всех прямые.) Существо мужского пола, а бороды нет. У мужчин на изображении у всех бороды. На голове вроде рога – либо ухо, либо волосяной хохол (чуб, шиньон неандертальца – так называемый саггитальный гребень), принятый местными за рог, – отсюда «бес».

Выразительно изображена и мужская половая характеристика, что также свидетельствует о реальности виденного существа. В отличие от людей «существо» в руках ничего не держит. Оно не

охотится и даже не смотрит по-хозяйски на нарисованных зверей, а как бы застенчиво спешит уйти, скрыться. Образ дан как зверь, вне действия.

В № 10 журнала «Вокруг света» за 1969 год была помещена моя статья «Хозяин Бесова камня». Правда, все мои ссылки, что изображен древним художником «снежный человек», были вычеркнуты. А был поставлен вопрос: «Кто он, одиноко застывший на камне у водопада Шейрукша?»

Я же был уверен в том, что мой глаз художника не ошибся. Что это тот самый «снежный человек», йети, алмаст, калибан из шекспировской «Бури», химеры с собора Парижской богородицы, а главное – характеристики, совпадающие с теми, о которых свидетельствуют ныне повстречавшиеся с существом люди; совпадающие и с кинолентой (бег на согнутых пальчиках, как бежит гоминоид на американской пленке), правда, на камне самец, а не самка. Вот так состоялась моя встреча со «снежным человеком» в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. Недавно получены интересные подробности. По телевидению рассказали, что «снежный человек» стучит в окно охотничьей избушки, предупреждая, что он пришел. Приведено свидетельство очевидцев, что гоминоид откликается на свист свистом, и не просто, а свистит в правильной последовательности отклика. Не флейта ли пана это? И еще меня интересует, бросали ли древние охотники оружие в изображение гоминоида на петроглифе. Есть ли сколы около его изображения? Не гипнотизировал ли он охотников? Или они его?

Пишу письмо вот для чего: журнал «Вокруг света» предостерегает ретивых любопытных, чтобы они не повредили делу обнаружения и сохранения гоминоидов. Так вот, я просил бы помочь сохранить и моего найденного снежного человека. Ведь экскурсии из Петрозаводска на Выг к петроглифам нередки. Охрой подкрашивают рисунки на камнях – не повредили бы. Мне кажется, о чем я написал – удивительно и очень интересно и высоко характеризует профессиональность художника, даже если он и первобытный.

Профессор Борис Федорович Поршнева считал, что я прав, и даже просил меня сделать доклад в Дарвиновском музее. С уважением,
Петр Павлович Павлинов, Москва».

ДИТЯ ТУНДРЫ

Мы дружили с Майей Генриховной Быковой лет восемь. Обменивались свежими материалами, постоянно информировали друг друга о всех мало-мальски важных событиях в области изучения неведомого. Майя Быкова была непростым человеком и многим наступала на мозоли. Она писала острые, полемические статьи и очерки еще в те времена, когда от одних ее разговоров редакторы газет и журналов приходили в ужас. По-хорошему, о ней надо написать отдельную книгу, но пока мы познакомимся с одним лишь сезоном поиска «снежного человека», предпринятого Майей Генриховной.

(М. Г. Быкова скончалась зимой 1996 года в далекой Америке, где пыталась вылечить застарелые недуги и снова отправиться на встречу со «снежным человеком»...)

Из архива М. Г. Быковой

ЧААР ПАРНЭ, ПЭ МИЙЕ!

(«Снежный человек» в 1989 году)

...Сейчас, осенью 1990 года, я еще живу около саамского озера. Уже весной, разрабатывая план на сезон, поставила перед своей группой задачу: получить в Заполярье фотоизображение существа, которое мы ищем. Хотя даже зарубежные исследователи, снаряженные куда лучше нашего, до сих пор таких фотографий не имеют. Случайные кадры В. Паттерсона, снятые в присутствии Р. Гимлина в 1967 году и признанные рядом ученых документальными, к сожалению, нечетки. Все мечтают о лучшем – эта киноплёнка не стала событием. Впрочем, не станет решающим доказательством и самый четкий чей-то будущий снимок. Такова уж привычка человека – сопротивляться фактам, а главное таковы положения зоологии. И

все же в начале июля редакция журнала «Техника – молодежи» в связи с многочисленными пожеланиями читателей обратилась ко мне с просьбой подвести итоги поисков в 1989 году.

Основанием для надежды на новую встречу с неведомым существом должен служить мой удавшийся вызов его в течение двух сезонов подряд. Каждый раз было по три очевидца. Первое из этих событий описано в статье «У избушки на курьих ножках» («ТМ», № 4 за 1989 год), о втором я напишу здесь. Можно, конечно, надеяться и на случайную встречу (тем более Солнце сейчас неспокойно), но хочется строить работу на более прочном фундаменте. Им послужат три освоенных мною приема.

Первый – «суеверие от противного», то есть несоблюдение суеверных запретов. В каждом народе есть свои хранители знаний. Пожилые занимаются наставничеством на основе народного опыта, рассказывают молодежи, как вести себя в поле, лесу, горах, чтобы ничто темное, в основном ночью, тебя не смутило. Следовательно, если желаешь достичь обратного результата, поступай вопреки этим рекомендациям.

Второй прием – выработанный мною призывный крик. Я не претендую на полную имитацию, но другого такого крика в лесу нет. Он поражает воображение и людей и животных.

Третий прием – запаховые приманки. Вечерняя заварка кипятком особо душистого меда, определенных лекарственных и эфиромасличных трав, сухофруктов высокого качества, без примесей гари и гнили.

Именно благодаря этим приемам поставленная летом 1989 года цель была достигнута. Животное удалось привлечь, и его увидели люди, которым оно было до этого безразлично.

У меня сложилось впечатление, что и сами мы стали объектами скрытого наблюдения. В предыдущем сезоне по независящим от нас обстоятельствам животному все же нанесли травму непродуманные действия со стороны общественности. Оно видело ружья, ощущало, что его преследуют. Попавший в него камень, брошенный от страха одним из ребят, тоже дал о себе знать.

Зверь выбрал для наблюдения самое удобное место – в 25 метрах от костра, за двумя деревьями, из которых второе служило не

столько защитой, сколько опорой. Трижды он наследил под этим деревом. Во всех случаях отпечатки ступней показывали путь сюда и обратно с заходом к воде, а в последний раз отпечатки были настолько отчетливы, что пришедший двое суток спустя Л. Ершов сумел вполне убедительно запечатлеть на киноплёнке след опорной ноги. Прошедший дождь, как ни странно, не помешал, а помог съёмке: в залитом водой следе можно было различить углубления от каждого из пяти пальцев.

Я никогда не отбрасываю свидетельских показаний только потому, что мне по каким-то причинам не нравится рассказчик. Если из группы в несколько человек, бывших в одном и том же месте в один и тот же час, зверя видели лишь один или двое, это не предлог для насмешек. Сенсорные возможности разных людей слишком отличаются, да и нестабильны.

За два года в здешних местах произошло три встречи с несколькими особями одновременно: от трех до пяти. Интуитивно мне такие случаи не нравятся – я считаю, что социум любого рода этому существу чужд. Но редкая профессия одного из свидетелей обязывает к самым точным наблюдениям.

Удивительнее всего, что первого гоминоида в сезоне увидели всего в 3-4 километрах от ближайшего к селу промышленного поселка. Ехавшая на велосипеде Л. Н. Акинтьева (кассир АТП) сразу догадалась, кто перед ней, приналегла на педали и благополучно вернулась домой. Следы пятипалой ноги видел в этом же месте еще один человек. Шел июнь месяц.

Сторож вневедомственной охраны М. А. Коробкова, хорошо знающая голоса своих собак, услышала в их лае нечто ни на что не похожее. Присмотревшись, увидела очень высокую человеческую фигуру, то ли остроголовую, то ли в капюшоне. Человек был волосатый, он удалялся в сторону станции, потом свернул. После него остались следы босой ступни человеческого типа. Коробкова позвонила на станцию, но там он не объявился. Спустя несколько недель, в июле, такое же животное видели здесь в свете фар из легковой машины.

Если соблюдать точность, то жителям поселка повезло еще раньше. Осенью знаменательного 1988 года инженер-взрывник В. Г.

Проколопова с группой туристов отправилась на одну из станций в предгорьях. После многочасового перехода спустились для привала к реке. Валентина Григорьевна чуть отстала, залюбовавшись красотами осени. Глаза отметили свежий излом дерева, развороченный, непонятно кем, пень. И тут же... в кустарник вели большие следы, сравнимые разве что со следами Гулливера в стране лилипутов. А из глубины чащи донесся незнакомый гортанный звук...

После привала все поспешили к поезду, и опять она приотстала, соблазнившись ягодами. Энергичная, по-спортивному подтянутая, она не сомневалась, что догонит спутников. И вдруг поняла, что собирает ягоды на том самом месте. Подняв голову, увидела в лесу как бы обгорелый ствол, а вокруг никаких следов пожара. Или это медведь? На задних лапах? Какой большой! Передние лапы сложены на груди. Мускулистый торс развернут вправо, что-то там его заинтересовало. Ее будто не замечает. Растягивает широко рот, как бы имитируя небывалые звуки (рот не раскрыт, а губы растянuty), голова повернута в сторону доносящихся издалека человеческих голосов...

Это вольный пересказ. А вот собственные слова Валентины Григорьевны:

«Я подкралась поближе, чтобы рассмотреть „медвежью“ морду, но торчащих ушей на голове не оказалось! Большой рот был действительно растянут как бы в широкой улыбке. Потом губы стянулись в трубочку. Вдруг он сделал движение, похожее на зевок. Шеи у него не было или была совсем короткая. Голова, казалось, посажена прямо на плечи. Рост огромный, рот и глаза окаймлены светлыми подпалинами. Плечи и мышцы рук хорошо развиты. Именно рук, а не лап. Им позавидовал бы любой тяжелоатлет. Странный медведь, подумалось мне. Неужели „снежный человек“? Его ищут по всей планете, а он вот, запросто стоит здесь, в низине реки, беспокойно озираясь вокруг. Сразу вспомнились и гортанный звук в лесу, и развороченный пень, и большие следы во мху. Все это было настолько нереально, что я, забыв об осторожности, вышла из своего укрытия. Не каждый день увидишь такое! И тут он меня заметил. Шагнул навстречу, но испытывать судьбу дальше я не стала, убежала. Было три часа дня».

Такое же животное местный житель Н. повстречал в начале лета 1989 года на реке неподалеку от села. Вот его описание:

«У подножия гор я увидел это существо довольно далеко, наблюдал минут десять. „Снежный человек“ вел себя спокойно, с остановками шел вверх. Я бросил вещи на берегу и поплыл на лодке в село за фотоаппаратом. Вернувшись, начал поиски. Около полуночи, в 4-5 километрах от озера, столкнулся с ним почти в упор. Гоминоид стоял у большого валуна, опершись правой рукой о камень. Я специально искал его, но от неожиданности буквально остолбенел. Трудно передаваемое ощущение. Вот вам ответ на „вечный“ вопрос: „Почему не сфотографировали?“ Да, если ты железный, иди и фотографируй! А если не железный?.. Но рассмотрел я его хорошо. Мощный торс и плечи покрыты седоватой шерстью. Ярко выражены мышцы. Голова посажена глубоко в плечи. Необыкновенно высокого роста. Когда он, наконец, повернулся и спокойно ушел, я еще некоторое время не мог сдвинуться с места. Потом пошел вслед. На протяжении еще двух часов наблюдал, как легко, почти без усилий шагает он в гору. Но он был далеко. Следующие три дня я искал его, но без результата».

Надо сказать, что Н. бывалый охотник. Живя на Дальнем Востоке, ходил в основном на медведя. На его счету не один десяток этих зверей. Но вот об этой своей встрече предпочитает не распространяться: «Каждый раз, рассказывая об этом, ощущаю нечто невозможное! Все же это было каким-то откровением». Позиция Н. не вычитана из книг. Она – результат собственных раздумий.

На том же самом месте встретил этот же, видимо, экземпляр еще один житель села. Двое других пытались изучать необычные следы на траве и отметили. Они засняли не только следы, но и лежку в кустарнике. Но их фотографии могут быть объектом скорее исследования, нежели доказательства – качество предельно низкое.

Л. В. Ершов, много лет занимающийся криптозоологией, по призванию натуралист-одиночка, нашел здесь же интересные остатки жизнедеятельности. Это прекрасно сформированные колбаски, поражающие своей величиной. Часть охотников полагает, что их оставил все же медведь, другие подозревают неизвестное животное.

Я уже упоминала, что начался период активного Солнца. Думаю, ему будут сопутствовать биологические откровения-открытия. Продлится он до 1992 года. Уже в марте 1989 года на Солнце произошла серия взрывов, настолько мощных, что северное сияние наблюдалось даже в средиземноморском регионе. А насколько чувствительны к подобным процессам живые существа! Отсюда и участвовавшие случаи встреч с редкими животными – они, очевидно, начинают вести себя не совсем обычно и чаще попадают на глаза.

А у нас на протяжении целого месяца, пока стояли светлые ночи, особых происшествий не было. Мы узнали, где живут норка, белка, заяц, где пасутся куропатки со своими выводками. Ходили по оленьим и медвежьим тропам, видели отходы жизнедеятельности этих животных. Обнаружили место, где не повезло одному лосю: остались от него рожки да ножки и еще немного шерсти. Видели всех птиц, очищающих нашу территорию от съедобных остатков. Навещали нас сойки, вороны, сороки, чайки, трясогузки.

Со временем появились и первые, скромные свидетельства присутствия интересующего нас животного. Это совпало с приездом на ночевку Юры Губенко и Димы Кузьминых. Возможно, оно, вспомнив прошлую осень, было привлечено юношескими голосами: с южной стороны леса к нам тянулась знакомая по прошлому году цепочка следов. Трижды мы слышали необычные крики на болоте (произносилось как бы на выдохе). Слышали на горе непонятную имитацию двухсложных слов. Мужчина воспринял их как обращение к мужской особи, женщина – наоборот. Затем появилась цепочка тех же следов за палаткой, причем не только ступней, но и ладоней: пальцы погружались в торф (это напоминает мартовские следы за селом, обследованные Л. В. Ершовым).

Когда ночи стали темнее, не только мы, но и посещавшие нас местные жители стали отмечать признаки визитов на нашу базу истинного хозяина леса. Поскрипывания-похрустывания с молниеносным перемещением, как бы заключающие костер и избушку в тесное кольцо. Тяжелые шаги на рассвете, когда глаза слипаются от усталости. Наконец 38-сантиметровые пятипалые следы. Неважно, если есть отличие в несколько сантиметров от прошлогодних данных. Во-первых, точно следы измерить нельзя – в

большинстве случаев пальцы ног погружаются в торф, над ними образуется «kozyрек» почвы. Во-вторых, это вовсе не обязательно тот же самый Афоня (вспомним свидетелей, повстречавших сразу несколько особей). И вообще – если читатель ищет информацию, он должен научиться выслушивать каждого без оскорбительной критики.

Особенно выразительные следы остались при переправе через ручей. Прыжок с одного берега на другой. В одном месте, где большой палец пришелся на настоящий земляной грунт, рукой можно было ощутить папиллярные узоры. Потомственный охотник-карол, сказал однажды сурово: «Таких следов не знаю». Самое сильное впечатление оставляет дистанция между следами правой и левой ступней. А чего стоит вид перевернутых, вынутых из грунта камней? Вес их более 60 килограммов, и лежат они всего в 4-8 метрах от избушки. И здесь же – шуба мхов, снятая с них вместе с маленькими деревцами. Это больше похоже на заявку о себе, нежели на поиски съедобных личинок. Да и не было под этими камнями никакой живности...

К сожалению, приходится повторить: здешний грунт не пригоден ни для заливки следов, ни даже для фотографирования. Неприятно и то, что обнаруженные нами годом раньше лежки-пещерки хозяин бросил сразу после нашего посещения и, видимо, навсегда: на этот раз здесь не было ни запахов, ни каких бы то ни было следов. Нетронутой оказалась и контрольная полоса, оставленная перед одной из них год назад В. Роговым.

Впрочем, мне нужно сегодня не открытие-переоткрытие давно уже известного животного, а контакт с ним. Этому и были посвящены два месяца под непрерывным дождем (лишь три дня солнечных!) в избушке, светящейся изнутри всеми, своими дырами...

Оно появилось возле нашей базы в ночь со второго на третье и с третьего на четвертое августа. Поздно вечером началось чье-то хождение выше по ручью, до нас доносились удары мелких камушков о массивные валуны. А ночью, когда мы сидели у костра, вдруг осознали, что кто-то очень осторожный подошел вплотную к нашей территории. Вернулись в избушку, заняли свои наблюдательные посты. Кто-то вскрикнул, увидев, как

человекоподобная тень проплыла по белой рубашке сидевшего напротив большого окна. Потом мы услышали, как кто-то перебирает у ручья помытую посуду. Место выбрано удачно – из избушки не просматривается. А перед уходом таинственный пришелец всем телом ударил (или ударился?) в стену избушки. Утром мы обнаружили у ручья его следы.

Приходил он и днем 15 и 18 августа, но это почувствовали лишь собаки. А 22 и 23 августа – вечером, ровно в 20.45. Днем его учуяла сторожевая собака Белка – мы с ней оставались на базе вдвоем. Сначала неопределенно визжала (что довольно странно для взрослого неизбалованного животного), затем заняла «круговую оборону». Судя по быстро перемещавшемуся взгляду собаки, видимый ею объект имел высоту около двух метров и двигался тоже довольно быстро.

18 августа дымчато-голубой красавец Дик (чистокровная лайка), глубоко и старательно разевая пасть, беззвучно облаял южную сторону леса, столь же быстро перемещая взгляд и голову, как и Белка. Вот только почему беззвучно?

Затем события разворачивались при всем честном народе. Дик и только что прибывший Шарик слабо подали голос. Скрученные в тугой бублик царственные хвосты вдруг поникли и опустились, выпрямились, спрятались между ног. Собаки пребывали в таком состоянии около получаса, а когда их тревога улеглась, мы обнаружили хорошо различимые отпечатки пятипалых, человеческого типа, ступней длиной 38 сантиметров. Цепочка их шла к нам, затем возвращалась. После этого мы весь вечер и всю ночь вглядывались в ту часть леса, вспоминая, как в прошлом году нам рассказывали, будто собаки совсем не реагируют на зверя. Но надо помнить, что поведение собак, даже живущих в одной местности, очень индивидуально.

А до этого Валерий Тепляков, которого вместе с двумя родственниками (оба Александры) случайно прибила к нашему берегу штормовая погода, самостоятельно обнаружили цепочку следов, ведущую от ручья в горы. Страстный охотник и образованный человек, он, рассмотрев следы, повторил (не ведая того) слова рыбинспектора Я. М. Софронова: «Однако, кто-то у вас тут

неведомый ползает...» Получилось так, что именно он, получив «целеуказания» от Дика и Шарика, и увидел первым в бинокль Афоню или его близкого родственника. Тот стоял метрах в 25, слегка развернувшись в профиль, и рассматривал нас, собак и костер. А вот и Юра Губенко, тоже с биноклем, воскликнул: «Вижу!»

Оба разглядели верхнюю часть светлого туловища, небольшую голову, литые плечи, могучую грудь. И опять, как год назад, возникла мысль – может, их всетаки двое? Ибо примерно в это же время Дима Ринглер и Роман Ковалев заметили молниеносно промелькнувшую в противоположной стороне сероватобелую фигуру...

Кроме того, Валерий нашел сброшенное кем-то птичье гнездо из оленьей шерсти и птичьих перьев. Поверх лежал необычный длинный волос. Потом он нашел еще один волос, поменьше. Сергей Филиппов обнаружил аналогичный волос в неудавшемся слепке одного из следов.

Днем 23 августа с криком: «Где бинокль?» – заявили Юра, Роман, Сергей, Константин, Анатолий. Они уверяли, будто дважды видели с озера две сероватобелые человеческой формы фигуры, шедшие по склону горы размеренным шагом и вроде бы наклонившиеся за ягодами. «У нас в белой одежде за ягодами не ходят!» А вечер этого дня сложился, как и накануне. Без четверти девять Афоню почуяли собаки. Опять он мелькал среди деревьев. Не веря своим глазам, Валерий протянул мне бинокль. Я сказала: «Так и должно быть!» Он помолчал, потом ответил: «Не знаю, как должно быть». И добавил: «Но, пожалуй, нам пора в избушку». А когда дверь за нами закрылась, на крышу упал камень...

Чем завершилась осень? Увиденное прочно привязало Валерия к этой местности. Вместе с Сергеем Маркеловым, Сашей Приходченко и еще несколькими ребятами он пробыл здесь весь сентябрь и начало октября. Несколько раз слышали по ночам глухие удары в обращенную к ручью стену избушки, утробный животный крик. А трое рыбаков неподалеку возвращались с рыбалки и... Это случилось около 14-15 часов. Они только поднялись на гору и сразу увидели:

– Смотри, кто-то бежит! Как быстро, или на велосипеде?

– Ты что? Разве можно по горам на велосипеде? Двуногое серое существо, слегка согнувшись, бежало плавно и быстро, зигзагами, как действительно бывает при езде на велосипеде. Возможно, это была иллюзия: оно все время оглядывалось на рыбаков, разворачиваясь к ним массивным туловищем. Затем скрылось в районе перевала, в так называемой Чертовой трубе.

В селе один из рыбаков подошел к Теплякову: «Теперь я верю, что и ты видел похожее на человека животное...»

Последним аккордом было сообщение наших ребят с базы. Поднимаясь к вершине, они наблюдали огромную волосатую фигуру. Из четверых очевидцами стали на этот раз двое. Вот и все события 1989 года.

В ПЛЕНУ У РЫЖЕГО

В начале 20-х годов с канадским охотником Рене Дахинденом произошла удивительная история. Его, спящего, похитил молодой бигфут и утащил в глубокое ущелье, где «представил» своей семье. Рене провел среди диких людей много малоприятных часов, после чего ему удалось бежать. Эта история широко известна среди криптозоологов и стала почти «классической». Но выяснилось, что и в нашей криптозоологии имеются подобные случаи. Вот один из них. Он произошел до революции... в Жигулевских горах!

Окрестные жители не раз замечали: в поросшей орешником ложине, стоило съехать туда с дороги, испуганно ржали кони, а собаки поджимали хвосты и вплотную теснились к телегам. И еще видели там странное существо – страшное (известно, у страха глаза велики!) и прыгучее. Как-то, прихватив колья и ружья, вознамерились мужики отловить чудище, так ведь ушел! По вершинам – с дерева на дерево – и поминай как звали. А вдругорядь наткнулись на дюжину окровавленных волчьих трупов —звери были растерзаны немилосердно: иные – без голов, иные вроде выпотрошены.

История же, которую я выведала, началась с того, что через лес ехала в повозке парочка. И вдруг неторопливо трусившая лошадь стала беспокойно храпеть. Потом с дерева к ней метнулась мохнатая

фигура. Отброшенный могучим ударом, кувыркнулся на землю мужик. Пронзительный женский визг полоснул по холмам. Лошадь вздыбилась и ошалело понеслась через лес к паромной переправе через Волгу. Вскоре туда прибежал и насмерть перепуганный мужик и рассказал, что его жену Евдокию... утащил черт.

Очнулась Евдокия в пещере. Увидела светящиеся в полумраке чьи-то глаза, вскрикнула: «Свят, свят...» В ответ послышалось мычание, и женщина снова потеряла сознание.

Когда пришла в себя, в пещере никого не было, но выход на волю закрывал огромный валун. Евдокия попыталась откатить его, однако снаружи донеслись тяжелые шаги, и Евдокия шарахнулась в дальний угол.

Это появился хозяин пещеры. Евдокия не увидела ни рогов, ни копыт, которые надлежало иметь настоящему черту. Ее похититель был очень похож на одичавшего мужика, обросшего рыжей шерстью и разучившегося говорить по-человечески. Вспомнилось: в ее деревне Шелехметь несколько лет назад пропал без следа Митька-бобыль. Говорили, что утащил его черт. А ведь мужик был такой же рыжий и здоровый...

Посидев на корточках напротив Евдокии, рыжий нырнул в лаз, снова завалил его валуном и исчез. Вернулся он к вечеру, принес нанизанные на ветки яблоки и кукурузные початки.

На следующий день Евдокия хорошо рассмотрела его: это был не Митька. Но на душе все равно стало легче – не черт все-таки. Да и заботливый: еды натаскал. Тут она почувствовала, как сильно хочет есть. Осторожно взяла один из початков, оголила белый стерженек, откусила кончик, заметив краем глаза, что ее рыжий похититель вроде бы одобрительно качает головой. Евдокия окончательно осмелела. Утолив голод, вернулась на свое место в углу пещеры, представила себе родимый дом, мужа Степку, ребятишек Ваньку да Машку и завывала в полную силу настрадавшейся бабьей души...

Потянулись дни – сумеречные, однообразные. Наружу хозяин пещеры Евдокию не выпускал. Вечером, уходя, закрывал выход огромным камнем. Возвращался под утро, приносил с крестьянских полей арбузы и тыквы, кукурузные початки и свеклу. Заготавливал, судя по всему, продукты на зиму.

Постепенно Евдокия привыкла к резкому запаху, исходившему от ее похитителя, к сырым овощам, перестала пугаться светящихся в полутьме малиновых глаз. И все чаще ловила себя на мысли, что воспринимает это существо как обычного деревенского мужика, почему-то не научившегося говорить. Даже имя ему придумала Рыжий, по цвету шерсти, покрывающей плечи и грудь.

Ночи сделались холоднее, и Рыжий все чаще пытался улечься на ворохе сухой травы рядом с Евдокией. Вначале она гнала его – грех замужней бабе с чужим мужиком вместе спать. Но однажды смирилась с тяжелой своей долей, и Рыжий остался рядом. Жарким шершавым языком он лизал плечи Евдокии, грудь и живот... Короче, в ту ночь случилось то, после чего Рыжий не отходил от нее ни на шаг: мычал, словно теленок, выпрашивающий молока, поглаживал огромными ручищами, то и дело норовил лизнуть. Он совал ей в рот яблоки, сочную мякоть арбуза, а затем тянул ее на лежанку в дальний угол пещеры.

В конце концов Евдокию это стало раздражать, и однажды, не сдержавшись, она саданула Рыжего кулаком по волосатой башке. И замерла, догадавшись, что и он ударит ее в ответ. Но Рыжий вжал голову в плечи. И, жалобно мыча, попятился, а Евдокия, как бывало дома, в деревне, наступая и размахивая руками, кричала во весь голос что ни попадя. Она вдруг поняла, что Рыжий ради ее ласки стерпит любое унижение. Однако стоило ей приблизиться к выходу, как Рыжий скалил желтые зубы и угрожающе рычал. Она отступала, а потом мстительно долго не подпускала к себе, так же рыча и скаля зубы.

В пещере становилось все холоднее. Рыжий выглядел вяло, сонно. Причем спал он не по-человечески, а опираясь на предплечья и колени, спрятав голову в огромных ладонях. (Позже, когда эту историю я пересказывала известному криптозоологу Борису Поршневу, он подтвердил: да, именно в подобном положении спит «снежный человек». Крестьяне о такой детали знать не могли.) Под животом и грудью хозяина пещеры было достаточно места, чтобы Евдокии свернуться калачиком и проводить день за днем, вслушиваясь в вой ветра за стенами пещеры. Тоска по дому, не отпуская бабу ни на минуту, становилась нестерпимой. Рыжий

просыпался от плача своей подруги, чтото лопотал, гладил мохнатыми руками, пока она не забывалась беспокойным сном.

Вскоре Евдокия поняла, что беременна. От бремени разрешилась она весенней ночью в тяжких муках. Мальчик оказался необычно крупным и ничем вроде бы не отличался от ребятишек, которых она родила от своего мужа. Рыжий старательно облизал ребенка и потом радостно, по-обезьяньи, скакал перед пещерой. У Евдокии радости не было: новорожденный связывал ее с этой невеселой жизнью.

Еды в пещере почти не осталось, и Рыжий стал уходить вечерами, чтобы к утру вернуться и накормить Евдокию сырой картошкой, яйцами, выкраденными с какого-нибудь крестьянского подворья. Кажется, он понимал, что детенышу нужен солнечный свет, поэтому Евдокии разрешалось целый день проводить на склоне горы, около лаза, закрытого со всех сторон густым кустарником. Напрасно она старалась высмотреть хоть какие-нибудь признаки человеческого жилья. Со склона горы были видны лишь бесконечные вершины сосен да убегающие вдаль отроги Жигулей. Но эта даль все сильнее манила ее, укрепляла с каждым днем желание вырваться из плена и убежать к людям. Но пока ребенок не окреп, об этом можно было только мечтать...

Потом и лето пошло на убыль, и Евдокия решилась. Вечером, как обычно, подмела пол в пещере, покормила грудью мальчика, подкрепилась овощами, которые утром принес Рыжий. Дождалась, пока его шаги не затихли вдалеке, взяла на руки мальчика и двинулась в путь. Шла наугад, стараясь поменьше петлять. И с ужасом думала, за кого же примут ее – растрепанную, с обрывками платья на плечах, грязную?

Уйти ей не удалось – она увидела, как, низко пригнувшись к земле, словно вынюхивая следы, к ней мчится Рыжий. Настигнув беглянку, он прыгал вокруг нее, рыча и торжествуя победу. А потом грубо схватил одной рукой (или лапой?) Евдокию, бросил ее на плечо, другой осторожно прижал к груди плачущего малыша и отправился к пещере. Евдокии послышалось ржание лошади и лай собак за соседним лесистым гребнем. «Значит, там проходит дорога», – отметила она про себя.

Мальчик к осени подрос, набрал вес, и Евдокии уже было тяжело держать его на руках. Теперь, сознавала она, если и уходить, то – одной. А потом вернуться в пещеру с людьми.

Рыжий спал, когда она, убаюкав сына, тихонько положила его рядом с ним. Выбралась из пещеры, спустилась с горы и что есть мочи помчалась в сторону, откуда послышался ей лай собак и ржание лошади. Посчастливилось: выбралась на лесную дорогу и, расплескивая босыми ногами горячую пыль, побежала к паромной переправе, откуда рукой подать до села Рождествено. Евдокия знала, что до Волги отсюда ближе, чем до деревни, не раз ведь ездила тут с мужем. Вдруг она услышала плач ребенка, а может, и не услышала – почувствовала. Обернулась – Рыжий! Он уже на дороге! Ужас прибавил ей силы. Вот и лес кончается, за ним – небольшое поле и паромная переправа...

Пассажиры парома, который уже отходил от причала, вдруг увидели, как из леса выбежала обнаженная женщина с развевающимися волосами и, громко крича, помчалась к реке. Ее настигало звероподобное существо с ребенком на руках. Женщина бросилась в воду, с парома ей кто-то кинул веревку. А похожий на медведя неведомый получеловек-полужверь забрел по колено в Волгу и, жалобно мыча, на ладонях могучих рук протягивал Евдокии плачущего ребенка. Однако паром уходил все дальше и дальше. Рыжий взревел, в отчаянии схватил малыша за ноги и разорвал его на глазах онемевших от ужаса пассажиров...

– А что с Евдокией-то случилось? – спрашивала я.

– А чего бабе делается, – отвечали рассказчики. – Умерла в свое время. А так ничего. Мужика вот только к себе не допускала.

Борис Федорович Поршневу, криптозоологу и профессору, этому моему сообщению не удивился, заметив, помнится, что за персонажами, подобными Рыжему, обычно скрывается вполне реальное живое существо сохранившийся до наших дней реликтовый гоминоид..

Татьяна Борисова, Самара:

...В тот день братья Бочкаревы и пятиклассник Коля Аксенов из поселка Ащибулак Илийского района (Казахстан) около пяти часов вечера отправились косить сено в район каналосточных вод. Проселочные дороги в этих местах полны неприятностей, и через десять минут езды у мотоцикла была проколота камера колеса. Заминка получилась в довольно глухом и безлюдном месте. Люльку пришлось отсоединить, после чего Бочкарев-старший уехал в поселок за новым колесом, оставив Бочкарева-младшего и его друга сторожить недвижимую часть мотоцикла. Прошло полчаса, и друзья явно заскучали от бездействия и жары. Шум камыша метрах в двадцати от них неожиданно привлек внимание. Заросли раздвинулись, и перед охваченными ужасом ребятами появилось невиданное существо. Оно напоминало обезьяну. Тело было покрыто густыми темно-серыми волосами, их не было лишь на верхней части головы, являвшей собой гладкий покатый череп, обтянутый черной, словно уголь, кожей. Уши отсутствовали, вместо глаз узкие прорезы с чем-то мутным, вроде бельма, вместо зрачков. Кисти верхних конечностей (рук) согнуты вовнутрь. Рост, правда, далеко не обезьяний – около трех метров.

Существо опустилось на четвереньки и, издавая рычание, двинулось на ребят. Тех, естественно, как ветром сдуло. Бежали, не чувствуя ног, слыша за спиной приближавшийся хрип и топот преследователя. Неизвестно, какой бы была развязка, не появившись на дороге Бочкарев-старший. Ничего не понимая, тот все же не растерялся и сигналом мотоцикла попытался напугать огромную обезьяну. Эффект возымел должное действие – она не замедлила скрыться в камышах. После этого Бочкарев-старший отвез перепуганных ребят в сторожку-вагончик, находившийся неподалеку, а сам, захватив с собой сторожа, уехал за брошенной люлькой. Не прошло и получаса, как Бочкарев-младший заметил из окна огромную тень на земле у вагончика. Секунда понадобилась на то, чтобы запереть дверь на защелку. В следующее мгновение стены уже содрогались от мощных ударов извне, заглушаемых хриплым ревом. Это продолжалось минут пятнадцать. Неизвестный даже пытался опрокинуть вагончик, начав его интенсивно раскачивать (что обыкновенному человеку не под силу). Появившиеся

мотоциклисты вновь заставили неизвестного скрыться. Теперь уже насовсем....

"Я демобилизовался из полка морской авиации в самое смешное хрущевское время, когда «урезали» крестьянские хозяйства, когда, чтобы держать «урезанное» личное подворье, приходилось «для себя» косить сено по ночам, а день махать косой на колхоз. Так было. Для своей буренки косил по ночам и я. Причем надо было забиться в дикую глушь, подальше от дорог, чтобы начальство не увидело тебя на тайном покосе.

Так вот, для «личного покоса» я в июле 1960 года как раз и забился в такую глушь. Это урочище почемуто Сдохловкой в нашей деревне называлось. Приглядел отличный покос на краю этой самой Сдохловки, непролазные чащобы с болотом где-то внутри нее, и стал приезжать сюда по ночам верхом на лошади с колхозного покоса, на котором мы вкалывали неделями безвыездно. Страшновато было одному, и я обычно брал с собой своего кобеля-волкодава и двустволку. На всякий случай: у нас ведь и с мишкой в любой момент можно нос к носу столкнуться.

Косил без помех две ночи, проходя прокосы правым плечом к болоту.

Приехал на третью ночь. Луна как прожектор. Привязал лошадь к березе на длинный повод, повесил на сучок ружье – заряженное. Развел костерок-дымокур, покурил и врезался в разнотравье с мыслью докосить к утру до самого закрайка чащобника. Немного оставалось. Машу косой, все забыв. Кобель мой улегся рядом с костерком, конь напился и, смотрю, тоже к дыму поближе подошел. Дремлет стоя.

Уже почти развиднелось. С болота потянуло туманом. Я остановился, встряхнул плечами и полез в кармашек куртки за сигаретой. До закрайка чащобника оставалось метров, может быть, пятнадцать, не больше.

Я вытащил сигарету, стал прикуривать, чуть склонившись к огоньку спички, и вдруг всей кожей почувствовал, что кто-то пристально смотрит на меня справа из кустов. Я невольно замер, оцепенел. Всего сжало. Такого со мной никогда не было. Хотел шагнуть к костерку и не мог. Сковало до спазм в горле. Не помню,

дышал я или нет. Глаза, кажется, поворачивались, но шея не поворачивалась. Как парализовало. Я из-под лба видел, что в кусте ракитника кто-то есть. Стоит и смотрит – пристально и леденяще. Потом вдруг разом «отдало», как говорят у нас в Сибири. Я рванулся к ружью, не помню, как сдернул его с сучка и дуплетом бабахнул в чертов куст. Что-то реготнуло оттуда, потом отпрянуло к болоту, короткий топот, потом длинный хлюпающий всплеск и – тишина.

Я судорожно перезарядил двустволку и бабахнул туда же еще раз. Стоял, натянувшись в ту сторону, и вдруг почувствовал, как дергается кожа на лице. Кобель тихо скулил и полз ко мне. Этого с ним никогда не было. Конь утробно ржал и рвал привязь. Я опомнился. Перезарядил двустволку, набросил ремень на плечо, огладил коня, чтоб он успокоился, потом коекак прикурил уже другую сигарету. Когда курил, прыгали губы. Показалось, что волосы под кепкой стоят дыбом. Отвязал коня, смотал на руку привязь, вскочил на своего Цыгана (так звали коня), и он понес меня к становищу колхозного покоса.

Мужиков, которые косили «для себя» по ночам, как и я, еще не было. Потом стали подъезжать один за другим. Почти каждый спрашивал: «Кто стрелял?» Признался: я стрелял. «В кого?» – «Сам не знаю». – «Не свисти. Никак сохаря уложил. Два раза дуплетом по зайцу не бьют. Признавайся». Признаваться было не в чем. Заспорили. Решили проверить днем. В обед поехали верхами. Облазили весь мой покос, прочесали чащобу – никакого следа: ни медвежьего, ни сохатиного. В кусте, по которому я дважды сдуплетил, трава была примята: кто-то стоял. От этого места к топи трава смята пунктирно: кто-то убегал скачками. Дальше – гиблая топь. Знал каждый, что сохатый проходит и топь. Пошли на другой берег болота. Облазили вокруг, но выходного следа предполагаемого сохатого нигде не нашли.

Некоторые мужики упирали на то, что я смертельно ранил сохатого и он утонул в гибляке – болотном бучиле. Но ведь рана дает обильную кровь, лось оставил бы и лосиные следы на закрайке болота. А следов не было, только примятая трава. Не было и крови. Значит, я не попал в того, кто подсматривал за мной из куста ракитника. Загадка.

Спустя несколько дней, парясь с дедом в бане, я рассказал ему обо всем. – Где твой покос? – спросил дед. – Да у Сдохловки. Справа от Плетневской дороги. Дед как-то странно зыркнул на меня, проговорил: —Тоже нашел... Мы там никогда не косили. Проклятое место. Сдохловка, одним словом.

...Правда, стог я все-таки сметал там. Мужики помогли. Но потом никогда больше туда носа не совал.

Вспомню, и как-то не по себе станет. Молчал. А вот теперь решил рассказать тот жутковатый случай. Кто ответит: по кому же я все-таки стрелял?.. Да. Загадка.

Роман Голынский, Тюмень"

Саратовская область, 1989-й... Рассказывает Р. Саитов, ветеринарный врач:

"Во второй половине дня я с чабаном С. Проценко привез на пруд детей. День был жаркий. Перед тем как лезть в воду, глянул на противоположный берег. А там в редком кустарнике – метрах в ста от нас – стояла темная фигура. Присмотрелся – и обмер от удивления. Это же не человек! Фигура покрыта темной шерстью, передние конечности очень длинные. Говорю Проценко: «Давай сплаваем, посмотрим, что это за тип». Но не успели мы дойти до воды, как существо двинулось сквозь кусты в сторону парового поля. Когда неизвестный побежал, он выпрямился, сутулость исчезла. Поразили плавные большие прыжки. Так люди не бегают, тем более по рыхлой почве.

Существо пересекло поле, повернуло к лесополосе и двинулось к оврагу. Мы сели в машину и поспешили к тому месту, где предположительно оно должно было появиться из лесополосы. Пруд здесь неширокий. Переплыли его и вышли метрах в тридцати от неизвестного. Он увидел нас и медленно двинулся по лесопосадкам. В этот момент я его разглядел хорошо. Рост, наверное, метра два. Густая темно-бурая шерсть покрывает все тело. Волосы на голове длинные, ниспадают ниже плеч.

Мы преследовали существо около километра, пока оно не скрылось в балке. Как ветспециалист утверждаю: это не человек и не

человекообразная обезьяна".

Правдивость рассказа подтвердили С. Проценко, приехавшие с ними дети, а также купавшиеся на пруду братья Давлетовы. Еще раньше это существо видели М. Чингарева и ее сын Сергей, возвращавшиеся со стрижки овец.

Старший межрайонный охотовед Е. Тюряков, который побывал на месте происшествия «по горячим следам», рассказывает:

– Четкий, глубокий отпечаток стопы мы сфотографировали. И вот что любопытно. У человека двухметрового роста она должна быть большая. А тут всего 39-й размер. Зато ширина шага не менее двух метров. По рыхлой пашне имитировать такой шаг три-четыре километра подряд нормальному человеку было бы не под силу".

Эта история произошла в середине лета. А в сентябре...

Из сообщения М. Трахтенгерца, криптозоолога:

21 сентября 1989 года навсегда запомнится группе харьковчан, создавших бригаду для охраны большого яблоневого сада плодосовхоза «Прогресс» на юге Саратовской области – они поймали «снежного человека».

В полдень ребята задержали двух нарушителей, позарившихся на яблоки, а к вечеру, «барражируя» по саду на своих «Жигулях», заметили: между рядами яблонь мелькнула еще одна человеческая фигура.

Действовать надо было решительно – если яблочный вор успеет выбежать из сада, он останется безнаказанным. Поэтому, чтобы взять воришку с поличным, нужно прежде всего отрезать пути выхода.

Бригада действовала слаженно. Анатолий Яценко, Сергей Жемчуженко, пожалуй самый сильный из всех, когда-то занимавшийся боксом, устремились к нему напрямик.

Неизвестный был виден плохо, междурядья сада давно не обрабатывались и заросли высоким бурьяном, очень мешавшим Сергею бежать. В какое-то мгновение он даже потерял равновесие, с трудом удержался на ногах и буквально упал... в объятия к вору.

И – оторопел. Перед ним было существо с человеческой фигурой, сплошь заросшее шерстью, почти такого же роста, как и сам Сергей.

Лицо по нашим меркам в высшей степени безобразное, рот с желтыми зубами – открыт...

Существо положило Сергею руки на плечи. Сергей боковым ударом в корпус попытался освободиться от этих «объятий», но – напрасно: он физически ощущал мощь незнакомца.

Так они стояли несколько секунд. Существо не кусалось, никаких враждебных действий не предпринимало. Тут на выручку Сергею подоспели остальные. Олег подхватил палку и со спины закинул ее существу за голову, оттянул его руки назад. Сергей ласточкой бросился в ноги, пытаясь повалить незнакомца. Вскоре это удалось. Куском веревки, единственным, что у них оказалось, Сергей связал лохматому гостю руки за спиной, на ноги веревки уже не хватило. Вчетвером понесли существо к машине. Оно слабо сопротивлялось, изредка дергая ногами, издавало странные утробные звуки. Открыли багажник «Жигулей», затолкали трофей туда. Захлопнули крышку. И только тогда – перевели дух. Что дальше делать?! Приведя себя в порядок, сторожа поехали в поселок, чтобы сообщить о происшедшем в милицию. Нужно было и найти помещение, куда бы можно было поместить пойманное существо.

Но тут началась цепь неудач. Участкового милиционера на месте не оказалось. Из райотдела милиции попросили: продержите сами это существо до утра. Попытались поместить гоминоида в большой фруктовый холодильник (он был выключен, внутри – огромен, машина свободно въезжает), но заведующая отказалась дать ключ: «К яблокам пустить на ночь „обезьяну“?!»

Изредка к машине подходили любопытные, осторожно приподнимали багажник, чтобы взглянуть на необыкновенное существо – слух быстро облетел округу.

Так и не найдя подходящего места, бригада вернулась к своей сторожке.

Пленник вел себя беспокойно, от его движений машина сильно раскачивалась. Поспорив, сторожа сошлись на том, что продержаться до утра можно. Анатолий для пущей надежности, правда, решил замкнуть багажник на ключ. Подойдя к машине, нажал на кнопку, чтобы перезахлопнуть крышку багажника. Гоминоид как

будто этого только и ждал – он с силой распахнул багажник, выпрыгнул на землю. Руки у него были свободны.

Потом встал во весь рост, огляделся и быстро направился к саду. Постоял под деревьями. Когда же его попытались осветить фарами – окончательно скрылся среди яблонь.

ДВА КОММЕНТАРИЯ НА ТЕМУ: «ПОЧЕМУ ЕГО НИКАК НЕ ПОЙМАЮТ?»

Криптозоолог Майя Быкова.

Из статьи «В минуту опасности „снежный человек“ становится невидимым»

Какие же присущие ему свойства «работают» на его загадочность и таинственность?

Внешний образ «снежного человека», знакомый многим очевидцам, говорит о его земном происхождении. У него традиционное строение тела – по пять пальцев на четырех конечностях, одна голова, одно туловище, напоминающее, скорее всего, человека или огромную обезьяну, тело покрыто шерстью. Он ведет ночной образ жизни, чрезвычайно быстро передвигается. Обладает защитными свойствами, позволяющими ему оставаться незамеченным людьми. Никто достоверно не видел его жилища. Ни у кого нет обоснованных данных о побудительных причинах миграции этого существа.

Но самой, пожалуй, потрясающей особенностью, приписываемой «снежному человеку», является его способность внезапно, появляться и так же быстро исчезать, даже как бы мгновенно «растворяться»! Раньше я не придавала значения свидетельским показаниям, подтверждающим это. До определенного момента.

Именно эта необычайная способность побуждает людей придумывать различные, иногда фантастические версии о его происхождении.

Одни склонны искать его следы в иных измерениях, другие связывают его появление с неопознанными летающими аппаратами.

Но ясно одно: не имея доступа к объекту наших интересов, мы не можем дать научного объяснения этому явлению. Но, опираясь на свидетельства тысяч людей, попытаемся объяснить две его особенности, применяя метод сравнения их с аналогичными, встречающимися у других земных животных.

Начнем с шерсти. Самый близкий объект сравнения – обезьяна. Однако некоторые исследователи возражают, утверждая, что крупные обезьяны живут только в теплых краях. Более того. Прежде считалось, что высшие обезьяны обитают только там, где температура воздуха не опускается ниже плюс четырнадцати градусов по Цельсию и не бывает резких ее перепадов. Вместе с тем нам известно, что география «снежного человека» не знает границ: его видели и в знойных пустынях, и в Заполярье.

Но широко известны животные, обладающие удивительной адаптацией к самым непригодным, казалось бы, условиям существования. Подтверждение тому так называемые «снежные обезьяны», обнаруженные в малонаселенных северных районах Японии и относящиеся к виду краснолицых макак, широко распространенных в тропиках. «Снежные обезьяны» покрыты густой светлой шерстью (в отличие от своих собратьев), обитают в горных местностях, где земля почти четыре месяца покрыта снегом, крупнее своих соплеменников. Известна закономерность, преобладающая у северных животных, – они большего размера. Это объяснимо: крупное животное медленнее теряет тепло. Пищу макаки добывают из-под снега – это трава, молодые побеги кустарников, почки деревьев, кора. Только в 1963 году японские ученые приручили группу этих животных для проведения научных наблюдений за ними. Журнал «Бильд дер Виссеншафт» (ФРГ) еще в 70-х годах опубликовал некоторые материалы об опытах японских ученых. Можно только представить, как далеко с тех пор продвинулись их исследования. К сожалению, мы не располагаем подробной информацией об этих работах. В частности, это относится к особенностям шерстного покрова, поведенческой реакции, строению кожи и так далее. Отсутствие этих данных большая потеря для гоминологов.

Сегодня цветом шерсти серьезно занимаются лишь ученые Северо-Восточного университета в Бостоне (штат Массачусетс, США).

Оказывается (проводим аналогию), мех белого медведя («снежный человек» в Заполярье чаще всего именно такой окраски), несмотря на белизну, способен превращать в тепло до девяноста процентов приходящегося на него солнечного излучения. Выяснено также, что такой мех превращает в тепло почти все ультрафиолетовые лучи и часть видимых, а отражаемая часть видимого света равномерно распределяется по всему спектру, благодаря чему человек его воспринимает как белый. Опыт показал, что если положить шерсть полярного медведя под стекло солнечного коллектора, его эффективность повышается наполовину и более. Вот какие возможности дают особенности шерсти для выживания земного зверя.

Несмотря на эти уже доказанные факты, некоторые зоологи и гоминологи не хотят обсуждать вопрос о возможности обитания реликтового гоминоида в Заполярье.

Обратимся снова к феноменальному свойству «снежного человека» – внезапному исчезновению, как бы «сокрытию» им своего биополя (осознаем неустойчивость термина) с целью стать невидимым. Чаще других, хотя бы жителей средней полосы России, видели его, например, в Гималаях, как считается традиционно.

Тибетские монахи «красношапочники» утверждают, что йети владеет волевым контролем, а если говорить точнее и конкретнее – может останавливать деятельность мозга именно для невидимости. Кому же, как не им, судить об этом необычном свойстве, если сами монахи достигают такого же эффекта, ибо обучение ему входит в обязательные пункты условия поэтапного совершенствования. По их мнению, абсолютную способность растворяться, становиться невидимым для наблюдателя, в природе сохранил только «снежный человек». Европейцы не раз, по словам монахов, встречали, рассматривали его как вполне реальный объект, затем преследовали (к сожалению, тривиальный вариант поведения человека!). Но на этом этапе «встречи» и случался конфуз. «Снежный человек» каждый раз исчезал, «словно растворялся». Имеется в виду суггестия, то есть внушение, но направленное не только на окружающих, как впервые предположил в книге «О начале человеческой истории» Б. Ф. Поршнев (М., 1974), а прежде всего на самого себя. Здесь, возможно,

самопроизвольно срывает естественный аутотренинг, подобно впаданию в летаргию в случае нервного, психического или физического перенапряжения. Речь идет не о буквальном исчезновении, а о невидимости для наблюдателя.

В этом и новизна моего подхода к нашей теме. Б. Ф. Поршнев считает, что потеря современным человеком такого и подобных ему свойств – результат усложнения человеческой психики; мысль эта созвучна и народным представлениям. Приобретая в процессе эволюции, в частности, речь, на определенном этапе развития человек что-то утрачивал. Все вышесказанное лишь на ощупь, на один шаг позволяет продвинуться в изучении этого сложнейшего и интереснейшего явления. Поэтому «снежный человек», так и не достигший речи, – параллельное человеку существо, сопутствующее, из одного отряда, но никак не шаг вперед по сравнению с человеком. И далеко не его предок.

На этой почве появилось много различных догадок, высказываемых людьми, никогда не занимавшимися проблемой. Особенно «упорствуют» парапсихологи и лекари-экстрасенсы. Основываясь на собирательном и условном названии, в которое входит и слово «человек», они начинают безосновательно утверждать, что это животное либо выше человека по всем параметрам, либо продукт деградации неких загадочных племен! И это о существе, не имеющем представления о социуме!

Твердо убеждена: надо искать аналоги свойств земного животного на Земле, а не в вымышленном фантастическом полете мысли. Это единственно верный метод подхода к теме. Ибо, как часто уже бывало именно в биологии, метод стоит открытия.

Валентин Сапунов, доктор биологических наук

Еще раз о неуловимости «снежного человека»

Его пока не удалось поймать живым. Но ведь для того, чтобы окончательно убедиться в реальности «снежного человека», достаточно найти его останки, скажем, скелет. Или хотя бы часть скелета, годную для идентификации. Однако загадочный гоминоид неуловим и для палеонтологов. Почему?

При воссоздании былых фаун палеонтологи опираются на ископаемые останки вымерших животных. Считается, что палеонтологическая летопись действительно отражает историю животного мира. Как известно, летопись эта неполна. Можно ли хотя бы приближенно сказать, какую долю умерших животных мы в состоянии откопать? Насколько велики белые пятна в эволюции, в том числе и человеческого рода?

Увы, еще не найденные останки животных, как правило, в земле не консервируются, а продолжают разлагаться. Поскол^^ животные мертвы, это – чисто физико-химический процесс. Поэтому в качестве аналогии можно рассмотреть распад радиоактивных элементов, скажем С14, содержание которого в ископаемых костях обратно пропорционально прошедшему времени. Чем больше времени прошло, тем меньше изотопа осталось. Его период полураспада – 5730 лет, и через 60 000 лет изотоп практически нельзя обнаружить обычными лабораторными методами.

Опираясь на аналогию, можно построить математическую модель разложения (и соответственно сохранения) в почве органических остатков. Разумеется, сами по себе ссылки на математическую модель и использование современных ЭВМ еще не гарантируют правильность выводов, поэтому сформулирую исходные положения.

Во-первых, количество останков животных, которое можно обнаружить при раскопках, обратно пропорционально времени, прошедшему с момента их вымирания. Скажем, мамонта откопать легче, чем динозавра. Во-вторых, количество палеонтологических находок прямо пропорционально количеству этих животных, обитавших на Земле, то есть многочисленных животных откопать легче, чем малочисленных. И, в-третьих, вероятность нахождения животных, обитавших в прошлом, зависит от условий залегания, строения их костей, масштабов раскопок и т. д. Эти соображения и легли в основу математической модели.

Но прежде, чем познакомиться с результатами моделирования, сделаю еще одно замечание. Как правило, при раскопках находят лишь отдельные кости. Чем их меньше, тем труднее определить и описать вид. Палеонтологи издавна гордились умением восстанавливать животное по фрагментам скелета. Но их

возможности не беспредельны. Если по таким костям, как атлант (верхний позвонок) или мандибула (нижняя челюсть), еще можно что-то сказать о звере, то, например, по отдельному ребру – вряд ли. На практике пределом описания ископаемого животного бывает единичная находка с сохранностью скелета не менее 2-3 процентов.

Из математической модели следует, что для любого ископаемого вида рано или поздно наступает критический момент, когда вероятность нахождения останков его представителей становится исчезающе мала. Иными словами, современная палеонтология обладает ограниченной разрешающей способностью и какие-то виды нащупать просто не в состоянии.

Более или менее полно палеонтологами исследовано несколько крошечных участков нашей планеты. Среди них так называемый Костенковский регион в Воронежской области и знаменитая долина Олдувай в Восточной Африке. Но даже здесь детально исследованы лишь площади отдельных раскопов размером в несколько десятков или сотен квадратных метров. Всего же перекопано и изучено палеонтологами и археологами менее одной миллиардной части всей площади земной суши.

Несколько слов о Костенковской экспедиции АН СССР. Этот район Среднего Дона обратил на себя внимание ученых еще в XVIII веке, а детально изучается с 1879 года. Возраст ископаемого материала (жилища позднего палеолита, собранные первобытными людьми кости животных) 20-30 тысяч лет. С точки зрения эволюционной палеонтологии – срок небольшой, и видовая фауна за это время почти не изменилась. Вымерли лишь мамонты, шерстистые носороги и еще несколько видов, которых заменили другие звери. За 100 лет кропотливой работы обнаружены останки 37 видов млекопитающих. А в настоящее время здесь обитает 70 видов. Считается, что 20 тысяч лет назад их было не меньше. Значит, при раскопках удалось обнаружить лишь чуть больше половины видового состава.

За 5 тысяч лет (время, которое охватывают раскопки) в этих местах могло обитать 140 тысяч мамонтов. Найдены же останки примерно сотни животных. По исторической арене здесь прошло не менее 300 тысяч палеолитических людей (данные приближенные, основанные на изучении остатков жилищ). Зато следующая цифра

точная – за 100 лет работы в Костенках найдено 4 человеческих скелета, 3 из которых фрагментарны. Таковы разрешающие возможности палеонтологии. Еще раз уточним: речь идет об одном из самых изученных районов в мире. Что тогда говорить о других местах земного шара!

Если в районе Костенок 20-30 тысяч лет назад обитал вид, близкий к *Homo sapiens* и его численность была в несколько десятков раз ниже, то такой вид, попросту говоря, не обнаружим.

Теперь о «снежном человеке». Человек мыслящий как биологический вид возник, по мнению большинства ученых, около 100 000 лет назад. В это время наш предок архантроп (или человек прямоходящий – питекантроп, синантроп и другие) превратился в так называемого палеантропа – человека мыслящего, подвид неандертальский. Последний широко распространился по всему земному шару. Через несколько десятков тысячелетий он начал распадаться на две ветви. Первая линия – грациальные неандертальцы группы Эрингсдорф (по месту типичной находки – очевидно, наши прямые предки. Судьба второй эволюционной линии менее ясна). Это классические неандертальцы (по местам находки – группы Шапель, Мустье, Спи и т.д.) – ответвление от генерального ствола развития человеческого рода, причем ответвление эволюционно недавнее. Об этом свидетельствуют ближневосточные неандертальцы группы Схул – возможно, гибриды между двумя ветвями.

В ископаемых останках 20-30 тысяч лет назад начинают преобладать представители человека мыслящего современного типа. Классические неандертальцы становятся все более редки. Массовые находки их прекращаются, встречаются лишь отдельные костные фрагменты, большей частью сомнительные. Большинство антропологов считает, что в позднем палеолите неандертальцы вымерли. Но ведь можно допустить, что численность наших двоюродных родственников сокращалась. Критическая, близкая к нулевой численность, когда вид вымирает, могла быть достигнута в наши дни в течение плюс-минус нескольких столетий. Скорее – плюс, учитывая непрекращающийся поток свидетельств о каких-то загадочных человекоподобных существах, ведущих скрытый образ

жизни в удаленных уголках планеты и фигурирующих под именами «снежный человек», «йети», «алмасты»... Во всяком случае, их облик – большая масса, физическая сила и т. п. – соответствует тому направлению эволюции, по которому шли классические неандертальцы. Разумеется, до наших дней дожил уже не неандерталец, а новый вид.

Если их численность 20-30 тысяч лет назад была на порядок меньше, чем наших прямых предков, то эта боковая ветвь для современных палеонтологов могла исчезнуть. В лучшем случае в их руки могут попасть ничтожные фрагменты скелета, мало пригодные для серьезного исследования.

На Земле каждый год обнаруживают новые виды самых разных животных, включая приматов. Так, в 1987 году в Тибете высоко в горах пойманы четыре особи юаньской золотой обезьяны. Долгое время их считали выдумкой местных жителей, а сейчас ими можно полюбоваться в Пекинском зоопарке.

В заключение скажем, что животный мир как прошлого, так и настоящего значительно богаче, чем кажется на сегодняшний день. И не стоит очень уж удивляться тому, что скелет «снежного человека», вернее его части, как будто все же нашли в Гималаях.

Наш рассказ преднамеренно неполный. Тема реликтового гоминоида заслуживает отдельного тома. Кстати, у нас в России подобная книга пока так и не написана...

МЫШИ ВЕЛИЧИНОЙ СО СЛОНА, ИЛИ МИФ О ПОСЛЕДНЕМ МАМОНТЕ

Эта история могла бы вообще не начаться, не сохранись с далекого 1581 года удивительного предания, переходившего из поколения в поколение, – будто видели славные воины Ермака Тимофеевича в далекой земле сибирской огромных волосатых слонов в дремучей тайге...

До сих пор специалисты теряются в догадках – кого видели дружинники Ермака? Ведь настоящих-то слонов они в те времена уже знали – имелись они в зоологических садах при дворах воевод и в царском зверинце. И с тех пор живет легенда о живых мамонтах...

...Давно это было, еще дед рассказывал Айсату! Отправился один рыбак на сенокос. Лето в Заболотье стояло жаркое, сухое – комары попрятались по болотам, мошка еще в силу не вошла. Косил, косил он траву, передохнуть решил, ягод посбирать. Едва взошел на лесной бугор – заскользила под ним земля и вниз пошла. Провалился рыбак в большую темную пещеру, насмерть перепугался: как наверх выберешься? Сколько ни силился, ничего не вышло: высоко, не допрыгнешь. Решил камней натаскать, чтоб горку сделать. Нагнулся за первым попавшимся камнем – и обомлел. Прямо на него громадный «земляной бык», маммутом называемый, ползет, рога свои кривые и гладкие наставляет. Обомлел рыбак – конец настал: проткнет его «бык» страшными рогами. Но мамонт подполз, подул на него, пофырчал, а потом у ног примостился. Сидит рыбак ни жив ни мертв. Темнеть в пещере стало – видно, свечерело наверху. Поднял мамонт свою лохматую голову, посмотрел в упор на человека и к камню, что хотел взять рыбак, направился. Стал он камень тот лизать, урчать от удовольствия, досыта нализался, а после и рыбака к камню вроде бы подтолкнул: ешь! Рыбак попробовал камень языком теплый, на хлеб похожий, ну и тоже лизать принялся. Сразу голод прошел. Осмелел рыбак, сызнава вознамерился наверх выбраться, но мамонт от дыры его оттолкнул и в ход за собой повлек.

И начал рыбак с мамонтом по подземным ходам шастать, мамонт рогами землю роет, лбом уминает за ним дорога и остается. Иногда же на свой ход набредут или на чей еще там, по нему идут. Много они исходили, камнями питались, кореньями. А однажды отлучился куда-то мамонт, и не было его несколько дней, наверное. Рыбак нигде съедобных камней найти не мог, отоцал, чуть с голоду не помер. Потом пошел по следу мамонта разыскивать, и – чудо! – впереди вроде бы свет. Смотрит, дыра в береговом обрыве и день видно. Кинулся рыбак к той дыре, да чуть было не ослеп с непривычки от яркого солнца и не разбился – высоко в обрыве нора была, свалился он вниз, по грудь в речную тину ушел. А когда опамятовался, то увидел: находится он у Тапкинских юрт, что выше Тайтамака стоят на реке Носке... Стало быть, не одну сотню километров отмахал рыбак под землей. Добрался он до дому, а там его давно уже ждать перестали, посчитали мертвым. Как-никак, прошло целых три года, рыбаку же показалось – три месяца минуло...

Ну, а куда мамонт делся, никто не знает: говорят, тапкинские мужики нору ходили на берег смотреть и видели будто бы след к реке от чего-то тяжелого, будто бы полз кто-то к воде и там скрылся. Но для мамонта это не страшно, он ведь и в воде может жить. Сказывают, будто это мамонт зимами ломает толстый лед в реках и озерах, устраивает на реке заторы в ледостав. Порою хозяин реки, «албаны», рассердившись на «земляного быка», затирает его льдинами или обрушивает под ним берег. Вот тогда жители прибрежных селений и находят на берегу скелеты и «рога» мамонтов. И еще говорят: не выносят мамонты солнечного света, гибнут, как только луч солнца коснется их шкуры...

Эту странную историю рассказал историку Г. Еремину старый охотник Айсат на Аулкуле, в Заболотье, что рядом с Тобольском. А чуть позже в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» за 1908 год он обнаружил публикацию краеведа П. Городцова «Мамонты. Западносибирское сказание». И один из рассказов, передаваемый Городцовым, записан именно в... Заболотье!

Было это в 1863 – 1868 годах, и предание удивительно похоже на то, что мы привели выше, только мамонт там «добрее», он отпускает человека, а сам скрывается в воде.

Удивляет здесь не живучесть легенды (бывают предания и подревнее), а та приязнь, о которой сообщается о животном, невраждебность к человеку. Так могли рассказывать люди, очень хорошо знавшие повадки гиганта. Обские угры, сибирские татары и русские в Сибири еще в прошлом веке верили: мамонт жив, но только в небольшом количестве, он очень робок. По своему нраву животное это кроткое и миролюбивое... Удивительно это знание психологии зверя, жившего в эпоху верхнего палеолита. Откуда такая осведомленность?

...Посол австрийского императора хорват Сигизмунд Герберштейн, посетивший в середине XVI века Московию, писал в 1549 году в своих «Записках о Московии»: в Сибири «...имеется великое множество птиц и различных животных, каковы, например, соболи, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж... Кроме того, Вес, точно так же белые медведи, волки, зайцы...». Кем был этот таинственный зверь Вес, долгое время никак не могли понять комментаторы «Записок». А ведь еще в 1911 году тобольчанин П. Городков писал в очерке «Поездка в Салымский край» (Ежегодник Тобольского губернского музея. 1911. Вып. XXI), что у салымских хантов «щука-мамонт» называется «весь». «Этот монстр был покрыт густой длинной шерстью и имел большие рога, иногда „весь“ затевали между собою такую возню, что лед на озерах ломался со страшным грохотом. Неудивительно, что впечатлительный посол, наслушавшись рассказов о таинственном звере Весе, занес его в разряд реально существующих животных наряду с медведями, волками, белками и соболями».

А может быть, он располагал и другими сведениями?

Первым, кто сообщил миру о сибирских мамонтах, был, вероятно, китайский историк Сыма Цень (II век до н. э.). В своих «Исторических записках» он пишет о представителях далекой ледниковой эпохи как о... здравствующих животных!

«Из зверей водятся... огромные кабаны, северные слоны в щетине и северных носорогов род». Значит, еще и шерстистые носороги?!

Странно, почему китайский ученый не называет обоих животных именем крысы «тиен-ту» и не заявляет об их ископаемом состоянии,

ведь еще в III веке до н. э. бивни ввозили в Китай из Сибири. Складывается впечатление, что речь идет о живом существе, жившем в Сибири еще в III-II веках до н. э.

Спустя столетия свидетельство ученого, основанное на реальных фактах, было предано забвению, как это не раз случалось в императорском Китае, и уступило место фантастическим спекулятивным измышлениям о крысе «тиен-ту». Уже китайский посланник Тулишен, проехавший через Сибирь в Россию, сообщал в 1714 году императору: «А находится в сей холодной стране некоторый зверь, который, как сказывают, ходит по подземелью, и как скоро солнце или теплый воздух до него коснется, то он умирает... имя сего зверя „мамунт“, а по-китайски „хишу“...»

А теперь перенесемся в другой северный регион, в приполярные области США и Канады. В одном из недавних номеров журнала «Аляска» мне попала любопытная статья Ненси Л. Бесс «Миф о последнем мамонте», в которой, помимо интересных рисунков конца прошлого века, приводится рассказ некоего Х. Тьюкмана, утверждавшего, что он... беседовал с индейцем, убившим последнего мамонта. Вот эта история:

"В 1890 году я путешествовал по рекам Сент-Майкл и Юкон на Аляске. Клондайк еще не был открыт, и пароход Аляскинской торговой компании не поднимался выше Форт-Юкона по причине короткого сезона судоходства; как раз там я и оказался, когда наступила зима. В Форт-Юконе жило небольшое индейское племя. В эту долгую зиму я услышал много интересных рассказов от старого индейца.

Как-то вечером я рассматривал какие-то старые рисунки, принадлежавшие Джо – старейшему вождю этого племени. На одном из рисунков был изображен слон, при виде которого старый Джо пришел в сильное возбуждение и в конце концов, с некоторой неохотой, объяснил мне, что он видел одного из этих зверей «там» – он показал рукой на север. Мои уверения в том, что такие животные не водятся на этом континенте, ничуть не поколебали его.

Подыгрывая старику, я попросил его рассказать эту историю, что он сделал после долгих уговоров.

"Однажды, много лет тому назад, мы, я и Сун-тхай, двинулись вверх по реке Поркьюпайн. Сун-тхай мой сын, сейчас он уже умер. Затем много дней мы поднимались по маленькой речке вверх, в горы. Но горы были очень высокие и очень крутые, и мы не могли взобраться на них. Тогда мы вернулись назад и подстрелили лося возле небольшого оврага. Сун-тхай пробрался по нему и увидел, что овраг заканчивается небольшим утесом; взобравшись на него, он заметил пещеру. Он был храбрым, Сун-тхай. Он залез в пещеру и обнаружил в ее дальнем конце дыру. Сун-тхай выглянул в нее и увидел легкий путь для подъема на гору, и вот, взяв с собой немного мяса, мы зашли в пещеру и заметили, что она усеяна огромными костями – их размер превышал мой рост, – и я испугался, но, выбравшись через дыру на солнечный свет, я снова осмелел, и так мы достигли вершины горы.

На расстоянии мы видели большую долину, озера и деревья, вдаль, по ту сторону долины, мы видели горы, а за ними, очень далеко, высокие горы с вершинами, покрытыми снегом, который никогда не сходит.

Сун-тхай сказал: «Мы добудем много бобрового меха в этой долине, а?» Я сказал: «Нет, это дьявольская страна», и еще я сказал ему, что эту страну индейцы называют Ти-Кай-Коа (След Дьявола). Тогда Сун-тхай немного испугался и ответил: «Идем, отец, мы не останемся тут надолго; за пару дней настреляем бобров, а затем вернемся».

И вот за два дня мы изготовили плот и пересекли озеро длинное, как река, и на следующий день увидели Ти-Кай-Коа!"

Старик замолчал и замер. Я сидел беззвучно и неподвижно, ожидая...

Старик поднялся и вытянул руки перед собой. В его глазах стоял странный блеск, лоб покрылся капельками пота. В этот момент я не сомневался, что он описывает то, что действительно видел.

"Он лил на себя воду из своего длинного носа, а перед его головой торчали два зуба длиной в десять ружей каждый, загнутые и сверкающие на солнце белизной, словно лебединые крылья. Его шерсть была черной, длинной и висела по бокам точно пучки сорной

травы на ветвях дерева после половодья, а эта хижина выглядела бы рядом с ним как двухнедельный малыш рядом со своей мамой.

Мы не разговаривали, Сун-тхай и я, мы только смотрели и смотрели, а вода, которую животное выливало на себя, стекала по его бокам небольшими речками. Но вот оно легло в воду, и добежавшие до нас через тростник волны достигли наших подмышек, такой сильный был всплеск. Затем животное поднялось и встряхнулось, окутавшись пеленой – словно дождевой шквал окатил его.

Внезапно Сун-тхай вскинул свое ружье и, прежде чем я успел остановить его, выстрелил – бум! – в Ти-Тай-Коа. Вот это был шум! Словно тысяча гусей закричала разом, только пронзительнее и громче, и покатился этот крик по долине, пока не достиг гор, и показалось нам, что в мире больше ничего не существует, кроме этого ужасного крика! Как только дым от выстрела поднялся над камышами, Ти-Кай-Коа увидел Сун-тхай и, шлепая по воде, ринулся к нему, и шум от этого плеска стоял такой, как будто вся водоплавающая дичь мира поднялась на закате с озера.

Мы повернулись и бросились бежать, Сун-тхай и я. Мы мчались мимо деревьев, прочь от нашего лагеря, поскольку прямо на него несся Ти-Кай-Коа, охотясь за дымом. Пробежав большое расстояние, мы остановились передохнуть и прислушались и тут же опять слышали могучий рев Ти-Кай-Коа – он искал нас, и мы почувствовали новую силу в ногах, чтобы бежать дальше".

Старый индеец сел, вытер рукой лоб и целых десять минут не говорил ни слова – возможно, думал о своем умершем сыне. Я стал напрягать мозги, мучительно вспоминая, что же нам говорили о мамонтах в школе, поскольку я утвердился в дикой мысли, которая пронеслась у меня в мозгу, когда я только увидел картинку со слоном. Тут старик поднялся и двинулся к выходу из хижины. «Не ищи Ти-Кай-Коа, белый человек, чтобы тебе потом не пришлось рассказывать нам то, что я рассказал тебе». И он шагнул в ясную морозную ночь, оставив меня гадать, как он так точно узнал мои мысли...

В племени индейцев, зимующих в Форт-Юконе, был очень живой и смысленый малый по имени Пол, хорошо говоривший по-английски, который каждое лето пользовался спросом в качестве

лоцмана для пароходов Аляскинской торговой компании. Пол имел в своих жилах немного шотландской крови, и, сблизившись с ним, я узнал, что он питает такой же сильный интерес к Ти-Кай-Коа, как и я, и такое же глубокое презрение к суеверию, трактующему его как «дьявола».

Когда я рассказал Полу о своем опыте, охоты на слонов в Африке в 70-е годы, он загорелся желанием отправиться вместе предстоящим летом и добыть мамонта, если он действительно существует. Он загорелся еще сильнее, когда я поведал ему о богатстве, ожидающем человека, который сможет передать в руки таксидермистов такого уникального представителя, повидимому, вымершей фауны.

Чудесным утром в начале июля мы распрощались с Форт-Юконом и отправились вверх по реке Поркьюпайн на длинной и узкой лодке, которую построили специально для нашей цели.

Второго августа – в день моего рождения – мы спрятали свои вещи и поспешили вперед, чтобы найти путь и наконец заглянуть в эту «страну дьявола».

Взобравшись на выступ, мы обнаружили пещеру или, скорее, тоннель. Он имел 200 футов длины и ширину, достаточную, чтобы три человека могли идти рядом. Пол тоннеля по всей длине был сплошь усеян огромными костями мамонта, увидев которые Пол даже вскрикнул. Я испытал на прочность один из спинных позвонков и убедился, что тяжелая пуля моего ружья с легкостью проходит через него... Я не буду подробно описывать нашу работу по переноске вещей от маленькой речки. Нам пришлось использовать блоки и канаты, чтобы поднять их ко входу в тоннель. Наконец мы все перетасили и несколько дней спустя оказались на берегу реки Ти-КайКоа.

Что касается Пола, я не встречал равных ему ни в одном из своих путешествий. Сильный, энергичный, неутомимый, веселый и от природы щедро наделенный изобретательностью, он преодолевал препятствия, лишь только они возникали, тогда как его храбрость, хладнокровие и абсолютная уверенность в нашем конечном успехе действовали на меня как эмоциональный тоник в моменты, когда я размышлял о тяготах нашего предприятия.

Двадцать девятого августа мы впервые увидели мамонта. Он стоял на маленькой лужайке, этот самый большой зверь, которого видел еще только один из ныне живых людей, выщипывая огромные массы мхалишайника и поедая их таким же образом, как это делают слоны. Его словно живая копия – долго сохраняющая свидетельство кропотливости и мастерства американских таксидермистов, – которая теперь занимает новое крыло Смитсоновского музея, так подробно воспроизводилась на иллюстрациях журналов и газет во всех цивилизованных странах мира... Разве не его изображение было вывешено в галерее Королевской академии в этом году? И я не вижу смысла описывать его вблизи, а только скажу об испытанном нами трепете, вызванном видом этого громадного животного, мирно пасшегося в задумчивости в присутствии двух пигмеев, задумавших его погубить...

Примерно в 25 милях ниже нашего первого лагеря мы обнаружили изолированную группу хвойных деревьев, которые были самыми большими среди тех, что мы видели в долине. Тут мы и начали свою работу. Поперек высохшего русла небольшого ручья, с одной стороны от двух деревьев, которые были больше других, мы воздвигли массивную конструкцию из срубленных нами стволов, сложенных в пять этажей, внутрь которой мы набили сухого и трухлявого дерева, оставив небольшую лазейку, чтобы можно было подобраться и поджечь его. Наверх мы навалили больших деревьев, срубленных рядом. Законченная конструкция выглядела как гигантский штабель свеженарубленных деревьев.

К ветвям стоящих рядом самых высоких деревьев, примерно 60 футов высоты, мы привязали веревочные лестницы и, выбрав удобные места, оборудовали там себе сиденья и подняли туда канаты, которыми могли привязать себя в случае необходимости. К сентябрю мы все приготовили, и теперь нам предстояло доказать справедливость моего предположения, что дым притягивает нашу добычу.

Шестнадцатого числа все было готово, и перед самым рассветом мы, сложив ружья и патронташи в свои гнезда на деревьях, отправились на поиски и примерно в 10 часов пополудни, пройдя

три мили, увидели нашу добычу. Мамонт выглядел встревоженным и беспокойно нюхал воздух. Легкий ветер шевелил верхушки деревьев.

Мы зажгли пучок сухих веток и помчались назад с такой скоростью, на какую только были способны. В тот момент, когда поднялся дымок, ужасный вой огласил долину позади нас, и мы почувствовали, как затряслась земля, когда мамонт ринулся к нам. Мы ощущали, что это настоящая гонка, цена которой жизнь, в то время, когда, пробегая по лесу, поджигали приготовленные заранее костерки.

Наконец мы достигли штабеля, и через несколько секунд тоненькая струйка дыма возвестила, что битва скоро начнется. Мы поспешили в наши гнезда. Долго ждать не пришлось. С топотом выскочивший из-за деревьев и устремившийся с оглушительным ревом вперед властелин древнего леса остановился перед деревянным нагромождением, представ перед нами во всей своей первобытной мощи.

Он был явно озадачен преградившим ему путь гигантским штабелем, из которого уже вырывались клубы дыма. Но лишь только затрещали наши ружья, раздался самый ужасный крик ярости, который мне когда-либо приходилось слышать, и громадный зверь, явно не чувствительный к нашим выстрелам, с диким бешенством атаковал штабель. Вонзив в него свои большущие бивни, он сделал мощное усилие; напрягшись еще раз, он поднял целую кучу бревен – напоминая, что они были скреплены вместе и составляли в высоту, по крайней мере, 25 футов, – бросил их на землю. Почувствовав, видимо, что это больше того, на что хватает его сил, он зацепил самый верхний ствол – тяжеленное бревно двух с половиной футов длины и больше фута в диаметре, и бросил его через себя. Тем временем наши ружья не бездействовали, я опустошил уже вторую обойму, целясь ему за ухо. Стоял такой шум непрекращающийся рев вместе с его эхом, отражающимся от гор, что я не слышал звуков собственных выстрелов, но нагретый ствол говорил, что маленькие злые пули непрерывно устремляются к своей цели.

Казалось, мамонт не подозревал о двух злоумышленниках, засевших над ним, и слепо атаковал горящую деревянную башню, цепляя бревна и швыряя их туда и сюда так, что я понял, что через

несколько минут вся конструкция будет разметана далеко по сторонам. Одно бревно, меньшее, чем другие, полетело в мою сторону и обрушилось на ветви над моей головой. Другое ударило в дерево выше, содрвав кору и чуть не стряхнув меня на землю.

Но конец был уже близок, поскольку огромное животное истекало кровью, струившейся изо рта и ушей, и стало неуверенно покачиваться. Чувство жалости и стыда охватило меня, когда я смотрел, как силы оставляют это могучее доисторическое существо, которое я обманул и лишил мирного безмятежного существования, продолжавшегося тысячу лет.

Дело сделано, и теперь, чтобы оправдать его, мы должны сохранить шкуру, кости и все части, которые возможно предохранить от порчи. Эта задача оказалась не из легких... К середине декабря все кости были отделены от мяса, тщательно очищены и пронумерованы. Сняв в полной сохранности всю шкуру, мы разожгли большой костер и поджарили немного мяса. Я провел тщательные обмеры легких, сердца и всех скоропортящихся частей.

Мы работали не покладая рук почти до конца января, ни разу не покинув лагерь. Мясо не было невкусным, только ужасно жестким. Лучшие части, закопанные в вечно мерзлую землю, прекрасно сохранялись...

Наконец, в укромном месте мы соорудили капитальный тайник из тяжелых бревен и упрятали все это туда, потом построили небольшую лодку и стали ждать, когда откроется река,

Вниз по Ти-Кай-Коа мы добрались до Чендлара, оттуда до Юкона и Сент-Майкла, и вот первый же пароход доставил нас в Сан-Франциско. Здесь я совершенно случайно встретил мистера Конради и, узнав, что он глубоко интересуется зоологией, рассказал ему о тайнике, оставленном нами на берегах Ти-Кай-Коа.

Я рассказал ему не все, поскольку сам хотел узнать от сведущих людей в Америке и Европе о том, какую сумму можно получить за мамонта. Мой план заключался в том, чтобы, если удастся, связаться со специалистами из Британского музея и продать его туда. Предложенная мистером Конради сумма – миллионы долларов – поразила меня, и после недели размышлений я согласился.

Пол наотрез отказался взять больше четверти этой суммы, аргументируя это тем, что даже с этими деньгами он не знает, что делать и как их потратить. Цивилизация мало притягивала его, вскоре он стал томиться во Фриско, страстно желал вернуться на волю.

Этим же летом мы с Полом отправились на север и зазимовали на Ти-Кай-Коа около нашего тайника. Весной мы переправили мамонта в определенное место на реке Юкон, где нас ждал мистер Конради, и упаковали в специально приготовленные ящики...

Я решил, что наиболее подходящей версией будет такая, по которой якобы мистер Конради нашел тушу замороженной в айсберг в Арктике. Измерения, сделанные мной, были отданы в Смитсоуниан, как будто их сделал сам Конради..."

Трудно сказать, что в этом рассказе правда, а что вымысел. Но, думается, последняя точка в «мамонтоведении» еще не поставлена! Тем более что японцы собираются воскресить мамонта и направляют в Россию экспедицию, участники которой намереваются собрать в Сибири необходимый генетический материал для операции по возрождению косматых исполинов.

Бригаду исследователей-энтузиастов возглавляет Кадзуфуми Гото, доцент университета Кагосима, считающийся крупным экспертом в области искусственного разведения животных.

Он объявил журналистам, что с помощью российских коллег намерен найти хорошо сохранившийся в вечной мерзлоте труп мамонта. Из него предполагается выделить замороженный семенной материал с неразрушенной ДНК – носителем наследственности. После соответствующей обработки ископаемую сперму японцы намерены ввести современной слонихе. По расчетам ученых, она вполне сможет произвести на свет потомство от заочного «мужа», скончавшегося во второй половине ледникового периода. Если повезет и слониха родит самку, то с ней можно будет повторить операцию по искусственному осеменению. В результате, по замыслу японских ученых, будет получено животное, которое «на две трети» явится мамонтом.

ПО СЛЕДАМ ИРКУЙЕМА, ИЛИ ПОИСКИ НЕОБЫЧНЫХ МЕДВЕДЕЙ.

Перед нами три очерка о необычных медведях. Впрочем, некоторых из них медведями называют чисто условно.

Из книги Олега Куваева «Очень большой медведь»:

«...В 1898 году впервые стало известно о существовании самого крупного в мире хищника – огромного бурого медведя...» – писал бельгийский зоолог Бернад Эйвельманс.

О наводящем ужас чудовище говорили также пастухи глухой Чаунской долины на Чукотке. Фарли Моуэт, канадский писатель, в книге «Люди оленьего края» приводил рассказы, услышанные от жителей Аляски, о страшном буром звере ростом вдвое выше белого полярного медведя. Я пришел к убеждению, что если организовать экспедицию на Чукотку, то, может быть, посчастливится разобраться во всей этой чертовщине с медведями непомерной величины, о которых говорят то на Чукотке, то на Камчатке, то на Аляске...

С этим я пришел в «Вокруг света». За исходную точку поисков мы выбрали озеро Эльгыгытгын, в трехстах километрах от Чаунской губы.

...Но проходили дни, недели – медведей на озере Эльгыгытгын не было, хотя в прошлом оно было излюбленным местом их кочевий. И лишь в самом конце непогожего чукотского лета геологи, вернувшиеся с верховьев Анюя, сообщили, что видели на одном из гребней бредущего огромного медведя очень светлой, почти белой окраски. Белый медведь забрести за сотни километров от побережья Ледовитого океана не мог... Я не сказал, что это может быть тот, кого я ищу, – страшный, одинокий, погибающий от голода, ибо все живое ушло в это лето отсюда. Я решил сам пойти по этим следам.

Но тут непогода установилась прочно и навсегда... Год, выбранный мной для поиска, оказался на редкость неудачным".

Таково вкратце содержание первой и второй тетрадей очерка «Очень большой медведь» (Вокруг света. 1968. № 1-2).

Тетрадь третья

Ушли в глубину невероятные рыбы Эльгыгытгына, зимние ветры начали многомесячный матч в горных долинах, и на щебнистой равнине вокруг озера принялись посвистывать поземки. Вероятно, именно о таких местах Тютчев написал: «...И гонит буйный вихрь, не знающий покоя, пыль снежную вдоль смутных берегов...»

Но, начавшись на «смутных берегах», история поисков лета 1967 года на этом не кончалась. Еще перед экспедицией я обратился к некоторым людям, которые могли бы пролить свет на интересующую меня проблему. Дома меня ожидали три письма. Из Канады откликнулся Фарли Моуэт. Из старинного казачьего поселка Маркове на реке Анадырь прислал письмо егерь, охотовед с тридцатилетним стажем и медвежатник Виктор Андреевич Гунченко. Доктор Бернанд Эйвельманс в Париже тоже получил мое письмо и любезно прислал пространный ответ.

Настала пора обзреть накопившуюся информацию за письменным столом, когда эмоциональные факторы вроде костерка из полярной березки или стука камней в тишине горных долин отсутствуют. Распространенное человеческое предубеждение гласит, что эмоции мешают объективному анализу. Пирамида умозаключений строилась примерно так.

А . Фундаментом всей истории послужили слухи, редкие известия и свидетельства о существовании медведей непомерно большой величины в Северо-Восточной Азии и смежных районах Северной Америки. На эти слухи и известия можно было при известной склонности к скептицизму махнуть рукой, если бы не факт существования гигантского медведя-кадьяка; обычно медведь весит около 300 килограммов, крупный – 500, громадный вроде гризли – до 700, но медведь, доставленный в Берлинский зоопарк с острова Кадьяк, весил 1200 килограммов.

И не менее важным фактом является полное совпадение легенд о большом медведе среди двух групп людей, разделенных широким проливом: у эскимосов континентальной Аляски и у пастухов Чукотки.

Первичная гипотеза, в которую я поверил еще на острове Врангеля, когда собственными глазами видел белого медведя громадных размеров, состояла в том, что у медведей просто могут появиться особи ненормально больших размеров. При этом нет оснований говорить о существовании какого-то особого вида гигантских этих животных.

В связи с уменьшением общего числа медведей по законам статистики должно уменьшаться и число крупных особей. И я заинтересовался тем, каких же медведей «бивали» в старину, например, в Восточной Сибири. Вот что сообщает об этом добросовестный исследователь, охотник и Литератор, горный инженер Александр Александрович Черкасов, живший в Забайкалье в середине XIX века:

«...Надо заметить, что в Сибири медведи достигают страшной величины. Мне случалось видеть на одной из станций Красноярской губернии шкуру только что убитого медведя длиной от носа до хвоста с лишком 20 четвертей; шкура же в 18 или 19 четвертей в Забайкалье не редкость...» Если учесть, что русская четверть это 17 сантиметров, то первоначальная гипотеза получала солидное подкрепление.

Легко можно прийти к выводу, что с заселением Сибири крупные медведи обычного вида сохранились лишь дальше к востоку – скажем, в глухих районах Чукотки. Тем более что восточные медведи, например камчатские, всегда считались крупнее своих западных сородичей.

Но Виктор Андреевич Гунченко сообщил мне: «Я живу в Маркове с 1932 года. Лично сам убил 16 медведей, среди них крупнее 250-350 килограммов не было. Я знаю здешних охотников-медвежатников, добывших до 40 медведей. Один из них, Мирновский, умерший в 1965 году, рассказывал, что огромных медведей он не добывал, но застрелил в 1962 году старого самца около 500 килограммов весом. Я много лет работал приемщиком пушнины, и через мои руки прошло много шкур. Думаю, что в пределах Анадырского района (он расположен к югу от области озера Эльгыгытгын. – О. К.) медведей огромных размеров не добывалось...»

Конечно, свидетельство В. А. Гунченко распространяется только на Анадырский район, а именно он был центром казачьей колонизации Чукотки еще с середины XVII века. Но тем не менее гипотеза о местных медведях-переростках получила солидную трещину, у охотников есть свои каналы информации, и в случае добычи необычно большого медведя Гунченко, безвыездно живущий на Чукотке, знал бы об этом.

Б. Значит, речь может идти скорей не об азиатских медведях, а о каких-то других, экзотических (а может быть, реликтовых?), живущих в таких пустынных местах и встречающихся так редко, что охотники до них и не добрались. Кстати, пастухи говорили не просто о большом, а об «особом», «страшном» медведе. «Особость» можно объяснить необычным внешним видом – например, окраской, – «страшный» можно объяснить размерами и агрессивностью.

Наиболее крупным медведем из известных науке является гризли. Может ли какое-нибудь незначительное число гризли попасть или эпизодически попадать на Чукотку? Убежденным сторонником этой гипотезы выступает в своем письме Фарли Моуэт.

«Мне кажется, – пишет он, – что ваш гигантский медведь может оказаться родственником североамериканского гризли, который, как вы знаете, самый большой на свете... Поскольку они живут недалеко от Берингова пролива, вполне возможно, что в прошлом они могли мигрировать в Сибирь. Следы их огромны, и даже по следу можно видеть, что этот зверь вдвое крупнее обычного. Сообщения о встречах с гигантскими медведями на Чукотке я считаю вполне вероятными. Возможно, что речь идет о тех медведях, которые дрейфовали на льдинах через Берингов пролив или пересекли его пешком в особо суровые зимы. Я говорю так, потому что аляскинский гризли – великий кочевник...»

Трудно судить о том, может ли сухопутный гризли дрейфовать на льдине. Но пересечь замерзший 70-километровый пролив ему, вероятно, не трудно. Тогда понятно удивление людей, встречавших «загадочных медведей», – облик гризли непривычен для пастухов Чукотки. Тогда понятно, почему он встречается так редко. Этот пришелец быстро исчезает, ибо биологическое воспроизводство даже в пригодных для жизни условиях требует определенного (и

немало по законам биологии) числа особей обоего пола. Но это же соображение заставляет усомниться в заманчивой гипотезе сохранения в дебрях горных долин реликтового медведя прежних времен. (Кстати, в своем письме Фарли Моуэт со свойственной ему писательской эмоциональностью не удержался от обсуждения и такой догадки: «...В Торнгатских горах на полуострове Лабрадор эскимосы рассказывают о другом типе медведя, с очень длинными волчьими зубами. Еще ни один белый человек такого медведя не видел, и, возможно, это миф. Однако описания эскимосов очень похожи на реконструкцию пещерного медведя, который, как предполагают, исчез несколько тысячелетий тому назад. Все это может служить слабой надеждой на то, что небольшое число пещерных медведей существует и сейчас. И если это так, то я поискал бы их именно в горных районах Верхоянска, Колымы и Анадыря...»)

Как бы там ни было, существуют рассказы о медведе, поражающем воображение пастухов на Чукотке и эскимосов на Аляске. Медведь – живой зверь, он уклоняется от встреч с шумными экспедициями, будь то геологи, топографы, этнографы, тем более что все эти люди лишь гости в полярных горах и тундре. И если согласиться с тем, что такой медведь существует, то надо либо принять гипотезу случайно забредшего в Азию гризли, либо предположить, что существует редкий и малочисленный вид гигантских медведей вроде медведя-кадьяка. Вопрос этот тем более сложен, что сама систематика и описание арктических бурых медведей еще в общем-то несовершенны. Несколько страниц письма доктора Бернарда Эйвельманса и были посвящены именно этому, видимо, интересующему его вопросу.

"В настоящее время, – пишет Бернард Эйвельманс, – большинство ученых пришло к общему согласию насчет того, что надо свести к одному виду бурых медведей-гигантов и серых медведей, или гризли, Евразии и Северной Америки, который подразделялся бы, следовательно, на многочисленные подвиды.

...Самым разумным и самым правильным было бы считать бурых медведей-гигантов крайней формой вариации гризли..."

«Бурым медведем-гигантом» доктор Эйвельманс называет медведя «урус арктос миддендорфи», зона распространения

которого ограничивается прибрежной полосой в сотню километров полуострова Аляска, но охватывает также многочисленные острова вдоль побережья, в том числе и знаменитый остров Кадьяк. Таким образом, доктор Эйвельманс считает, что гипотетический «большой медведь» Чукотки – азиатский собрат бурого медведя-гиганта, или медведя-кадьяка, живущего по ту сторону Берингова пролива. И при изучении азиатских медведей доктор Эйвельманс рекомендует прежде всего труды советских ученых.

Подходя к концу своего рассказа о поисках «очень большого медведя», я не могу не остановиться еще на одной вещи. Двое из моих уважаемых корреспондентов пользуются в мире достаточно широкой известностью. Я говорю о писателе Фарли Моуэте и профессоре Бернарде Эйвельмансе. В их письмах есть одна общая нота: они с грустью пишут об исчезновении замечательных зверей – медведей. «Я говорю о гризли прерий, – пишет Моуэт, – которые населяли Канаду и Соединенные Штаты и были истреблены после заселения этих областей. Ныне они считаются вымершими...» "Таким образом, нет больше надежды разрешить проблемы классификации медведей вида «урсус арктос», – пишет Эйвельманс.

По-видимому, можно не соглашаться с пессимистической оценкой доктора Эйвельманса, ибо пока есть медведи, есть и надежды на их классификацию. Но кем бы ни был таинственный «большой горный медведь» Чукотки – случайным пришельцем с другого континента или представителем вымирающей группы, редким аборигеном Анадырского нагорья или Корякии, бесспорно одно: в поисках, которые, несомненно, будут продолжаться, надо заранее вооружиться вниманием и любовью к ним. Не человек нужен медведю, а медведь – человеку, ибо природа дала человеку право сильного, которое в данном случае трактуется однозначно – защищать.

Из очерка Валерия Орлова «Кайнын-кутхо Корякского нагорья»:

"Обращаюсь к вам вот с какой просьбой. Помогите, пожалуйста, отыскать научную организацию или людей соответствующего профиля, которые заинтересуются неизвестными животными, не занесенными в систематику млекопитающих. Я уже обращался с

таким предложением в Академию наук. Животное, о котором идет речь, относится к роду медведей, в этом сомнения нет. В роду медведей будет восьмым. Оно крупных размеров, примерно вдвое по весу превосходит обычного медведя. Но очень сильно отличается строением тела. Задние ноги короче передних, а между ног расположен курдюк, или жировой мешок, который постоянно касается земли. Местные жители (коряки, чукчи) называют его «иркуйем» с ударением на "у". По-корякски – «волочащий по земле штаны». Тигильские же коряки называют его «кайнын-кутхо», что означает – «бог-медведь».

Так начиналось первое письмо Родиона Николаевича Сиволобова, тридцатишестилетнего жителя небольшого поселка Тилички, что стоит на берегу залива Корфа, в северной части Камчатского полуострова, у подножия диких гор Корякского нагорья.

Письмо это было направлено в адрес редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство». Ознакомил меня с ним Феликс Робертович Штильмарк, кандидат биологических наук, известный специалист по охотоведению и заповедному делу и немало походивший по лесам Сибири и Дальнего Востока.

Феликс Робертович несколькими месяцами ранее рецензировал рукопись моей книги «В краю большого медведя», в которой я рассказал, как, оказавшись случайно в горных районах Чукотки, пришел к разгадке истории о большом и страшном звере, наводившем ужас на пастухов-оленоводов. Первым попытался «разобраться во всей этой чертовщине» геолог и писатель Олег Куваев, известный своей пристрастностью к нелегким путешествиям по Северу.

Пытаясь отыскать как-то «гору из серебра», о которой будто сообщали легенды, он услышал в яранге рассказ о свирепом светлошкурном, непохожем на обычных медведей звере, время от времени объявлявшемся в горах и нападавшем на стойбища людей. Читая книги канадского натуралиста Фарли Моуэта, он обратил внимание, что о подобном страшилище рассказывают и эскимосы Аляски. А столкнувшись с книгой бельгийского ученого Бернарда Эйвельманса «Следы невиданных зверей», Куваев выдвинул версию, что в горах Чукотки сохранился неведомый науке зверь.

Он предположил, что этот медведь-бродяга перебирается по льдам Берингова пролива с Аляски на Чукотку и возвращается обратно, отчего и редки бывают с ним встречи. Об этом и о своем путешествии на озеро Эльгыгытгын, где он надеялся повстречаться со зверем, Куваев рассказал в нескольких номерах журнала «Вокруг света». С тех пор и пошла ходить если не по свету, то уж, во всяком случае, по Чукотке молва о необычном огромном медведе. Мне самому пришлось доставлять писателю сообщения о «светлошкурых гигантах», встречавшихся геологам. Но разобраться до конца с причиной возникновения рассказов о необычном звере у пастухов Олег Михайлович так и не успел. В самом расцвете сил, собираясь отправиться в плавание на небольшом суденышке вдоль берегов Сибири, он внезапно скончался. Не выдержало, как сказали врачи, перегрузок сердце.

А спустя несколько лет, прилетев в поселок Шарково, что стоит на берегу реки Анадырь, едва ли не в самом центре Чукотского полуострова, не без подсказки одного из охотников я пришел неожиданно к выводу, что свирепый светлошкурый гигант отнюдь не выдумка. Это реально существующий зверь: белый медведь!

В тот год, весной, сразу три огромных белых медведя подошли к этому поселку, приведя в волнение жителей. Один из них напал на охотника, второй прибил собаку, а третий ушел нетронутым к озеру Эльгыгытгын, где, как утверждал Куваев, белые медведи не могут появляться. Такое заблуждение для него, небиолога, простительно. В то время широкой публике мало было известно о белом медведе. Лишь биологи, занимавшиеся изучением этих зверей, знали о том, что заходы белых медведей в горы Чукотки нередки. Во время охоты на тюленей вместе со льдами они попадают в Берингово море, а затем, твердо держа направление, возвращаются через полуостров в родную Арктику. Во время этих переходов, оказавшись в непривычной для себя стихии, они, подолгу живя впроголодь, и ведут себя нередко весьма агрессивно. Разоряют лабазы охотников и рыбаков, наводят сумятицу в стойбищах оленеводов, даже, бывает, нападают на людей.

Того же мнения, как оказалось, с давних пор придерживался и Савва Михайлович Успенский, известный специалист по белым

медведям. Куваевская версия, таким образом, оказалась несостоятельной. С моими доводами согласился и Ф. Р. Штильмарк, написав положительную рецензию на мою книгу. Но когда рукопись ушла в производство и с загадкой «очень большого медведя», казалось, было покончено, тут-то и объявилось письмо Сиволобова.

– Конечно, – смущенно покашливая, размышлял вслух Феликс Робертович, предложив мне ознакомиться с письмом, – сообщеньице это надо бы проверить. Отправим на консультацию профессору Верещагину, нашему главному специалисту. На Камчатке я не был, с медведями тамошними не знаком, да и заявление выглядит фантастично на первый взгляд. Среди так хорошо изученных животных – и вдруг неизвестный науке вид! Но... Чем, как говорится, черт не шутит. Вдруг этот иркуйем и есть тот самый громадина, которого искал в горах Чукотки Олег Куваев!

Профессор Верещагин спустя некоторое время опубликовал ответ на это письмо в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Начал он с рассказа о том, что к нему в Зоологический институт Академии наук в Ленинграде почти ежедневно звонят, пишут, приходят люди, «тронутые реликтовым зудом». Один пожилой инженер на полном серьезе уверял, что знает и видел сам небольшого «динозавра метра полтора толщиной», уползавшего в расщелину обрыва речки Оредеж, к западу от Ленинграда. Другой – корреспондент какой-то многотиражки – доказывал полную достоверность обитания крокодила в водоемах и прибрежных кустарниках на Южном Урале в Башкирии. Третий – из Челябинска – страшно разобиделся и перестал писать, когда профессор осмелился не поверить его заверениям, что в озерах правобережья Иртыша за Тобольском живет то ли бегемот, то ли морж. А бывший начальник геологоразведочной партии с пеной у рта доказывал, что в одном из озер приохотской земли водится огромная касатка. Она даже утопила однажды санный караван, разломав лед, когда один из каюров стал непочтительно рубить ее торчащий из льда спинной плавник-косу...

Были, припоминал ученый, и другие не менее занятные заявления. Но во время разговора с Феликсом Робертовичем я об этом еще не знал. И хотя всегда со скепсисом относился к

мелькавшим в прессе сообщениям о Несси, «снежных людях» и подобных чудесах, раз и навсегда решив для себя: то, что невозможно снять на фото-, кино- или видеопленку, не может существовать, пообещал ученому попытаться разобраться и в этом деле.

Незадолго до этого мне довелось побывать на Камчатке, провести несколько дней в Тиличихах. Вместе с районным охотинспектором я облазил окрестные горы и речки. Целью моих поисков в тот раз были гнезда хищных птиц, но и бурыми большими тамошними медведями пришлось заинтересоваться. Не раз они встречались на нашем пути. Около десятка зверей довелось мне наблюдать там замееёц, нёйботорых удалось сфотографировать. С разными людьми за время этого странствия приходилось встречаться, с кем только не разговаривать: и с охотниками, и с рыбаками, и с пастухами-оленеводами. Но ни разу за все это время я не слышал о диковинном, столь необычных форм огромном звере. Будто и не существовало там его. А заявитель уверял, что «написать обо всем, что ему об этом звере известно, невозможно, для этого потребуется много страниц». Вкратце же он сообщал пока вот что:

«...В течение нескольких лет я собираю опросные данные об этом звере. До появления на севере нашего полуострова нарезного оружия этих животных, вероятно, было немало, но затем каждая встреча с человеком оказывалась для иркуйема последней. Большой вес, широкая расстановка ног, маленькие задние ноги не давали возможности зверю быстро и вовремя скрыться при встрече с людьми. Есть сведения, что такого медведя, приняв его за „урода“, лет десять назад добыли геологи. Но в основном эти звери встречаются оленеводам. Так, судя по довольно-таки достоверным рассказам, их добывали в 1976, 1980, 1982 годах в Олюторском, Карагинском, Тигильском районах. Из всего этого следует, что в ближайшие годы зверь бесследно исчезнет. Два года я предпринимал попытки его отыскать, но проникнуть туда, где его можно найти в течение одного полевого сезона, можно только на вертолете, а у меня его, увы, нет».

О себе, своей профессии человек этот не сообщил ничего, кроме того, что он родился в поселке Ветвей.

Но как раз это-то и заинтриговало меня более всего. Полузаброшенный поселок этот стоит среди пойменных диких лесов в среднем течении реки Вывенки. Мне довелось там бывать, и не стоило закрывать на миг глаза, чтобы припомнить путешествие по этой реке, где и в наши дни можно увидеть росомаху и удирающего от нее зайца, занятого рыбной ловлей бурого медведя, дарящего белохвостого орлана. Медведей в тех местах что комаров, как говорят местные жители. И если даже отбросить, как несерьезное, заявление Сиволобова о том, что иркуйем – неизвестный науке вид, то что-то неожиданное из жизни бурых камчатских медведей, показалось, будет можно узнать.

Я отправил в поселок Тилички два письма, одно – Сиволобову, воспользовавшись его заверением, что у него собран огромный материал об удивительном животном. Я просил его, не ограничивая себя размерами, написать поподробней обо всем: как, когда, от кого, при каких обстоятельствах он впервые услышал рассказы о звере, постараться привести в подробностях рассказы людей об иркуйеме, обещая опубликовать эти материалы в журнале. Заодно поинтересоваться, намерен ли он сам взяться за поиски зверя, и предложил на всякий случай свою помощь.

Второе письмо отправил давнему приятелю Рушану Абзалтдинову, районному охотинспектору, вместе с которым бродил по горам полуострова Говен, отыскивая гнезда белых кречетов, а затем кормил мошку в лесах по реке Вывенке и ее притоку Ветвею, где выслеживал тоже белых, но только крупных камчатских ястребов. Во время этих скитаний у нас с Рушаном родился план пройтись по камчатским рекам еще раз, но тогда уж не за птицами, а только для того, чтобы светлыми ночами понаблюдать за бурыми медведями во время массового хода рыбы к местам нерестилищ. Я уже и пленку высокочувствительную для съемки достал, но то непогода, то неотложные дела мешали осуществить задуманное, и, поинтересовавшись, не перегорел ли мой приятель, задал вопрос, что думает он по поводу иркуйема, о котором его сосед по поселку шлет письма в редакции журналов и Академию наук.

Ответ Родиона Николаевича пришел быстро. В письме была пачка фотографий. На них он запечатлел свою жену и маленького сына на

фоне отменно выделанной медвежьей шкуры. Себя рядом с подстреленным довольно больших размеров бурым мишкой. И еще себя у туши медведя, с которого уже содрали шкуру. С давних пор я не занимаюсь охотой, запретив себе когда-либо брать в руки ружье, охочусь за животными лишь с фотоаппаратом, и, честно признаться, разглядывать подобные фотографии не люблю. Были в письме и еще снимки. Фотоэтюды с лайкой, у костра, на фоне пустынной реки, с добычей – подвешенным за ноги зайцем, но для меня в данном случае они также интереса не представляли. А в письме Сиволобов сообщал, что взяться за написание очерка для журнала об иркуйеме он наотрез отказывается. «Создавать сенсацию из ничего, – пояснил Сиволобов, – было бы неуважением к читателям журнала „Вокруг света“, которым являюсь и я. Любителей подобных сенсаций было немало, и у меня нет желания становиться в одну шеренгу с ними („снежный человек“, лох-несское чудовище, якутский чучунаа...). А вот ваше желание принять участие в поисках иркуйема мне понравилось. Но, – предупреждал он, – напарник мне нужен такой, который смог бы находиться в тундре в жару и в дождь, среди туч комаров и мошки и передвигаться при этом по болотистой жиже, затягивающей ноги, как тесто, с рюкзаком весом 25-20 кг. И это не в течение двух-трех дней, а полный месяц, когда все медведи будут привязаны к нерестовым речкам...»

Отказ поделиться с читателем собранным материалом и это его предупреждение о предстоящих трудностях меня несколько удивили, ибо я сообщил, что не раз бывал в знакомых ему местах. Волновало же Сиволобова больше всего то, что не удастся ему никак получить лицензию на отстрел иркуйема. Летом охота на бурых медведей, как известно, запрещена, а как раз в это время он и может отправиться на его поиски. Обращался он за разрешением к охотинспектору Абзалтдинову, но тот оказался якобы не тем человеком, который смог бы вникнуть в серьезнейшую проблему. На первом месте, жаловался Сиволобов, у него музыка, на втором – подруга, а потом уже все остальное.

В конце письма Сиволобов сообщал, что ему стало известно о том, что оленеводы из совхоза «Корфский» осенью убили иркуйема. Он собирается предпринять поездку в поселок Хаилино, чтобы как

следует все разузнать и постараться достать хотя бы шкуру. О результатах предприятия мне непременно сообщит.

В ответном письме я постарался убедить Сиволобова, что могу быть ему напарником, выслал снимки бурых медведей, которых снимал неподалеку от его родного поселка. Объяснил, что раз уж я буду с фотоаппаратом, то незачем иметь лицензию на отстрел. Сфотографируем, покажем снимки ученым, пусть решают, новый ли это вид, а уж тогда, если это на самом деле будет нужно, заведем разговор о выдаче лицензии.

Вскоре я получил и весточку от Абзалтдинова. Охотинспектор сообщал, что тяжело болел, перенес операцию, едва на тот свет не отправился, а потому и долго молчал. К весне он надеется набраться сил, окончательно оклематься и отправиться со мной на моторке по рекам фотографировать медведей. Что же касается «чуда-юда медведя шибко большого», о котором во все концы трезвонит Сиволобов, то сам он в это давно не верит.

Поначалу-то, признавался в письме Рушан, и он было возгорелся, стал расспрашивать о боге-медведе у всех охотников. Многие из них провели на Камчатке лет по двадцать, но все в один голос заявляли, что хотя и встречались им порой очень большие звери, но таких, чтобы с курдюком, коротколапых и очень жирных, не попадалось.

Не так давно в верховьях реки Куктушной видели медведя, спина которого возвышалась над кустарником. А кустарник – по грудь мужчине-охотнику. То есть зверь был в холке не менее полутора метров, а это уже огромный медведь. Можно представить, каким он огромным покажется рядом с человеком, если встанет на задние лапы. Размерами он мог, пожалуй, сравниться с американскими гризли, кадьяком – самыми крупными бурыми медведями. И таких особей на Камчатке еще встречается немало, считал охотинспектор. Приходилось ему видеть и фотографии, и шкуры зверей, но все это обычные бурые медведи. Вот и думает он, что нет у них в горах никакого иркуйема. Такого же мнения и охотоведы из Камчатского отделения ВНИИ охоты и звероводства, а уж им ли не знать о существовании малоподвижного гиганта!

Во время медвежьих свадеб, когда за самкой ходят несколько зверей-самцов, припоминал в письме охотинспектор, ему

приходилось видеть непривычных взору могучих зверей, поджарых, с необычно длинными ногами. Вполне возможно, допускал он, что осенью, во время обильных рыбных пиршеств, такие огромные самцы могут объедаться так, что какое-то время даже и не в состоянии нормально передвигаться. Не таких ли зверей коряки и прозвали иркуйемами? Но и это всего лишь его предположение.

О Сиволобове Рушан не пожелал много писать, но и не скрыл недовольства им как охотником. Есть у него подозрения, что не во всем соблюдает тот правила, а соблюдать их ему придется. Охотой он занимается как любитель, а работает в поселке в пожарной части шофером. Поискам иркуйема он никак не препятствует, но требует только, чтобы вел их, не нарушая законов, запасшись соответствующим разрешением. А более всего ему не нравится то, что Сиволобов «на каждом углу теперь заявляет, что прославится обязательно, будут про него писать в газетах и журналах».

Рушана я знал как человека до наивности честного и порядочного, с доводами его трудно было не согласиться, и, наверно, я поставил бы точку на поисках иркуйема, но тут и появилась статья профессора Верещагина, о которой я упоминал вначале.

Рассуждая о том, надо ли относиться скептически ко всем фантастическим идеям, предложениям, поискам, как бы наивны они ни были и какие бы иронические улыбки ни вызывали, профессор сослался на ученого и фантаста Ивана Антоновича Ефремова, который писал, что не следует отнимать у публики полет фантазии, веру в существование таинственных сил и загадок бытия. Это все равно что «отнимать у детей любимую игрушку». И Верещагин, следуя избранному правилу, так высказался о сообщении Сиволобова:

"Как известно, у Берингова пролива, на Чукотке и Аляске, островах Алеутской гряды живут самые крупные в мире бурые медведи, – писал он в журнале «Охота и охотничье хозяйство». – Отъевшись на нерестящихся лососях и пышной траве, они достигают веса 500-600 кг. Отсюда у нас в Зоологическом институте хранится большая серия черепов, собранных в 90-х годах прошлого столетия Н. Гребницким.

Что же за зверь, о котором сообщает Сиволобов? Весит он будто до полутора тонн, а высота его в холке достигает 1,5 метра. Быть

может, это просто сильно откормившиеся особи бурого медведя? Но почему тогда они ни разу не попались ученым?

Всего 10-12 тысяч лет назад, – развивал свою мысль ученый, – в Северной Америке от Аляски до Калифорнии бродили последние экземпляры гигантского короткомордого медведя «арктодус симус». Американские ученые считают, что арктодус был крупнейшим наземным хищником века млекопитающих кайнозоя, грозой всех тогдашних копытных Америки – от лошади до бизона. Представьте себе чудовище высотой в холке два метра, весом около двух тонн, с черепом длиной 45 сантиметров.

Что, если арктодус, угаснув в Америке, сохранился до наших дней на Чукотке и Камчатке? А иркуйем не что иное, как измельчавший потомок арктодуса?! Это была бы превосходная разгадка. Я, конечно, написал Родиону Николаевичу и попросил прислать хотя бы один зуб или обломок косточки иркуйема со стойбища оленеводов. Поживем – увидим, но пока нужна широчайшая информация и призыв к охране последних гигантов".

Хитроватые рассуждения ученого, большого, известного на весь мир специалиста, не повлияли на мою убежденность в существовании иркуйема. Профессор не стал «отнимать игрушку», мило пофантазировал. Мне довелось читать, что заселение людьми Северной Америки началось, как считают американские ученые, 11 тысяч лет назад. После того, как там вымерли саблезубые тигры, львы, волки и другие страшные хищники, в том числе и арктодус симус. Этот огромный медведь, столкнувшись с которым, как считали ученые, потерпел бы поражение любой человек, особенно, как подчеркивалось, на открытом пространстве, где спастись от него было просто невозможно. И попади этот зверь на Чукотку в силу каких-либо обстоятельств, превратился бы он в жирную неповоротливую улитку. Кстати, крупные хищники, как считали те же ученые, вымерли в связи с изменением климата, ставшего для них губительным.

Однако Родион Николаевич от своего не отступал. Вскоре я получил еще одно письмо с фотографией шкуры бурого медведя, растянутой на стене сарая. С виду это была самая обычная медвежья шкура, но Сиволобов не сомневался – иркуйем! Он указывал на

выступы между конечностями, на необычное расположение хвоста, что могло подтвердить наличие курдюка. Длина шкуры, сообщил он, – 235 сантиметров, размах передних лап – 300, весил медведь, как предполагал хозяин, примерно 500 кг. И хотя все эти данные не соответствовали размерам зверя в два раза более обычного, весом в заявленные первоначально полторы тонны, но наиглавнейшим доказательством, как считал Сиволобов, была шерсть. Она совсем не походила на шерсть обычного медведя. Пучок этой шерсти Сиволобов вложил в письмо и просил передать специалистам для анализа.

Шерсть, снимок и письмо я передал Валентину Сергеевичу Пажетнову, известному знатоку бурых медведей. А Родиону Николаевичу в письме пересказал его сомнения насчет иркуйема, который если и выделится из семейства бурых медведей, то, скорее всего, как подвид, а не самостоятельный вид. Ведь и такие необычные медведи Америки, как гризли, как, впрочем, и все остальные, отнесены к одному виду бурый медведь. А как сказал Пажетнов, подвидов бурых медведей в Америке некоторые ученые насчитывают около пяти десятков. Более того, не удержался я, разговор идет только лишь об огромном медведе, но если это самостоятельная порода, то должны быть и иркуйемицы-самки, и иркуйемежата-медвежата. А о них пока и речи не ведется, нет ни единого упоминания.

"Честно признаться, – ответил мне вскоре Сиволобов, – я был немного огорчен последним Вашим письмом, а именно тем, что Вы утверждаете о невозможности обитания в наших краях неизвестного науке зверя. Но я, наверно, больше удивился бы, согласись Вы со мной, так как начинал искать единомышленников среди местных охотоведов, затем в Камчатском отделении ВНИИ охоты и звероводства и в конце концов дошел до АН, и в большинстве случаев в ответ мне покручивали пальцем вокруг виска...

Я затратил на поиски этого медведя и его шкуры много личного времени и средств, но не жалею об этом, а люди, которые по роду своих занятий должны бы им заинтересоваться, проявляют удивительное равнодушие. Данный экземпляр, шкура которого находится у меня, был добыт оленеводом 10-го звена оленесовхоза

«Корфский», село Хаилино. Но мне пришлось лететь за шкурой в Паратунку, на юг Камчатки, так как из Хаилина ее успели переправить туда. И вот результат... Мне довелось видеть много медвежьих шкур. В этой я сразу заметил несоответствие пропорций для обычного медведя, значит!.. Все же ученые должны разобраться, последнее слово за ними".

Я тоже ожидал результата оценки ученых, ждал письма от Пажетнова, но раньше получил еще одно послание от Сиволобова:

"Пишу Вам внеочередное письмо, так как получил от Верещагина с промежутком в пять дней письмо и почтовую открытку. И так как волею случая я затравил вас этим медведем, считаю нужным и в дальнейшем держать в курсе событий. Вот вкратце содержание письма: судя по фото, подчеревок у мишки был чудовищно необычный, окрас головы – белесый, морда нестандартная. Уродливо короткие задние ноги. Зверь был медлительный, мирный. Макро- и микроскопическое сравнение с шерстью бурых медведей ничего путного не дало. Тем более что неизвестно, откуда взята проба. Для выводов о системной принадлежности нужен череп или хотя бы нижний или верхний зубной ряд. (А никак не фотография, подметил мне Сиволобов.)

Вот видите? То, чего не заметили вы, заметил человек, который кое-что в этом понимает. Голова действительно мала для медведя таких размеров, да и ухо опущено ниже, расстояние от глаза до уха меньше, чем у бурого медведя. Ну а в задней части шкуры различие сильно выделяется.

Содержание открытки: «Если по исследованию черепа и зубов иркуйем окажется действительно новым видом, то шкура его, безусловно, должна храниться в центральном музейном собрании с указанием первооткрывателя, то есть Вас. Поэтому поберегите ее для дальнейшего выкупа. Иркуйема для потомков назовем *Ursus sivolobovi* („Медведь Сиволобова“. – Авт.), если Вы не возражаете, конечно. Было бы неплохо организовать на поиски черепа и костей специальную экспедицию, пока останки не уничтожили хищники или их не унесло водой».

Такое обращение профессора уже не воспринималось как игра в фантазию, и, по правде говоря, меня несколько ошарашило, ибо

перед этим я успел получить отзыв Пажетнова, который писал, что «не допускает мысли, что на Камчатке есть еще какой-то подвид медведя, кроме всем известного бурого». Но в то же время и он, хотя считал позицию эту теоретически шаткой, допускал, что при определенных барьерах, не допускающих смешения с обычным бурым, другой подвид мог в принципе и существовать. А Сиволобов в конце письма вместо надоевших мне фото убитых медведей изобразил пером с особой тщательностью коротконового с отвисшим до земли брюхом-курдюком иркуйема. В фас и в профиль. Зверя нарисовал ему корякский художник Кирил Васильевич Килпалин, одиноко живущий на реке Вывенке. А когда этот рисунок, сообщил Сиволобов, он показал в корякской семье Калык, то старички-хозяева в один голос воскликнули: «Иркуйем! Точно такой, какого мы и видели». Но видели они его лишь раз и давно.

Что же касается медвежат, заверил меня Сиволобов, то их и медведиц из рода иркуйемов также видели. Встретили однажды все семейство неподалеку от Хаилина. У него имеются и фамилии людей, повстречавшихся со зверями. Есть, мол, и это доказательство, что иркуйемы самостоятельный вид. Осталась теперь самая малость: заполучить в свои руки череп. И с делом этим он уж как-нибудь теперь справится. В предвкушении скорого успеха он делился в письме предстоящими планами: вначале отправится в Хаилино искать череп, а затем и самого зверя. Мне же оставалось сожалеть, что я не смогу отправиться вместе с ним.

С тех пор минуло два лета. На Камчатку я так и не выбрался. Хотя не раз, списываясь с Рушаном, строил планы путешествий по камчатским рекам за фотографиями бурых медведей да прояснением загадки иркуйема. Хотелось самому встретиться и поговорить с людьми, на рассказы которых ссылался Сиволобов. Но то одно, то другое непредвиденное обстоятельство заставляло откладывать поездку, переносить ее на следующий год. Череп же или хотя бы зуб пока так и не был найден.

Абзалтдинов уже не был районным охотинспектором. Стал работать простым охотником, и «помог» ему в этом Сиволобов. За это время он стал если не знаменитым, то достаточно известным. Про него, открывателя иркуйема, часто писали местные газеты, сделало

передачу телевидение, наконец, рассказала газета «Правда». «Идущий за тайной» – так был назван репортаж.

– Мне в общем-то все равно, – признавался Родион Николаевич, – кем является на самом деле иркуйем: просто крупным медведем или потомком вымершего арктодуса. Главное – приоткрыть завесу тайны над этим загадочным существом, добыть о нем правдивую информацию...

– На этот раз иду в тундру не один, с напарником, – сообщал он. – Если потребуется, не пожалею для поиска и своего отпуска. Не принесет результатов нынешняя экспедиция – предприму новые. Нам, живущим во второй половине двадцатого века, не простят потомки полного исчезновения столь необычного представителя животного мира. Опасность же подобная существует. Именно потому я и собрался в дорогу...

Немудрено, что местные власти стали относиться к нему с большим почтением. А районный охотинспектор, этот неисправимый меломан, как и прежде, стоял на своем: в летнюю пору – никаких лицензий на отстрел медведя! Сиволобов своими жалобами к вышестоящему начальству добился присылки в Тилички проверяющего, и хотя уличить в каких бы то ни было неправых действиях районного охотинспектора не удалось, но «мышинная возня», как признался в письме Рушан, ему так надоела, что он решил уйти в охотники. И не жалел, считая эту профессию прекрасной. «Если быть истинно охотником, а не уничтожителем», – прибавлял при этом он.

Но поискам черепа иркуйема отставка охотинспектора успеха не прибавила. Выросло количество очевидцев, уверявших, что встречали иркуйема. Двое охотников пожертвовали шкуры застреленных ими необычных зверей с укороченными задними лапами. Сиволобов прислал мне фотографию: четыре медвежьих шкуры, вывешенных на заборе в ряд. Среди них была шкура обычного медведя, три – иркуйемов. Разница имелась, но Верещагин продолжал твердить свое: нужен череп, хотя бы косточка. А его-то, как это ни странно, потому что обычно охотники чаще всего предпочитают сохранить череп, ни один из охотников представить не мог. Шкура с выделанным черепом значительно дороже ценится.

С Сиволобовым я встретился в Москве. Он прилетел купить для охоты породистую лайку. Роста он оказался невысокого, из породы людей, про которых принято говорить – юркие. Выработавшийся, очевидно за последние годы, апломб в разговоре был хорошо заметен. Верным он считал прежде всего собственное суждение и не желал слушать каких-либо моих возражений. Охотником он оказался страстным. На хорошую собаку денег не пожалел. А медведей, не скрывал, за свою жизнь успел не один десяток уложить. В существовании иркуйема он был уверен на все сто процентов. На этот раз на поиски его он брал с собой кинооператора. Рассказал, что студия «Киевнаучфильм», ознакомившись с публикациями в различных газетах, решила снимать про иркуйема фильм. Он согласился быть их консультантом и проводником. За чашкой чая, раздобывшись, Родион Николаевич пообещал пригласить в этот поход и меня. Вызвать в Тилички в нужное время. Но лето окончилось, а приглашения я не дождался. А осенью получил очередную пачку фотографий, где было немало пейзажей, гнезд канюков и даже кречетов.

«А где же иркуйем?» – послал я в ответ вопрос. «Вы спрашиваете, где иркуйем? – будто услышал я его ворчливый ответ, прочитав пришедшее письмо. Спрашивать легче, чем искать, а искать пока никто не хочет...»

В конце июля 1991 года еще один иркуйем был бесцельно убит, сообщал далее он. Произошло это в районе мыса Грозный Олюторского залива. Караулившие оленей в ночном дежурстве Туркини и Элевьи увидели, как в стадо оленей вклинился медведь уродливого телосложения. Неуклюже прыгая, он приближался в оленям, распугивая стадо. Элевьи двумя выстрелами прикончил зверя. Утром сняли шкуру, пытались ее выделать, но начались дожди, и ее, зачервелую, бросили на одной из стоянок прямо в тундре.

Узнав об этом, рассказывал в письме Сиволобов, он позвонил Верещагину. Но тот, как и раньше, пожаловался на «нищету» своей организации, отсутствие средств для оплаты вертолета. А попасть в то место можно было только на вертолете. Верещагин пообещал созвониться с коллегами из Магадана, потом перезвонить ему. И пропал. Тогда Сиволобов обратился в редакцию журнала «Охота и

охотничье хозяйство». Ведь дорог был каждый день, того и гляди, выпадет снег, а тогда разве отыщешь в тундре останки!

– В редакции меня отфутболили, – продолжал Сиволобов, – в родное Камчатское ВНИИОЗ. Когда-то и там мне отказывали в помощи, но на этот раз согласились помочь, взяв с меня слово, что я отдам им одну из имеющихся у меня шкур иркуйема. Зафрахтовали вертолет на четыре часа. Со мной за шкурой иркуйема отправился В. В. Кощеев, специалист по медведям. Залетели вначале в Хаилино за людьми, которые смогли бы указать место, где был добыт зверь. По пути забрали со стоянки размокшую плешивую шкуру, брошенную оленеводами. Ну а дальше, как всегда, началось невезение.

Вешки с белой тряпкой на конце, оставленной охотниками у туши медведя, на месте не оказалось. Оленеводы, не предполагавшие еще в эти места возвращаться, не присмотрелись в свое время к местности и никак не смогли сориентироваться. Час утюжили мы площадку примерно в один квадратный километр, но костей так и не нашли. Все поросло метровой высоты кустарником. Так, несолоно хлебавши, пришлось возвращаться.

Вот и еще один иркуйем убит, подвел итог Сиволобов, а дело о распознавании его так и не сдвинулось. В свое время, припомнил он, я предлагал профессору Верещагину взяться за оповещение всех оленеводов этого района Камчатки о ценности и редкости этого зверя, важности заполнения останков для науки. Дело было за тем, чтобы разрешить им отстрел в летнюю пору. Ведь оленеводов не менее 500 человек, и в основном они постоянно ходят по отдаленным уголкам в летнюю пору. Разрешить им отстрел официально, чтобы не хоронились потом, объясни необходимость, и пару лет назад мы бы имели не только череп, но и весь скелет. Верещагин же на отстрел никак не соглашается, продолжал развивать свою мысль Сиволобов, мотивируя это возникновением нездорового ажиотажа и ненужным уничтожением редчайших зверей. Если они есть. Но мне кажется, что в это-то он как раз и не верит. А тогда тем более, почему бы не выдать лицензию на отстрел. Видно, совсем остарел Верещагин, почти 90 лет, не скрывал раздражения Родион Николаевич. Пора бы ему на пенсию, уступать дорогу молодым. В том же письме с неодобрением прошелся и по

Валентину Сергеевичу Пажетнову. Прислал, мол, тот письмо, пообещал подключить к поиску иркуйема зоофакультет МГУ. Да так и пропал. Ни слуха ни духа.

В Олюторском районе, делал окончательный вывод Сиволобов, на сегодняшний день, по собранным им данным, имеется 4-5 разрозненных, удаленных друг от друга не менее чем на сотню километров, угасающих очагов этого непознанного зверя.

В каждом из них от нескольких по полутора десятков особей. Вероятно, два-три очага есть в Карагинском районе. Один зверь, а возможно, несколько разрозненно доживающих свой век особей остаются в Тигильском. Пора звонить во все колокола, считал Сиволобов, если мы хотим сохранить это уникальное, реликтовое существо. Он предложил мне написать обо всем этом в своем журнале «Вокруг света». Приглашал приехать, сфотографировать на цветную пленку шкуры иркуйемов, предлагал для использования всю имеющуюся у него информацию. Я подумал и... согласился.

Лететь на Камчатку показалось накладным и ненужным. В результате длительной переписки «информации» у меня скопилось предостаточно. Я сообщил об этом Сиволобову, он не возражал. Очерк об иркуйеме был поставлен в четвертый, апрельский номер. Хотелось, чтобы его прочитали оленеводы и участники всех экспедиций, отправляющихся на летние работы в отдаленные уголки Камчатки. Может, их наблюдения, выводы, находжения хоть каких-то останков зверя помогут разрешить наконец-то загадку иркуйема.

Увы, первым откликом на публикацию было письмо жены Родиона Николаевича. За использование выдержек из писем своего мужа она ни много ни мало обещала привлечь меня к суду. Этим якобы я задел честь и достоинство Родиона Николаевича. Затем пришло на имя главного редактора и возмущенное письмо самого Сиволобова.

В своем очерке я предоставил возможность высказаться по поводу существования иркуйема не только ему, но и воспроизвел слова профессора Верещагина, высказывания охотинспектора Абзалтдинова. Это-то и задело неугомонного жителя Тиличик.

Об иркуйеме на этот раз не было сказано ни слова. Как можно было предоставлять на страницах журнала слово Абзалтдинову. Он

уже давно не охотинспектор, а охотник, возмущался Родион Николаевич. Да и охотник-то он никудышный. Часами слушает музыку – меломан! Хотя из переписки с Рушаном я знал, что его вновь назначили на должность охотинспектора, он был председателем районного общества охотников. А Сиволобов опять пишет на него жалобы во все инстанции. Трудно ему работать.

Только теперь я, кажется, наконец-то и сам разглядел Родиона Николаевича. Понял, что человек этот далеко не простой, и посочувствовал Рушану. В письме в редакцию, испепелив охотинспектора, Сиволобов пояснил, в чем задета его честь.

Читателям очерка может показаться, что это он сам придумал иркуйема, а потому он требует, чтобы в следующем же номере был опубликован список фамилий всех людей, которые рассказывали ему о встрече с этим зверем. Список был довольно-таки, надо сказать, длинный. И публиковать его, конечно, не было возможности да и необходимости.

Вскоре на телеэкраны страны вышел документальный фильм Игоря Гудзеева о камчатских медведях. Его раза три показывали по телевидению, и, конечно, смотрел его и Родион Николаевич.

Показан был там он сам. Как ходит по тундре, встречается с коряками-оленеводами, записывает их рассказы о большом медведе, показывает им рисунки иркуйема и те подтверждают, что да, он такой. Но во время этих походов не то что иркуйема, обычного медведя не удалось встретить. Пришлось киногруппе обращаться за помощью к Виталию Николаенко и Игорю Ревенко, известным охотоведам и большим специалистами по фотографированию камчатских медведей. Они и помогли хорошо снять на пленку очень крупных зверей во время рыбалки. Объяснили, как вести при этом себя людям, чтобы не вызвать нападения, а заодно и ответили на вопрос, верят ли они в существование иркуйема. Оба отнеслись к этому отрицательно. Нет в их краях никакого иркуйема!

Не обошли в фильме и стороной Рушана Абзалтдинова. В то время бедовавшего на берегу Олюторского залива простым охотником. Игорь Гудзеев, режиссер, по возвращении с Камчатки в разговоре со мной высказался о нем как о наиболее грамотном, образованном специалисте. Никак не унижая чести и достоинства Сиволобова,

признавшись, что когда-то и сам был готов встать на сторону этого охотника, Рушан высказался в этом фильме так, что «иркуйем» не что иное, как результат инбридинга, близкородственного смешения. То есть – урод. Потому-то время от времени в их краях появляются такие звери и исчезают вскоре как не приспособленные к активной жизни. Но это, сказал он. его версия, и она еще нуждается в подтверждении.

Должно быть, фильм этот утихомирил пыл жены Сиволобова, и я не получил повестки с вызовом на суд. Откликов на публикацию пришло немного. Писали читатели из Болгарии, Москвы и других городов, но не пришло почти ни одного письма от жителей Камчатки. Отклики были разные: с заинтересованностью, сомнениями и даже с издевкой. Все эти письма по мере поступления я пересылал в Тилички. Но от Сиволобова я получил лишь одно письмо. Пришло оно глубокой осенью.

Признался, что не все в моей публикации ему понравилось: не к чему, считал он, было приводить высказывания Верещагина и Абзалтдинова, а надо было написать просто, что вот, мол, есть три шкуры и много устных заявлений, и это помогло бы лучше продвижению дела по поиску иркуйема.

В существование его он верит по-прежнему, а на вопрос, почему оленеводы до сих пор так и не могут сохранить кости и череп зверя, отвечал, что повинна в этом прежде всего их темнота и необразованность. В которой, кстати, виноваты мы сами. Пора бы с большим вниманием относиться всем нам к этим малым народам.

На базе Камчатского отделения ВНИИ охоты и звероводства, сообщал с нескрываемой радостью он, создана новая научная организация, и В. В. Кощеев получил задание заняться исследованием медведей северных районов Камчатки. На полеты выделены средства, и начинается настоящая работа по поиску иркуйемов.

Читая эти строчки, я подумал, что публикация в журнале очерка, следовательно, не прошла даром. В скором времени исследователи отправятся на обследование окрестностей озера Потаггытхын, бухты Сомнения, где встречали диковинных зверей. А со мной, пояснил Родион Николаевич, бумажную полемику он решил навсегда закончить. Так как не видит в этом никакого смысла. Вот так.

Пролетело еще одно лето. На Камчатку я выбраться так и не смог. На мое следующее письмо ответа от Сиволобова уже не пришло. Видно, твердо решил держать данное слово. Слышал я, что им крепко заинтересовались криптозоологи, ученые, которые верят, что не все еще в нашем мире познано, не теряют надежды на открытие неизвестных науке существ. В газетах промелькнуло сообщение, что едва ли не сам Верещагин препятствует обнаружению иркуйема. И в результате прошел слух, что Сиволобов, так и не дождавшись разрешения на отстрел, выследил-таки и застрелил иркуйема. Рушан на мой запрос ответил, что об этом ему пока ничего не известно. Но слышал он, что какой-то найденный череп камчатские охотоведы отвезли специалистам в Москву, а там таких черепов оказалась уйма. Выяснилось, что череп обычный, принадлежавший бурому медведю.

Пожалуй, можно было бы на всей этой истории поставить точку. Но оказывается, как и ребенку трудно расстаться с интересной игрушкой, не легко стало и мне смириться с мыслью, что «волочащего по земле штаны» и «бога-медведя» не существует. Может, неверны все разумные доводы прагматичных специалистов, живет где-то в самых потаенных уголках Корякского нагорья медлительный и неповоротливый зверь иркуйем.

Время идет. С тех пор минуло уже не одно лето. Но каких-либо новых сведений об этом с Камчатки больше не приходит...

ДЕЛО О СТЕЛЛЕРОВОЙ КОРОВЕ

Лет 15 назад (старожилы редакции журнала «Вокруг света» помнят!) стали приходить в журнал удивительные сообщения с Дальнего Востока. Будто бы видели люди в разных местах побережья – на Камчатке, у Командорских островов да и в других районах... стеллеровых коров. Да-да, тех самых несчастных морских исполинов, кои пали жертвой неумных appetитов промысловиков во второй половине далекого XVIII века. Вообще-то эта тема в официальной зоологической науке считается «закрытой» и вызывает раздражение у ученых. Негативное отношение к подобным наблюдениям высказывали зоологи В. Е. Соколов, В. Г. Гептнер, С. К. Клумов и другие. Автора одного из сообщений, относящегося в 1966 году и опубликованного в газете «Камчатский комсомолец», просто подняли на смех. Речь шла о таинственных темнокожих животных, замеченных на мелководье с корабля у мыса Наварин, северо-восточнее Камчатки.

И тут – снова письмо... Метеоролог В. Ю. Коев написал в адрес сывинара «Экология непознанного» при редакции целое послание: так много накопилось у него всяких интересных и, надо сказать, точных сведений о природе Камчатки, о различных непознанных явлениях. Но нас сейчас интересуют вот эти строки:

«Могу утверждать, что в августе 1976 года в районе мыса Лопатка видел стеллерову корову. Что мне позволяет сделать подобное заявление? Китов, косаток, тюленей, морских львов, котиков, каланов и моржей видел неоднократно. Это же животное не похоже ни на одно из вышеназванных. Длина около пяти метров. Плыло на мелководье очень медленно. Как бы перекачивалось наподобие волны. Сначала появлялась голова с характерным наростом, затем массивное тело и затем хвост. Да-да, что и привлекло мое внимание (кстати, есть свидетель). Потому что когда так плывут тюлень или морж, задние лапы у них прижаты друг к другу, и видно, что это лапы, а у этой был хвост наподобие китового. Такое впечатление, продолжает автор письма, что выныривала каждый раз животом

вверх, медленно перекатывая свое тело. И хвост ставила наподобие китовой „бабочки“, когда кит уходит в глубину...»

Предвижу гневные возгласы ученых: «Сколько же можно реанимировать давно и прочно исчезнувшее с лица земли животное!», «Мало ли что пригрезится человеку!» Но давайте все же подождем с категоричными выводами, а вместо этого вернемся в тот самый достопамятный 1741 год, с которого и началась эта удивительная и трагическая история.

(Нам помогут в воссоздании истории открытия и исчезновения стеллеровой коровы биограф Георга Вильгельма Стеллера – Леонгард Шаттнегер, а также П. Пекарский, автор «Архивных разысканий об изображении несуществующего животного *Rhytina borealis*», опубликованных в «Приложениях к XV тому Записок императорской Академии наук», 1, СПб, 1869).

Во вторник, 4 июня 1741 года, пакетбот «Святой Петр» поднял паруса в Петропавловской гавани на полуострове Камчатка. Судном, которое плавало под русским флагом, командовал Витус Беринг, а целью плавания было исследование самой северной кромки Тихого океана. Прежде всего, было необходимо выяснить, существует ли сухопутная связь между Сибирью и Америкой. Сам командор и почти половина его экипажа больше никогда не вернулись на русскую землю.

На борту «Святого Петра» среди его экипажа, состоявшего из 78 человек, находился и немецкий врач и естествоиспытатель Георг Вильгельм Стеллер. Беринг попросил его присоединиться к экспедиции в последний момент, когда внезапно заболел судовой хирург Каспар Фейге.

Первая часть путешествия прошла успешно. Беринг удачно высадился на западном побережье Аляски. Стеллер стал первым естествоиспытателем, ступившим на эту неизвестную землю.

Но потом разыгралась трагедия. Когда судно уже повернуло домой, среди экипажа разразилась цинга, этот самый страшный враг первых полярных исследователей. 4 ноября вдалеке в тумане замаячил какой-то высокий, негостеприимный берег, и моряки вначале обрадовались, полагая, что это материк. Но после наблюдений за положением солнца осознали, что они все еще

находились на расстоянии сотен миль от Камчатки, и радость экипажа сразу же сменилась отчаянием. Была созвана вся команда, и так как оставалось всего 6 фляг плохой воды, то было принято единодушное решение – сойти на берег острова, который сейчас носит имя Витуса Беринга. Но к этому времени уже не было достаточно сильных людей, чтобы оставить кого-то из них на борту. Приняли решение всем покинуть судно. Больные были помещены в наспех построенных хижинах и землянках, вырытых в песке, а неделю спустя «Святой Петр» сорвал якорную цепь, был выброшен северо-восточным штормом на берег и практически развалился.

При таких драматических обстоятельствах Стеллер и открыл животное, которое станет главным действующим лицом в нашей истории.

В воде при высоком приливе он заметил несколько громадных горбатых туш, которые были похожи на перевернутые вверх дном лодки. Несколько дней спустя, когда ему удалось получше разглядеть эти существа, он понял, что они принадлежат к прежде не описанному виду; это были животные, теперь известные науке под названием морская корова Стеллера.

«Если меня спросили бы, сколько я видел их на острове Беринга, то я бы не замедлил ответить – их невозможно сосчитать, они бесчисленны...» – писал Стеллер.

Северная морская корова была родственником ламантина и дюгоня. Но по сравнению с ними она была настоящим гигантом и весила около трех с половиной тонн. Относительно массивного туловища голова у нее была удивительно маленькой, с очень подвижными губами, причем верхняя была покрыта заметным слоем белой щетины, которую по густоте можно сравнить с оперением цыплят. Она передвигалась по отмелям с помощью двух культий, напоминающих лапы, расположенных в передней части ее туловища; но на глубокой воде это животное проталкивало себя вперед вертикальными ударами по воде своего большого раздвоенного хвоста. Ее шкура не отличалась гладкостью, как у ламантина или дюгоня, и на ней проступали многочисленные бороздки и морщины; отсюда и ее название «*Rythina stellerii*», которое дословно означает «морщинистая Стеллера».

«Стеллер был единственным натуралистом, видевшим это существо живым, имевшим возможность наблюдать его в природе и обследовать его строение», пишет Леонгард Штайнегер.

Места обитания его ограничивались островами, которые ныне нам известны как группа Командорских островов, в частности, остров Медный и больший по размерам остров Беринга, расположенный к западу от него. Особое удивление вызывает тот факт, что животные были обнаружены в ледовых водах, хотя, как известно, их единственные родственники целиком ограничили места своего обитания теплыми тропическими морями. Но прочная, словно кора, шкура коровы, несомненно, помогла ей сохранять тепло, от холода ее защищал и толстый слой жира. Вероятно, эти животные никогда не уходили далеко от берега, так как не могли глубоко нырять в поисках корма, к тому же в открытом море становились легкой добычей косаток. Они были абсолютными вегетарианцами, ощипывая, словно громадные стада морского скота, водоросли в северной части Тихого океана, которые растут здесь в большом изобилии.

Несмотря на свою беспомощность, безобидное животное поначалу совсем не подвергалось нападению со стороны моряков со «Святого Петра». Это врад ли можно объяснить какой-то сентиментальностью, ибо для голодного желудка в этом суровом царстве первозданных природных сил издавна заметный тучный силуэт коровы сулил поистине возделенную награду. Скорее всего, тот факт, что в течение столь длительного времени добытчики щадили этих животных, можно объяснить их физической слабостью, вызванной цингой; кроме того, более удобный и более доступный источник питания представляли собой морские выдры и каланы, которых можно было добыть в любом количестве, для чего надо было лишь спуститься к берегу и ударить зверя дубинкой по голове. Но по мере того, как здоровье людей улучшалось, а морские выдры начинали проявлять большую осторожность в общении с ними, были предприняты вполне успешные попытки несколько разнообразить меню сочными бифштексами из морской коровы и морского теленка.

«Мы ловили их, – вспоминает Стеллер, – пользуясь большим железным крюком, наконечник которого напоминал лапу якоря;

другой его конец мы прикрепляли с помощью железного кольца к очень длинному и крепкому канату, который тащили с берега 30 человек. Более крепкий моряк брал этот крюк вместе с четырьмя или пятью помощниками, грузил его в лодку, один из них садился за руль, а остальные на весла и, соблюдая тишину, отправлялись к стаду. Гарпунер стоял на корме лодки, подняв крюк над головой, и тут же наносил удар, как только лодка подходила поближе к стаду. После этого люди, оставшиеся на берегу, принимались натягивать канат и настойчиво тащить к берегу отчаянно сопротивлявшееся животное.. Люди в лодке тем временем подгоняли животное с помощью другого каната и изнуряли его постоянными ударами до тех пор, пока оно, выбившись из сил, и совершенно неподвижное, не вытаскивалось на берег, где ему уже наносили удары штыками, ножами и другими орудиями. Громадные куски отрезались от живой „коровы“, и она, сопротивляясь, с такой силой била по земле хвостом и плавниками, что от тела даже отваливались куски кожи. Кроме того, она тяжело дышала, словно вздыхала. Из ран, нанесенных в задней части туловища, кровь струилась ручьем. Когда раненое животное находилось под водой, кровь не фонтанировала, но стоило ему высунуть голову, чтобы схватить глоток воздуха, как поток крови возобновлялся с прежней силой...»

Несмотря на чувство жалости, которое вызывает этот рассказ, нельзя упрекать несчастных людей в том, что они таким способом приготавливали себе сочные бифштексы, которые стали наградой за их нечеловеческие усилия. Они использовали морских коров в пищу только несколько недель – до того, как отправились на вновь отстроенном «Святом Петре» на материк. Сомнительно, что моряки экспедиции сыграли большую роль в их уничтожении. Но затем начались события, которые вряд ли можно чем-то оправдать...

Когда потерпевшие неудачу моряки вернулись на Камчатку, то привезли с собой около 800 шкурок морских выдр. Это был очень дорогой товар, и вскоре начали распространяться слухи, что на Командорских островах в изобилии водятся пушные звери. Острова Медный и Беринга стали штаб-квартирами процветающей восточной торговли пушниной, и для любителей статистики можно сообщить, что за несколько лет массовый забой в этом районе,

осуществленный, кстати, только тремя охотниками, исчислялся 11 тысячами лис и тысячей каланов. Морская корова не пользовалась такой славой, и шкура ее не очень ценилась. Но охотникам и морякам, которые появлялись в этих местах, все еще требовалось свежее мясо. А добывать его, как мы уже увидели, было несложно. Неудивительно, что последовавший за этим массовый забой поставил это медлительное, туго соображающее, но совершенно безобидное животное на грань полного уничтожения.

Последняя морская корова, как принято считать, была убита на острове Беринга в 1786 году, всего 27 лет спустя после открытия этого вида животных. Однако в 1879 году шведский профессор А. Норденшельд собрал свидетельства, показывающие, что это животное, вероятно, уцелело до значительно более позднего периода, чем обычно считали. По некоторым данным, еще долго люди продолжали уничтожать морских коров, когда они, ни о чем не помышляя, мирно паслись на своих лугах морских водорослей. Их шкуры использовались для сооружения легких лодок – типа «скифов». А два русско-алеутских креола утверждали, что на побережье острова Беринга еще в 1834 году видели тощее животное с конусообразным туловищем, маленькими передними конечностями, которое дышало ртом и не имело задних плавников. Все эти наблюдатели были знакомы с каланами, тюленями и моржами, а также с другими местными животными, с которыми они не могли никого спутать. Вполне вероятно, что «корова» существовала в этом районе и сто лет спустя. А может, то была самка нарвала? Кто знает...

Есть ли надежда? По мнению зоологов, повторяем, ни малейшей. А криптозоологи считают – есть. Открытия неведомых животных на планете еще продолжают, да и старые, «похороненные» уже виды, случается, открывают заново. Взять хотя бы кэхоу – бермудского буревестника, или нелетающую птицу такахе из Новой Зеландии...

Но стеллерова корова все же не иголка в стоге сена. Что, если представить себе такое: нескольким парам капустников удалось укрыться от ненасытных охотников в далеких тихих бухтах и пережить кровавую бойню?.. Преследование пошло на убыль. О

коровах забыли. Стадо росло, расселялось по побережью, выбирая самые глухие, заброшенные уголки...

Господи, если бы это на самом деле было так!

МОКЕЛЕ-МБЕМБЕ И ДРУГИЕ ЖИВЫЕ ДИНОЗАВРЫ

Мировая печать сообщила о нем впервые в начале 60-х годов. На страницах газет и журналов появились заголовки «Охота на мокелембембе», «Еще одна Несси», «Последний бронтозавр» и другие. Мнения ученых тут же разделились. Большая часть с уверенностью сказала «нет», не приводя, впрочем, доказательств своей правоты. Другие промолчали. Третьи взялись за поиски.

Эту необыкновенную историю можно было бы начать с событий последних лет, но мы вернемся на 100 лет назад, ко времени, когда...

...Когда 3 июня 1887 года немецкий профессор Роберт Колдевей, заглянув на пару дней на место раскопок древнего Вавилона, подобрал с земли осколок старого кирпича. Одна из поверхностей его была покрыта ярко-голубой глазурью и содержала фрагменты изображения, очень его заинтересовавшие. Ученый, вероятно, надеялся сделать археологическое открытие, но даже и не мечтал о том, что оно окажется настолько важным. И уж наверняка не знал, что оно породит археологическую головоломку, которая и сегодня интригует нас не меньше, чем 50 лет назад.

Как бы то ни было, профессор вернулся на место раскопок только через 10 с лишним лет. На этот раз последние три дня 1897 года он посвятил раскопкам других покрытых глазурью кирпичей. Администрация Королевского музея в Берлине и Германского восточного общества дала понять ему, что располагает средствами на раскопки в Вавилонии при условии, если можно ожидать интересных результатов. Привезенные профессором из второго путешествия трофеи смогли удовлетворить даже этих господ-домоседов.

Все вышло как по писаному. «Раскопки начались 26 марта 1899 года на восточной стороне Касра, к северу от врат Иштар», – писал впоследствии Колдевей. Позднее, в 1902 году, на свет вновь появились врата царицы Иштар, долгие века прятавшиеся под толщей земли. Частично разрушенные, они тем не менее выглядели очень внушительно. Ворота Иштар – громадная полукруглая арка,

ограниченная по сторонам гигантскими стенами и выходящая на довольно длинную дорожку для шествий, вдоль которой справа и слева также тянулись стены. Построено все это из кирпича, покрытого ярко-голубой, желтой, белой и черной глазурью. Для пущего великолепия стены ворот и дорожки покрыты барельефами необычайной красоты, изображающими животных в позах, очень близких к естественным. Стены дорожки украшают ряды степенно шествующих львов. Стены ворот сверху донизу покрыты перемежающимися рядами изображений двух других животных. Одно из них – мощный бык свирепого вида, второе... вот тут-то и начинается зоологическая головоломка.

Обычно это второе животное называют вавилонским драконом, и это тот же самый зверь, который фигурирует под таким же наименованием в Библии. В клинописных надписях сохранено его вавилонское название – сирруш. Мы так и оставим, хотя существуют некоторые сомнения по поводу его правильного произношения.

Вот как описывает Колдевей размеры врат Иштар: «Ряды кирпичей идут один над другим. Драконы и быки никогда не встречаются в одном горизонтальном ряду, но ряд быков следует за рядом сиррушей, и наоборот. Каждое отдельное изображение занимает по высоте 13 кирпичей, а промежуток между ними составляет 11 кирпичей. Таким образом, расстояние от низа одного изображения до низа другого равно 24 кирпичам, или почти точно двум метрам, то есть четырем вавилонским элам».

Всего на воротах около 575 изображений зверей. Сооружение впечатляет, и неудивительно, что царь Навуходоносор, который перестраивал ворота Иштар, очень гордился ими. Когда работы завершились, он составил надпись, которая была сделана клинописью и выставлена на всеобщее обозрение. С присущим той эпохе отсутствием скромности надпись сообщала в своих первых строках:

«Я – Навуходоносор, царь вавилонский, благочестивый принц, правящий по воле и благоволению Мардука (верховного бога вавилонян), высший правитель Города, любимый Небом (сыном Мардука, верховным богом соседнего города Ворсиппа), хитроумный

и неутомимый... всегда пекущийся о благополучии Вавилона, мудрый первородный сын Навополассара, царя вавилонского...»

Далее в надписи сообщается, что из-за постоянного повышения насыпи для дороги, ведущей в Вавилон, высота ворот все время уменьшалась, и в конце концов Навуходоносор приказал полностью перестроить их. Все это подтверждается археологическими находками, и у нас нет оснований сомневаться в верности или подлинности надписи, которая случайно оказалась не совсем законченной. В надписи не обойдены вниманием и изображения животных.

«Свирепые быки (в оригинале они названы „рими“) и мрачные драконы начертаны на дворе врат (имеются в виду стены), чем я сообщил вратам великолепии чрезвычайное и роскошное, и род людской может взирать на них в изумлении».

Род людской и правда в изумлении взирал на них долгие века. А ныне, после раскопок и перестройки, смотрит снова. И изображения рими (или ре'ем) даже копируют в других местах. В Древней Греции тоже хорошо знали врата Иштар, но там их предпочитали называть вратами Семирамиды.

Разумеется, в те эпохи никого не волновала зоологическая достоверность. Львы на стенах дорожки были львами, туры на воротах – турами, даже несмотря на несколько их необычный вид; а детали, которыми мастеровые Навуходоносора считали нужным украсить изображенные ими чудовища, никому не мешали. Они иногда рисовали орлов с бородатыми человеческими лицами и других чудищ-гибридов. Короче говоря, изображения сирруша не вызывали удивления. И чтобы удивиться, им надо было вооружиться огромными знаниями более поздних веков – знаниями, которые помогли раскопать и реставрировать врата Иштар.

Барельефы сирруша имеют очень четкий контур и изображают узкое туловище, покрытое чешуей, длинный и тонкий чешуйчатый хвост и такую же длинную и тонкую чешуйчатую шею со змеиной головой. Пасть закрыта, но из нее высовывается длинный раздвоенный язык. На затылке видны кожистые уши, украшенные прямым рогом, служащим также и оружием. Возможно, что рога там два, поскольку на изображении тура-рими виден тоже лишь один рог.

«Очень примечательно, – пишет Колдевей, – что, несмотря на чешую, животное имеет шерсть. Рядом с ушами с головы ниспадают три спиралевидные пряди, а на шее, там, где должен быть гребень ящерицы, тянется длинный ряд вьющихся локонов».

Но самая примечательная деталь – лапы. Передние похожи на лапы животного из семейства кошачьих (скажем, пантеры), а задние – на птичьи. Они очень большие, четырехпалые, покрыты крепкой чешуей. И вопреки сочетанию столь разных деталей, сирруш выглядит как живой, во всяком случае, совсем как изображенный рядом с ним рими, если не более естественно.

Раскопай кто-нибудь врата Иштар на 100 лет раньше, это сочетание разных лап могло бы считаться достаточным доказательством того, что волшебная змея – не более реальное животное, чем крылатые быки и птицы с человеческими головами из ассирийской и вавилонской мифологии. Но за 100 лет до этого Жорж Кювье успел стать отцом палеонтологии, профессор Марш в Америке завоевал титул «отца динозавров», да и сами взгляды на биологическую науку претерпели огромные изменения. Палеонтологи открыли ископаемых животных, «щеголявших» неправдоподобно длинными шеями и хвостами, имевших громадные туловища и маленькие головы или змеиные головки, увенчанные рогами (а может быть, имели и раздвоенные языки, хотя они, увы, не сохраняются в виде окаменелостей). Нашлись даже такие виды, которые никак не могли выбрать, что лучше – ходить прямо или на четырех конечностях. Вероятно, они использовали то один, то другой способ передвижения попеременно, в зависимости от обстоятельств.

Соответственно и сирруша вдруг стали воспринимать как нечто реальное и вполне возможное. Поначалу думали, что это, вероятно, изображение животного из отряда ящеровых. В 1913 году профессор Колдевей, больше других думавший о реальности сирруша, впервые высказался, что вавилонский дракон основными своими чертами похож на ископаемых ящеров.

«Сирруш... по единообразию своей физиологической концепции значительно превосходит все остальные фантастические существа, – утверждал он, а потом со вздохом сожаления заключил: – Не будь у него столь ярко выраженных кошачьих передних лап, такой зверь

мог бы существовать в действительности». Зная, что Библия подтверждает существование сирруша, профессор отважился высказать догадку, согласно которой вавилонские жрецы держали в подземелье храмов какуюто рептилию и «демонстрировали ее в полумраке как живого сирруша».

Так писал Колдевей в своем первом обширном отчете о раскопках в Вавилоне. В 1918 году, спустя пять лет, он написал целый том о вратах Иштар, снабдив его прекрасными иллюстрациями, и таким образом вновь вступил в битву с драконом. На сей раз он был смелее. Все еще смущенный сходством передних лап сирруша с лапами кошки, он привел перечень вымерших ящеров, указывая на те их черты, которые были присущи сиррушу. Он пришел к заключению, что животное, если оно существовало, должно быть классифицировано как птиценогий динозавр. Осторожно подведя читателя к этому заключению, он вдруг заявил: «Игуанодон, найденный в отложениях мелового периода в Бельгии, – ближайший родственник вавилонского дракона».

История, удивительная во многих отношениях. Врата Иштар были увеличены и украшены этими барельефами по велению царя, который известен нам в основном потому, что о нем многократно упоминается в Библии. И два самых таинственных библейских зверя появляются на этих воротах бок о бок или, вернее, один над другим. Рими, не вызывающий доверия при всей своей могучей силе, и дракон, которого держали в каком-то вавилонском храме и которому поклонялись горожане, пока Даниил не убил его. В конце концов было установлено, что рими – это тур. Ну а сирруш? Почему не посчитать его просто выдумкой? Сам Колдевей считает это маловероятным, поскольку изображение сирруша не изменилось за тысячи лет, что не свойственно другим фантастическим созданиям вавилонян. В раннем вавилонском искусстве сирруш появился в узнаваемой форме, и его попрежнему рисовали при Навуходоносоре, то есть около 604-561 годов до н. э.

Современная наука может без особого труда определить вид ящера, к которому принадлежал сирруш, хотя ископаемых останков точно такой же разновидности она не знает, а художник, его изобразивший, вероятно, допустил несколько мелких ошибок.

Теперь наверняка известно, что вавилоняне совершенно не знали палеонтологии. Их сирруш – либо точная копия чего-то известного им, либо чудо воображения, полностью совпавшее с реальностью. Но это наверняка не «реконструкция». Кроме того, нигде вблизи Вавилона не обнаружено кладбищ костей динозавров.

Поскольку нам неизвестно живущее или недавно вымершее животное, которое могло послужить «натурой» при рисовании сирруша, мы встаем перед выбором: либо прекратить поиск, либо допустить, что сирруш – точный портрет животного, не знакомого современной зоологии.

Нас не должен волновать тот факт, что это животное вряд ли встречалось в природе даже во времена древнего Вавилона. Рими в те времена тоже вымерли в Месопотамии, но они еще 20 столетий жили в Европе. Для вавилонян рими был «чудовищем из дальних стран». То же самое можно спокойно сказать и о сирруше.

Но откуда он взялся? По мнению некоторых ученых, из Центральной Африки.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление и дать слово оппонентам «африканской версии».

КАК РАСПРОСТРАНЯЛСЯ МИФ О ДРАКОНЕ

Легенды о драконе зафиксированы в первых письменных памятниках человеческой истории. Раньше других они появляются в шумерских источниках. Безусловно, драконы – существа мифические. Но легенды о драконах и змеях кочуют из тысячелетия в тысячелетие по всем континентам планеты, и есть во всех них поразительное сходство.

Совпадение? Зоолог из университета штата Флорида Уолтер Ауффенберг считает, что для простого совпадения сходство легенд слишком велико. Дракон из легенды, говорит ученый, обычно наделен крыльями, бессмертием и особым знанием сути жизни и смерти. Драконы, похоже, властвуют над реками, дождями и ливнями, они владеют секретами плодородия.

Легенды о драконах живут в Китае, Японии, Австралии, Америке, Индии и, конечно, в Европе – достаточно вспомнить историю святого Георгия и дракона. Драконы Запада обычно являются носителями зла, но на Востоке они считаются существами благодетельными и даже глубоко почитаемы.

Ауффенберг предполагает, что впервые миф о драконе возник 100 тысяч лет назад – в то время, когда примитивный человек наблюдал, как из-под земли весной выползают змеи – «возрождаются» после зимы. Он полагает, что это может быть отмечено на древних, сделанных из кости календарях, которые находят археологи. Но ученый добавляет, что первые свидетельства, которые можно точно определить как «драконьи», относятся к шумерской культуре, возникшей 5 тысяч лет назад в междуречье Тигра и Евфрата. Шумерские драконы состояли из частей, «отобранных» у стервятников, гиен, змей или варанов. И дракон, составленный из членов животных, питающихся падалью, совершенно логично мог символизировать связь между живым и неживым. Далее, предполагает Ауффенберг, около 1500 года до н. э. воины-всадники Центральной Азии занесли фрагменты шумерского мифа на запад – в Европу и на восток – в Китай. Завоеватели-арии могли принести с

собой легенду о драконе в Индию, полагает ученый, а затем торговцы могли донести ее до Индонезии и Австралии, где существует миф о Летучем Змее.

В Северной Америке эти доисторические легенды приняли форму летающих змей, что населяют небо. В Южной Америке появились «суперкрокодилы», которые властвуют над реками.

Но допустим все же, что дракон – это еще не открытое животное. Единственное место, где оно могло бы жить, оставаясь незамеченным, считалась Центральная Африка, ее регионы влажных тропических лесов, бассейн реки Конго. Поэтому весьма любопытны слухи о некоем неизвестном крупном и страшном животном, исходящие именно оттуда. Один из таких слухов дошел до охотника на крупную дичь Ганса Шомбургка за много лет до того, как Колдевей написал свою первую обширную работу.

Шомбургк работал для Карла Гагенбека, главы крупнейшей в мире немецкой фирмы по торговле дикими животными, который поставлял их в зоологические сады и держал громадный зоопарк в Штелингене под Гамбургом.

В 1912 году, вернувшись из Африки, Шомбургк рассказал Гагенбеку удивительную историю. И обрадовался, когда тот не только не осмеял его, но сам поведал Шомбургку, что не раз получал аналогичные сведения из других источников. Эти сообщения были пересказами туземной молвы о гибриде «дракона и слона», который, как полагали, обитал в непроходимых африканских болотах.

По-видимому, бывая в Либерии, Шомбургк никогда не слышал об этом животном, но, когда он прибыл на берега озера Бангвеулу, на место, которое, казалось бы, идеально подходит для обитания бегемотов, и спросил туземцев, почему здесь нет ни одного гиппопотама, те с деловым видом ответили, что на то есть веская причина. Они (тут мы цитируем книгу Шомбургка «За дикими животными в сердце Африки») «...сообщили, что в этом озере живет зверь, который, уступая размерами бегемотам, тем не менее убивает и поедает их. По повадкам он, должно быть, амфибия: зверь выходит на берег, но никому не доводилось видеть его следов. К сожалению, я расценил эту историю как сказку и не стал вести дальнейший поиск. Позже я беседовал об этом с Карлом Гагенбеком и теперь убежден,

что зверь принадлежал к какой-то разновидности ящеров. Я придерживаюсь такого мнения, потому что Гагенбек получил из других источников сообщения, полностью совпадающие с моими наблюдениями и со сведениями, полученными мною от туземцев, которых я опрашивал. Гагенбек послал на озеро Бангвеулу специальную экспедицию, но она, увы, даже не сумела отыскать это озеро». В 1913 году германское правительство отправило в Камерун экспедицию под началом капитана Фрайера фон Штайн цу Лаузнитца с заданием провести общее обследование колонии (до первой мировой войны Германия имела в Африке обширные колониальные владения). Официальный отчет об этой экспедиции, все еще существующий только в виде рукописи, содержит довольно обширный раздел, посвященный неизвестному животному Шомбургка. Фон Штайн, естественно, был крайне осторожен в подборе слов в этой части отчета, благоразумно называя животное «очень таинственным существом», которое «возможно, существует только в воображении туземцев», но, добавлял он, воображение это, «вероятно, отталкивается от чего-то более осязаемого». Сведения фон Штайна состояли, по его выражению, из «рассказов туземцев бывшей германской колонии» (Камеруна) о «существо, которого очень боялись негры в некоторых районах территории Конго, в нижнем течении Убанги, Санги и Икелембы». Он подчеркивал, что рассказы эти исходили от «опытных проводников, не знакомых друг с другом, но повторявших все детали совершенно независимо один от другого». Туземцы называли это животное мокелембембе, но нельзя было сказать наверняка, имеет ли это имя какой-либо определенный смысл. Капитан фон Штайн писал:

"По сообщениям, это существо не живет в маленьких реках, таких, как обе Ликуалы, а в вышеупомянутых реках, говорят, есть лишь несколько особей. Когда мы были в экспедиции, нам-сказали, что одну особь заметили на несудоходном отрезке течения реки Санга, где-то между речками Мбайо и Пикунда; к сожалению, эта часть реки не могла быть исследована из-за того, что наша экспедиция оказалась скомканной. Мы слышали и о каком-то животном, обитающем на реке Ссомбо. Рассказы туземцев сводятся к следующему описанию.

Животное, как говорят, имеет серо-бурую окраску, гладкую кожу и размерами приблизительно сходно со слоном или, по крайней мере, с гиппопотамом. У него длинная и очень гибкая шея и только один зуб, но очень длинный. Кое-кто говорит, что это рог. Некоторые упоминали длинный мускулистый хвост, как у аллигатора. Говорят, что приблизившиеся к зверю каноэ обречены: животное тут же нападает на них и убивает команду, но не поедает тела. Это создание обитает в пещерах, вымытых рекой в глинистых берегах на крутых излучинах. В поисках пищи оно, говорят, вылезает на берег даже днем и питается только растительностью. Эта его черта не позволяет объяснить все мифами. Мне показали его любимое растение. Это разновидность лианы с большими белыми цветами, молокообразным соком и похожими на яблоки плодами. На реке Ссомбо мне показали просеку, которую в поисках пищи проторил этот зверь. Тррпа была свежая, а неподалеку нашлись и вышеописанные растения. Однако тут было слишком много троп, протоптанных слонами, носорогами и другими большими животными, и невозможно было с какой-либо определенностью выделить следы этого существа".

Жаль, что у барона фон Штайна было так мало времени. Он мог бы отыскать мокеле-мбембе.

Что касается животного из озера Бангвеулу, о котором рассказали Шомбургку, то англичанин Хьюз располагал о нем несколько большими сведениями. В своей книге «28 лет на озере Бангвеулу» Хьюз приводил разговор с сыном вождя племени о животном, которое зовется в этой местности «чипекве». Молодой человек с гордостью сообщил, что его дед участвовал или, по крайней мере, наблюдал за охотой на чипекве.

Устная традиция донесла описание этой охоты. В ней участвовали многие лучшие охотники, и они в течение целого дня кололи чипекве своими большими острогами, какими пользовались при охоте на бегемотов. Чипекве описывают как животное с гладкой темной кожей без щетины, вооруженное одним гладким рогом, как у носорога, только белоснежным и отполированным. Жаль, что они не сохранили этот рог: Хьюз бы дал за него все, что они бы пожелали.

Хьюз был знаком с родезийским чиновником, который рассказал, как однажды ночью он услышал очень громкий всплеск на озере, возле которого стоял лагерь, а наутро нашел доселе невиданные следы. Ученые, выслушав эти рассказы, посмеялись: о каких крупных неизвестных животных может идти речь, когда все уже открыто!

Слишком много схожих свидетельств наводят на мысль: а что, если в мелких водоемах и реках Центральной Африки действительно скрывается крупное неизвестное животное? Скорее всего, рептилия.

Естественно, возникает следующий вопрос: могла ли выжить в Центральной Африке крупная рептилия? Ответ зоологов таков: если где-то она и могла выжить, то только здесь, в Центральной Африке! Вот на чем основано это утверждение. Настоящие динозавры и другие крупные рептилии, родственные им, вымерли в конце мелового периода, около 60 миллионов лет назад. Гипотез на этот счет существует множество. Громадные кладбища динозавров возле Тендагуру в Восточной Африке доказывают, что и в Африке произошло нечто подобное. Нет сомнений, что здесь, как и везде, крупные формы животных исчезли. Но у форм средней величины несколько иная история.

Во всем мире последние 60 миллионов лет ознаменовались всевозможными геологическими изменениями. Мелкие моря залили обширные пространства суши, другие районы, где были моря, высохли. Возникали и вновь исчезали перешейки; тектонические силы громоздили горы, происходила активная вулканическая деятельность. Но Центральная Африка оказалась геологически стабильной: масса суши там точно такая же, как 60 миллионов лет назад.

Наконец, континенты к северу и югу от пятидесятих параллелей в обоих полушариях прошли через ряд оледенений, но, несмотря на то что они оказали влияние на климат между тропиками Рака и Козерога, это воздействие не привело к драматичным последствиям. А Центральная Африка не подвергалась геологическим катаклизмам с мелового периода и пережила лишь незначительные климатические изменения. Так что если с тех времен и уцелели крупные рептилии, искать их надо в Центральной Африке... Искать...

И поиски начались. 1981 год. Внутренние районы Заира, Экспедиция, которой покровительствовали нефтяной магнат Джек Брайант, три журналиста и Рой Мэкал, биолог и директор Чикагского университета, по стечению обстоятельств еще и вице-президент Международного общества криптозоологов. Экспедиция имела целью проверить визуальные наблюдения 1776 года. Того времени, когда здесь впервые был замечен зверь, напоминающий завропода, травоядного динозавра. Местные жители, как мы уже говорили, называют его мокеле-мбембе.

Плывя в долбленых каноэ, прорубая путь сквозь нависшую над головами растительность джунглей, участники экспедиции проникли далеко в глубь болотистых дебрей. С помощью сонара исследовали водоемы в поисках погрузившихся под воду животных. Иногда гребли по двое суток кряду, чтобы найти клочок сухой земли.

Однажды, огибая излучину реки, каноэ вдруг начали неистово раскачиваться, поскольку попали на поднятую каким-то большим животным волну. Зверь только что погрузился в воду. Участник экспедиции Ричард Гринвел, эколог пустынь и секретарь Международного общества криптозоологов, утверждает, что «бывших с нами туземцев охватила паника». Ученые отнеслись к этому случаю более спокойно.

Гринвел считал, что это мог быть бегемот, слон или крокодил. Однако он знал, что гиппопотамы не живут в болотах, слоны не погружаются в воду полностью, а крокодилы поднимают очень маленькую волну. Правительственный чиновник по вопросам зоологии, участвовавший в экспедиции – его звали Марселин Аньянья, был настолько заинтригован, что решил вернуться в этот район с собственной экспедицией. Так он и сделал в апреле 1983 года. Несколько дней поиски не приносили никаких плодов, но потом вот что произошло.

Прямо перед носом у Аньяньи и его спутников из воды вдруг поднялось какое-то существо. Это было странное животное с широкой спиной, длинной шеей и маленькой головой. Однако, как с горечью писал ученый, «в приливе чувств, встревоженный этим внезапным и неожиданным появлением, я не смог снять это животное на пленку».

– Видимая часть животного, – рассказывает М. Аньяня, – примерно соответствует нашему представлению о бронтозавре. Я лично убежден, что в заболоченных джунглях Ликуалы обитают по меньшей мере два вида неизвестных животных. За несколько дней до прибытия нашей экспедиции в район населенного пункта Эджама там произошло такое событие. По реке на пироге плыла женщина. Неожиданно лодка натолкнулась на какое-то препятствие и остановилась. Женщина налегла на шест, пытаясь столкнуть лодку с «мели». После этого мощный толчок выбросил пирогу на берег, а на поверхности из воды появилось огромное животное. Около получаса бесновалось оно, издавая душераздирающие вопли.

На севере Конго наступил сухой сезон, и река Ликуала-оз-Эрб обмелела так, что ее кое-где можно было перейти вброд. Однако в районе случившегося происшествия глубина достигала 10-12 метров. Именно здесь ученые обнаружили плавучий остров, состоящий из толстого слоя песка, покоящегося на солидной подушке из отмершей водной растительности. На идеально ровной поверхности остались следы – будто по песку проползло какое-то огромное животное. На острове нашли также лоскуты кожи от одного до пятнадцати сантиметров длиной.

И еще один штрих к нашей незавершенной истории. Американский путешественник Херман Рагастер в районе озера Теле записал на пленку звуки, издаваемые неизвестным животным. Он передал запись ученому из Калифорнии Кеннету Темплину, который очистил ее от побочных шумов и сравнил с записями голосов других животных. Темплин пришел к выводу, что записанный голос принадлежал неизвестному до сих пор существу. Какому?

...В горах Горозомза некий фермер Парке обнаружил пещеру с древними рисунками бушменов. И на одном рисунке фермер увидел изображение... бронтозавра, выползающего из болота. Ученые, вслед за фермером обследовавшие рисунки, также заключили, что очертания чудовища действительно напоминают облик этого ископаемого ящера. Объяснений этому феномену пока не найдено...

Два десятилетия назад подобное газетное сообщение никто не принял бы всерьез. А сейчас?

ПТЕРОДАКТИЛИ В НЕБЕ НАД ЧЕРНЫМ КОНТИНЕНТОМ, ТЕХАСОМ И ОСТРОВОМ БАРСА- КЕЛЬМЕС

АФРИКА

В 1923 году в Лондоне вышла книга известного писателя и натуралиста, этнографа и антрополога Френка Мелланда «В заколдованной Африке». Ее автор – член Лондонских королевских антропологического, географического и зоологического обществ. Небольшая глава – всего три странички – посвящена эпизоду, представляющему для нас особый интерес.

Находясь в самом центре Черного континента, автор собрал различные, иногда весьма туманные сведения о некоем странном животном, именуемом «конгамато». Обитает оно, по словам туземцев, в болотистой местности Джиунду на северо-западе Северной Родезии (Замбии) вблизи границ с Бельгийским Конго (Заиром) и Анголой. Заинтригованный Мелланд спросил у одного из местных жителей: «Что же представляет собой этот конгамато?» – Это птица. – Вот как? А какая же она?

– Да это не совсем птица. Она скорее похожа на ящерицу с кожистыми крыльями, как у летучей мыши.

Мелланд записал этот диалог, не углубляясь в размышления над ним, но некоторое время спустя задумался: да ведь это какая-то летающая рептилия! Тогда он задал новые вопросы и узнал, что размах крыльев у животного колеблется от одного метра двадцати сантиметров до двух метров пятнадцати сантиметров, что оно начисто лишено перьев и кожа его гладкая и голая, а клюв оснащен зубами. Все более и более убеждаясь, что африканцы описывали ему летающего ящера, он решил показать им книги, где нарисованы эти животные. Без тени колебания негры указали пальцами на изображение птеродактиля и зашептали в ужасе: «Конгамато!»

Относительно этого существа ходило много преданий, оно пользовалось самой мрачной репутацией: говорили, что оно опрокидывает лодки и достаточно было на него взглянуть, чтобы тут же умереть от ужаса. «Чернокожие убеждены, – пишет Мелланд, что это существо живет еще и в наши дни».

Мысль о том, что один из птерозавров мог просуществовать вплоть до недавнего времени, отнюдь не противоречит современной палеонтологии. Большинство этих летающих ящеров обнаружены в юрских, реже – в меловых отложениях. По официальной научной версии, они вымерли 70 миллионов лет назад.

Для полета, за счет мощных взмахов крыльев, требуется значительный расход энергии. Чтобы добиться этого и не получить смертельного охлаждения, птерозавры должны были обладать довольно совершенной системой терморегуляции тела – как у птиц или летучих мышей. Чтобы организм сохранял постоянную температуру, этой цели должны служить перья или шерсть, которые помогают избежать слишком большой потери тепла с поверхности тела.

Пока что вряд ли можно с достаточным основанием утверждать, что летающие рептилии были оснащены перьями: обнаруженные отпечатки их тел показывают лишь наличие перепончатых крыльев. Так, может, эти странные создания обладали шерстью? На огромном хвосте птерозавра – рамфоренка – обнаружены следы волосяного покрова и солевых желез.

Величина птерозавра варьируется в значительных пределах. Она колеблется от размеров воробья до орла, но есть и американский вид, размах крыльев которого составлял семь с половиной метров. Этот птеранодон был существом необычайным, его голова была сплюснута и прижата к туловищу, образуя когтистый гребень, он, без сомнения, мог служить рулем и выполнять функции хвоста. Но слухи о летающих ящерах в Африке дают более скромные размеры – до двух метров.

Может быть, речь идет о рамфоренке? «Болото Джиунду – очень подходящее место для жизни подобной рептилии, – пишет Мелланд, – оно занимает около 50 квадратных миль сплошных болот, образованных внутренней дельтой реки Джиунду, распадающейся на

множество каналов и речушек, объединяющихся дальше в кристальной чистоты поток. Все болото покрыто плотной растительностью: длинные стволы заросли лианами и папоротниками. Для конгамато это был бы идеальный дом».

Но похоже, Мелланд был не единственным, кто слышал в Африке разговоры о чем-то вроде птеродактиля во плоти. В 4-м томе воспоминаний – «Вдали от проторенных троп» – о нем упоминает известный английский путешественник Стейни. Он привез свои записи тоже из района Джиунду в начале 20-х годов. Один колониальный чиновник заявил: «Кажется, в соседней местности обитает живой птеродактль».

– А где же он прячется? – живо спросил Стейни, тут же разворачивая карту.

– Здесь, в обширном болоте, из которого вытекает река Джиунду, приток Замбези в ее верхнем течении.

Британский чиновник сам это существо не видел, но ему сообщили, что чернокожие убеждены в его подлинности.

– Как они его называют? – поинтересовался Стейни. – Конгамато. – Он большой?

– Размах крыльев от шести до семи футов (около двух метров).

С этой минуты Стейни захотел сделать все возможное, чтобы увидеть чудовище живым. Он согласен был шагать целые дни по болоту, поскольку описания, данные туземцами, были очень правдоподобными: форма, размеры, большой острый клюв, оснащенный зубами, совершенно гладкая кожа.

Добравшись до места, Стейни начал расспрашивать жителей, но те всячески уходили от его вопросов. Наконец один африканец, которому Стейни оказал услугу, согласился проводить его, но предупредил: опасно даже произносить его имя. Тем не менее, получив еще один подарок, он доверительно поведал: конгамато злой, прежде всего отгрызает и поедает руки, уши, нос. Отец моего отца умер, возвратившись с болот...

– Какого цвета великий летающий ящер?

– Красного, словно кровь.

– Ты сам видел хотя бы одного?

– Нет, потому я и жив.

– Он так страшен?

– Белый, я предпочел бы один на один столкнуться с разгневанным слоном или голодным львом!

Тут африканец умолк, полагая, что сказал достаточно. Но дальше по течению Джиунду Стейни встретил старого рыбака, который тоже поведал ему о своем страхе перед конгамато, а потом еще одного старика, который собственными глазами видел в молодости одного конгамато, что, впрочем, не помешало ему остаться живым. Он утверждал, что его пирога была остановлена монстром.

– Быть может, то был гиппопотам или толстый корень? – предположил Стейни. – Откуда ты знаешь, что видел именно конгамато?

– Потому что он вышел из воды и улетел.

– Опиши его.

– Тело было без перьев и без чешуи, очень длинный клюв, крокодильи зубы, крылья, похожие на крылья летучих мышей, но большие, очень большие... Кожа была красной и поблескивала. Конгамато издавал глухие звуки. Я должен был умереть в тот день, поскольку это плохо – видеть живого летающего ящера.

Сделав привал в деревне, Стейни спросил у одного старейшины, находили ли когда-нибудь мертвого конгамато. Ему ответили: нет, животное никогда не покидает большое болото и исчезает в нем, когда умрет.

– У меня в багаже имелся маленький словарь Лярусса, – рассказывает Стейни. – Слово «птеродактиль» иллюстрировалось соответствующим рисунком. Старейшина племени произнес «Ох!» – очень короткое и сдавленное, которое не могло выражать ничего иного, кроме изумления.

– Конгамато! – вскричал он. – Но у него недостает крыльев, мяса и зубов! И наши много больше! Изображение занимало два квадратных сантиметра. В конце концов Стейни добрался до болота. "Моему бою потребовалось два дня, чтобы раздобыть пирогу и пригнать ее. Вместе мы обследовали залитую водой территорию, заплывая насколько можно дальше по ручьям. Никакого птеродактиля.

Тем не менее я остался при убеждении, что конгамато существует, по двум причинам: все, кто осмелился говорить о нем, рисовали один

и тот же портрет. Если бы речь шла о сказочном существе, описания различались бы. Никогда ни один чернокожий не рассказывал о слоне в три человеческих роста или о носороге с тремя рогами. Помимо этого, все считали конгамато нормальным животным, но только более опасным, чем леопард, лев или удав".

Некоторое время спустя путешественнику удалось узнать причину своего поражения. Отправившись в деревню своей старой приятельницы Нзаке, жены вождя Чимпеги, он узнал, что старая женщина больна. Стейни оказал ей медицинскую помощь, и в ответ на заботы она позволила задавать вопросы, которые интересовали путешественника. И Стейни рискнул спросить, удавалось ли ее мужу, знаменитому охотнику, убивать конгамато.

– Чимпеги – единственный охотник, который осмелился бы... Но разве ты не знаешь, что это смертельно опасно? Я с ним ходила на большие болота Джиунду. Нас хотели удержать от этого, но для Чимпеги это всего лишь животные, у них ведь нет ни стрел, ни копий.

В конце концов, после долгих пауз и недомолвок, Нзаке сказала:

– На моих глазах Чимпеги убил из лука трех последних. Пока еще часто говорят о конгамато, но их больше нет.

Стейни поспешно спросил: «Вы их принесли в поселок?»

– Нет, все испытывали ужас перед ними. К тому же трупы были маленькими и воняли.

Правду ли говорила Нзаке? Вот что писал 12 лет спустя, в 1942 году, полковник Питман: «Когда я находился в Северной Родезии (Замбии), я слышал о мифическом животном, которому приписывают мистическую силу, способность причинять смерть тому, кто на него смотрит, и которое очень меня заинтересовало. Говорят, что оно некогда обитало, и, возможно, все еще обитает в густо заросшей местности вблизи от границы с Анголой и Конго. Взгляд на него влечет за собой смерть. Но самой загадочной чертой этого животного является его сходство с летучей мышью или птицей. Оно странным образом напоминает доисторического птеродактиля. Откуда взялись у примитивных африканцев столь точные представления?»

На этот вопрос уже пытался ответить в 1928 году ученый из Упсальского университета К. Виман. Один из его сыновей, живший в

Северной Родезии, привлек внимание отца к книге Ф. Мелланда. Шведскому профессору решение загадки представлялось весьма простым. Он считает, что легенда о конгамато была навеяна раскопками в Танганьике останков доисторических ящеров, на которые вдоволь нагляделись африканцы. Но как легенда перенеслась на 1500 километров, не претерпев изменений, – вот что удивительно, и этого не хочет замечать Виман. Более того, почему туземцы Северной Родезии считают местом обитания существа болота Джиунду, тогда как слухи о нем происходили из Танганьики? К тому же на полпути оттуда нет никаких слухов подобного рода, если не считать совершенно иных преданий о водных гигантах в озере Бангвеулу...

Напротив, похожую легенду можно встретить в Камеруне, очень далеко от обоих мест. Предоставим слово зоологу Айвену Сандерсону. Западная Африка, 1932-1933 годы.

Однажды, когда путешественники находились в горах Алзумбо в Камеруне, Сандерсон и один из его спутников, Жорж, разбили лагерь на маленькой травянистой прогалине среди горного леса. Поблизости протекала речка, зажатая между крутыми берегами, и наши путешественники вынуждены были брести по воде в поисках нужных им образцов.

Охотясь на животных, Сандерсон подстрелил довольно крупную летучую мышь, которая упала в реку. Пытаясь достать ее, он оступился. Выбираясь на берег, услышал крик Жоржа: «Осторожно!»

«Я поднял голову, – рассказывает Сандерсон, – и невольно вскрикнул, машинально погрузившись в воду. Всего в нескольких метрах над водой что-то черное размером с орла несло прямо на меня. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы различить отвисшую нижнюю челюсть с полукружьем острых зубов, отделенных друг от друга расстоянием в один зуб». Когда он вынырнул, животное уже удалилось. – Вымокший до нитки, я выбрался на скалу, и тут мы посмотрели друг на друга. Вернется ли он? одновременно мы задали один и тот же вопрос.

Незадолго перед закатом он возвратился, с шумом летя вдоль реки. Он стучал зубами, и воздух шуршал, когда большие черные

крылья разрезали его. Животное спикировало на Жоржа, но он успел распластаться на земле, и тварь растворилась в сумерках.

Затем путешественники вернулись в лагерь, где их ждали туземные охотники, которые прошагали не один километр, чтобы продать белым свои трофеи.

– Что это за летучая мышь, у которой вот такие крылья? – спросил невинным голосом натуралист, разводя руками. – И которая вся черная.

– Олитьяу! – завопил один из туземцев и пустился в объяснения на диалекте ассумбо.

– Где вы видели его? – спросил наконец один старый охотник среди гробового молчания.

– Там, – ответил Сандерсон переводчику, указывая пальцем в сторону реки.

«Все охотники как один схватили свои ружья и помчались напрямик в свою деревню, оставив в лагере нелегко доставшуюся им добычу».

Надо отметить, что это свидетельство опытного, всемирно известного зоолога. Он воздержался от комментариев относительно странного существа, но в данном случае его сдержанность говорит в пользу добросовестности описания. Ученый рассказывает о животном как о летучей мыши, но очевиден тот факт, что она не относится ни к одному из известных видов. К тому же черный цвет и размеры твари не соответствуют коричневатой или красноватой окраске летучих мышей рода мегахироптерес, самых крупных из известных. Да и животный страх местных жителей... Не могут же они так панически бояться животных, питающихся главным образом фруктами. Самая большая летучая мышь в Африке – листовенный мегадерм имеет размах крыльев 40 сантиметров, он держится у воды, поскольку питается водными насекомыми. Но мегадермы имеют отчетливый красноватый окрас кожи. К тому же все крупные летучие мыши – животные мирные.

Безусловно, нужно сопоставить олитьяу из Камеруна и конгамато из Замбии. И здесь мы находим общие признаки: длину, вытянутый клюв, усеянный острыми зубами, и внушаемый ими панический страх жителям. Различия представляет только цвет. По описаниям

Сандерсона, он черный, у Стейни – кровавый. Но можно заподозрить, что кровавый цвет – плод воображения африканцев, желающих видеть в нем более агрессивное существо, чем оно есть на самом деле.

Рассказ Сандерсона объясняет одну существенную деталь в легенде о конгамато, а именно то, что животное опрокидывает лодки (кстати, профессор Виман заметил не без иронии, что такая черта поведения мало сопоставима с тем, что нам известно о птеродактилях и летучих мышах). Но если конгамато и его собрат олитьяу имеют обыкновение пикировать на людей, пересекающих их территорию (что является способом устрашения), то легко понять, почему опрокидываются лодки...

ТЕХАС

Считается, что последние динозавры вымерли 65 миллионов лет назад, однако каждый слышал те или иные истории, которые вдруг являются из Богом забытых уголков нашей земли о некоторых, будто бы доживающих в муках собственной недоказанности, видах. Случаи встреч с неморскими видами гораздо менее привычны, и само выживание этих существ кажется менее реальным, чем подводных существ.

И конечно, поначалу самой нелепой представляется мысль о том, что летающие ящеры из группы птеродактилей могли сохраниться до настоящего времени в Северной Америке. Эта теория кажется столь смешной и нелепой, что любой здравомыслящий человек, скорее всего, отвергнет ее с первых же слов. Однако сообщений об этих тварях так много и столь убедительны свидетельства очевидцев, что, видимо, здесь мы снова сталкиваемся с ситуацией, в которой реальность делает шаг за пределы невозможного.

В первые два месяца 1976 года нечто странное и ужасное повадилось посещать долину Рио-Гранде. Первым встретился с этим необычным Джо Суарес, владелец ранчо, который в один прекрасный день обнаружил, что кто-то разодрал на кусочки овец в его коррале за домом в Реймондвилле. Вокруг места происшествия

не было никаких отпечатков следов, и полицейские, взявшиеся за расследование, не могли понять, каким же образом были убиты животные. Еще хуже, что единственная зацепка была совершенно абсурдного свойства. В ночь, когда произошло нападение на корраль, Джо Суарес проснулся от странного шума – хлопанья крыльев над самым его домом. Он был убежден, что тот, кто производил такой шум, был гораздо крупнее любого из местных канюков. И у полиции, по описанию ранчero, составилось впечатление, что существо должно было обладать воистину гигантскими размерами. Вполне понятно, что блюстители правопорядка сочли убитых овец вполне достаточной жертвой для одного дня и просто уверили мистера Суареса: что бы там ни хлопало крыльями ночью, оно больше не вернется.

Но оно вернулось и отомстило за такое неуважение к себе. Через несколько дней, 14 января, когда Армандо Гримальдо сидел, покуривая сигарету, на заднем дворе тещиногo дома в северной части Реймондвилла, нечто, которое он описал потом как «адскую тварь», вдруг спланировало на него с неба. Летучее создание с размахом крыльев в десять-двенадцать футов, с черно-коричневой кожей, клювом с длинными зубами и жуткими красными глазами вцепилось в Гримальдо своими когтями, пытаясь поднять его в воздух. Когда люди, находившиеся в доме и встревоженные душераздирающими криками Гримальдо, выбежали наружу, то как раз застали момент, когда создание удалялось в ночную тьму. Серьезно раненного и пребывающего в шоке ранчero поместили в местную больницу графства Уоллэйси.

Как и многие люди, встретившиеся с необъяснимым, Армандо Гримальдо и его семья стали объектом насмешек и враждебности со стороны большинства техасцев, которые просто не могли поверить во всю эту историю. Но время шло, и странные происшествия продолжались, 31 января нечто огромное врезалось в трейлер Альверико Гвайарде неподалеку от Браунсвилла. Когда мистер Гвайарде выбрался из кабины, чтобы разобраться, что произошло, то столкнулся с существом, которое он позже описал как «нечто» с другой планеты. Тварь с длинным клювом и крыльями без перьев, как у летучей мыши, грозно приплясывала на земле и двигалась по

направлению к нему, издавая ужасные, каркающие горловые звуки. Гвайарде бросился обратно в машину и уже через окошко видел, как существо поднялось в воздух и отбыло в темноту.

Почти весь следующий месяц ничего подобного не происходило, однако 24 февраля три школьных учительницы, ехавшие на работу в Сан-Антонио, стали свидетелями медленного полета в вышине некой гигантской рептилии с размахом крыльев от 15 до 20 футов. Впоследствии, повествуя о происшествии, одна из учительниц, Патрисия Брайант, рассказала, что она могла разглядеть кости крыльев, покрытых одной кожей, и что оно скорее использовало их как плоскости для парения, чем обычные маховики, как это бывает у птиц. Три учительницы уже после описанной сцены внимательно изучили изображения динозавров в энциклопедии и опознали в чудовище птеродона, вид летающих ящеров, который, по мнению палеонтологов, не существует вот уже 150 миллионов лет.

Но три школьные дамы были не единственными жителями Техаса, видевшими странных существ 24 февраля. Другие автомобилисты также сообщают о чем-то подобном, уточняя, что когда динозавр пролетал низко над машинами, то тень от него закрывала всю дорогу. В другом месте рейнджеры заявили, что видели издалека, как похожее чудовище кружило над стадом скота. Занятно – как только история стала завоевывать некоторое доверие у публики, посещения крылатых чудовищ прекратились. Существ не встречали целых шесть лет, вплоть до 14 сентября 1982 года, когда водитель машины «скорой помощи» Джеймс Томпсон совсем вблизи увидел, как одно из них пролетало над шоссе № 100 у Лос-Френсона, в Техасе близ мексиканской границы. Описывая то, что он видел, репортерам местной газеты «Уэлли морнинг стар», Томпсон сказал, что шкура животного напоминала какую-то сероватую грубую материю и была совершенно лишена перьев. Длина тела составляла примерно десять футов, размах крыльев от пятнадцати до шестнадцати, из затылка торчала какая-то выпуклость, шеи почти совсем не было, а на горле имелся зоб. В своем рассказе Томпсон определенно отнес виденное им существо к птеродактилям.

Стоит ли принимать все эти истории всерьез? Логичным будет конечно же ответить «нет», но тогда мы ни на дюйм не продвинемся в

разрешении вопроса: а почему они продолжают накапливаться год от года? Вникнув во все детали описаний, вряд ли кто-либо осмелится объяснить их рассказы простой путаницей с самолетом или птицей намного крупнее обычной. Не легче представить себе и то, зачем, собственно, этим людям могло понадобиться сочинять подобные истории. Но если летающие динозавры действительно живут на севере Американского континента, то почему они не появляются чаще? Самая гнетущая сторона подобного типа загадок в том, что как только кто-либо с ними сталкивается, то одновременно встречается и с целой кучей необъяснимых противоречий.

В 1977 году, вслед за первой волной сообщений о появлении птеродактилей в небе Техаса, Международное общество криптозоологов, организация, изучающая разные сведения о неизвестных или признанных вымершими животных, объявила, что подобные существа вполне могли выжить и остаться не обнаруженными в высокогорных областях Сьерра-Мадре-Ориенталь, мексиканской территории в 200 милях к северу от долины Рио-Гранде, одной из самых малоизученных в Северной Америке. Ведь когда-то там действительно обитали гигантские существа типа летающих ящеров. Не так давно, а именно в 1972 году, из скалы в национальном парке Биг-Бенд были извлечены костные останки огромного птеродактиля с размахом крыльев в пять метров. Но, даже располагая подобным доказательством их существования в прошлом в данной местности, все еще трудно представить, что некоторые из них могли остаться необнаруженными – за исключением двух десятков встреч, имевших место за последние 20 лет.

И без сомнения, это одна из тех загадок, от которых скептики могут отмахнуться со спокойной душой. И до тех пор, пока не наступит день, когда летающий ящер будет подстрелен в небе или окажется живым в вольере, мы уверены – все так и останется.

ОСТРОВ БАРСА-КЕЛЬМЕС

Об этом острове в Аральском море ходит много невероятных историй. Одна из них – о сохранившихся там доисторических формах

жизни.

Журналист Г. Новожилов, случайно задержавшийся в приаральском городе Муйнаке, описывает беседу со старым рыбаком Нурпеисом Байжановым. Его дед и отец, рыбачившие однажды около острова Суджок (старое название Барса-Кельмеса), увидели, как из «белого камня, лежащего высоко над морем в обрыве берега, вылупился шайтан – ростом с теленка, крылья больше паруса, клюв длиннее его самого, да с зубами...». Испуганные рыбаки покинули остров, махнув рукой на вяленую рыбу, которую они заготавливали все лето и оставляли в этом безлюдном месте. Зимой на остров откочевал аул, а весной дед и отец, отправившись на остров, не обнаружили там ни людей, ни скота, ни живых, ни мертвых, только три опустевшие юрты. В одной из них на полу лежал труп «шайтана». Чудовище «напоминало огромную летучую мышь, только у него была громадная пасть, вытянутая, как птичий клюв. В пасти торчали острые, как клыки, наклоненные вперед зубы. Длинный и очень тонкий хвост...».

Байжанов показал Новожилову зуб существа, переданный ему отцом перед смертью. «Это был зуб – настоящий зуб, только странной формы и необычных размеров... И это не был зуб, пролежавший в земле миллионы лет и случайно найденный. Нет, блестящий и гладкий, он был совершенно свежий, без малейших следов окаменелости, свойственной ископаемым костям». Расстаться с зубом Байжанов не пожелал, но позволил его сфотографировать. Новожилов пишет, что отправил снимки в Палеонтологический музей, и там зуб опознали как принадлежащий летающему ящеру птеранодону из отряда птеродактилей (вымер около 145 миллионов лет назад).

Никаких дополнительных данных, подтверждающих либо опровергающих сообщение Новожилова, не найдено. Если не считать нескольких фраз в интервью директора заповедника Барса-Кельмес (образован в 1939 году) А. Самойленко корреспонденту газеты «Ленинская смена» (1964).

"Не пишите, что остров сплошь населяют невиданные чудовища. Особенно летающие змеи. Пишите о том, что увидите собственными

глазами... А больше нас вам увидеть, вероятно, не удастся. – А кому-то удалось?

– Увидеть – нет, – смеется Александра Ивановна, – а вот придумать – да".

Доктор биологических наук М. Исмагилов, работавший долгое время на острове, заверил нас, что никогда не видел там ничего, подобного внезапно затянувшей небо дымке – мареву, и часы его никогда не отставали.

И все-таки ходят упорные слухи, что в 30-х годах на Барса-Кельмесе пропала целая экспедиция. Правда, один из ее участников в конце концов выбрался к поселению, но – спустя три месяца, и был сразу направлен в психиатрическую лечебницу, так как уверял всех, что пробыл на острове лишь три дня. Что случилось с остальными участниками экспедиции, он сказать не мог...

ГИГАНТСКИЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ

В послеобеденные часы 31 октября 1983 года ремонтная бригада из округа Марин, Калифорния, работала на участке хайвея № 1, как раз там, где он проходит над берегом океана. Прямо внизу под ними расстились песчаные пляжи Стинсон-Бич, а за ними безбрежный Тихий океан. Незадолго до двух начальник бригады прервался на перекур и взглянул на море – что-то не очень понятное и большое плыло по поверхности в сторону берега. Он тут же позвал товарища, Мэтта Ратто, сходил за биноклем и стал рассматривать плывущий предмет.

Ратто, взявший бинокль у друга, через стекла прибора увидел гигантское, темного окраса животное в четверти мили от берега. Такого он еще никогда не видел: тонкое, в сотню футов длиной, с тремя вертикальными горбами! Так осенним днем Ратто впервые наблюдал... морского змея. Он четко видел, как животное высунуло голову из воды и огляделось. Потом, резко повернув, изменило направление, голова снова ушла под воду, и тварь подалась мористее. Другой очевидец, водитель трака Стив Биора на глазок определил скорость ее движения – 40-45 миль в час. Биоре, видевшему только два горба, существо показалось похожим на длинного угря. Все рабочие в тот день наблюдали одно и то же зрелище, и их описания совпадали в деталях – в том, что касалось размеров, окраса и повадок. Другой очевидец, страховой агент Мэрлин Мартин, наверное не желая подмочить свою репутацию, вообще отказался о чем-либо рассказывать на публике. Но его дочь говорила, что он ясно видел чудовище и описывал его как четырехгорбую тварь – самую крупную из тех, какую он когда-либо встречал.

И еще один свидетель наблюдал змея в тот день – 19-летний Роланд Керри. Чуть позже он поведал репортерам, что неделю назад уже видел это существо и рассказал об этом своей подружке, но та подняла его на смех. Но сейчас-то он все прекрасно разглядел и не даст смеяться над собой!

Через три дня после случая в Стинсон-Бич группа наблюдателей видела подобное чудовище в 400 милях южнее, у Коста-Меса. Янг Хатчинсон, 19-летний серфист, поведал, что оно поднялось из воды близ устья реки Санта-Ана, прямо в десяти футах от него. Сначала Хатчинсон воздерживался от разговоров на эту тему, справедливо полагая, что его сочтут «крейзи» сумасшедшим. Но, прочитав в газетах о случае в округе Марин, решился: «Оно было точно такое же, каким его описали рабочие, – длинным черным угрем».

На протяжении нашего столетия таинственные существа регулярно являлись людям по всему Тихоокеанскому побережью, но никто так и не смог определить, о каком же животном идет речь. Ученые склонялись к выводу, что случай 1983 года – это всплывшие останки кита, блестящие в солнечном свете. Другие считали, что это стадо морских свиней, вытянувшихся в цепочку. Ратто и Хатчинсон отклонили эти предположения: оба прекрасно знали, что представляют из себя киты, и были твердо уверены, что то, что они видели, никак не китообразное!

Конечно, вполне может случиться, что эти двое, да и другие тоже, столкнулись с каким-то уже известным феноменом, но не смогли распознать его. Не исключено также, что случай 31 октября был и розыгрышем, обычным в День всех святых, или массовой галлюцинацией. Или же в передачах новостей приукрасили их свидетельства, а на самом деле речь шла о призраке.

С другой стороны, свидетели из Стинсон-Бич и Коста-Месы действительно могли видеть неизвестного науке морского обитателя, даже представителя древней, вымершей фауны, как заметил один биолог. Это могло быть любое существо далекой эпохи, о наличии которого наука и не подозревает.

Чудовище – это по определению нечто, что никак нельзя втиснуть в привычные рамки общеизвестного; слишком странное, чересчур огромное, нелепое, страшное, злое, слишком опасное для того, чтобы оказаться реальным. Еще на заре истории люди сочинили сказки о фантастических чудовищах – огромных и скрытных существах, весьма редких и малоизвестных. Они захватывали воображение поэтов, моряков, деятелей церкви и просто обывателей, манили как магнит шарлатанов и искателей легкой славы и наживы. А сами эти

твари постоянно ускользали от охотников, прячась в самых потаенных уголках морей и океанов, рек и озер, гор и лесов...

До середины 60-х годов все свидетельства, касающиеся морского змея, имели одну общую черту – то были субъективные устные сообщения тех, кто утверждал, что видел чудовище. И вот в 1965 году появилось иного рода доказательство. Французский фотограф Робер Ле Серрек сообщил, что ему удалось сделать первые подлинные снимки морского змея. По его рассказу, встреча со змеем состоялась возле побережья штата Квинсленд, в Австралии, 12 декабря 1964 года. Серрек плыл на моторной лодке с семьей и другом Хенком де Джонгом по бухте Стойнхейвен, когда его жена заметила огромный продолговатый предмет на песчаном дне менее чем в шести футах от поверхности воды. Де Джонг подумал первым делом, что это крупный затонувший ствол дерева, но тут же стало ясно: это живое существо, оно извивалось, как гигантский головастик с крупной головой и сходящимся на конус змеиным телом. Ле Серрек сделал несколько снимков, потом подплыл на своей моторке ближе и стал снимать кинокамерой. Теперь стала различима пятифутовая рваная рана на спине и широкая голова, напоминающая змеиную.

В этот момент дети Ле Серрека сильно испугались. Взрослые отвезли их на берег на шлюпке, а сами продолжали наблюдение. Поскольку существо оставалось неподвижным – было серьезно ранено или даже мертво, – они подобралась еще ближе, разглядели два глаза наверху головы и равномерно идущие коричневые полосы вдоль черного тела. Ле Серрек с другом задумались, как бы заставить его подвигаться, но побоялись, что оно может перевернуть лодку. И тем не менее решились нырнуть, чтобы лучше все разглядеть, с камерой для подводной съемки и подводным же ружьем.

Под водой было темнее, чем наверху, и на расстоянии 20 футов ничего нельзя было разглядеть. Ясно было одно: это настоящий гигант – от 75 до 80 футов длиной и четырехфутовыми челюстями и двухдюймовыми глазами, которые при закрытых веках казались палево-зелеными. Вдруг, когда Ле Серрек начал фотографировать, чудовище неожиданно приоткрыло пасть и медленно, с угрозой повернулось в сторону людей. Друзья срочно всплыли. Быстро забравшись в лодку, они увидели, что животное исчезло. Жена Ле

Серрека видела, как оно поплыло в сторону открытого моря, совершая горизонтальные извивы – типичные для угря или рептилии, но никак не для млекопитающего.

4 февраля 1965 года Ле Серрек поведал миру эту историю, вызвав жгучий интерес и, естественно, очередной приступ скепсиса. Сомневался даже заядлый криптозоолог уроженец Шотландии Айвен Сандерсон, автор многих книг и натуралист, живо интересовавшийся потаенными формами живого. Несмотря на то что снимки, сделанные Ле Серреком, представлялись подлинными, его киносъёмка была расценена специалистами как неполноценная и являла собой «какую-то мазню и сплошные пятна». То, что виделось на снимках, не могло быть объяснено с точки зрения имеющихся данных науки, и эксперты вынуждены были признать, что не исключена возможность подделки. Особое подозрение, пишет французский криптозоолог Б. Эйвельманс, вызывали неменявшееся положение глаз животного, быстрое перемещение детей, которые могли выдать взрослых и изобличить обман, и – главное – противоречивый факт: почему люди побоялись спровоцировать змея к нападению с лодки, но осмелились сделать это под водой?

Возникли вопросы и относительно личности самого Ле Серрека. Он разыскивался Интерполом в 1960 году. На его яхту был наложен арест, он скрывался от своей команды. В свое время он говорил этим людям, что собирается как следует заработать, возможно, с помощью морского змея.

Вернувшись во Францию в 1966 году, Ле Серрек был осужден на шесть месяцев тюрьмы. И вот несколько месяцев спустя после вынесения приговора журнал «Пари-матч» опубликовал облетевшие весь мир фотоснимки предполагаемого морского змея, поддерживая утверждение об их достоверности и неверно цитируя двух экспертов – А. Сандерсона и профессора Пола Буткера. Опровержений не последовало, и материал наделал много шума.

Некоторое время спустя снимки снова всплыли, но уже в связи с другой историей – о морском змее в британской бухте Фалмут: легендарное морское чудовище все же пережило века и заняло свое место среди загадочных животных. «Моргавр» – древнее кельтское слово, обозначающее морского гиганта, впервые было употреблено

в новое время в 1876 году и прозвучало, по меньшей мере, дважды в нашем столетии, но свидетельства очевидцев были признаны слишком расплывчатыми и далекими от истины.

В 1975 году началась новая полоса наблюдений, а в феврале следующего года женщина, оставшаяся в анналах криптозоологии под именем Мери Ф., явила миру некую фотографию. Снимок сопровождало описание 15-18-футового существа, которое предстало на фотографии похожим на слона с поднятым хоботом, но вместо хобота у него была длинная шея с небольшой головой на конце, как у змеи. Существо имело множество горбов на спине, а кожа была коричневой или черной, «как у морского льва». Сама фотография казалась подлинной; негатив же дама не предъявила.

Историей моргавра заинтересовался американский профессиональный иллюзионист и устроитель карнавалов Энтони Шилс. Он начал изучать снимки чудовища. Однако благодаря его репутации шоумена исследования Шилса не были признаны «высоконаучными». Он утверждал, что морские чудовища вовсе не такие уж неведомые науке животные и обнаружить их нетрудно с помощью разных колдовских приемов и телепатии. И вот на Пасху 1976 года три колдуньи-самоучки, которых звали Психея, Вивьен и Аманда, пытались «вызвать» моргавра, плавая «без ничего» в Фалмутской бухте, однако безрезультатно. Но в 1980 году дочь Шилса заявила во всеуслышание, что ей удалось увидеть змея, применяя все ту же колдовскую технику.

Сам же Шилс уверял публику, что видел существо несколько раз. Впервые это произошло в 1976 году в компании Дэвида Кларка, издателя журнала «Корниш лайф», который отнесся к наблюдениям Шилса весьма скептически. С тех пор множество людей, в том числе банкиры, историк искусства, рыбаки и работники Британского телевидения, неоднократно заявляли, что видели моргавра.

Среди свидетелей была и англичанка Шейла Берд, автор книги «Фалмут позади», и ее брат, австралийский ученый Эрик Берд, гостивший в то время у сестры. Вечером 10 июля они прогуливались по западному склону Портскатто, как вдруг Эрик начал всматриваться в море. В воде прямо под ними плыло огромное существо в серых пятнах, с маленькой головкой и гигантским горбом.

Со своего выгодного места наблюдения брат с сестрой смогли разглядеть сильный мускулистый хвост под водой. Хвост был такой же длины, как и само тело, и все существо было длиной примерно от 17 до 20 футов. Моргавр быстро и величаво двигался по водяной поверхности, высоко подняв голову, а затем камнем ушел на глубину. Шейла Берд полтора месяца никому не рассказывала о своем наблюдении, потому что это совпало с презентацией ее книги, и она опасалась, что ее сообщение отрицательно повлияет на распродажу тиража.

Хотя многочисленные свидетельства о фалмутском феномене не всегда совпадают в деталях, все же все вместе они являют такую картину: длинношеее существо с маленькой головкой и одним или несколькими горбами. Правда, моргавр маловат для морского змея; как и Берд, большинство очевидцев указывали на их размеры между 12 и 20 футами, хотя в одном сообщении говорилось о чудовище вдвое большей длины.

Северная Америка также внесла свою лепту в «змееведение», причем не только ее Калифорнийское побережье. Например, туристы и местные жители неоднократно сообщали о «кадде», так называемом чудовище Ванкуверского озера, – скорее всего, об американском гривастом собрате фалмутского морского змея. В 1969 году два морских исследователя из университета Британской Колумбии, океанограф Пол Леблон и биолог Джон Сиберт, задались целью собрать неопубликованные сообщения о чудовищах этого района. Ученые подготовили вопросник и разослали его во все газеты побережья Британской Колумбии, а также в клубы рыболовов, на маяки и прочие заведения, связанные с морем. Ответы не заставили себя ждать.

Наиболее типичным из всех свидетельств, полученных Леблоном и Сибертом, было сообщение от некой миссис Стаут из Кламат-Фоллс, штат Орегон. В марте 1961 года она вместе со своей двоюродной сестрой и двумя племянниками дошкольного возраста гуляла по берегу пролива Хуан-де-Фука, разделяющего американский штат Вашингтон и канадскую провинцию Британская Колумбия. Сначала они увидели в проливе грузовое судно, а когда оно прошло, смогли разглядеть нечто, что сначала показалось им деревом,

покачиваемым волной на поверхности воды. Внезапно ствол исчез и потом возник снова, уже ближе к берегу. Женщины воззрились на странное морское существо. Позже мисс Стаут описала его как животное с крупной головой, шестифутовой шеей, пышной гривой и тремя горбами. Само тело угадывалось лишь по движению шеи и покачиваниям головы. Монстр двигался вперед с поистине лебединой величавостью и погрузился в глубину почти перпендикулярно. «Если не считать горбов, – вспоминала миссис Стаут, – его вид напоминал растительноядных, живших в болотах динозавров». «Сначала, – продолжала она, – голова у него была повернута в сторону, будто существо рассматривало проходящее судно. Затем оно нырнуло и появилось уже ближе к свидетелям». Один из племянников испугался и заплакал. Теперь существо, видимо уже заметив наблюдателей, снова пропало и в следующее мгновение всплыло чуть дальше. Женщины успокоили мальчика, сказав ему, что животное само их боится, как на самом деле, скорее всего, и было.

Леблон и Сиберт опубликовали результаты своих исследований в 1973 году. Всего набралось 23 четко ограниченных в пространстве и во времени, сжатых и выразительных сообщения.

По другую сторону континента обитатели районов, примыкающих к Чесапикскому заливу, сообщили о спорадических появлениях местного чудовища, известного под именем Чесси. Оно было известно здесь с прошлого века. Темно окрашенное, похожее на рептилию, существо начало появляться регулярно в середине 60-х, пока в 1982-м не угодило на видеокамеру некоего Роберта Фрю, жителя штата Мэриленд.

26 мая того года Фрю с женой Карен принимали друзей в своем доме на Кент-Айленде и разглядывали бухту. Около семи вечера чета Фрю с гостями заметили чудовище в спокойных чистых водах в 200 ярдах от дома. Сначала его увидел в бинокль хозяин, сбегал за видеокамерой и стал снимать из окна спальни. Существо, вспарывая поверхность воды, резко направилось к купальщикам. Из дома стали кричать пловцам, предупреждая об опасности, но те не могли слышать их крики. Существо нырнуло и проплыло под купавшимися, которые так и не заметили его, даже когда оно появилось по другую от них сторону. Фрю прикинули, что темно-

коричневое тело с горбами имело 3035 футов в длину и фут в диаметре. Но поскольку над водой выступала все время только одна какая-либо часть тела, точно определить размеры не представлялось возможным.

Криптозоологи очень надеялись на видеозапись семьи Фрю, полагая, что она наконец-то прольет свет на загадку морского змея. И вот 20 августа семеро ученых собрались под крышей Смитсоновского института в Вашингтоне, чтобы посмотреть пленку. Председательствовал герпетолог Джордж Зан, ведущий специалист Международного общества криптозоологов, ставший позже руководителем отдела зоологии позвоночных в Смитсоновском институте.

В результате трехчасовых дебатов пленку признали неубедительной, она оказалась нечеткой, и существо не было видно достаточно ясно для того, чтобы составить более или менее приемлемое представление о его размерах. На пленке временами появлялась некая «угловатая структура, видимо, начало или конец тела, но ни глаз, ни ушей, ни рта не было видно». В конце концов Зан сообщил, что у всех наблюдавших видеозапись создалось представление о некоем объекте животного происхождения, но явно не о ягнятах, плавающих в луже с трухой, как выразился один подводный фотограф. К сожалению, эксперты так и не пришли к решению, какой именно объект они наблюдали на экране.

А вот какое необычное сообщение опубликовал солидный журнал американских ВМФ «Ауэр нейви»:

"Подводная лодка «Хай-2» ВМС Германии находилась примерно в 250 милях к северо-востоку от Бермудских островов. Она шла малым ходом на глубине около двух километров.

Перед глазами впередсмотрящего матроса Детерлинга мелькали водоросли, медузы, рыбки и морские звезды. И вдруг на экране локатора появились две яркие светящиеся точки. Что это? Чужая субмарина? Но почему тогда молчит запросчик, фиксирующий появление чужого подводного судна?

Светящиеся точки, приближаясь, росли в размерах. Вот уже они занимают почти всю верхнюю часть экрана. Одновременно в наушниках Детерлинг услышал тревожный голос вахтенного

офицера: «Впередсмотрящий, в чем дело? Доложите о характере объекта по курсу!» Лодка резко сбавила ход.

Матрос попытался ответить, но странная слабость наполнила его тело, а перед глазами поплыли красные и малиновые круги. Из последних сил, преодолевая невероятную слабость, Детерлинг посмотрел на шкалу кренометра – все в порядке, лодка в нормальном положении. Но чудовищная сила буквально вжала его в кресло. И вдруг лодка остановилась.

Боцман Дитер Йост первым забил тревогу. Он знал: ни с того ни с сего субмарины в походе не останавливаются. Бросился к своему первому посту. Его напарник лихорадочно ощупывал лучом пространство вокруг лодки. «Какие-то огни и искры, – пожаловался он приятелю, – наверное, русские или янки развлекаются, опробуют на нас свои новые штучки». Но вдруг экран погас. Тут же завывала сирена – сигнал тревоги. Подводники почувствовали что-то серьезное.

Командир «Хай-2», корветтен-капитен Освальд-Ульрих Дистервег приказал тщательно обследовать район вокруг лодки. Но все локаторы отключились, хотя до этого работали безупречно. Одновременно слышались звуки, словно по обшивке лодки царапали гигантские когти. Радист пытался связаться с лодкой «Краб-6-Х», находящейся в 100 милях. Но эфир молчал.

У некоторых моряков началось головокружение, из носа пошла кровь. Лодка вдруг стала с бешеной скоростью вращаться вокруг своей оси. Погасло электричество. Лязгающие звуки по обшивке становились все сильнее. Казалось, что какой-то глубоководный обитатель пытается разорвать ее.

Тогда командир приказал произвести залп из носовой импульсной установки. Вокруг субмарины заколыхались волны, словно кто-то пытался перевернуть лодку и взбаламутить всю воду. Вдруг зажглось электричество. Поступила команда на срочное всплытие. Когда субмарина поднялась, на поверхности моря стоял штиль. Но вода вокруг лодки была затянута темной блестящей пленкой. Казалось, что это толстый слой нефти. Взяли пробу. В колбе оказалась плотная желеподобная масса. Она стала быстро менять свой цвет – от маслянисто-черного до бесцветного. Матрос,

державший в руках колбу с пробой, вдруг обнаружил, что его электронные часы остановились. Он с досадой взмахнул рукой с колбой, та выскользнула из руки и полетела в воду. Но не долетела, послышался негромкий взрыв, колба разлетелась на мелкие кусочки. И тут же часы у матроса «ожили». Водолазы, посланные осмотреть корпус лодки, обнаружили на обшивке глубокие продольные вмятины. Казалось, что какое-то неведомое существо пыталось вскрыть обшивку на манер консервной банки. До сих пор неизвестно, что же это было..."

Не обошел своим вниманием морской змей и наши отечественные воды. Вот свидетельства с Черноморского побережья Крыма.

Первое упоминание о чудовище, обитающем в Черном море, можно встретить в крымских легендах. Однако немало и свидетельств современных очевидцев. Видели его и известный поэт Максимилиан Волошин, и писатель Всеволод Иванов, который впоследствии вспоминал:

– Посередине бухты, метрах в 50 от берега, я заметил большой, метров 10-12 в окружности, камень, обросший бурыми водорослями. Камень ли это? Я отклонился назад и заметил, что камень уклоняется вправо. Значит, это был не камень, а большой клубок водорослей.

Однако водоросли начали терять круглую форму, а затем клубок удлинился, развернулся и вытянулся...

Образовавшееся существо волнообразными движениями плыло к левой стороне бухты.

Оно было велико, метров 25-30, а толщиной со столешницу письменного стола, если ее повернуть боком. Нижняя часть его, по-видимому, белая, насколько позволяла понять голубизна воды, а верхняя – темно-коричневая, что и заставило меня принять его за водоросли. Я был одним из многих людей, которые видели чудовище. Но наше воспитание, не приучившее нас к проявлению чудес, тотчас же начало мешать мне.

Чудовище, извиваясь так же, как и плывущие змеи, небыстро поплыло в сторону дельфинов. Они тотчас скрылись. Это произошло 17 мая 1952 года.

Чудовищного змея на берегу под Феодосией видела и Полина Картыгина.

– Я сначала думала, что это бревно лежит, – рассказывает она. – И подружка тоже так подумала. Идем себе по песочку, внимания на бревно не обращаем. А оно вдруг как хлестнет в воздухе – и в море. Только буруны пошли.

В 70-х годах чудовищным змеем всерьез заинтересовались журналисты ялтинской «Курортной газеты» и феодосийской «Победы». Ведь количество свидетелей, видевших странное существо, продолжало быстро расти. Были собраны материалы о крымском варианте Несси. Но сверху последовала команда: отставить, нечего заниматься дурными сенсациями, сосредоточьте лучше внимание на соцсоревновании.

В 80-х годах с морским змеем встретился отдыхающий Григорий Табунов. Причем видел он его не с хвоста, а с головы. Вот что он рассказал:

– На пляж я бегал утром, пока нет народа. Так было и в тот день. Заплыл я в море и только собирался плыть обратно, как заметил в волнах какое-то темное пятно. Дельфин? Какое там! Над водой показалась огромная плоская голова зеленого цвета. Я заорал и еле добрался до берега...

Очередную попытку привлечь внимание общественности к загадке Черного моря сделал журналист Владимир Щербань. Он рассказывал о случае, произошедшем при погружении подводной лаборатории «Бентос-300».

– На глубине примерно 100 метров один из гидронавтов заметил, как по правому борту мелькнула длинная тень. Какое-то существо, лениво извиваясь, подплыло к иллюминатору. Существо напоминало огромного змея серебристого цвета. Через доли секунды существо стремительно ушло на глубину.

Что же это за загадка? Черное море исхожено вдоль и поперек, все выше поднимается черта сероводородного слоя. Откуда взяться в безжизненных глубинах бассейна неизвестному существу? Как знать...

В № 1 «Геологического журнала» за 1994 год опубликована статья директора Карадагского заповедника П. Г. Семенькова, где

рассказывается, что 7 декабря 1990 года бригада рыбаков, вышедшая проверить сети, заброшенные в прибрежных крымских водах, столкнулась со странной загадкой. Сети оказались оборванными. Когда подошли к оборванному краю, то обнаружили запутавшегося дельфина – черноморскую афалину. Подтянув дельфина к носу мотофелюги, рыбаки увидели, что его живот «выкушен» одним укусом. Ширина укуса по дуге была около метра. По краю дуги на коже дельфина четко виднелись следы зубов. Размер следа около четырех сантиметров. Расстояние между следами зубов около полутора-двух сантиметров. Всего по дуге было 16 следов.

Осмотр дельфина продолжался не более трех минут. Вид животного и текущая кровь вызвали сильнейшую панику среди рыбаков. Один из них обрезал сеть, дельфин упал в море, а рыбаки на полной скорости ушли из этого района.

Весной 1991 года рыбаки привезли другого дельфина с аналогичными следами зубов на теле. Вытащили его из сети, которая была установлена приблизительно в том же месте, где нашли предыдущего искусанного дельфина.

В свете сказанного привлекает внимание происшествие, случившееся 12 августа 1992 года. В этот день работник Феодосийского горсовета В. М. Вольский купался в море. Вынырнув, он огляделся и, к ужасу своему, увидел неподалеку огромную змеиную голову размером до полуметра. Пловец изо всех сил рванул к берегу и, выскочив на землю, спрятался за камнями. Через мгновение на том месте, где он находился ранее, появилась голова чудовища. Вольский видел ее отчетливо, даже разглядел кожу и роговые пластинки серого цвета на голове и шее. Как рассказывал он потом, общее ощущение – жуткое.

Мнение ученого: «Гипотеза имеет право на существование» :

Заметки о встречах с таинственным крупным морским животным читаются, с одной стороны, с огромным интересом, а с другой конечно же вызывают определенное недоверие. Неужели в наше время возможно существование каких-то крупных неизвестных науке существ? Однако факты показывают, что мир даже крупных

животных океана изучен далеко не так полно, как это представляется многим. До сих пор идут споры, сколько видов голубых китов живет в океане – один или два? За последние 20 лет открыто, по крайней мере, четыре (по другим, более оптимистическим оценкам шесть) новых вида китообразных, в том числе один довольно крупный – длиной пять метров (гинкозубый ремнезуб). В 1976 году в верховьях Амазонки был открыт новый вид дельфинов – боливийская иния. Это факты, близкие мне как специалисту по морским млекопитающим, и думаю, что ихтиологи могут привести также немало примеров открытия новых видов достаточно крупных рыб за последние годы.

Итак, принципиально в океане могут существовать животные, нам не известные, особенно если они всплывают на поверхность достаточно редко. Морские рептилии, например морские черепахи с их своеобразным обменом веществ, всплывают на поверхность для дыхания в десятки раз реже, чем киты и дельфины.

Сложнее вопрос с возможностью обитания в океане рептилий мозазавров или пеликозавров, которые считаются вымершими десятки миллионов лет назад. Аналогия, конечно, не доказательство, но считавшаяся вымершей сотни миллионов лет назад латимерия преспокойно существует у восточноафриканских берегов и в наши дни, а это не такая уж маленькая рыба – почти 2 метра длиной.

Еще сравнение. Сейчас мало кто из ученых сомневается в существовании кракенов – кальмаров размером более 20 метров длиной, хотя долгое время рассказы очевидцев о встречах с такими кальмарами считались досужими выдумками. Постепенно накопились свидетельства как прямые, так и косвенные – и кракен занял соответствующее место в системе головоногих моллюсков.

Сообщения очевидцев о возможной встрече с гигантской рептилией в океане – не первое из подобных свидетельств. Недавно прошумевшая на страницах печати история с находкой японских рыбаков, которые обнаружили якобы очередного «кандидата в плезиозавры», оказалась вовсе не плезиозавром: по-видимому, японцы нашли полуразложившийся труп какого-то средних размеров китообразного. Но остаются несколько серьезных наблюдений, очень похожих на приводимые в заметке, сделанные в разные годы и в разных частях океана. Одно из них – наблюдения с

борта английского научно-исследовательского судна «Валгалла» в 1903 году в Южной Атлантике: «...позади плавника под водой угадывались очертания какого-то крупного тела. Внезапно впереди плавника появилась угреподобная шея около шести футов (почти два метра. – А. Я.) длиной, толщиной с человеческое бедро, которая заканчивалась головой, похожей на голову черепахи...» Учитывая подобные наблюдения, я в одной из своих научно-популярных книг – «Приключения Гука» (М., 1968, 1971), написанной в соавторстве с В. М. Бельковичем, даже пофантазировал о возможной встрече в океане дельфина с такими существами. Конечно, при всяких рассуждениях относительно обитания в океане крупных животных надо иметь в виду, что сохраниться миллионы лет не могут даже немногочисленные группы, так как необходимо сохранение целых популяций – по меньшей мере сотен и сотен особей (именно по этой причине лох-несское чудовище «не имеет права на существование»: в небольшом озере могут обитать «при всем желании» не более нескольких крупных животных, но несколько особей неспособны сохраниться по эволюционным законам популяционной динамики на протяжении сколь-нибудь значительного числа поколений). Значит, если крупные морские рептилии и живут в океане, избегая как-то встреч с людьми, то при современной насыщенности океана судами такие встречи должны бы быть более многочисленными, чем о них нам пока известно.

И все же я бы так определил современную ситуацию с неизвестными крупными морскими рептилиями: нет каких-либо «убийственных» аргументов против возможности их существования, но пока нет и убедительных доказательств существования их. Эта ситуация – одна из самых романтических в науке – открывает двери перед исследователями и наблюдателями.

А. Яблоков, профессор, доктор биологических наук

МИНЬОКАО, ЙЕСИН, РИВОКСКАЯ ЛОШАДЬ И ИНЫЕ ЗАГАДОЧНЫЕ СОЗДАНИЯ

Во всей Латинской Америке распространен культ змеи. Достаточно напомнить о Кетцалькоатле – «пернатом змее» древних ацтеков. В Перу и Боливии, где существовали высокоразвитые цивилизации, инки поклонялись Амару: этот змей занимал почетное место в их пантеоне, и его изображение фигурирует даже на Вратах Солнца в Тиауанако. Причем интересно, что объекты поклонения не ядовитые змеи, коим несть числа в этих широтах, а удавы, большие боа. Боливийские индейцы и поныне поклоняются «крылатому боа». В Парагвае существует множество устных и письменных рассказов о «звере с коровьей головой, большими зубами и страшными глазами».

Казалось бы, что все это только легенды. Но в прошлом веке путешественник и историк Руи Диас де Гусман описал встречу на реке Парагвай с животным, «явившим из воды свою змеиную голову. Она навела на всех нас такой ужас своими размерами, торчащими из пасти зубами и злобными мелкими глазами, что мы все пали на колени, вознося молитву». Не знаю, помогла ли молитва, но зверь, дважды обойдя пирогу, легко поплыл против течения, не тронув людей.

Из книги Оливье Пекке «То был миньокао...» :

Всадник спешил, привязал лошадь к ограде, не торопясь, с детским старанием вытер расшитые, с окованными носками сапоги, снял пояс с болтавшимся кольцом 45-го калибра и только тогда с улыбкой протянул руку. Сеньор Ричард, хозяин дома, да и не только дома – он еще и мэр деревушки Эль-Кармен, единственной населенной точки километров на триста вокруг на берегу Рио-Бланке, – жмет протянутую руку и усаживает гостя рядом со мной на веранде.

Собственно, человек приехал из-за меня, чтобы ответить на мои вопросы. Но, заставив его проделать такой путь и прождав столько времени – пришлось посылать ему с попутным катером вверх по

реке записку, да не ему самому, а лавочнику Педро, чтобы тот послал работника в лес на асьенду Салека, – разве учтиво было после всего этого немедленно начинать расспросы, как бы мне ни не терпелось!

Мы сидели на дощатой веранде втроем – Салек, сеньор Ричард и я. Я разглядывал гостя: нервный поворот головы, колючие глаза, пружинистая фигура. Сразу видно, что этот владелец крупнейшей асьенды на берегу озера Уачи человек волевой, не склонный к прекраснотушной фантазии, да и вообще не отличается разговорчивостью. Но вот хозяин обращается к нему:

– Амиго, расскажите приехавшему сеньору вашу историю на Уачи.

– Охотно. Я только что купил себе лодку – ходкое судно, отличный мотор – и решил опробовать ее на озере. С собой я захватил двух подростков-индейцев, из тех, что обычно прислуживают мне. Мы сделали круг и уже возвращались, как вдруг мальчики с воплями указывают мне на что-то. Я смотрю туда и вижу, как по направлению к нам с большой скоростью движется что-то черное, поднимая почти метровую волну. Я не успел рассмотреть, что это было, но могу сказать одно: ни одно животное и ни одна рыба не способна поднять такую волну. Откровенно, мне было не до смеха. Я уже решил, что пробил мой час.

Он широко улыбнулся и развел руками:

– Но, как видите, я перед вами. Все обошлось. Правда, потом еще два или три раза я видел, заводя мотор, у берега эту громадную сикури – метров пятнадцать-двадцать, не меньше. Ее беспокоил шум мотора, так я полагаю...

– Пятнадцать-двадцать метров? Но ведь вы ни разу не видели ее целиком...

Салек покачал острым носком сапога: – Я не первый год живу здесь. Я видел достаточно сикури нормальной длины и даже по восемь, десять метров, но, уверяю вас, они не способны поднять волну метровой высоты. Так что там была гигантская сикури.

С очевидцами охоты на гигантскую анаконду я разговаривал много раз. Инженер-мелиоратор из СантаКрус дон Луис Сильва рассказал мне следующий эпизод. Три года назад, отправившись стрелять кайманов в излучине реки Гуапоре, он увидел вдруг громадную сикури, пожиравшую крокодила. Потрясенные этим

зрелищем, охотники стояли несколько минут ошеломленные. Змея, поглощавшая каймана, заметила людей и сделала угрожающее движение в их сторону. Охотники разрядили в нее свои карабины.

– Я выстрелил ей в голову четыре раза, – сказал дон Луис. – Правда, попасть было нетрудно, потому что голова змеи была не меньше полуметра в ширину. А в длину змея вытягивалась на двадцать пять метров.

Когда я спросил, почему он не снял с нее шкуру, дон Луис минуту не мог прийти в себя от изумления, а потом разъяснил, что это была бы работа на полдня для десятка пеонов – и работа абсолютно бессмысленная, ибо шкура не имеет никакой ценности, к тому же она невыносимо воняет, и наконец, если бы даже они сняли шкуру, он не видит, каким образом они бы смогли вытащить из болота такой груз.

Спешу сказать, что большинство людей, рассказывавших мне о гигантской змее, – простые, спокойные люди, живущие всю жизнь в болотистой пампе, люди, знающие цену словам. Никто не пытался водить меня за нос побасенками о десятиметровом ягуаре, о попугае величиной с кондора или фантастическом тарантуле. Для этих охотников и лесорубов существование громадной сикури так же очевидно и буднично, как, скажем, существование бурых медведей для баскских пастухов.

Вот только анаконда ли это?

Здесь настала пора объяснить, зачем я отправился в амазонские джунгли Боливии и шесть месяцев лазил по топким болотам и забытым Богом и людьми озерцам. Я не ставил под сомнение ни рассказы очевидцев, ни само существование громадной змеи. Правда, многие авторитеты с осторожностью отнеслись к термину «гигантская анаконда». Если внимательно прочесть все свидетельства и описания «анаконды», нетрудно заметить, что почти всегда животное видели в полупогруженном состоянии. Поэтому, хотя верхняя часть и похожа на змеиное туловище, ничто не доказывает, что и погруженная часть – змеиная.

С другой стороны, из Бразилии многократно приходили вести о существовании водяного зверя со змеиной головой, не похожего, однако, на анаконду. Его называли там миньокао.

Кто же он, тот таинственный зверь, – гигантская анаконда или неведомый дракон? Ответ на это должно было дать мое путешествие.

Прежде всего давайте выясним, что же такое анаконда. Читаем в «Энциклопедии животного мира» Мориса Бертоне:

«Наименование боа-констриктор обычно относят к большому числу змей-удавов, но оно справедливо лишь по отношению к южноамериканской разновидности, длина которой редко превышает 3,5 метра. Наиболее крупный боа – анаконда, полуводянаяполудревесная змея амазонских лесов. Однако и этого гиганта, чья длина доходит до 10 метров, превосходит ископаемый питон-гигантофис, обнаруженный в Фаюме (Египет), чья длина, как полагают, достигала 16-20 метров: это самая крупная из известных на Земле змей».

Значит, если размеры гигантского змея, о котором рассказывают, точны, это должен быть живой гигантофис.

Но как он попал в Амазонию?!

В изумительной книге зоолога Бернарда Эйвельманса «Следы невиданных зверей» есть глава, где подробно разбираются версии о возможном существовании чудовищного змея. Часть информации исходит из досье Лоренца Гагенбека, одного из руководителей знаменитого Гамбургского зоопарка. Монстр, по его сведениям, появлялся в Бразилии, в Перу и особенно часто в Боливии.

В департаменте Нуфло-де-Чавес провинции СантаКрус, в Восточной Боливии, есть крохотный поселок Эль-Пуэнте. В часе езды верхом от него лежит озеро Святого Рафаэля. На берегу его стоит пастушеский домик. В течение нескольких лет семья пастуха слышала доносившееся из озера «мощное шипение», от которого «дрожала земля».

Однако самого зверя они не видели. В начале 1965 года выпали сильные дожди и всю округу залило. Только домик, стоявший на холме, возвышался над разливом. И вот однажды утром, выйдя из дому, хозяин сделал ужаснувшее его открытие: из воды выходил глубокий, будто проложенный бульдозером, след. След поднимался по холму к корралю, где обычно держали скот (в описываемый момент корраль был пуст), и вновь спускался в воду.

Конечно, лишь существо громадного веса могло оставить такой след – будто в этом месте на берег вытаскивали большой катер. Ширина следа была около 4 метров, и он на метр уходил в глубину.

После спада воды у места происшествия побывало довольно много людей, в том числе и епископ Нуфлоде-Чавеса, который сам сделал замеры.

Конечно, недоверчивый читатель может спросить, какие у меня гарантии того, что, во-первых, это действительно не был след вытаскиваемого катера, а во-вторых, почему бы владельцу домика самому не вырыть эту траншею, чтобы создать себе рекламу? На это я отвечу, что на озере Святого Рафаэля нет ни одного катера таких размеров, а во-вторых, зачем бедному фермеру, которому, ей-богу, есть чем заниматься, копать траншею шириной в 4 метра, когда для рекламы ему было бы достаточно сказать, что он видел громадного змея, тем более что обитатели Восточной Боливии прекрасно знают о его существовании.

Параллельно реке Рио-Бланко лежит цепь озер, уходящая дальше на запад к великим болотам Бени. Болота эти часто покрыты таким плотным сплетением травы и кустарника, что по нему легко проходит стадо коров.

Однажды женщина из близлежащего селения пошла с дочкой к болотному «окну» полоскать белье. Час был поздний, уже начинало смеркаться. Вдруг девочка прибежала домой, плача и дрожа от ужаса. Она рассказала отцу, что из воды высунулась желтая голова на длинной шее, и зверь, схватив маму, утащил ее в воду. Мне поведал об этом сам вдовец. Через некоторое время он выехал на пироге с мотором и тут же увидел поднявшиеся в середине озера крупные волны. Из воды высунулась большая голова, похожая на змеиную. Человек приготовил карабин, но зверь тут же скрылся.

Свидетельства и легенды об огромной змее можно было бы пересказывать до бесконечности, но, собрав их воедино, я смог классифицировать их по двум принципам.

1. Свидетель сразу определяет гигантское существо как анаконду. Форма тела, цвет кожи, способ передвижения в воде и на суше не оставляет никаких сомнений на этот счет. Две детали лишь наводят на размышления. Все в один голос описывают громадные светящиеся

глаза зверя, а у анаконды глазки до того крохотные, что их буквально приходится разыскивать на «кончике носа». И затем, у гигантской рептилии, похоже, торчат страшные зубы, в то время как у средней анаконды они видны, лишь если ей раскрыть пасть и запрокинуть голову. Правда, у страха глаза велики, и эти детали можно отнести на его счет.

2. Свидетель, напротив, не в силах определить вид чудовища или сравнить его с любым известным ему животным: слишком много взаимоисключающих деталей присутствует в описании монстра.

Это заставило меня предположить, что речь идет о двух разных животных, которых я назвал бы за неимением лучших имен гигантской сикури и миньокао.

В первом случае это действительно может оказаться очень старая анаконда. Ведь мы так мало знаем о продолжительности жизни рептилий. Известно, скажем, что марионские черепахи могут жить больше 150 лет. Предполагают, что крокодилы могут достичь такого же возраста. К сожалению, необщительность этих созданий да и невозможность десятки лет держать их под наблюдением не позволили установить, когда приостанавливается их рост.

Так что «гигантская сикури» вполне способна оказаться престарелой анакондой. Почему же они встречаются столь редко? Да потому, что старая змея не может раздобыть себе достаточно пищи сообразно своей длине,

Что касается миньокао, Бернард Эйвельманс пишет, что им может оказаться глиптодонт, разновидность гигантского броненосца, который еще недавно встречался в Южной Америке, и даже... динозавр. Кстати, читая в книге Эйвельманса свидетельства и рассказы о «гигантском морском змее», я был потрясен сходством в описании его и моего миньокао – та же «коровья голова», длинная шестиметровая шея и тело, похожее на ствол дерева. Возможно, речь идет об одном и том же животном, способном жить в соленой и пресной воде! Ведь ловят же возле Иквитоса на Амазонке морских акул за три с половиной тысячи километров от моря. Там же, в Амазонке, резвятся дельфины.

Каким бы немыслимым ни показалось это последнее предположение, его все же стоит учесть – ведь за минувшие

тысячелетия девственный континент Амазонии практически не изменился.

Перенесемся в Старый Свет. Здесь в православных храмах широко распространены иконы, отображающие «Чудо о Змие». На образах, особенно старых, постоянно можно встретить знакомый сюжет – Георгий Победоносец убивает змея или дракона. Если верить древнему преданию, то у этого канонизированного героя есть исторический прототип. Знатный юноша из Каппадокии Георгий – воин, исповедовавший христианство, – появился возле одного языческого города в Ливане. Происходило это в период правления римского императора Диоклетиана. Близ города было болото, в котором неожиданно завелся змей-людоед. Как нередко повествуется в такого рода сказаниях, змей повадился пожирать юношей и девушек. С помощью молитвы воин Георгий поразил чудище и спас дочь правителя города. Благодарные горожане под впечатлением этого подвига поспешили принять христианство.

Специалисты считают, что сей рассказ создан в среде восточного монашества и восходит к устной традиции V-VI веков. Можно вспомнить и известную легенду о Лаокооне с сыновьями, смерть коих послужила отправной точкой в гибели Трои. По утверждению древних авторов, отец с детьми были убиты огромной морской змеей.

Все упомянутые истории объединяет —не только страшный дракон, но и место действия – бассейн Восточномедиземноморского и Черноморского регионов. Судя по античным источникам, описания больших змееподобных существ есть и в трудах Аристотеля, Сенеки, Плиния, Еврипида. На одной из стен древнего ассирийского дворца в Ниневии изображен морской змей, встреченный царем Саргоном II близ острова Кипр. По сведениям византийского историка Прокопия (VI век), близ Константинополя в годы правления императора Юстиниана в Мраморном море было поймано огромное чудовище, полвека топившее корабли в прибрежных водах. Интересно, что подобные свидетельства с наступлением новых времен не прекратились. Наоборот, продолжали появляться с завидным постоянством. И место действия оставалось тем же.

В одной из татарских легенд Крыма «Чершамбе» рассказывается о змеином месте близ села Отузы (современная Щебетовка). Находится это место у речки Отузки и называется Юланчик. Дословный перевод слова «юланчик» – «змеиное гнездо». А сама легенда гласит: «Здесь... в камышах жила змея, которая, свернувшись, казалась копной сена. Правда, убили ее янычары. Акмализский хан выписал их из Стамбула. Но остались от нее детеныши...»

Чем ближе к нашим дням, тем больше, как ни странно, появляется слухов и свидетельских рассказов о загадочном змее-драконе. Так, к примеру, в 1828 году евпаторийский исправник подал донесение о появлении в уезде огромной змеи «с заячьей головой и подобием гривы». Змея нападала на овец и высасывала из них кровь. Две такие змеи были убиты крымскими татарами, о чем исправник также сообщал начальству.

Другое свидетельство относится к Керченскому полуострову. "Однорукий чабан заметил под кустом что-то блестящее, похожее на отполированный дождями бараний череп. Просто так, от нечего делать, он ударил палкой по этому черепу. И вдруг случилось невероятное. Произошел как бы бесшумный взрыв: взлетел вырванный с корнями терновый куст, взметнулся клуб пыли, полетели во все стороны куски зачерствевшей земли. Чабан онемел и перестал понимать, где он и что с ним. Он видел только этот клуб пыли, а в нем своих, словно взбесившихся, овчарок и что-то громадное, извивающееся с чудовищной силой и быстротой. Когда чабан пришел в себя, одна собака была убита, а две уцелевшие с остервенением рвали еще конвульсирующее тело какого-то огромного гада.

Получается, что в исторической ретроспективе существование неизвестного змееподобного животного прослеживается на протяжении тысячелетий вплоть до наших дней. В его описании чередуются чаще всего два варианта – гигантский змей или земноводное с небольшими конечностями и гривой. Кстати, на древних иконах тоже рисовали два типа чудовищ – «змия» или «дракона».

Думается, вполне могло случиться, что когда-то, много веков назад, воин, вооруженный копьем или мечом, выследил страшного

незнакомца и вступил с ним в схватку. Победу же в этом бою, без сомнения, можно назвать героическим подвигом. Не случайно она канонизирована церковью. А значит, главная боевая награда Российской империи основывалась на действительном примере мужества и доблести.

Из письма доктора сельскохозяйственных наук Е. Величко (Краснодар) в редакцию журнала «Вокруг света» :

"В 1966 году я работал экспертом ЮНЕСКО по организации сельскохозяйственного политехнического института в Катибугу (республика Мали). По делам службы мне частенько приходилось бывать в столице республики – Бамако. В одну из таких поездок я отправился вдвоем с женой. По дороге с нами произошла история, которая до сих пор не дает мне покоя.

Приблизительно на половине пути между Катибугу и Бамако, где дорога пересекает глубокий овраг, жена вдруг воскликнула: «Смотри, что это?!»

Справа от нас из оврага резво выбежала двухметровая ящерица. Крупных ящериц нам доводилось видеть здесь немало, особенно в глухих районах страны. Они довольно близки по внешнему виду к нашим среднеазиатским варанам, которых не раз приходилось встречать в Каракумах.

Но этот неведомый мне зверь при всем своем сходстве с ящерицей, вараном разительно от них отличался тем, что был покрыт шерстью! Шоколадной окраски шерсть, насколько можно было судить, длиной около четырех сантиметров, была видна совершенно отчетливо. Можно было даже различить, как она колеблется ветром, как она переливается при изгибах туловища... Я не любитель быстрой езды, да к тому же успел притормозить в пяти-шести метрах от этого зверя. Дело было около восьми часов утра по местному времени, солнце светило в спину, видимость была превосходная. Отчетливо бросался в глаза длинный пушистый хвост, больше лисьего. Мы рассматривали диковинного зверя минут пять, пока, перебежав дорогу, он не скрылся в овраге.

«Никогда бы не мог бы даже предположить, что такие животные существуют! – подумал я. – Но, в конце концов, я отнюдь не знаток местной фауны...»

Вечером того же дня к нам «на огонек» зашли директор института Карамого Думбия и завхоз Бикая Фофана. Вполне естественно, что я рассказал о виденном и спросил, что это был за зверь. Думбия, снисходительно улыбнувшись, ответил, что встреченная мною ящерица описывается в народных сказках, но в действительности ее не существует. Несколько обидевшись, я ответил, что подобных сказок мне слышать не доводилось, а речь идет о том, кого мы видели с женой не далее как двенадцать часов тому назад.

Фофана же, несмотря на исключительную выдержку, присущую настоящему представителю племени бамбара, заметно вспылал и заявил Думбии, что слышал об этом звере и знает нескольких человек, которые его видели, хотя самому ему встретиться с ним не довелось. Сказки сказками, добавил он, но в основе народных преданий все же нередко лежат действительные факты! Однако Карамого так и остался скептиком.

Мы видели это животное один раз. Но есть поговорка, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мы наблюдали его совершенно отчетливо с очень близкого расстояния и достаточно продолжительно, чтобы в общем подробно рассмотреть и запомнить.

Что это было? Может быть, это животное все же известно знатокам африканской фауны? В книгах, сколько ни искал, ответа я так и не нашел".

Поводом для следующего сюжета послужила на первый взгляд совершенно невероятная информация, опубликованная в одной из московских газет. Вот она:

"В Африке живет редкий вид слонов-пигмеев. Их рост не превышает 40 сантиметров. Внешне они ничуть не отличаются от своих больших братьев. Единственная разница – их величина! Детеныши этих карликовых животных выглядят совершенно игрушечными, ведь в длину они достигают не более 10 сантиметров. Карликовые слоники удивительно симпатичные и трогательно беззащитные. Глядя на них, забываешь, что это – дикие животные. А

когда они начинают «трубить», то невольно улыбаешься, так как их хоботки издают лишь слабый писк.

Животным этим грозит опасность вымирания. Охотники-браконьеры продают этих слоников богачам-американцам за баснословные деньги. О существовании уникальных животных стало известно в научном мире после того, как американский зоолог Сидней Томпсон с группой исследователей случайно натолкнулся на стадо этих чудных слонов-пигмеев. Вот что он рассказал позднее:

«Они настолько нас поразили, что мы были не в состоянии поймать хотя бы одного слоника. Мы шли за их стадом в течение часа. Слоники остановились возле речушки, чтобы отдохнуть и напиться воды. Мы насчитали 17 взрослых слонов и 6 детенышей. А потом мы увидели четырех таких же слоников в ближайшей деревне. Там мы и засняли их на пленку».

Действительно, на довольно четкой фотографии маленькие, но выглядящие взрослыми слоники с африканскими детьми. В заметке не назван источник информации. Хотя страну удалось выяснить. Это Кения. Но все же факт сомнительный. Но, с другой стороны, с подобными явлениями ученые уже встречались. Правда – в Юго-Восточной Азии.

Из статьи доктора исторических наук Игоря Можейко «Таинственный зверь йесин» :

Когда вспыхнула сенсация и захлестнула страницы бирманских газет и журналов, когда в спор вступили биологи и монахи, отставные чиновники Лесного ведомства и поэты, я вспомнил, что встречался в этом существом. Или почти встречался.

Это было лет 10 назад в главной пагоде Прома бирманского города на берегу Иравади.

Начинался короткий нежный вечер. В его синеве теплыми желтыми пятнами горели свечи у подножия пагоды, голубыми казались белые цветы в руках паломников и фиолетовыми – оранжевые тоги монашат, что семенили, как утята, за длинным, худым и мрачным наставником. Внизу, под холмом, остались вечно висящие в воздухе облака сладковатой мелкой пыли, пузатые баржи и

древние парходики, из труб которых свечами тянулись дымы. У самого выхода стоял столб с одним из 37 натов – духов. В деревянной руке ната был зажат деревянный меч, и деревянные глаза были отважно вытаращены. Над головой ната горела первая звезда.

Я вступил в темневший коридор, ведущий вниз, к выходу. По обе стороны его тянулись лавки. У некоторых уже зажглись газовые и керосиновые лампы, и тени проходивших металась по стенам и потолку. Ближе всех к платформе были лавки с цветами – белыми и желтоватыми приторно-душистыми гирляндами, лилиями, насаженными на палки, чтобы подольше держались, не склоняли голов, розовыми астрами и легкими нарциссами. От цветочных лавок исходил душноватый сладкий запах парфюмерного магазина или даже какого-то экзотического кондитерского заведения. Над букетами цветов возвышались букеты бумажных зонтиков – золотых и белых. Ниже, дальше от пагоды, были книжные лавки, в которых лежали тонкие книжки и журналы буддийских союзов и бесконечные многотомники комментариев к канону. Пузатые малыши из папье-маше, деревянные слоны, расписанные золотом мраморные статуэтки, бусы, деревянные марионетки, глиняные горшки, четки, снова цветы... Слоники, стоящие рядами, нацелив на покупателя остренькие клыки, со спичку размером, лаковые блюда, серебряные браслеты... У самого выхода, на фоне серого полотнища, украшенного схематическим изображением руки, сидел астролог. Стопкой лежали у его ног заготовки для гороскопов. Рядом с ним расположился торговец волшебными вещами – корешками и веточками, зубами тигров, облезлыми шкурами, костями и талисманами. Торговец стоял над великолепием своих товаров, широко расставив ноги в широких черных штанах. Он был шаном, с гор. А может быть, хотел казаться горцем для придания достоверности своим волшебным вещам. Торговец снисходительно поглядывал на прохожих, никому своего товара не навязывал, не зазывал и не суетился.

Меня шан заметил, незаметным движением достал из-за спины четки сандалового дерева, протянул и, когда я отрицательно покачал головой, так же незаметно спрятал их куда-то. Неподалеку, на ступеньках, должны были стоять мои ботинки. Я отыскал их и присел

на последнюю ступеньку, чтобы обуться. Шан подошел сзади и поводит у меня перед глазами небольшой кожей кобры. Я отказался от кобры. Шан снова исчез. Я надел второй ботинок. Шан принес тигровый клык на цепочке. Клык мне тоже не был нужен. Шан вздохнул, будто я принуждал его расстаться с чем-то весьма ценным, махнул рукой, говоря: «Твоя взяла», и протянул мне мешочек.

– Что это? – спросил я.

– Йесин, – сказал шан.

В мешочке лежал клык, точно такой же, как у деревянных слоников. Тонкий как спичка, остренький на конце, длиной сантиметра три.

– Очень ценная вещь, – сказал убежденно пожилой бирманец в пиджаке, в клетчатой юбке, обувавшийся рядом со мной. – Клык йесина.

– Зачем он мне?

– Любой слон будет вас слушаться, – сказал бирманец.

– У меня нет слона.

Бирманец не стал обращать внимания на очевидную иронию.

– Ие, – сказал он, – вода. Син...

– Слон, – сказал я.

– Да, йе-син – водяной слон. Очень маленький и очень ядовитый. Если укусит большого слона – тот сразу умрет.

Бирманец поднялся, подобрал с земли книгу и букет белых цветов. И ушел.

– Очень дешево отдам, – сказал шан, сохраняя чувство собственного достоинства. У него был вид человека, который хочет сделать мне подарок, ценность которого не очевидна лишь профану.

– Сколько? – спросил я.

– Сто джа.

– Это очень много, – сказал я. – За эти деньги можно купить 10 деревянных слонов. И у каждого по два таких клыка.

Шан печально улыбнулся, взял у меня мешочек и вернулся на свое место. Он потерял ко мне интерес. Он был обижен, но, как воспитанный человек, говорить об этом не стал.

Вечером, после ужина, мы с моим приятелем бирманцем Ко Львином вытащили тростниковые кресла на веранду и поставили их

подальше от голой электрической лампы. На лампу летела ночная живность, обжигалась и сыпалась на серый пол. По потолку носились обалдевшие от обильной добычи гекконы, и летучие мыши пролетали по краю освещенного круга, подхватывая неосторожных жуков.

– Ко Львин, – спросил я. – Кто такой йе-син?

– Йесин? Я никогда его не видел.

– Мне сегодня предлагали его клык.

– Не надо было покупать, – сказал Ко Львин. Они бы тебя обманули. Это они сами делают. Вытачивают из слоновой кости.

– А как узнать, что он настоящий?

– Надо поднести его слону. Если слон убежит, значит, настоящий.

– Послушай, Ко Львин, это какая-то мистика. Почему слон должен убегать от кусочка кости?

– Не смейся, – сказал Ко Львин. – Ты не так давно живешь здесь, чтобы смеяться. Это не сказка. Это самый настоящий зверь. Нет человека во всей стране, который бы не знал о йесине. Только очень мало, кто его видел. Даже мертвого.

Ко Львин достал из кармана сигару, закурил, и белый дым поплыл в стоячем воздухе, разгоняя насекомых.

– Йесин живет в воде. В реках и даже в море, но недалеко от берега, там, где кончается пресная вода и начинается соленая. Он совсем как слон, только маленький, четыре дюйма от хобота до хвоста. Иногда йесин выходит на берег, но не любит там оставаться. Для человека он не опасен. Но слоны его очень боятся. Так боятся, что не входят в воду, если там йесин. Мой дядя работает в Тенассериме в лесу, где валят тик. Он сам видел, как слон Колаун, которого загнали все-таки в реку, затрубил, выскочил на берег и умер. А когда стали смотреть, отчего он умер, нашли две маленькие ранки. И старший махаут – погонщик – сказал, что это следы клыков йесина.

– Может, это была змея? – спросил я. – Слоны чувствуют, если близко ядовитая змея.

– Нет, это был йесин. Ты же знаешь, что бывают слоны-убийцы. Но они не убивают, если махаут их не боится. Махаут, спускаясь на землю, втыкает рядом с собой копьё. Слон знает и не нападает. А

самое надежное средство укротить такого слона – клык йесина. Или даже целый засушенный йесин. Старший махаут всегда носит клык или целого зверя в мешочке. Слон чувствует запах и боится. Если будешь в Тенассериме или в Сандовее, походи к слонам, махауты тебе покажут.

– А ученые йесина видели?

– Не знаю.

– Так почему его не поймают? Почему его нет в зоопарке?

– А дельфины есть в зоопарке? Я сам видел дельфина в Иравади. А такин? Сколько лет все знали, что в горах живет такин, – и только недавно одного поймали, и мы его увидели. А он ведь большой, почти как бык. В Бирме много странных зверей. И много таким места в горах, в лесу, где никто еще не бывал. Бирма большая страна.

Два крестьянина из города Пегу пришли летом 1970 года в Революционный совет Бирмы и передали председателю совета три мумии йесинов. Через несколько дней была создана комиссия крупнейших биологов Бирмы, которой предстояло ответить на два вопроса: что представляют собой мумии и что представляет собой йесин? Так родилась сенсация.

Правда, в отличие от истории со «снежным человеком» и лох-несским чудовищем йесин – существо странной, двойственной природы. С одной стороны, практически никто в Бирме не сомневается в том, что он существует, тогда как подавляющее большинство жителей нашей страны убеждено, что «снежный человек» – явление скорее желательное, чем действительное. С другой стороны, если о «снежном человеке» существует огромная литература, масса гипотез и споров, то маленький водяной слон никогда вниманием прессы не пользовался. Я убежден, что все, или почти все, читатели «Вокруг света» о йесине и слыхом не слыхивали.

И вот прорвалась плотина молчания. Журналисты, писатели и ученые стали вспоминать, что же, кроме всенародной убежденности, говорит о существовании водяного слона.

Во-первых, были летописи, хроники, книги. В одной из них утверждается, что во время похода на Сиам в XVII веке три слона погибли, укушенные йесином. Другая хроника рассказывала о гибели слона в Иравади. В книге Дж. Эванса «Болезни слонов», классическом

труде такого рода, говорится: "Слон теряет способность управлять конечностями, возникают мышечные судороги... голова его падает в воду, и он захлебывается. Это сравнительно обычное явление приписывается бирманцами укусу мифического существа «йесин». Известный исследователь слонов подполковник Уильяме также признает существование этого редкого животного.

Авторы статей о йесинах, заполнивших газеты и журналы, приводили свидетельства очевидцев, рассказы о водяных слонах, истории о гибели слонов и так далее. Но интереснее всего были письма людей, серьезно занимавшихся изучением йесинов. Оказалось, что такие люди есть в Бирме.

Одним из них оказался Бо Тая, или, другими словами, товарищ Тая – один из 30 героев Бирмы, организаторов национальной армии. Вскоре после достижения Бирмой независимости, в начале пятидесятых годов, Бо Тая руководил отрядом, который должен был проложить дорогу в джунглях неподалеку от города Пьинмана. В составе отряда было несколько слонов, и махауты рассказывали о том, что в горном озерке вблизи лагеря живут йесины. Бо Тая, заинтригованный возможностью взглянуть на легендарного зверька, упросил махаутов показать ему водяных слонов. Погонщики отвели его к озеру, и из кустов в бинокль Бо Тая хорошо разглядел йесинов. Затем по его просьбе погонщики расставили в озере ловушки для рыбы, и один из йесинов попался в ловушку. Несколько дней он прожил в канистре из-под керосина, наполненной водой. Однако вскоре сдох. Бо Тая описывает йесина как существо, очень напоминающее слона, длиной около 15 сантиметров, с четырьмя пальцами на лапах и коротким хвостом. Кожа у него почти без шерсти, бурая, по бокам хобота два клыка. Бо Тая полагал, что, хотя махауты уверены в паническом ужасе слонов перед йесинами, нет оснований считать зверьков ядовитыми. Йесин – явно млекопитающее. Больше того, Бо Тая вспомнил, что до войны в городе Пьинман хранилось чучело йесина, пойманного одним из лесников.

Наиболее интересным свидетельством оказались воспоминания ветеринарного инспектора У Ба Мьяина. Ветеринар сообщил, что заинтересовался йесином еще в 1925 году, когда впервые приехал в

Южную Бирму. Он долго искал йесина в маленьких речках, впадающих в океан в районе Сандовея, но лишь в 1930 году рыбак принес ему самку водяного слона, случайно попавшую в сеть. У Ба Мьяин произвел вскрытие зверька, отчет о котором сохранился. Описание животного совпадает с данными Бо Тая, хотя самка, изученная ветеринаром, была меньшего размера, и цвет кожи ее был скорее серым. На каждой ноге у нее также было четыре пальца, длинный хобот достигал земли, зубы йесина были приспособлены для пережевывания растительной пищи. Остатки водорослей обнаружили и в желудке. У Ба Мьяин также полностью отвергает слухи о том, что йесин ядовит. Еще одного водяного слона У Ба Мьяину удалось поймать через пять лет, в 1935 году. Это был самец, у него обнаружили клыки – в остальном описание его полностью совпадает с описанием, сделанным Бо Таем. Самец также оказался вегетарианцем. У Ба Мьяин утверждал, что вскрытие дает основание отнести зверька к отряду хоботных, к слонам.

Комиссия ученых внимательно изучила все свидетельства очевидцев и даже пошла на эксперимент, чтобы проверить утверждение о страхе слонов перед йесинами. Ученые раздобыли несколько талисманов, изготовленных якобы из клыков йесинов, и отправились в зоопарк, где подносили талисманы к слонам. Слоны спокойно глядели на мощи, которые должны были бы повергать их в ужас, но ничего такого не выказывали.

В результате единодушное мнение биологов гласило: вероятность реального существования странного существа, схожего со слонем, но достигающего в длину лишь 10-12 сантиметров, велика. Причем разительно точно совпадающие описания животного, сделанные самыми различными очевидцами, лишенными возможности сговориться, свидетельствуют о том, что йесин – неизвестный еще науке вид (если не род) и вряд ли можно допустить, что за йесина принимали водяных крыс или мышей. Было высказано мнение, что йесин может оказаться неизвестным видом дамана, – есть такие зверьки, кое в чем близкие хоботным, но живут они лишь в горных районах Африки и никакой склонности к воде не испытывают. Еще один представитель животного мира был заподозрен в родстве с йесинами – тупайи, насекомоядные зверьки,; похожие на белок,

которые живут в Юго-Восточной Азии. У тупайи длинное рыльце, напоминающее хобот. Но тупайи – древесные животные.

Биологи, изучавшие проблему водяного слона, решили также, что сходство йесина со слонем, возможно, не такое уж разительное, как кажется с первого взгляда, и создало ему сомнительную и даже страшноватую славу истребителя слонов и окружило его легендами. Йесину стали, к примеру, приписывать «подвиги» ядовитых змей, немало которых водятся в реках и прибрежных водах Бирмы. Легенды, порожденные внешним сходством со слонем, родили суеверия и даже попытки изготовить не только клыки йесинов, но и мумии их. Ведь и мумии, принесенные в Революционный совет, оказались подделками – они были смонтированы из трупов крыс и кусочков слоновой кости.

Комиссия разослала в горные районы Бирмы письма с просьбой местным властям способствовать поимке йесинов. Никто не обольщается тем, что завтра в Рангун привезут этих зверьков, ибо пока не доказано даже само существование их. Но ведь и сегодня ученые обнаруживают все новые и новые виды мелких зверей – обитателей тропических лесов и вод. Возможно, среди не открытых еще жителей нашей планеты ждет своего латинского названия и, может быть, известности маленький водяной слон – неуловимый йесин.

И наконец еще одно сообщение о том, как сегодня продолжают открытия неведомых животных. Автор такого открытия – французский путешественник и писатель Мишель Пейссель, вернувшийся из очередной экспедиции.

Караван участников научной экспедиции намеревался вернуться с Тибета в Дэнкуэн, так как снежные заносы закрыли верхние перевалы. Мишель Пейссель, посоветовавшись с проводниками и носильщиками (всего их было 11), принял решение направиться мало исследованным окольным путем. Он и пять его европейских спутников и предположить не могли, что этот маршрут приведет их в... каменный век.

Сопровождаемый сильными снежными бурями и ледяными ветрами, караван, преодолев перевал на высоте 5 тысяч метров,

оказался в тихой горной долине, которая не значилась на картах. Вот что рассказал М. Пейссель, после того как его экспедиция возвратилась в Париж.

– Посреди пустынной тундры мы увидели девственные леса, в которых росли огромные березы, ивы и хвойные деревья. В не меньшей степени нас удивили и животные, которых мы увидели в этой долине. Обезьяны, похожие на макак, искали под снежным покровом насекомых и листья. Поблизости от обезьян бродил благородный олень, принадлежащий к почти вымершему виду.

Больше всего, однако, нас, европейских ученых, поразило животное, которое до сих пор было известно лишь по наскальным рисункам в пещерах, относящимся к каменному веку. Когда мы наткнулись на первое из этих животных, то сначала подумали о случайной мутации. Но потом мы увидели второе, третье и, наконец, целое стадо. По снегу бежали десятка два лошадей буланой масти. Ростом они были с пони. Головы угловатой формы. Гривы короткие, наподобие щетки. По спине вдоль позвоночника тянулась темная полоса, ноги тоже были черными. И форма головы, и все остальное точно соответствовало найденным в пещерах изображениям лошадей каменного века, которые считались давно вымершими...

Ривокская лошадь – так, по имени региона, где она встретилась, Пейссель назвал неизвестное ранее копытное животное. Ученые полагают, что оно могло бы стать важным звеном в цепи гиппологической эволюции. На это, по меньшей мере, надеются его первооткрыватели,

Дело в том, что до сих пор остаются неясными отдельные стадии развития, в процессе которого на протяжении 50 миллионов лет первобытная лошадь высотой в полметра превращалась сначала в тапиров, зебр и ослов, а потом в грациозных арабских скакунов фризских тяжеловозов и горячих жеребцов американского дикого Запада.

Современная лошадь окончательно сформировалась примерно 5 миллионов лет назад. Тогда она скакала по степям всего Евразийского континента. Пещерные жители, запечатлевшие это животное на своих наскальных рисунках, охотились на него и употребляли мясо в пищу. Первобытная лошадь была оттеснена к

местам своего изначального обитания, когда скифы, жившие на территории нынешней Центральной России, начали – это происходило примерно пять тысячелетий назад – ловить и укрощать пугливых травоядных животных.

Скифские животноводы отбирали только самых крупных лошадей, остальных прогоняли прочь. «Отвергнутые» животные уходили все дальше в дикие, труднодоступные места, так что их больше никто не видел. Поэтому стало сенсацией, когда в 1878 году в Монголии великому русскому путешественнику Николаю Михайловичу Пржевальскому повстречалась «первобытная лошадь». Ученый доставил ее к царскому двору. С тех пор этот вид лошади носит имя ее первооткрывателя.

Другого предка современной лошади французский ученый Пейссель встретил в 1993 году во время своей предыдущей экспедиции в Тибет. По названию региона, где она паслась, ее окрестили нангхенской лошастью.

По внешнему виду и формам открытая Пейсселем ривокская лошадь тоже отличается от своих региональных – тибетских – сородичей. «Она выглядит очень примитивной и очень крепкой» – так участник экспедиции Игнасио Касас охарактеризовал маленькую лошадь с мордой осла.

Участники экспедиции Пейсселя не обладали навыками, чтобы поймать лошадь способом, обычным у народа бонпо. Только один раз путешественникам удалось задержать животное и взять у него пробу крови. Генный анализ этой крови, проводимый в английской лаборатории, должен помочь ученым определить место ривокской лошади в гиппологическом родословном древе.

ИСТОРИЯ С УГРЕМ

По числу загадок обыкновенный угорь может сравниться со многими объектами криптозоологии. Да и сам он, как выясняется, имеет отношение к этой дисциплине.

Долгое время мы не знали об угре главного: каким способом, когда и где он производит потомство.

С самых давних пор люди, разрезая рыбу при приготовлении пищи, привыкли в должное время года находить в ней икру или молоку. Но для угря этого должного времени, похоже, не существовало вовсе. Никто не мог с достоверностью заявить, будто видел икру угря, и около тысячи лет назад Аристотель просто подытожил народный опыт, когда заявил, что «угорь не имеет пола, а порождает его морская пучина».

Чуть позже выяснили, что угри могут довольно долго жить без воды, но только если окружены влажной средой. Отсюда пошли истории о том, что по ночам угри выходят из рек. Такое явление нельзя считать невозможным только потому, что угорь – рыба. Разумеется, он не станет покушаться на горох или воровать молодую чечевицу, поскольку не питается растительной пищей, но он может охотиться на насекомых или земляных червей.

Но если прогулки угрей не порождали больших споров, поскольку с этой мыслью просто соглашались, с вопросам размножения дело обстояло иначе. Тут существовала настоящая тайна. И каждый автор разрабатывал собственную теорию. Конрад Геснер, писавший в 1558 году, пытался еще сохранять непредвзятость, говоря, что все, кто изучал тему об их происхождении и размножении, придерживались трех разных точек зрения. Согласно одной, угри рождаются в иле или влаге. По видимому, эту идею доктор Геснер расценивал не очень высоко. По другой теории, угри трутся о грунт брюхом, и слизь с их тел оплодотворяет ил и почву, и те родят новых угрей не мужского и не женского пола, поскольку у угрей, говорят, нет половых различий.

Третье мнение гласило, что угри размножаются икрой, как и все остальные рыбы.

Чуть позже зоологи поступили очень логично: они анатомировали угрей в надежде найти если не икру и молоку, то хотя бы органы, способные в должное время их выделить. И нашли то, что искали. Одновременно рыбаки предоставили дополнительное и, казалось бы, совсем простое доказательство. Каждый год по осени они замечали, что множество взрослых угрей идут вниз по рекам и исчезают в открытом море. А весной огромные косяки маленьких, в несколько сантиметров длиной, угрей входят в реки и медленно пробиваются вверх по течению. Эти угри прозрачны, поэтому на побережье Европейского континента их называют «стеклянными».

Так около 150 лет назад ученые решили, что спор завершен. Угорь был признан пресноводной рыбой, которая нерестится в море.

Так выглядел этот вопрос в середине прошлого века. Но исследователи не подозревали, какие сюрпризы ожидают их в недалеком будущем.

В 1851 году натуралист Каул поймал очень занятную морскую рыбешку. Она была любопытна прежде всего своей наружностью. Если поместить несколько таких рыбок в аквариум с соленой водой, то на первый взгляд аквариум покажется пустым. Приглядевшись, можно увидеть несколько пар крошечных черных глаз, которые плавают «сами по себе». Долгое наблюдение поможет вам рассмотреть водянистые тени: они, будто хвосты, тянутся за глазами. Вытащенная из воды, рыба эта похожа на лист лавра, только большой. Этаким лавровый листок, сделанный из гибкого стекла, тонкий, прозрачный и хрупкий. Рыбу можно положить на газету или книгу и без труда читать сквозь нее печатный шрифт.

Доктор Каул принялся штудировать литературу в поисках описания этой рыбы и, ничего не найдя, описал ее сам. По научной традиции он подобрал ей и наименование: лептоцефалус бревирострис.

На этом вроде бы все и кончилось. Однако два итальянских ихтиолога, Грасси и Каландруччио, прочитали описание Каупа и решили изучать лептоцефалуса дальше.

Поначалу это была рутина: возле Мессины наловили рыб, приготовили аквариум и посадили туда несколько лептоцефалусов. Рыбки ели, плавали по кругу и выглядели – по крайней мере, те их части, которые были видимы, – вполне здоровыми. Но они уменьшались в размерах! Самый большой из лептоцефалусов имел 75 миллиметров в длину, когда его выловили. Пока за ним наблюдали, он стал на целых 10 миллиметров короче. Кроме того, он похудел и утратил свою листообразную форму. А потом совершенно неожиданно превратился в молодого «стеклянного» угря!

Оправившись от изумления, Грасси и Каландруччио объявили, что открытый Каупом лептоцефалус – не что иное, как угорь в стадии личинки или малек взрослого угря. Речной и озерный угорь тут же стали считаться подростками, которые, возмужав, вновь возвращаются в море. Взрослый угорь, заключили итальянцы, откладывает икру на дно морское и, вероятно, погибает, поскольку никто никогда не видел, чтобы крупные угри входили из моря в устье рек и плыли вверх по течению. Из икры выводятся мальки, которых доктор Каул ошибочно принял за лептоцефалуса. Они остаются в придонных слоях воды до тех пор, пока либо не превращаются, либо готовятся превратиться в молодого угря. Затем молодые угри плывут все в менее соленые воды до тех пор, пока не входят наконец в реки.

Грасси и Каландруччио объяснили, почему лептоцефалус встречается так редко. Потому что сидит у дна моря. Им просто повезло, и они получили личинок из Мессинского пролива, где течения часто выносят на поверхность обитателей глубин.

Если сделать лептоцефалуса более или менее видимым, поместив его на лист черной бумаги, можно заметить, что его тело состоит из множества сегментов. По-научному эти сегменты, похожие на звенья цепи, именуется майомерами. Итальянцы подумали, что количество сегментов может соответствовать числу позвонков у взрослого угря. И доказали, что это так: если у вас достанет терпения пересчитать количество сегментов у малька, вы сможете сказать, сколько позвонков будет у взрослого.

Все это было прекрасно, но история еще не закончилась! Другой год, другое море, другой ученый. В 1904 году в Атлантике, между Исландией и Фарерскими островами, датский биолог Иоханнес

Шмидт, работавший для королевского министерства рыболовства, находился на борту маленького датского парохода «Тор». Закинув с борта невод, Шмидт выловил один прозрачный «лавровый листок», столь прославленный итальянскими учеными. Длиной он мог тягаться с самыми крупными особями из Мессины. Доктор Шмидт почувствовал приятное волнение: лептоцефалус по какой-то неизвестной, но, вероятно, занятой причине оказался у поверхности воды. Но позже таких же прозрачных рыбок стали ловить и в других районах Атлантики.

На морской карте Западной Европы видна линия, где глубина составляет три тысячи футов. моряки называют ее «линией 500 саженой». К западу от нее ~ бездны Атлантики, к востоку – мелкие моря, залившие часть континентальной суши. Шмидт заметил, что приблизительно в районе этой линии в конце лета и скапливаются 75-миллиметровые лептоцефалусы, когда начинаются их превращения, описанные Грасси и Каландруччио. К следующей весне они становятся молодыми угрями и подходят к устьям европейских рек.

После проб и ошибок Шмидт понял, что место, откуда угри начинали свое путешествие, вероятнее всего, было Саргассовым морем.

Саргассово море, незаслуженно слывшееся кладбищем погибших кораблей, которые теряют ход в плавучем клубке толстых гниющих водорослей, на самом деле представляет собой район Атлантического океана, где в теплых водах южных широт растут водоросли особого вида. Имея овальную форму, море тянется с севера на юг примерно на тысячу миль и на две тысячи – с запада на восток. Оно медленно обращается вокруг своей оси, поскольку его непрерывно подталкивают океанические течения и особенно Гольфстрим. Центр этого вращающегося моря находится в нескольких сотнях миль к юго-востоку от Бермуд, а сами острова расположены на краю Саргассова моря. Насколько близко к краю, зависит от времени года, поскольку количество водорослей меняется.

Экспедиция, которой предстояло проследить путь угря к его действительному нерестилищу, отплыла в 1913 году на маленькой

шхуне «Маргарита». Шмидт и его помощники заметили: чем дальше вдоль Гольфстрима продвигались они, тем мельче становились лептоцефалусы. Нерестилище было в районе Саргассова моря – это экспедиция установила точно. Увы, всего через полгода работы «Маргариту» выбросило на берег Вест-Индии. А потом началась мировая война.

В 1920 году Шмидт вернулся к работе – на четырехмачтовой моторной шхуне «Дана» (запомним это название!). И выяснил: европейские угри, покидающие реки Европы осенью, похоже, передвигаются с постоянной высокой скоростью и попадают в Саргассово море к Рождеству и Новому году. Где они мечут икру, еще точно не известно: ее нет в плавающих на поверхности водорослях, хотя они обросли икрой других рыб. Нет ее, похоже, и на морском дне, поскольку океан под Саргассовым морем очень глубок. За первое лето они вырастают до 25 миллиметров, за второе эта длина удваивается, а за третье достигает 75. После превращения они входят в пресную воду и идут вверх по рекам. За три года, предшествующие превращению, они перемещаются примерно на тысячу миль в год, «катаясь» большую часть времени в струях Гольфстрима.

Американские угри тоже мечут икру под Саргассовым морем, но в несколько ином его районе. Их нерестилище ближе к берегам Америки. Американский угорь тоже проходит тысячу миль в год, но вырастает до длины в три дюйма за один год. Больше времени ему на это не требуется, потому что он намного ближе к устью рек, в которых проводит большую часть жизни.

«Сбиваются» ли молодые угри с пути? Пока ничего подобного не замечено! Загадка миграции до сих пор не разгадана.

Подавайте вернемся к той самой тайне, которую мы обещали в начале рассказа.

После плавания в Саргассово море корабль «Дана» участвовал еще в одной экспедиции, кругосветной. Она состоялась в 1928-1930 годах. Коллекция, собранная экспедицией, сейчас находится в лаборатории морской биологии в Шарлотгенлунде. В коллекции есть лептоцефалус, выловленный на глубине около тысячи футов близ крайней точки Африки, 35 градусов 42 минуты южной широты и 18 градусов 37 минут восточной долготы. Этот лептоцефалус имеет

длину... 184 сантиметра! Взрослый угорь этого вида никому не известен... Если он растет в тех же пропорциях, что и обычный угорь, то получается чудовище длиной... более 20 метров. Не будем утверждать, что это и есть морской змей, но давайте все же зададимся вопросом: что бы из него выросло, если б он остался на свободе?

ПЛЕЗИОЗАВРЫ ЛОХ-НЕССА И ДРУГИЕ ОЗЕРНЫЕ ЧУДОВИША

Глубоко запрятавшееся в шотландских плоскогорьях, окруженное горами, утесами и полями, лежит озеро Несс, один из крупнейших пресноводных водоемов Европы. Длина его 24 мили, а ширина редко превышает одну; фантастическая глубина – более 700 футов делает Лох-Несс по объему пресной воды третьим в Европе. А по своей таинственности оно занимает первое место. В его холодных глубинах, темных и непрозрачных из-за частичек торфа, который изобилует на берегах, по приданию, живет неведомое существо.

Среди бесчисленных свидетелей аномального явления – Хью Эйтон, фермер, работавший на поле по соседству с озером у деревни Доре. Однажды в августе Эйтон с сыном Джимом и трое других крестьян задержались на работе до 7.30 вечера. Как раз в тот час они вдруг увидели, как нечто двигалось по поверхности воды. Присмотрелись. «Оно было большое и черное, рассказывал потом Эйтон, – на озере ни ветерка, ни шума. Но „это“ равномерно двигалось вперед».

Неожиданно до фермеров дошло, что они видят лох-несское чудовище, и любопытство взяло верх над осторожностью. Быстренько спустившись к пристани, четверо прыгнули в лодку с подвесным мотором и пустились в погоню.

«Оно двигалось вверх по озеру, – вспоминает Эйтон, – и, приблизившись к нему, мы смогли разглядеть детали. Длинная шея выступала футов на шесть над водой, а голова напоминала лошадиную, только крупнее и более плоская. Тело будто состояло из трех невысоких горбов, было 30-40 футов длиной и четыре – высотой. Окрас был темным, а кожа грубая».

Моторка приблизилась к существу на 50 ярдов, когда оно побольше высунулось из воды, а затем погрузилось вновь, и вода забурлила так, что лодка закачалась; голова снова высунулась, а потом скрылась совсем. «Я запомнил как следует, – добавляет Эйтон,

овальные глаза вверху головы. Никогда не забуду, как они смотрели на нас».

История не сохранила самого первого свидетельства встречи с озерным ящером. Но водяные духи и подобные существа были на протяжении веков частью легенд шотландских плоскогорий. В 565 году в поселке на берегу реки Несс ирландский миссионер св. Колумба участвовал в похоронах человека, подвергшегося нападению чудовища, и, кроме того, священник спас другого – пловца, на которого «набросилась весьма странная бестия», похожая на гигантскую жабу, «только то была не жаба». Чудовище уже было схватило несчастного, но святой отец крикнул: «Уйди, не трогай его! Уходи!» Существо, подбравшееся к пловцу, отступило и погрузилось в воду. Однако достоверность этих событий труднодоказуема.

Древние скотты называли эти создания водяными келпи, лошадьми, быками или просто духами, а матери испокон веку запрещали малышам играть близко от берега реки или озера: чудовище, или что там водится, может принять образ скачущей галопом лошади, схватить малыша, усадить себе на спину и затем с беспомощным маленьким всадником погрузиться в пучину.

Одно из первых современных наблюдений в новейшие времена датируется 1880 годом, когда лодочник; Дункан Макдональд, нанявшийся на сезон, искал лодку, затонувшую в озере. Он обследовал место, где она затонула, как вдруг пулей вынырнул на поверхность. С перекошенным от страха лицом, дрожа, он наконец смог членораздельно сказать, что видел под водой чудовище. Запомнился его глаз – «маленький, серый и злобный». По некоторым сведениям, Макдональд никогда больше близко не подходил в озеру... С тех пор накопилось около трех тысяч свидетельств очевидцев, наблюдавших чудовище как с берега, так и с лодок, в любое время дня – с более или менее многочисленными деталями, в зависимости от воображения того или иного человека. Среди очевидцев фермеры и священнослужители, рыбаки и юристы, полицейские и политики и даже лауреат Нобелевской премии в области химии англичанин Ричард Л. М. Синдж, наблюдавший существо в 1938 году. Дорогостоящие экспедиции обследовали Лох-Несс, исследователи проводили месяцы, осматривая поверхность

озера в бинокли, фрахтовали мини-подлодки, сканировали глубины с помощью" самых современных электронных приборов. Один энтузиаст подсчитал, что на озере проведены сотни часов насыщенных работ, написана библиотека книг и статей, отшумело несколько громких разоблачений, проходят фестивали Несси (почему-то считают, что это существо женского рода).

Но озеро по-прежнему хранит свою тайну. Ни старой кости, ни кусочка кожи или еще какого-нибудь очевидного доказательства существования чудовища. Помимо томов описаний всевозможных визуальных наблюдений свидетельства пополняются лишь сомнительного рода любительскими снимками и расшифровками информации, поступающей с сонаров. Поэтому сегодня загадка озера Лох-Несс так же далека от решения, как и во времена Дункана Макдональда, нос к носу повстречавшегося в торфяной жиже с неведомым существом. Впрочем, это – обычное дело в подобного рода историях. Озерные чудовища – огромные, таинственные, угрожающие людям – часть фольклора многих народов Земли. Жители шотландских нагорий не причисляют себя к чрезмерно романтическим натурам, но признают, что такие существа водятся более чем в пяти местных водоемах, помимо Лох-Несса, конечно. Так, другое озеро – Лох-Морар в последние годы громко заявило о себе, там тоже появилось чудовище – Мораг. Есть сведения об аналогичных существах в озерах Скандинавии, Ирландии, Сибири и Африки. Судя по показаниям очевидцев, у Несси, по крайней мере, два кузена в Северной Америке. На озере Шамплейн, 109-мильном водном пути между штатами Нью-Йорк и Вермонт, а также в Квебеке – родине Шампа, наблюдавшегося более 200 раз и однажды даже заснятого на пленку. А в озере Оканаган в Британской Колумбии люди тоже часто сталкивались с озерным монстром.

По некоторым данным, французский исследователь XVII века Самюэль Шамплейн увидел странное существо в озере, получившем его имя. Но первое доподлинное свидетельство откосится к лету 1819 года, когда лодочник заметил длинношеее существо с головой, высунутой из воды аж на 15 футов; затем последовали схожие описания, и к концу века интерес к озеру возрос настолько, что цирковой импресарио Г. Т. Барнум предложил кругленькую сумму за

поимку чудовища – живого или мертвого. Но больше никакой информации не поступало, и люди начали уже сомневаться: а существовал ли вообще Шамп? Но в 1977 году женщина, проводившая отпуск на берегах Шамплейна, сфотографировала нечто вроде головы на длинной шее, высунувшейся из воды. А в 80-е годы власти штатов Вермонт и Нью-Йорк в виде предупредительной меры решили ограничить доступ туристов к озеру.

История чудовищ в канадских озерах передается из поколения в поколение веками. У индейцев есть легенда о Найтаке, или водяном змее, – полубоге, полудемоне. Они так боятся Найтаку, что, пlying по озеру, задабривают его живыми поросятами и цыплятами, бросая их в воду. Тот, кто этого не делает, рискует жизнью. И тому есть относительно недавнее подтверждение.

В середине 50-х годов прошлого века Джон Макдугалл пересекал озеро в каноэ, за ним плыли две лошади, привязанные к лодке веревками. Обычно Макдугалл свято исполнял древний индейский обряд, бросая в воду мелких животных перед тем, как отправиться в путь, но на этот раз почему-то забыл. Как гласит предание, скоро кто-то стал дергать лошадей за ноги и тянуть вниз. Если бы Макдугалл не выхватил нож и не перерезал веревки, то каноэ вслед за лошадьми пошло: бы на дно.

Несмотря на подобные истории, а может, благодаря им, оканаганское чудовище так бы и считалось просто местным преданием – до 20-х годов нынешнего столетия, когда снова стали поступать свидетельства очевидцев. Все они указывают, что существо это безвредное, и первые страхи обычно сменялись обычным любопытством. Местные жители окрестили его ласковым именем Огопого, а в 1983 году туристская ассоциация учредила приз в миллион долларов тому, кто представит доказательства его существования. Наверняка это было сделано для привлечения отдыхающих, однако члены ассоциации надеются, что кто-то все же заработает деньги. Во всяком случае, сумма была застрахована известной страховой компанией «Ллойд» в Лондоне.

Прошло несколько лет, и вот некая миссис Кларк из Канады живописала «непосредственную» встречу с чудовищем, происшедшую за 13 лет до этого. В 1974 году, будучи подростком, она

плыла по озеру, держась за надувной матрац, в четверти мили от берега, когда «что-то тяжелое и большое задело ее за ноги». Девушка вскарабкалась на матрац и осмотрелась. «Я смогла рассмотреть горб около восьми футов длины, на четыре фута возвышавшийся над водой, двигавшийся вперед», – рассказывала она. Всего же животное имело в длину 25-30 футов и извивалось, горбясь, как гигантский червь.

И все же на каждое наблюдение Шампа и Огопого приходится дюжина свидетельств о Несси. И именно на Лох-Несс собираются в летние месяцы охотники с обоих берегов Атлантики – попытаться поискать его иллюзорного обитателя.

Геологи относят образование озера к эпохе последнего оледенения – примерно 10-20 тысяч лет назад, когда огромный язык ледника вырыл ложе озера в земной коре. У жителей Шотландского нагорья более простое объяснение всему происшедшему. В древние времена, гласит легенда, на месте озера лежала райская долина со священным источником. Его вода, как считали жрецы-друиды, излечивала многие болезни. Но, как и все райские места на Земле, оно тоже находилось под постоянной угрозой разрушения. Друиды предупредили людей, что каждый раз, набрав воду, они должны обязательно положить на место камень, который перекрывает родник.

Все так и было, пока в один несчастный день к ключу не пришла женщина, оставившая дома ребенка одного у очага. Только она отодвинула камень, как ребенок заплакал. Она побежала домой, а вода тем временем затопила долину. Люди бежали в горы, и долину огласили крики: «Tha loch'nis ann!» («Здесь озеро!»). Отсюда и возникло название этого таинственного водоема.

Вполне объяснимо поверье, что на Лох-Несс наложено древнее проклятие: проходя через Шотландию, геологическая складка делит эти земли на две части: с фортом Уильяме на юге и Инвернессом на севере, а над озером дуют сильные ветры, направление которых постоянно. Поверхность то гладкая, как зеркало, то по ней уже гуляют восьмифутовые волны. Столетиями бытует поверье, что озеро никогда не отдает мертвецов. В самом деле, на дне температура

настолько низкая, что тела утопленников уничтожаются озерной фауной раньше, чем газы заставят их всплыть на поверхность.

Два несчастных случая на озере в нашем веке подтвердили его мрачную репутацию. В 1932 году жена известного банкира утонула, плавая на лодке, хотя слыла прекрасной пловчихой, и произошло все в нескольких ярдах от берега. Тело так и не нашли. 20 лет назад известный водный гонщик Джон Кобб разбился, пытаясь превзойти мировой рекорд скорости в гонках на моторных лодках. Условия для соревнований казались идеальными – стояла тихая, безветренная погода. Но лодка буквально развалилась на куски, когда он влетел на скорости 200 миль в час в зону беспокойной воды. Говорили, что «завихрения воды разбудили чудовище». Другие смотрели на вещи проще: гонщик на огромной скорости разбился о волну. Большая часть зеркала Лох-Несса скрыта от взглядов, если смотреть с петляющей дороги, тянущейся вдоль юго-западных берегов; дорога то и дело прячется среди холмов и пролегает через вересковые пустоши. Даже с главной дороги на севере озера поверхность его трудно разглядеть из-за скрывающего ее густого леса. Но на обоих берегах с дороги во многих местах предстает ошеломляющая панорама.

Самое любопытное зрелище открывается в том месте, где озеро наиболее глубокое и широкое, – с развалин Уркуартского замка, бывшей нормандской крепости, построенной, по легенде, колдунами. В свое время став яблоком раздора между нормандскими завоевателями и местными жителями-скоттами, замок XII века сегодня больше известен как наилучшее место на озере, откуда можно беспрепятственно высматривать чудовище.

Главной же тайной Несси остается то, как она (он?) вообще попала в озеро. Единственные водные пути, связывающие этот водоем с морем, – Каледонский пролив, или канал, открытый впервые для навигации в 1922 году, и река Несс. Пролив перекрыт многочисленными шлюзами. Река же слишком мелка, чтобы по ней проплыло чудовище, но раньше, после последнего оледенения, она была намного глубже, пока под давлением огромных ледников рельеф не стал меняться.

Так или иначе, существо прочно обосновалось в своем новом комфортном доме Лох-Нессе, богатом угрями, лососями, форелью, треской и прочей рыбой. И в 30-е годы XX века, после долгого «молчания», чудовище вдруг вернулось из небытия. Первое наблюдение этого периода появилось 22 июля 1930 года, когда молодой Иан Милн с двумя друзьями рыбачил у Тор-Пойнта, недалеко от деревушки Доре. Их внимание привлекло какое-то движение на озере в 600 ярдах от них. «Я увидел брызги, поднявшиеся в воздух на значительную высоту», – вспоминает Милн. Существо вытянуло голову в сторону рыбаков, находясь от них уже в 300 ярдах, потом неожиданно описало полукруг и буквально помчалось по водной поверхности со скоростью 15 узлов или даже быстрее. «Та часть, которую мы видели, была около 20 футов длины, а из воды высывалась на три или более футов. Волна, которую оно подняло, здорово потрянула нашу лодку». И, заключил свой рассказ Милн, – «без сомнения, это никакая не китовая акула, не тюлень и не выводок выдр...».

История, которую поведал Милн, была опубликована в местной печати и вызвала немедленную реакцию – пошли письма от местных жителей, вспоминавших собственные встречи со схожим существом. Но ажиотаж вскоре спал, и новых сведений не поступало. Прошло два года – и лох-несское чудовище снова заявило о себе. В тот год ремонтная бригада чинила и заново покрывала асфальтом дорогу вдоль северного берега озера. Шумная работа на берегу могла разбудить от спячки существо, дремавшее в подводной пещере. К тому же дорожники срубили много деревьев на берегу, что заметно облегчило обзор.

14 апреля 1932 года мистер и миссис Маккей, хозяйка гостиницы в Друмнадрохите, ехали на машине вдоль озера, когда супруга заметила, что гладкая поверхность его как бы нарушилась. Вода вздымалась и клокотала. С изумлением она наблюдала, как какое-то огромное животное вынырнуло на минуту и сразу же погрузилось в ореоле пены. Супруги рассказали об этом случае Алексу Кемпбеллу, судебному исполнителю и корреспонденту «Инвернесс-курьера».

Кемпбелл, который сам утверждал, что видел монстра, опубликовал историю, и скоро плоскогорье наполнилось слухами о

чудовище. Некоторые заявляли, что владельцы Друмнадрохита пытаются таким способом привлечь туристов в эти места.

Как бы то ни было, чудовище внезапно напомнило о себе, о нем много говорили и жители района, и приезжие. В одном случае его даже наблюдали на берегу.

После полудня в один из июльских дней Джордж Спайсер, бизнесмен из Лондона, с женой ехали по берегу на автомашине, как вдруг «отвратительное существо с длинной шеей и телом длиной около 25 футов пересекло тропу. Похоже, оно держало в пасти ягненка или какое-то похожее животное». «Оно было больше похоже на дракона или доисторическое животное», добавляет Спайсер.

В другой раз, в сентябре, шестеро человек наблюдали через окно паба, как чудовище плыло по озеру с полмили, у него была голова, как у змеи, и шея, которая поднималась и опускалась и двигалась из стороны в сторону. Люди четко различили два горба и широкий хвост, колотящий по воде. Как зачарованные, следили они за существом, пока то медленно не скрылось под водой.

Все лето продолжали поступать сообщения, полученные от доброго десятка свидетелей. У некоторых из них случались потом ночные кошмары. Как говорила миссис Спайсер: «Существо было просто ужасным само отвращение!»

Первую фотографию Несси сделал в середине ноября местный житель Хью Грей, нацеливший камеру в сторону, где в ста ярдах от него на воде началось волнение. Он сделал пять снимков, четыре из них засветились и пропали, а пятый, хоть и подпорченный, запечатлел нечто, изогнувшееся в воде. Грей сам затруднился определить размеры, кроме как «очень большие», а кожа «вроде бы темная, блестящая, темно-серая». Негатив исследовали эксперты и признали его подлинным и неретушированным.

Пресса развонила об этой истории, и команды репортеров бросились на северную оконечность озера собирать свидетельства. За голову чудовища назначали огромные суммы. Отели за считанные недели выполняли годовые нормы приема посетителей, именно тогда хозяева магазинчиков стали продавать сувениры в виде гипотетического плезиозавра. По выходным дороги вдоль берегов на целые мили были закупорены автомобилями. Сам премьер-министр

сэр Рамсей Макдональд настолько заинтересовался чудовищем, что запланировал поездку на север в надежде увидеть Несси.

В Лондоне морской ресторан ответил на всеобщую лихорадку новым блюдом – филе из ноги Несси. А по другую сторону Атлантики – в США – фабрика женской одежды выпустила хит сезона – ансамбль «Лох-Несс», состоящий из темно-зеленого платья и соответствующего жакета с длинными хвостами «под песка» спереди.

В 1933 году французская пресса, пытаясь хоть немного отвлечь людей от мыслей, связанных с тяготами великой депрессии, высказала предположение, что этот год станет годом чудовища. Австрийцы же во всеуслышание заявляли, что шотландцы переманивают к себе туристов из венских кафешек и из Альп, отрывая их от шоколадных кексов и альпийских склонов. Царила атмосфера шуток, и мистификации просто не могло не произойти. В декабре охотник за сенсациями с личным фотографом прибыл на озеро, чтобы отловить Несси. Едва приступив к выслеживанию чудовища, они сразу же наткнулись на берегу на огромные, свежие (оставленные всего несколькими часами раньше!) следы. Весь мир замер в ожидании: Британский музей выносит свой научный вердикт. Ученые постановили: отпечатки принадлежат гиппопотаму. Точнее, набитым опилками ногам гиппопотама. Осталось неясным, оказались ли незадачливые охотники за сенсациями жертвами шутки или же сами все подстроили. Так или иначе, горе-исследователи быстро исчезли со сцены.

Однако, несмотря на растущий скепсис, все больше людей заевляли, что видели чудовище. В самом начале 1934 года последовало второе наблюдение на суше. Студент Артур Грант лунной ночью ехал на мотоцикле, как вдруг увидел на дороге большой темный силуэт.

Грант затормозил и, сойдя с мотоцикла, осторожно пошел вперед. Приблизившись, он ясно различил животное с головой, похожей на змеиную или же напоминающей гигантского угря. Существо глядело на него, но, когда он подошел ярдов на 20, пустилось бежать и с шумом плюхнулось в озеро. Грант сделал карандашом набросок того, что увидел. Чудовище имело в длину около 20 футов, массивное туловище и четыре конечности; передние – маленькие и слабые,

задние – крупные и мощные, существо передвигалось, пользуясь ими, как кенгуру. «Он выглядел, как гибрид», – сказал Грант.

По другим версиям, существо напоминало плезиозавра, водяную рептилию, которая обитала на Земле в эпоху динозавров, 70 миллионов лет назад. Маленькая голова и шея рептилии, огромные размеры, плавники и подводный образ жизни – все говорило в пользу плезиозавра. Но возможно ли такое?

Участившиеся сообщения, растущий интерес к этому существу побудили Руперта Гуда попытаться идентифицировать чудовище. Гуд, 37-летний служащий гидрографического отдела британского адмиралтейства, живо интересовался всем необычным – полтергейстом, вечным двигателем, каналами на Марсе, Нострадамусом, секретами индийских фокусников. Особняком среди его интересов стоял морской змей, о котором он в 1930 году и опубликовал книгу.

И вот Руперт Гуд сфокусировал свое внимание на Лох-Нессе. Приехав в Инвернесс, он купил крохотный мотоцикл, который окрестил Синтией, и стал объезжать побережье озера. Огромная фигура Гуда на мини-мотоцикле являла собой комичное зрелище. Но он не обращал внимания на насмешку, неустанно опрашивал свидетелей, а их накопилось уже более 50 человек. В 1934 году, так и не увидев Несси, он опубликовал книгу «Лох-несское чудовище и другие» – первую на эту тему. Несси, писал Гуд, родственник морского змея.

Книга его не произвела на зоологов сильного впечатления, но зато воодушевила на поиски сэра Эдварда Маунтина, миллионера, владельца страховой компании, приехавшего на озеро ловить лососей. Летом 1934 года сэр Эдвард профинансировал первую экспедицию за чудовищем.

Членами ее стали два десятка местных безработных, нанятых сэром Эдвардом. Шотландцы до мозга костей, они со всей серьезностью отнеслись к наблюдениям за скромное вознаграждение. Сэр Эдвард снабдил команду камерами и биноклями и расставил людей в разных точках по всему периметру озера – на пять недель, по 9 часов в сутки. Наблюдатели много чего увидели и сделали 21 снимок. Но когда король Георг V проявил

интерес к этой охоте и несколько членов королевской фамилии посетили озеро, из воды ничего так и не появилось. Сам же Маунтин, изучив результаты деятельности команды, пришел к заключению, что чудовище вполне может быть серым тюленем, пробравшимся сюда через реку Несс за лососями, которые никак не могли выбраться обратно в море. Зоологи, видевшие позднее пленку, снятую Джеймсом Фрейзером, руководителем экспедиции Маунтина, согласились с ним, хотя некоторые из них твердо держались мнения, что это кит или крупная выдра.

Но нашелся фотограф, который не согласился с мнением экспертов. Чуть раньше описываемых событий, в апреле 1934 года, лондонский хирург Роберт Кеннет Уилсон, проводя отпуск в Шотландии, сделал снимки того, что он назвал «значительным пополнением» на Лох-Нессе. После проявки два кадра оказались белыми. Но на третьем отчетливо зафиксировано нечто напоминающее поднятую голову и вытянутую шею, а на четвертом – все погружалось в воду. На протяжении десятилетий третий снимок (он вошел в историю криптозоологии под названием «фото хирурга») остается самым достоверным документом о Несси, но при этом и самым противоречивым. Скептики шутили, что он, мол, снимал в День дурака (хотя есть сведения, что это произошло 19 апреля) и рассказал близким друзьям о своей подделке. Вдова Уилсона многие годы спустя клялась, что снимок подлинный.

Во время второй мировой войны о лох-несском чудовище забыли. После 40-х годов и до начала 50-х свидетельства не принимали всерьез. Ажиотаж 30-х годов, закончившийся ничем, надолго отбил у публики охоту к подобного рода вещам. Так, когда в 1947 году менеджер из Инвернесс-банка Дж. Форбс сообщил, что видел чудовище, местная газета опубликовала такое письмо: «Дорогой сэръ, хотя я и не знакома лично с мистером Форбсом, служащим Национального банка в Инвернессе, я поддерживаю его заявление. Я действительно видела мистера Форбса на берегу с друзьями и наблюдала, как они спасались бегством, когда я всплыла в озере. Убедительно прошу свидетелей моего появления забрать пустые бутылки из-под виски, потому как битое стекло очень опасно для нас, амфибий. Искренне ваша Несси».

В то время только один человек серьезно занимался чудовищем – Констанция Уайт, домашняя хозяйка, которая заочно полюбила Несси, когда ее муж работал на Каледонском канале. Сама она ее ни разу не видела, но лет 20 собирала все свидетельства, касающиеся существа. В 1957 году она выпустила книжку «Больше, чем легенда», ставшую занимательнейшим чтением для будущих поколений охотников за монстрами. Собрав вместе все свидетельства, когда-либо поступавшие о Несси, она утверждала, что в озере должна находиться группа существ, выживших здесь со времен последнего оледенения.

Осталось рассказать о молодом англичанине Тиме Динсдейле, которому мир обязан возродившимся интересом к Несси. Правда, и до него находились энтузиасты, которые занимались этой темой. Тим же просто взял да и посвятил Несси всю свою жизнь!

Однажды вечером в 1959 году, Динсдейл, 34-летний авиационный инженер, удобно расположившись в кресле у себя дома, на юге Англии, открыл любимый журнал и наткнулся на статью о лох-несском чудовище. Он слышал о нем и раньше и интересовался этой темой. Но, прочитав, «воспылал особым интересом», как позже написал в книге «Чудовище из озера Лох-Несс» – одной из трех работ на эту тему. В ту ночь Динсдейл плохо спал, его воображение рисовало картину: он наблюдает с берега за поверхностью озера и даже ныряет в глубины в поисках существа. Проснувшись, он понял, что нашел себе дело на всю жизнь.

Весь следующий год Динсдейл анализировал имеющуюся информацию, и вот в апреле 1960-го пустился в свое первое путешествие к озеру. И хотя впоследствии он более 50 раз проделывал этот маршрут и проводил бесчисленные месяцы на воде, то, первое, оказалось самым успешным.

Динсдейл охотился за чудовищем шесть дней. Вставая с восходом, он осматривал озеро с самых разных точек. Использовал телеобъективы и автоспуски, установленные на камерах, расставленных в различных местах. Ничего не увидев, он стал опрашивать людей, наблюдавших существо. Спустя пять дней он уже собрался уезжать, но что-то удержало его еще на день. Снова, встав с солнцем и четыре часа без успеха пронаблюдав за озером, он

направился завтракать в отель" уложив камеру в машину. Во время спуска по холму что-то на озере привлекло его внимание. Резко затормозив, Динсдейл прикинул к биноклю и разглядел длинное овальное тело цвета дерева махагони, которое двигалось. Отбросив бинокль, он схватил камеру.

Динсдейл снимал животное кинокамерой четыре минуты, пока оно плыло на запад зигзагами с расстояния 1300-1800 ярдов. Охотника охватил азарт. Надеясь получше заснять голову и шею, он побежал к воде чтобы увидеть, как объект исчезает.

Фильм, отснятый Динсдейлом, не признавали шесть лет. Лишь в конце 1965 года по требованию члена парламента Дэвида Джеймса (который сам был охотником за Несси) из Центра по изучению воздушного пространства (подразделение британских ВВС) было решено подвергнуть пленку исследованию. Эксперты центра пришли к выводу, что объект был 6 футов шириной и 5 – высотой. Самое главное, они определили: это не лодка, не субмарина, скорее всего, «объект животного происхождения».

Что касается Динсдейла, то он не дожидаясь официального признания. Энтузиаст вернулся к озеру на девять дней в июле 60-го, на десять – в марте 61-го и потом снова – в мае. Начиная с этого периода он дважды в год появлялся на Лох-Нессе вплоть до 1987 года. Часто останавливался здесь на все лето, живя неделями в 16-футовом фургоне под названием «Водяная лошадь».

Длительные разлуки с семьей стали не единственной расплатой за увлечение. Он переболел пневмонией, получал ссадины и синяки от падений на прибрежных склонах, коротал холодные и ветреные ночи в своем фургоне, не способном уберечь его от непогоды. И за все годы он лишь два раза мельком видел Бестию – так называли монстра местные жители.

За многие годы Динсдейл полностью освоился на озере. Его фильм вызвал новые экспедиции – как случайных одиночек, так и хорошо оснащенных отрядов. Самым крупным и долговременным проектом стало Бюро по изучению лох-несского феномена (для краткости мы именуем его ИЛН – «Изучение Лох-Несса»). Его патроном был Дэвид Джеймс, тот самый член парламента, более известный в те годы за две дерзкие попытки побега из фашистского

концлагеря (вторая увенчалась успехом). В 1962 году Д. Джеймс вместе с Констанцией Уайт основали ИЛН. К ним примкнули натуралист сэр Питер Скотт (сын знаменитого полярного исследователя Роберта Скотта) и Ричард Фиттер, а также Норман Коллинз, сотрудник Британского телевидения. В том же году, когда прибыло много экспедиций, Джеймс и два десятка добровольцев днем просматривали озеро с помощью биноклей и камер, а ночью использовали армейские приборы ночного видения. Но все, что удалось обнаружить, – толпы охотников за чудовищами, заполнивших берега Лох-Несса.

Подполковник Г. Дж. Хаслер, отличившийся в морских походах против нацистов во время второй мировой войны, приехал за озеро на своей яхте, денно и нощно осматривая поверхность и прослушивая гидрофоном глубины. Студенты кембриджской экспедиции установили камеры на берегу и обследовали озеро с помощью сонара.

Наблюдения 1962 года дали немного, лишь слегка дополнив имевшиеся сведения. В последующие годы ИЛН, призвав «батальоны» добровольцев, пользовалась круглосуточными камерами, которые просматривали 70 процентов поверхности озера с мая по октябрь. По подсчетам Джеймса, было потрачено не менее 30 тысяч часов для обследования поверхности озера и еще больше времени – для сбора показаний очевидцев. Исследователи работали с сонаром, летали над озером на вертолетах, разбрасывали булыжники, смоченные в лососевом масле и пахучих субстанциях, заводили под водой Шестую симфонию Бетховена, транслировали шум глубин...

В 1969 году ИЛН наняла сверхмалую субмарину «Уиперфиш» для обследования озера и выстреливания в чудовище специальным биопсихическим гарпуном для забора образца ткани. При первом же погружении ярко-желтая подлодка зарылась носом в донный ил, потребовалось продувать балластные цистерны, чтобы всплыть. Даже самые оптимистично настроенные исследователи вынуждены были признать, что лодка слишком шумная, медлительная и явно не подходит для поисков Несси.

На протяжении нескольких лет работой ИЛН руководил Рой Мэкал, первый представитель научного истеблишмента, воспринявший поиски Несси с полной серьезностью. В 1965 году, когда ему исполнилось 40 лет, он работал биохимиком в Чикагском университете, получив премию за исследования в области ДНК. Находясь в отпуске в Англии, он почувствовал необходимость отдохнуть от шума городского, купил тур на шотландские нагорья и отправился в путь. Через несколько дней он уже осматривал озеро из Уркуартской бухты, захваченный поисками, которые вела ИЛН.

Он встретился с Дэвидом Джеймсом в его домике на острове Мулл, а в Лондоне просмотрел фильм Динсдейла. Его воображение разгорелось: Мэкал стал охотником за чудовищами и представителем ИЛН в Америке, добыл значительные средства на проведение исследований и доложил ученым коллегам о состоянии дел в Лох-Нессе. Каждое лето он совершал «паломничество» к озеру. Но вплоть до 1970 года счастье увидеть Несси ему не улыбалось.

...Мэкал возился с гидрофонами для прослушивания подводных шумов, когда краем глаза заметил волнение на поверхности. Похожий на резиновый, треугольный предмет высунулся из воды на фут и исчез, а за ним последовала темнокожая спина животного. Через минуту все исчезло без следа.

Воочию убедившись, что чудовище существует, Мэкал с удвоенной энергией занялся его поисками. Не меньше волновали его и другие монстры, а именно Огопого и Шамп. А в 1980 году он отправился в Конго на поиски мокеле-мбембе. В это время он начал постепенно отходить от основной группы, энтузиастов Лох-Несса. А между тем другой американец, сначала относившийся к проблеме весьма критично, погружался в лох-несскую тему все глубже и глубже. Роберт Райнс, 28-летний судья из Бостона, в 1970 году, прослушал в Массачусетском технологическом институте выступление Мэкала об охоте на чудовище. Достигнув неплохих результатов в физике, Райнс получил патенты в области изобретения сонаров и радаров, но отошел от этой работы. Он помог организовать Нью-Хэмпширский юридический институт и особое внимание уделял вопросам юридической помощи молодым

изобретателям, что позволяло им быстрее и безболезненнее обходить препоны чиновников.

В 1963 году Райнс с друзьями основал организацию под названием Академия прикладных наук для поддержки нетрадиционных видов исследований. Эта академия не имела официального статуса университета и программы исследований, но объединяла ученых с высоким научным потенциалом. Многие их увлечения совпали с целями и задачами охотников на чудовищ. Райнс приехал на озеро в 1970 году, пригласил Мартина Клейна, специалиста из МТИ, который изобрел особо чувствительный тип сонара, используемый при поиске затонувших судов и бурении нефтяных оффшорных скважин. Сразу же начались сюрпризы: прибор Клейна засек наличие крупных движущихся объектов, в 10-50 раз превышающих размеры самых крупных рыб. Он также подтвердил гипотезу о том, что под водой имеются пещеры, в которых вполне могут укрываться чудовища.

На следующий год Райнс приехал уже с подводной камерой, снабженной синхронизатором и мощным источником рассеянного света, который предоставил Райнсу Гарольд Эдгертон, профессор МТИ, придумавший эту аппаратуру. На протяжении многих лет Эдгертон был экспертом по осветительным приборам у Жака Ива Кусто, французского исследователя, и команда «Кусто» называла его «Папаша Флеш» («вспышка»). Два года исследований не принесли результатов, но в итоге Райнс был вознагражден снимками, которые по праву заняли одно из самых значительных мест среди немногочисленных ликов лох-несского чудовища.

Однажды в августе ранним утром сонар на лодке «Нарвал» засек присутствие крупного подводного объекта. Некоторое время спустя из воды выпрыгнул насмерть перепуганный лосось, явно спасаясь от какого-то хищника. Подвешенная на глубине около 45 футов камера Эдгертона дала удивительное изображение. Впоследствии фотография, обработанная с помощью компьютера в лаборатории Калифорнийского технологического института, представила то, что многие признали фрагментом тела огромного существа с плавниками. Эксперты определили длину плавника – около восьми футов, а ширину – четыре. Три года спустя Райнс представил еще

более убедительные свидетельства. В июне 1975 года его подводные камеры, снабженные сонаром, были оставлены на шесть часов под водой и работали без участия оператора по собственной программе. Райнс не сразу проявил пленку. Прошло два месяца, прежде чем он отдал катушку в лабораторию своему другу Чарльзу Викоффу, фотографу экстра-класса, который занимался проявкой особых пленок, используемых при съемках ядерных испытаний. Изображения, появившиеся на пленке Райнса, были поразительными. Первая из специальных фотографий явила длинную изогнутую шею, выпуклый торс и грудные плавники крупного животного. На конце длинной шеи, часть которой оказалась в тени, находилось нечто вроде маленькой головки. Викофф подсчитал, что видимая на снимке часть животного составляет около 20 футов длиной, а само тело чудовища тянется дальше за край снимка. Еще интереснее был второй снимок. На нем был виден причудливый изогнутый объект, снятый крупным планом. Неужели исследователи взглянули прямо в глаза лох-несскому монстру? Именно так они и думали. Более детальное исследование показало, что различимы два маленьких глаза и две похожие на рожки выпуклости, расположенные симметрично по обе стороны головы. Викофф считал, что голова составляла в длину два фута.

Снимки произвели настоящую сенсацию, небывалую даже в среде охотников за чудовищами. Впервые научное сообщество готово было признать существование животного и поспорить о его видовой принадлежности. Доктор Джордж Зуг, куратор отдела рептилий и амфибий Национального музея естественной истории в Вашингтоне, при Смитсоновском институте, заявил: он убежден, что в озере существует целая популяция крупных животных; одному животному невозможно выжить со времен ледникового периода. Сэр Питер Скотт, основываясь на фотографии плавника, сделанной в 1972 году, нарисовал двух Несси, выставил их в Лондоне вместе с другими рисунками и привлек королевское общество в Эдинбурге и Ассоциацию университетов в качестве спонсоров симпозиума по лох-несскому чудовищу, который специально собрался, чтобы, на радость энтузиастам, изучить снимки. Но не успели охотники пожать лавры победителей, как все предприятие лопнуло. Информация

быстро попала в прессу, которая опубликовала новости под гигантскими заголовками. Дело в том, что сотрудники Британского музея, которых Дэвид Джеймс попросил исследовать снимки, вынесли свой собственный вердикт. Они сочли, что на фотографиях всего лишь... тело сельди. Ни один из снимков, с их точки зрения, не доказывает, что это крупное животное. Скорее всего, утверждали сотрудники музея, то, что приняли за тело и шею, на поверку окажется пузырьками газа в воздушных мешочках одного из видов комаров, живущего в шотландских озерах. Что касается выступающей головы, то это может быть не что иное, как оказавшаяся в озере дохлая лошадь или ствол дерева. Назначенная на конец года конференция в Эдинбурге была срочно отменена.

Еще хуже, что появились высказывания, дескать, налицо фальсификация. Сэр Питер Скотт назвал чудовище *Nessiteras rhomborteryx* – по-гречески «чудо из Несса с вырезанным с помощью алмаза плавником». Шутники додумались, что фраза может читаться как анаграмма: «Подделка чудовища сэра Питера С.».

Реакция была еще более неприятной, чем в случае с отпечатками лап гиппопотама в 1933 году. Кое-кто даже пустил слух, что некая команда злоумышленников специально плодит ложные свидетельства, а на деле ничего и в помине нет. Первым из числа «отрицателей» обнародовал свою точку зрения Морис Бертон, бывший сотрудник Британского музея и уважаемый зоолог. В свое время он причислял себя к сторонникам существования чудовища. Динсдейл даже одалживал у Бертона камеры, когда впервые приехал на озеро в 1960 году. Впоследствии Динсдейл стал знаменитостью после одного удачного наблюдения, а Бертон оказался в тени. Возможно, именно этот факт повлиял на его последующее отношение к проблеме.

В 1961 году в своей книге под красноречивым названием «Неуловимое чудовище» зоолог утверждает, что на большинстве фотографий, скорее всего, запечатлены выдры – водяные рыбацкие сородичи ласки, живущие в озере. Выдры встречаются крупные, до шести футов длиной. У них маленькие головки, изогнутые шеи и рельефные хвосты. Они покрыты темной шерстью, которая блестит, когда намокнет. И, согласно Бертону, выдры весьма скрытные. "Выдра

может орудовать на реке рядом с деревней и никто не будет догадываться о ее существовании, – утверждает он. – Нужна свора собак, чтобы добыть хотя бы одну из них. А размеры их – иллюзия, – продолжает Бертон. – Потрясенная или любопытная выдра может вытянуть и без того длинную шею далеко из воды, а восприимчивый наблюдатель, готовый увидеть огромное чудовище, лицезреет то, что подсказывает ему воображение: 20-25-футовое тело. «Большинство людей, утверждавших, что видели животное, говорят, что в то же время испытали потрясение и даже ужас. В такие моменты мы зачастую видим предметы большими, чем они есть на самом деле».

Все казалось, говорило о том, что знаменитая фотография 1934 года – «снимок хирурга» – могла изображать потревоженную выдру. Доктор Уилсон также «подсунул» голову и шею одного из этих животных. А все остальные свидетели, утверждает Бертон, были введены в заблуждение лодками, птицами, плывущим оленем, увиденным на расстоянии и искаженным из-за миража. 1

Что касается Динсдейла, заявляет Бертон, так он просто-напросто заснял какую-то местную рыбацкую лодку; горбы вдоль спины спутали с сидящими в ней людьми – обычная для Лох-Несса картина. Но в данном случае позиции Бертона оказались весьма шаткими – рыбаки здесь, как правило, выходят на озеро в одиночку, максимум – вдвоем.

Бертон указывает, что на многих изображениях присутствуют различные растительные предметы скопления гнилых листьев, стволы и прочее. Когда все это поднимается со дна, выделяются пузырьки газа, что и вызывает движение воды на поверхности. Одна нестыковка – такие пузырьки практически не появляются на Лох-Нессе. Если верить Рональду Биннсу, обличающему, кстати, сторонников существования чудовища в своей книге «Разгаданная тайна Лох-Несс» (1983), наличие определенных кислот на дне озера мешает процессам гниения. В результате растительные остатки, оседающие на дно, превращаются в порошок, и газ не генерируется. Тот же Биннс наотрез отвергает версию о том, что изображения монстра не что иное, как набухшие стволы деревьев (сосен), приводимые в движение газами. Однако Биннс соглашается с Бертоном в том, что на многих снимках запечатлены выдры, птицы,

олени и другие случайные животные. Он добавляет, что Динсдейл был переутомлен и мало спал целую неделю до события в апреле 1960-го; сам того не ведая, он заснял моторную лодку.

Все главные снимки Райнса и изображения, добытые с помощью сонара, продолжали подвергаться активным атакам критиков. В 1983 году два американских инженера, Алан Килар и Рикки Раздан, наняли плот и установили на нем сонарное оборудование. Любой объект более 10 футов длиной, проходивший под плотом, вызывал бы сигнал тревоги, и прибор фиксировал бы его автоматически.

Через несколько месяцев исследователи вернулись домой с пустыми руками. Когда же они проанализировали более ранние данные по Несси, то выяснилось, что много раз сонары срабатывали ошибочно: из-за проплывающих мимо лодок, каких-нибудь стационарных объектов, а в некоторых расчетах содержатся математические ошибки. Инженеры с удивлением узнали, что одна местная жительница помогла Райнсу определить местоположение чудовища с помощью... биолокации. Этот случай был связан с фотографией плавника, сделанной в 1972 году. Полные подозрений, инженеры осуществили в лаборатории компьютерное увеличение тем же способом, что применяется в космической фотосъемке. Снимок плавника получился с зерном и нечеткий, резко контрастировал с опубликованным. Райнса заподозрили в ретушировании. Тот возразил, что лично комбинировал разные увеличения, чтобы получилось наиболее удачное изображение. Это обычная процедура, заявил Райне, и от него отстали. Но на самое до сих пор убедительное доказательство существования Несси тень была брошена.

Раздавалась и другая критика в отношении «классического» снимка. Шотландский архитектор Стюарт Кемпбелл, детально изучивший все свидетельства, считает, что снимок – превосходная подделка. Вычислив угол, под которым должна находиться камера, и обратив внимание, что отсутствует передний фон изображения, Кемпбелл подсчитал, что Уилсон должен был стоять в 200 футах от фотографируемого объекта, а не в 600, как он сообщил Констанции Уайт. Преувеличивая расстояние до объекта, Уилсон попросту хотел выдать выдру за чудовище. Другой анализ двух океанографов из

университета Британской Колумбии показал, что на снимке Уилсона действительно изображено крупное животное, шея которого на 4 фута возвышается над поверхностью воды...

Стремясь дискредитировать поиски чудовища, скептики не жалели средств, привлекая все новые и новые подделки и мистификации. Один из самых неприятных следов в этой истории оставил Френк Серл, «охотник за чудовищами», который надолго отравил жизнь многим любителям-романтикам.

Бывший британский десантник, Серл работал менеджером фруктовой компании в Великобритании, когда его угораздило в июне 1969 года установить торговый лоток неподалеку от озера Лох-Несс. Члены ИЛН даже поначалу сочли его за настоящего «охотника» и вручили ему камеру для съемки. За три года Серл произвел много снимков, но никогда никому их не показывал. Но вот в 1972 году он сделал фотографию, которая привела в восторг других исследователей. На ней был виден горб в струях воды. Спустя несколько месяцев он предъявил еще три фотографии серии из горбов, шеи и крупной головы, которую он сделал, когда чудовище неожиданно появилось рядом с лодкой, потом нырнуло и вновь всплыло по другому борту. Вскоре он собрал воедино все свои фотоснимки и привлек к себе всеобщее внимание. Но мелочность и тщеславие сослужили ему недобрую службу.

В "Информационном центре «Лох-Несс», по соседству с которым он расположил свой трейлер, Серл продавал открытки собственного изготовления и аудиокассету со своей версией истории чудовища. Он опубликовал также книгу «Несси: семь лет в поисках монстра», в которой посетовал об официальном его непризнании, негативно высказался по поводу усилий ИЛН, Райнса и Динсдейла, похвастался сотрудничеством с новыми молодежными женскими группами исследователей, с отдельными представительницами которых он делил свой трейлер.

С годами Серл растерял то уважение, которое когда-то завоевал среди охотников за чудовищем. Скептики настаивали, что он никогда и не был автором двух десятков снимков, которые в свое время представил. А на тех, где вроде бы красовалось чудовище, на поверку оказывались лишь ветви и стволы. Один раз Кемпбелл даже уличил

Серла в явной подделке: тот наложил на снимок изображение рептилии.

Серл продолжал привлекать наивных туристов до конца 1983 года, когда выпустил последнюю листовку, в которой сообщил, что покидает озеро и отправляется за кладами. К сожалению, своей деятельностью он отпугнул настоящих честных исследователей. Сомнительность его снимков наложила отпечаток на всю тему. Проблема поддельных фотографий, по выражению Динсдейла, стала проклятием Лох-Несса.

Чудовище – настоящее несчастье для фотографа. Оно возникает на поверхности неожиданно и застает врасплох даже выдавших виды исследователей. А потом Несси молниеносно уходит на глубину. Иногда существо материализуется в уголке глаза наблюдателя. Подчас что-то случается с затвором фотоаппарата, а затем с негативами. Именно из-за иллюзорности Несси некоторые исследователи склонны считать ее не материальным существом, а неким психическим феноменом.

Проблема оккультизма не обошла и Лох-Несс. Легенда сохранила рассказ о корабле-призраке. Наверное, на таком св. Колумб путешествовал по озеру 1400 лет назад. Корабль появляется каждые 20 лет, скользя по ночным водам с поднятыми на единственной мачте парусами и аккуратно свернутыми на палубе бухтами канатов. Его видели в 1922, 1942 и 1962 годах, но никто не описал визит в 1982 года. В начале XX века Алейстер Кроули, известный адепт черной магии, купил дом у озера и «породил» в нем таких демонов, что его экономом лишился рассудка и пытался убить жену и детей; ходили слухи о человеческих жертвоприношениях, и до сих пор местные жители в страхе обходят стороной это зловещее место.

Пелена суеверий, кажется, обволакивает и само чудовище. Некоторые особо чувствительные личности считают, что его появление приносит несчастье, и в 1973 году преподобный Дональд Оуманд устроил церемонию изгнания дьявола, но чудовище изгнать не удалось, и священник удалился в полной уверенности, что все зло порождается «умственной неуравновешенностью» тех, кто за ним гоняется. Профессиональные охотники за чудовищем сначала с возмущением отвергли это заявление, но тем не менее у них

случались необъяснимые приступы страха, этого они не могли не признать. С годами многие из них заболели. Сам Динсдейл испытывал дискомфорт на определенных отрезках берега и время от времени задавал себе вопрос: не оказался ли он под неусыпным оком дьявола?

Хотя Динсдейл и не отвергал в категоричной форме «запредельную» трактовку лох-несского феномена, он, как и многие его коллеги, был твердо убежден, что должно быть какое-то разумное объяснение загадочным снимкам, появляющимся на протяжении стольких лет. Самой популярной версией по-прежнему оставалась теория о плезиозаврах, небольшая популяция которых благополучно пережила последнее оледенение и сохранилась в озере.

Сторонники этой версии вспоминают о поимке в 1938 году живого целаканта, крупной доисторической рыбы, которая, как считали, разделила в свое время судьбу плезиозавров. Но эти последние – не единственные существа, которые претендуют на первенство в Лох-Нессе. Есть теория, по которой Несси – увеличенный вариант древнейшего червя. Один из постоянных исследователей феномена, бывший морской инженер Ф. Холидей считал, что существо – гигантский водяной червь, ранее обнаруженный лишь в ископаемых останках, с максимальной длиной 14 дюймов. Но с ним мало кто согласился. Критики справедливо полагают, что червь никак не может достичь гигантских размеров. Только некоторые беспозвоночные, такие, как гигантский кальмар и осьминог, достаточно крупны, чтобы догнать плезиозавра по размерам, но они ничем не похожи на него.

Многие исследователи, в том числе Адриан Шайн, натуралист-любитель из Лондона, начавший работать в ИЛН с 1973 года, допускают, что это рыба, разновидность угря, – одно из самых вероятных предположений относительно загадочного обитателя озера. Лох-Несс богат лососями и угрями, и те, и другие достигают значительных размеров. Кроме того, они быстро плавают, изредка всплывают. Но его противники категоричны: рыбы не меняют горизонты с такой скоростью, как это делает нечто по наблюдениям сонаров. К тому же угорь извивается из стороны в сторону, а Несси –

вертикально. И если это рыба, добавляют они, то как быть с наземными встречами?

Все эти аргументы сократили число подозреваемых в причастности к Несси животных. Остались только млекопитающие. По мнению ученых, лишь представители нескольких отрядов – ластоногих, сирен и китообразных – могут достигать размеров чудовища и способны жить долгое время в пресной воде. Мэкел же, перебрав кандидатов – от гигантского слизня до амфибии-великана, – решил ограничиться зейглодоном, змеевидным примитивным китом, считающимся вымершим 70 миллионов лет назад.

Конечно, длинношеее тюлени и выдры остаются самыми вероятными кандидатами на роль монстра. Но «нессиверы», считающие, что это вообще неведомое существо, продолжают утверждать, как в 1934 году Эдвард Маунтин, что тюлени слишком общительные и стадные существа, которые то и дело, порезвившись в воде, выбираются группами на берег. Выдры более пугливые и замкнутые животные, но они не настолько водные, чтобы постоянно жить и размножаться в водной стихии, как, вероятно, делает это чудовище. И они не могут нырять на 700-футовую глубину, на которой сонары засекали движущиеся объекты.

Если идентификация животного, мягко говоря, проблематична, то численность особей – еще большая загадка. И те, кто верит в существование монстра, и скептики чаще говорят об одном существе, но были свидетельства и о двух и более животных, наблюдаемых вместе. Все сходятся во мнении, что одноединственное животное не могло бы сохраниться в озере на протяжении веков. Основываясь на размерах озера и его пищевом обеспечении, Джордж Зуг из Смитсоновского института считает, что число «нессиподобных» существ в озере может варьировать от 10 до 20 при условии, если каждое весит около 3000 фунтов, и более 150 при весе 330 фунтов. Пока ученые спорят, охотники за сенсациями пытаются доказать существование Несси. И год за годом Райнс и его коллеги возвращаются на озеро в надежде поставить наконец точку в этой истории. Однако начиная с 1985 года, кроме фотографий,

сделанных Райнсом, ничего более или менее значительного в мире по этому поводу не появлялось.

Именно из-за этих снимков члены академии вернулись на Лох-Несс в 1986 году при финансовой поддержке «Нью-Йорк таймс», чтобы провести самое громкое и наиболее технически оснащенное научное исследование. Райне собрал команду из двух десятков ученых самого различного профиля, включая Эдгертона и Викоффа из США, специалистов из Канады и Англии. Экспедиция прибыла, имея оборудование весом две тысячи фунтов, и в июне развернула целый арсенал всевозможных сонаров и камер, в том числе 16-миллиметровую, способную делать 15 снимков в секунду, две 35-миллиметровые стереокамеры, впервые примененные на Лох-Нессе, и телевизионную камеру, способную функционировать круглосуточно.

Все оборудование было подвешено на глубине 40 футов под плотом, установленным в ста ярдах от Темпл-Пир, возле замка Уркуарт. Кабели и телевизионные линии контролировались с берега. Очередная смена ученых получала информацию, отснятую через каждые 15 секунд, а 35-миллиметровые стереокамеры включались лишь в случае появления вблизи от них любого подходящего объекта.

На протяжении двух месяцев участники экспедиции анализировали полученные данные и сканировали воды озера своими сонарами. Но домой вернулись без каких-либо доказательств существования крупных движущихся объектов. В то особенно жаркое и сухое лето температура верхних слоев в озере на 15 градусов превысила обычную 42-градусную отметку по Фаренгейту. У ученых возникло предположение, что все живые организмы ушли на глубину. По другой версии, тем летом уровень воды заметно понизился и изменились места обычного пребывания лососей, вследствие чего и Несси сменила свой ареал, уйдя на более мелкие места. На 180 тысячах снимков, сделанных специальными камерами, можно было распознать форель, лосося или угря, но никак не чудовище.

Прибор инфракрасного излучения с высокой разрешающей способностью, предназначенный для того, чтобы отыскивать

чудовище по теплоизлучению, исходящему от его тела, тоже ничего не показал. Один из сонаров четко очертил контуры бомбардировщика «Вилингтон», упавшего в озеро во время тренировочного полета в 1940 году.

И все-таки эту экспедицию нельзя назвать полностью разочаровывающей, ибо она принесла несколько поразительных открытий. Около полуночи 16 июня Чарлз Викофф, наблюдая за телеэкраном, вдруг заметил, что соседняя телекамера как бы угасла, взбаламученная чем-то вода затуманила изображение. Ученый покрутил ручку настройки, но вода оставалась попрежнему малопрозрачной, и даже мощный луч света не мог пробиться сквозь ее толщу. Спустя несколько минут видимость пришла в норму, но изображение почему-то резко сдвинулось вправо. Викофф снова взялся за настройку, но камера не работала.

Спустя час она снова начала показывать изображение. С ней, скорее всего, ничего не случилось. Как написал Денис Мередит, издатель журнала «Текнолоджи ревю» и хронист экспедиции, этот случай остался неразгаданным. Чарлз так и не понял, видел ли он чудовище или нет. Удрученный, он пошел спать. Ночью ему снились кошмары.

Происходили и другие странные вещи. В конце июня ученые опустили один из сонаров, чтобы просканировать толщу воды вокруг камер. Сонары засекали что-то проплывающее мимо. 20 июня заметили уже два следа, извивавшиеся возле экрана. Может быть, пара крупных лососей? Но вот 24 июня стали появляться иные следы – крупные объекты, намного больше рыбин и толщиной около 6 футов. Они были отмечены в 7.18, 8.52 и 8.56 и оставались на экране всего несколько секунд, а потом исчезали, оказываясь вне пределов видимости камер.

30 июня в 10.44 жена Викоффа, Хелен, следя за сонаром, наблюдала крупный объект, вошедший в луч в . 120 ярдах и приблизившийся на расстояние 80 ярдов. И все же он был слишком далеко от камеры, а через некоторое время вообще исчез.

И наконец 1 июля в 5.00 самый внушительный след оставила мишень около 30 футов размером, прошедшая в ста ярдах. Викофф сам наблюдал за ней, она оставалась в луче около трех минут. Затем

ученый выбежал из коттеджа и ринулся на пирс, чтобы встретить там, пишет Мередит, «лишь клочья серого тумана над тихими водами».

Последнее свидетельство поступило 4 июля, а потом – ничего. Может быть, чудовище подплывало в последний раз, чтобы больше не возвращаться, напуганное чрезмерной людской активностью? Никто не ответит. «Уезжая, – пишет Мередит, – они увозили с собой полную уверенность, что это было оно, лох-несское чудовище, остававшиеся сомнения отпали у них при расследовании последнего случая, бесед с местными жителями и собственных наблюдений. Кроме данных сонара, никаких научных доказательств не поступило. Но в любом ученом споре конкретные свидетельства – только верхушка интеллектуального айсберга. Внизу же – огромное число зыбких доказательств, показаний и даже домыслов, которые только подпитывают теорию».

Для таких увлеченных исследователей, как Эдгертон и Викофф, этого случая было вполне достаточно, чтобы подтвердить существование *Nessiteras rhomboteryh* – чудо-Несси с обрезанным алмазом плавником – именно это имя сэра Питер Скотт присвоил животному, когда лично убедился в 1962 году в его существовании.

А Раине продолжал каждое лето в пику агрессивным скептикам выезжать на поиски Несси. В 1979 году он разработал план использования для поисков двух дельфинов, экипированных сонарами и специальными камерами. Идея состояла в том, что дельфины с их высокоразвитыми сенсорными способностями разыщут чудовище, зажгутся лампы и включатся камеры, которые и заснимут происходящее. Но еще до того как дельфинов доставили на озеро, один из них погиб, и Раине отказался от затеи.

Британцы же проявили упорство. Хотя ИЛН не добился успехов и временно снялся с базы. Через пару лет некоторые энтузиасты «перегруппировались» и отправились на Лох-Морар, на западное побережье Шотландии, вотчину Морага. По легенде, увидевший Морага немедленно погибал, но настоящих охотников на монстров и исследователей такие опасности лишь подстегивали к дальнейшим поискам.

Они следили за событиями на озере с 1969 года, когда впервые узнали о появлении Морага. Однажды летним вечером, гласило

сообщение, чудовище напало на лодку с двумя людьми, возвращавшимися с рыбалки. Один из них, Дункан Макдоннелл, пытался отбиться веслом, сломал его, и только после выстрелов второго рыбака, Уильяма Симпсона, чудовище ретировалось, нырнув под лодку.

На протяжении нескольких лет охотники с Лох-Несса прерывали свои поиски на озере и отправлялись на выходные в Лох-Морару, чтобы попытаться счастья там. В 1974 году они основали там базу, назвав предприятие «Проект Л. Н. и М.». Возглавил его Адриан Шайн. Но интересы их разделились, и они решили вернуться на Лох-Несс, вновь взяв озеро под наблюдение в 1982 году – наземное и водное. В то лето в рамках «Проекта Л. Н. и М.» было предпринято 1500-часовое круглосуточное сканирование вод Морара. Следов появления каких-то объектов, явно не рыб, было много, или, по крайней мере, это были неизвестные рыбы. Но чудовище буквально как в воду кануло.

На Лох-Несс все было тихо более пяти лет. Но вот в 1987 году оно снова оказалось в центре внимания. Международное общество криптозоологов, объединяющее всех, кто интересуется неведомыми живыми организмами, собралось на ежегодное заседание в Королевском шотландском музее в Эдинбурге, посвятив весь день обсуждению ситуации с Несси. В том же году под контролем Шайна была организована новая, хорошо оснащенная экспедиция – операция «Глубокое сканирование» – самое тщательное просвечивание толщи воды озера за все годы исследований. Два десятка лодок, борт к борту, буквально накрыли озеро сонарным занавесом. Три дня бороздили озеро, зарегистрировав три контакта, один из которых заинтересовал даже скептиков-инженеров, обслуживавших сонар. Недалеко от Уркуартского замка засекли нечто крупное на глубине 600 футов. По словам Даррела Лоуренса, президента электронной компании в Тулсе (Оклахома), «наткнулись на что-то непонятное, более крупное, чем рыба, может, какой-то новый вид, неведомый науке...»

Немало заинтригованные, участники экспедиции получили изображение, кем-то идентифицированное как гнилое дерево и кусок скалы, но очень похожее на известный снимок Шайна в 1975 года. Ничто не доказывало существование чудовища, но и не

свидетельствовало против. Это означало, что поиски следует перенести на следующий сезон, когда поступят в распоряжение более совершенные приборы. Или, может статься, Несси смягчится и позырирует для серии снимков, которые поставят окончательную точку в спорах.

Говоря откровенно, в последнее время количество скептиков сильно увеличилось, и их ряды растут, а наука никак не может сказать своего веского слова. Но нельзя не верить свидетельствам – визуальным наблюдениям и данным приборов, – которых накопилось за последние полвека предостаточно.

И уж никак не сбросишь со счета старую мудрость местных жителей, вернее, одного старца, который много лет назад изрек: «В этом озере есть много необычного».

Судя по всем имеющимся сообщениям, огромные и неизвестные нам существа действительно населяют озера и моря планеты. Однако современная наука, которая, по уверениям, изучила и классифицировала почти все формы жизни, какими бы редкими или микроскопическими они ни были, не смогла обнаружить никаких физических следов этих огромных существ. Именно «неподдаваемость» строгому научному анализу составляет важную особенность явлений подобного рода.

Фотографии в сочетании со свидетельствами очевидцев убеждают, что чудовищ видели на самом деле, а вот «вещественных» доказательств того, что они физически существуют, нет. Хотя ничто явившееся нам в воображении нельзя считать невозможным, мы тем не менее убеждены, что шансы встретить лох-несское чудовище столь же малы, как и возможность столкнуться с любым другим фантомным существом. Речь идет о так называемой феноменалистической реальности. С феноменалистической точки зрения нет никаких сомнений, что озерные и морские монстры действительно существуют. Сообщения о встречах с ними поступают из Шотландии, Ирландии, Скандинавии, Канады, Африки, Новой Зеландии – отовсюду, где для этих чудовищ есть подходящая их размерам «жилплощадь», и даже оттуда, где площадь эта явно маловата.

Одно из возражений, выдвигаемых биологами против существования лох-несского чудовища, как раз и состоит в том, что озеро Лох-Несс чересчур мало для проживания колонии таких существ. И вместе с тем есть озера, уступающие по размерам Лох-Несс, и тем не менее там, если верить сообщениям, также обитают гигантские монстры. Капитан Лесли, к примеру, не один год изучал легенду о другом чудовище – Коннемарском, названном так по району в Западной Ирландии, где находится озеро. Время от времени некоторым местным жителям удавалось, по их словам, увидеть его и в наши дни. Эти монстры достигают полмили в длину. 16 октября 1965 года капитан произвел взрыв на озере Фадда и был вознагражден видом «какого-то чудовища, барахтавшегося примерно в 50 ярдах от берега». Ранее, в 1954 году, библиотекаря из Клифдена в графстве Гэлуей Джорджине Кэрберри и трем ее друзьям исключительно «повезло»: находясь на том же озере, они всего в 20 ярдах от себя, помертвев от ужаса, наблюдали чудовище – «гигантскую черную змею», плывшую с открытой пастью прямо по направлению к ним.

Подобный «эффект паралича» при столкновении с фантомными чудовищами отмечался уже давно. Так, в 1857 году лорду Малсбери его егери рассказывали о чудовище, виденном ими в Лох-Аркейге. Лорд тут же предложил подстрелить чудовище, на что получил ответ: «Не торопитесь, ваша милость, скорее всего, и ваше ружье даст осечку». Все современные авторы занимаются выяснением вопроса: существуют ли подобные создания в физическом смысле? При этом почти все они – от Гулда в 1934 году до Костелло в наши дни – склонны считать чудовища реальными в обыденном смысле этого слова. Другие же, их явное меньшинство, объясняют все случаи «явлений чудовищ» ошибкой восприятия, надувательством или психологическими причинами. Среди последних главная роль, безусловно, принадлежит великому «развенчителю мифов» Морису Бертону.

В старых книгах о водяных монстрах никто не пытался выдавать их за действительно существующих представителей фауны; их считали продуктом игры стихийных сил.

В жизнеописании св. Колумба, например, говорится о том, что около 505 года он сперва призвал, а затем отослал лох-несское чудовище. Подобные же случаи «заклинания духов» чудовищ содержатся и в старинных легендах, и в мифах, распространенных во всему свету. В них мы неизменно встречаем героя, который во всеоружии солнечного сияния побеждает змея или дракона. Таким образом, ясно, что речь идет о явлении, известном издавна.

Необходимо также сказать об «эффекте паралича», наблюдающегося у тех, кто сталкивается с неведомыми животными. Возможно, в этом проявляется особенность психики человека. Каждый знает по себе, что при встрече с неожиданным и неизвестным в первый момент наступает как бы оцепенение, и лишь спустя какое-то время человек начинает действовать. По-видимому, эта особенность досталась нам в наследство от далеких предков – мы замираем в первый момент при виде неизвестного, а затем, когда сознание и подсознание оценит степень опасности, следует реакция – бежать, вступить в бой, просто наблюдать. Поэтому видеть что-то мистическое в том, что люди забывали о фотоаппарате, кинокамере, то есть наступал как бы «эффект паралича», – значит плохо знать особенность человеческой психики. Ведь окружающий мир – не лаборатория, где все разложено по полочкам и где, протянув руку, можно достать любую пробирку или образец для исследований. А неведомые животные появляются совсем не тогда и не там, где их ждут наблюдатели или ученые. Так что, наверное, встреча с неведомыми животными вполне еще возможна...

География пресноводных ящеров весьма обширна. Имеются сообщения о них из Ирландии, Швеции, Норвегии, Канады, России...

ЧУДОВИЩА ИЗУМРУДНОГО ОСТРОВА

Ирландцы любят поболтать и просто сияют от счастья, рассказывая очередную легенду или байку. Кто не слышал об излюбленных героях ирландского фольклора – эльфах и стонущих духах? Но самые популярные загадочные существа на земле Ирландии не эти, а странные морские создания, которых называют по-разному: пиасты, пейсты или олфейсты. Как и легенды об эльфах, маленьких человечках, рассказы об ирландских водяных монстрах уходят корнями в далекое прошлое. Фенианский цикл ирландских саг рассказывает, как озеро Берг (Красное озеро) получило свое название: это произошло после того, как герой Финн убил монстра, который проглотил нескольких людей. В рассказе о жизни святого Мочуа из Баллы в VII веке тоже фигурирует подобная тварь, сожравшая пловца, который пытался переплыть реку Шаннон. В другой легенде святой Колман из Дромоура спас девушку от страшного чудовища, поселившегося в озере Ри.

В средние века и позже чудовищ регулярно «видели» в озерах Маек, Грени, а также Брене, маленьком, но по-своему прекрасном озере у истока реки Блеквоте, о чем сохранились свидетельства очевидцев. Но и в XX веке ряд вполне образованных людей считает возможным, что глубины ирландских вод скрывают таинственных чудовищ. Когда некоторые местные жители, постоянно обитающие на берегах озера Ри, заметили длинное змеевидное существо в первые годы после второй мировой войны, большинство высмеяло их. Однако в 1960 году существо видели многие авторитетные люди, и даже скептики призадумались.

...Вечером 18 мая 1960 года трое священников из Дублина ловили рыбу в Холли-Пойнте на озере Ри. Отец Мэтью Берк, отец Дэниэл Мюррей и отец Ричард Квигли хорошо знали озеро, так как частенько ходили сюда на рыбалку. До сих пор они считали все рассказы о монстрах красочными выдумками, и поэтому были совершенно изумлены, когда теплым весенним вечером над гладкой поверхностью воды вдруг появилось животное, какого они никогда

раньше не видели. Оно плыло на расстоянии 100 ярдов от них, его изогнутое тело напоминало змеиное, оно как бы образовывало петлю, а голова, высывавшаяся над поверхностью на несколько футов, была похожа на голову питона, только значительно больше.

Они не знали точно, какого размера было это существо, но, по их расчетам, общая длина двух видимых участков – а второй казался большим, закругленным, возможно, оснащенным плавниками, – должна быть более 16 футов. Описывая впоследствии это происшествие, один из священников, отец Берк утверждал, что существо «передвигалось довольно неторопливо, видимо не подозревая о нашем присутствии. Мы наблюдали за ним примерно 2-3 минуты. Оно плыло в северо-восточном направлении к берегу, но потом частично погрузилось под воду и скрылось из вида».

На следующий день священники рассказали журналистам о таинственной встрече, а потом представили полный отчет Ирландскому рыбному тресту. В отличие от предшествующих сообщений о водяных монстрах отчет о происшествии 18 мая трудно было опровергнуть. Например, вряд ли трое священнослужителей задумали обмануть такое количество людей, да и со столь близкого расстояния они не могли принять за животное что-то другое. Через несколько недель некоторые скептики выдвинули ряд «естественных» объяснений: существо было миниатюрной русской подводной лодкой; это была рыболовная сеть; три-четыре крупных угря случайно слились в одной и той же позе, и это произвело впечатление, что в воде извивается большое неизвестное животное. Впрочем, ни одну из этих версий доказать не удалось, а когда поступили сведения и о других таинственных животных, как две капли воды похожих на тех, которых видели священники, уверенность ирландцев в том, что в озере действительно обитает нечто странное, укрепились.

В августе двое ловцов щук Патрик Генли и Джозеф Квигли из Иништурка заловили своей сетью что-то невероятно большое, но существо вырвалось и сбежало до того, как они втащили сетку на борт. Генли отметил, что это животное должно быть сильным, как лошадь, чтобы порвать такую крепкую сеть. Он также заявил, что оно во время борьбы протащило их лодку 30-40 ярдов. Это случилось в

середине озера Ри, где глубина достигает 60 футов, в полумиле от того места, в котором за несколько месяцев до этого священники видели своего монстра. Прочитав публикацию об августовском инциденте, двое английских туристов заявили ирландской газете, что их тоже – еще в 1958 году – протащило по озеру некое существо, когда они вытаскивали сети с рыбой, а владелец пассажирского судна рассказал, что оно ударилось о какой-то огромный подвижный объект в середине водоема, в точке, где была довольно большая глубина. После этой последней истории озеро было проверено в том месте, на которое указывал шкипер, но ничего не было обнаружено.

Новости о таинственном обитателе озера Ри распространились по всей Ирландии, и интерес к загадке возрос еще и потому, что из других мест также поступали сведения о виденных водяных чудовищах. Большая часть из них, возможно, были плодами воображения, люди принимали за чудовищ всплывшие бревна или другие естественные объекты. А другие логически можно было объяснить только одним способом: свидетели лгали.

1 мая строитель, работавший по контракту, Джеймс Куни ехал с приятелем Майклом Макналти мимо озера Глендарри, которое расположено на острове Ахилл. Свет фар выхватил странное, похожее на динозавра животное с длинной, как у лебедя, шеей, которое пересекло дорогу прямо перед их фургоном и исчезло в густой растительности. Примерно шесть недель спустя Гей Денвер, шестнадцатилетний подмастерье плотника, ехал домой с мессы на велосипеде, когда увидел похожее существо, которое появилось из леса около торфяных берегов озера Глендарри. Потом, в первое воскресенье июня, несколько свидетелей, среди которых были бизнесмен Данделк и двое путешествующих автостопом, видели длинношею ящерицу длиной около 20 футов на берегу того же озера.

Скептики регулярно твердят, что истории об ирландских монстрах придумываются с целью привлечь туристов. В случае с озером Глендарри, до которого довольно легко добраться, это может оказаться верным. Однако большинство мест, как уверяют, кишат монстрами, труднодоступны и непривлекательны для туристов, мало кто из путешественников решится на тяжелый путь по диким местам

ради сомнительного удовольствия. Более того, если кто и отважится на это, он будет разочарован невзрачностью мест, к тому же многие такие озера едва ли больше глубокой лужи. Эта последняя деталь и рождает много подозрений в возможности существования ирландских пиастов, ведь озера, где их якобы видели, настолько малы, что там не может быть достаточно пищи для столь больших водяных существ. И что более важно, иногда предпринимаются попытки исследовать такие маленькие водоемы, что совсем не трудно сделать, и ничего не обнаруживается.

В 1968 году были использованы самые разные методы, включая сети, глушители, акваланги и даже гелигнитовые заряды, чтобы попытаться поймать 12-футовое животное с изогнутым туловищем, которое многие люди видели в озере Фадца, что в Конноте, это озеро площадью 130 ярдов на 80. Все исследования обнаружили обычные популяции рыб, и ничего более.

Вскоре после этого та же команда исследователей возглавляемая профессором Роем Мэкалом, снова взялась за работу, на этот раз в озере Нехуин, графство Гелвей, где 22 февраля того же, 1968 года фермер Стивен Койн видел огромное угреподобное чудовище. В этом случае использовались гидролокаторы и обследование дна тралом в добавление к инструментарию, использованному в озере Фадда, но и на этот раз поиски ничего не дали. Профессор Мэкал предположил, что животное, должно быть, ушло в море через небольшой ручей, но эта гипотеза, как и сама возможность существования животного, являются весьма спорными.

Что же на самом деле стоит за многовековой традицией ирландского фольклора? Логика говорит нам, что они не могут существовать; отчеты свидетелей предполагают такую возможность. Для тех, кто занимается: исследованием необъяснимых природных феноменов, это привычная дилемма.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОГОПОГО

Отступая, ледник «забрызгал» Канаду так обильно, что и поныне на ее территории – почти сто тысяч озер, и оттого мало кто удивляется, что на долю этой страны приходится гораздо больше легенд об озерных чудовищах, чем на какую-либо другую. В течение XX века буквально с дюжины канадских озер пришли сообщения, и все они указывали на то, что среди природной фауны Североамериканского континента оказались и существа, похожие на плезиозавров.

Одно из них, к примеру, – это чудовище с Черепашьего озера в Саскатчеване, впервые попавшееся на глаза в 1924 году, и длинная черная тварь с озера Понингамук, которая объявилась годом раньше. Манипого, монстр, посещавший озера Манитоба и Виннипегогис, соединенные каналом Крейн-Нэрроуз, таился до конца 30-х, а привлек к себе пристальное внимание, лишь когда показался во весь рост большой группе любителей пикников в 1960 году, у парка Манитоба, близ самого озера. Зверюга с плоской змеиной головой, черной кожей и тремя горбами попал и на фото-, и на киноплёнки. Шампа, животное, вроде бы обитающее в озере Шамплейн, которое простирается за границу Канады, через штаты Вермонт и Нью-Йорк США, за последнюю сотню лет видели так часто, что кое-кто всерьез попытался занести его в Красную книгу Соединенных Штатов, а уж Кэдди, уже известного нам морского змея, что облюбовал себе морские глубины у побережья Британской Колумбии, – встречали чаще, чем любое из прочих чудовищ.

Однако ни одна из этих рептилий не прославлена так, как та, что обитает в озере Оканаган в Британской Колумбии, которое занимает площадь в целых 127 квадратных миль.

Еще до прихода белых поселенцев, более ста лет назад, индейские племена шушвапы, жившие на берегах озера, поклонялись Найтаке, духу, который, по их верованиям, обитал в мрачных озерных глубинах. Согласно одной истории, передаваемой из поколения в поколение, некий гостивший у индейцев этого

племени вождь пренебрег предупреждениями о чудовище и был сожран вместе с семьей, когда пытался пересечь озеро на каноэ.

Другие истории о Найтаке запечатлены в грубых рисунках на камне. Они изображают животное с длинной шеей, узким телом и четырьмя плавниками черты, весьма напоминающие характеристику лох-несского монстра и многих других озерных змеев по всему миру. Суеверное отношение индейцев к обитателю Оканагана довольно быстро передалось и ранним белым поселенцам, хотя изначальное имя монстра было заменено на Огопого – заимствование из популярного лондонского мюзик-холльного шлягера. В конце XIX века недостатка во встречах с ним явно не испытывалось, а в 1914 году изгнившую тушу странного зверя вынесло на берег озера.

Однако вплоть до самой волны встреч с чудовищем в 1950 году большинство канадцев не принимали легенду всерьез. 2 июля этого года «плавучего динозавра» видела некая миссис Крэй вместе с семейством Уотсонов из Монреаля – они предпринимали прогулку по озеру близ Келоуна. Миссис Крэй позже описывала существо как животное с «длинным, изогнутым телом футов 30 в длину, состоящим из пяти петель, явственно разделенных пространством в два фута, в то время как нижняя часть этих извивов всегда скрывалась под водой». Поплавав к северу от путешественников несколько минут, «дух» вдруг резко двинулся через озеро к югу, преследуя стаю рыбы и оставляя за собой широкую кильватерную волну.

Как всегда бывает в случаях с чудовищами из озер, люди, склонные к стародавней мудрости, быстро разобрались во всем и стали предлагать безопасные, естественные объяснения. Федерация натуралистов Британской Колумбии возвестила, что, по мнению ее членов, оптические иллюзии, порожденные «внезапным волнообразным движением на спокойной глади при особом освещении», и привели очевидцев к тому, что они спутали большие тени в воде с плывущим под ними существом. Это замысловатое объяснение удовлетворило некоторых канадцев, тогда как другие, решив не великодушничать, склонились к более разоблачительному сценарию: свидетели преднамеренно сфабриковали свои показания. Однако выяснилось, что эти встречи были лишь началом загадки на долгие годы.

В том же году миссис Е. А. Кэмбелл, наблюдала похожее существо с лужайки своего дома в Келоуне. По ее словам, тварь высовывалась из воды, ныряла и исчезала три раза. Через несколько недель, 12 августа, преподобный У. С. Бин, пастор англиканской церкви в Пентиктоне, созерцал, как Огопого явился из мощного буруна и поплыл по поверхности, оставляя кильватерную волну. Эта встреча произошла близ Нараматы, а через месяц, опять в тех же краях, мистер Брюс Миллер с женой увидели монстра, когда проезжали по дороге, ведущей от озера. Выбежав из машины, они, как описывали впоследствии, разглядели существо с гибкой, мускулистой шеей, вертлявой головой и постоянно изгибающимся туловищем. Хотя это и было последнее сообщение о монстре в 1950 году, владелец кемпинга на Санни-Бич подлил масла в огонь, заявив, что нашел следы Огопого на песке. Впрочем, ничто не указывало на связь отпечатков с взволновавшей всех тварью, но, однако, было очевидно, что они не принадлежат ни одному из известных животных.

С этого наполненного событиями лета 1950 года «огопогомания» не утихает. Исследовательница Арлен Гаал, которая занималась чудищем начиная с 1960 года, насчитала таких встреч около 200. Что более важно – она помогла донести до широкой публики кадры киноплёнок и фотографий, заснятые с берега, которые, как кажется, вполне ясно показывают некий большой одушевленный объект, передвигающийся в воде подобно змее. В августе 1968 года, например, турист Арт Фолден поймал огромное пресмыкающееся в объектив своей телефотокамеры, находясь на обочине 97-го шоссе – на высоте, с которой открывался роскошный вид на водную ширь. Фолденовский домашний фильм на восьмимиллиметровой плёнке показывает, как некий крупный предмет всплывает из воды ярдах в 300 от берега. Ряд сосен на первом плане прекрасно служит масштабным эталоном и позволяет оценить длину зверя от кончика носа до хвоста (примерно 60 футов), его форму (сужающееся на концах тело) и большую скорость. Когда Арден Гаал сама увидела фильм впервые, то послала плёнку на экспертизу и сопоставила с геодезическим планом местности. Эксперты признали фильм подлинным, а Гаал с вполне понятным энтузиазмом возвестила, что

он раз и навсегда доказывает существование в озере Оканаган некоего необычного животного.

Дальнейшие доказательства того, что канадские озерные чудища – не газетные «утки» и не галлюцинации, появились в 1977 году, когда три подводника, оснащенные современным локаторным оборудованием, засекали 25-футовый предмет в озере Понингамук и отслеживали его десять дней. Автоматические камеры зафиксировали изображение некой темной массы, проплывшей под их лодкой, но, к сожалению, ни одна из фотографий не является достаточно четкой, чтобы с уверенностью определить, что же это было. Если брать их по отдельности, то ни одно наблюдение не сможет послужить верным доказательством существования подобных существ. Однако, когда явление повторяется столь часто, одно количество упоминаний о нем очевидцев уже впечатляет. И коли мы доверяем точности человеческого глаза и правдивости сотен канадских граждан, то нам придется признать, что в озере Оканаган и многих других больших водоемах Канады обитают странные существа.

Наконец стоит упомянуть о странной географической привязке. Ибо вряд ли может быть совпадением, что наибольшая часть наблюдений длинношеих монстров в Канаде происходила около изотермической полосы в десять градусов по Цельсию, что соответствует и области встреч с подобными существами в других странах Северного полушария. Без сомнения, распределение этих существ по карте мира следует какой-то общей схеме, и можно провести соединительную линию между Канадой, Ирландией, Шотландией, Норвегией, Швецией, Финляндией и частью бывшего СССР, где можно тоже, судя по всему, встретить чудовища. Как выразился криптозоолог доктор Бернارد Эйвельманс: «Едва ли можно рассчитывать на более явственное подтверждение их существования».

КИТАЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ НЕССИ

В последнее время участились случаи встреч неведомого существа в озере Тяньчи, что расположено в горном районе Маньчжурии на границе с Северной Кореей на высоте 2200 километров. Глубина озера 37 метров, площадь зеркала 9,8 квадратных километров.

...Ранним утром туристов доставили на берег. Гиды предложили занять места у водной глади и полюбоваться восходом солнца. Процесс созерцания был прерван появлением на поверхности озера четырех неопознанных объектов животного происхождения. Они на большой скорости проплыли перед изумленными взорами любителей природы и скрылись в водной толще.

Перепуганные туристы, едва придя в себя, засвидетельствовали: подобных зверей они никогда в жизни не видели. Очевидцы в один голос говорят, что чудища гнали перед собой волну высотой почти в два метра. Из чего был сделан вывод о невероятной массе незнакомцев. В рассказах отсутствует упоминание о какихлибо звуках, напоминающих фыркание. Нет также показаний о наличии у монстров кожно-волосного либо чешуйчатого покрова. По свидетельствам других наблюдателей, у каждого из чудовищ голова, как у коровы, пасть в виде плоского клюва, спина блестящая и черная, покрытая темным мехом, живот белый.

По счастливой случайности явление было заснято на видеокамеру одним из туристов. Кассета была передана в исследовательский центр, занимающийся разгадкой тайны озера Тяньчи в горах Чанбайшань. Странные создания были замечены в нем еще два года назад.

Не раз возвращались из этого дикого места ошеломленные туристы, интригуя рассказами о встречах с фантастическим существом. Наконец его удалось заснять на пленку, и эксперты после анализа обещают поделиться своими соображениями.

«ЧЕРТ» ИЗ ЯКУТСКИХ ОЗЕР

Впервые мировая общественность узнала о таинственных животных в якутских озерах из дневника геолога Виктора Твердохлебова, опубликованного в журнале «Вокруг света» в 1961 году. В один из вечеров на озере Ворота он наблюдал неведомое существо.

«...Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам. По мере того как животное приближалось к нам, странное оцепенение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. На ее фоне отчетливо выделялись два симметричных белых пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное, массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелыми бросками, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. „Хлопает пастью, ловит рыбу“, – мелькнула догадка... Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во всем облике. В ста метрах от берега животное остановилось. Оно вдруг сильно забило на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла минута – и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате... Прав был якут-рыбак, у животного расстояние между глаз действительно было не меньше плота из 10 бревен...»

Теперь о событиях на озере Хайыр. Николай Гладких, член биологического отряда Якутского филиала Академии наук, отправился рано утром к озеру за водой. Видение возникло внезапно: на берег выползло странное чудовище. «Маленькая голова на длинной лоснящейся шее, огромное туловище с иссиня-черной

кожей, вертикально торчащий спинной плавник» – так рассказывал ошеломленный неожиданной встречей очевидец товарищам, которые прибежали на его крики. А чудовище тем временем скрылось в глубинах озера, и лишь волна, пробежавшая по поверхности воды, да примятая трава свидетельствовали о том, что здесь произошло.

Вскоре хайырское чудовище вновь напомнило о себе, всплыв в нескольких сотнях метров от группы наблюдателей. «Неожиданно на середине озера появилась голова, затем плавник на спине, – вспоминал заместитель начальника Северо-Восточной экспедиции МГУ Григорий Рукосуев. – Длинным хвостом существо било по воде, отчего по озеру расходились волны».

У жителей небольшого якутского села, расположенного неподалеку от озера, Рукосуеву удалось выяснить, что странные всплески и глухие звуки – не редкость на Хайыре. Якуты давно заметили таинственного обитателя водоема и окрестили его «чертом». Много десятилетий назад на берегу озера были найдены огромные челюсти щуки, в которые, не сгибаясь, мог войти пятилетний малыш. Не гигантская ли щука шалит в озере?

Весьма кстати оказались воспоминания известного полярного штурмана Валентина Аккуратова. В 1939-1940 годах ему приходилось летать над этими местами. Однажды с высоты 700-800 метров он и известный полярный летчик Иван Черевичный заметили в озере два длинных темных пятна, которые им показались живыми существами. Снизившись до 50 метров, пилоты отчетливо разглядели крупные тела неизвестных животных, которые, испугавшись шума самолета, скрылись в глубине.

Каким же путем в маленьком замкнутом водоеме, длина которого всего 600 метров, ширина – 500, а глубина не превышает 10 метров, могли оказаться плезиозавры, вымершие более 60 миллионов лет назад? Энтузиасты существования считающихся вымершими животных выдвигают следующую версию. Когда-то на месте тундры плескалось море. Когда оно отступило и началось оледенение, ископаемые животные, обитавшие в его прибрежных водах, впали в спячку, продолжавшуюся целую вечность. Через миллионы лет растаявшие льды освободили их из плена, и они ожили в

прогревшихся водах озера Хайыр, как те же заполярные тритоны, которых немало находят в Якутии и Магаданской области на глубине 20 метров в толще тысячелетних льдов.

Противники этой гипотезы считают, что неизвестные современной науке крупные животные могут жить лишь в глубоких водоемах, забывая при этом, что в древности гигантские рептилии обитали в основном на мелководье. Более серьезными представляются замечания скептиков о недостаточной кормовой базе: каждое животное весом не менее тонны должно поглощать десятки килограммов рыбы ежедневно. Сможет ли небольшое озеро воспроизвести столько корма? Возражая им, можно заметить, что водное животное в состоянии покоя расходует мало энергии и поэтому нуждается в относительно небольшом количестве пищи. К тому же вполне реально предположить, что при температуре воды в два-три градуса (такой она остается в Хайыре большую часть года) жизненные процессы у животных замедляются, и они впадают в спячку. А сколько она может продолжаться – никому не известно.

ПТИЦА РУХ ЖИВА?

По числу неразгаданных тайн Мадагаскар занимает, пожалуй, первое место среди прочих диковинных островов. Много лет этнографы и историки бьются над загадкой происхождения мальгашей, коренных жителей острова: несмотря на принципиальную ясность, что они пришли сюда из Юго-Восточной Азии, многое остается туманным. Не утихают споры об африканском влиянии на остров в древности. Но самой древней загадкой следует считать тайну эпиорниса – гигантской нелетающей птицы...

«...И я решился на это дело, выложил много денег, купил на них товары, связал их и увидел прекрасный корабль с парусами из красивой ткани... Вместе со множеством купцов я сложил на него тюки, и мы отправились в тот же день. Путешествие наше шло хорошо, мы переплывали из моря в море, от острова к острову...»

Так начинается рассказ об одном из удивительных приключений Синдбада-морехода, героя сказок «Тысячи и одной ночи». После долгих странствий Синдбад оказывается на необитаемом острове и видит...

Однако вначале познакомимся с историей вопроса, который волнует сегодня криптозоологов.

В 1658 году вышла книга французского путешественника Этьена де Флакура «История большого острова Мадагаскара». Автора книги подняли на смех: никто не поверил рассказам, записанным Флакуром со слов местных жителей. Разве можно было поверить, к примеру, что на острове живет птица размером чуть ли не со слона?

Прошли годы, появились новые сообщения. Побывавшие на острове сообщали, что там и вправду обитает неведомая птица огромных размеров и несет она такие крупные яйца, что жители используют их скорлупу как сосуды для воды... Примерно в это время Европа познакомилась с арабскими сказками – с удивительным миром могучих волшебников, несравненных восточных красавиц и мудрых джиннов. И в этих сказках также упоминается таинственная птица!..

Что же это за животное? Существовало ли оно вообще в природе?

...Когда Синдбад прибыл на остров, перед ним¹ блеснул огромный белый купол. Мореход обошел его, но не обнаружил дверей; попытался взобраться наверх, но не смог, так как поверхность купола была совершенно гладкой. В конце концов выяснилось, что купол – вовсе не купол, а невероятных размеров яйцо. Безусловно, Синдбад преувеличивал, сравнивая яйцо с громадным куполом, но, значит, был повод к преувеличению, и истинные размеры яйца действительно были значительными...

А вот достоверные факты. В 1834 году французский путешественник Гудо нашел на Мадагаскаре половину яичной скорлупы такого размера, что ее и в самом деле можно было использовать как посуду для воды. Путешественник отправил зарисовку скорлупы парижскому орнитологу Верро. На основании рисунка ученый окрестил птицу, снесшую яйцо, «великорослой» – эпиорнисом.

Прошло несколько лет, и в Париж доставили целых два яйца. А затем в болотах острова было найдено несколько гигантских костей, которые поначалу приняли за останки слона или носорога. Но кости принадлежали птице! И птица та должна была весить по меньшей мере полтонны...

Венецианскому путешественнику Марко Поло не довелось самому побывать на Мадагаскаре, но и он слышал удивительные истории: «Рассказывают, что есть там птица гриф, появляется в известное время года, и во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают. У нас говорят, что гриф наполовину птица, наполовину лев, и это неправда. Те, что его видел, уверяют, что он похож на орла, но только очень большой... Зовут его на острове Руком».

Синдбад называл птицу Рух. В персидской мифологии ее нарекли Симург. Есть аналогии и в русских сказках, только там птица выступает безымянной... Что это, совпадение? Свидетельство того, что у каждого народа была своя основа для легенды? Видимо, нет. Исследователи, занимающиеся вопросами происхождения и состава «Тысячи и одной ночи», пришли к выводу, что основа этого свода – созданные в Индии фантастические сказки и дидактические

повествования, относящиеся к так называемому животному эпосу. По их мнению, образец для композиции дал арабам индийский сборник притч о животных «Панчатантра». На сюжеты, заимствованные из этого источника, наслоились впечатления, вынесенные из дальних морских путешествий по Индийскому океану в первые века нашей эры. Впрочем, только ли в первые века?

Не так давно французские зоологи снова обнаружили на Мадагаскаре останки эпиорниса. Теперь они, конечно, никого не удивили. Сенсацией стало другое: к ноге птицы было прикреплено бронзовое кольцо (!), да еще с какими-то загадочными знаками. Эксперты пришли к выводу, что знаки на кольце не что иное, как оттиск печати эпохи древнейшей городской цивилизации Индии – Мохенджо-Даро. Значит, печать изготовлена около 5 тысяч лет назад. Радиоуглеродный анализ костей птицы помог установить ее возраст: он равен пяти тысячелетиям!

Для специалистов, внимательно сопоставивших многие факты, кое-что прояснилось. В 3-м тысячелетии до н. э. жители Индостана совершали смелые морские экспедиции. К этому времени у них был накоплен многовековой опыт вождения кораблей – сейчас ученым известны морские порты, построенные в 5-м тысячелетии до н. э. Побывали индийцы и на Мадагаскаре. Остров поразил путешественников разнообразием растительного и животного мира. Тогда здесь в изобилии водились эпиорнисы. Среди моряков наверняка были любители фантастических историй, обладавшие к тому же пылким воображением, так рассказы вернувшихся домой мореплавателей обросли дополнительными деталями, бескрылая птица стала летать, она заметно увеличилась в размерах, приобрела хищный нрав... Такой образ птицы Рух и вошел в древнейший эпос. Оттуда она перекечевала к персам, арабам и другим народам. Конечно, это лишь предположение, и новые находки, могут либо подтвердить, либо опровергнуть его.

Однако зоологов волнует не только история образа таинственной птицы. Яйца, которые находили на песчаных дюнах и в болотах в южной части острова, выглядели подозрительно свежими. Казалось, они снесены совсем недавно... Местные жители уверены, что в самых дремучих лесах острова до сих пор живут гигантские птицы,

однако увидеть их нелегко... В самом деле, сравнительно недавно европейские миссионеры слышали глухие, утробные крики неведомой птицы, доносившиеся из глубины лесных болот. В то же время в местных преданиях ни слова не говорится об охоте на эпиорниса – значит, жители ради мяса их не истребляли. Конечно, сокращение количества или даже исчезновение диковинных птиц могло произойти в процессе освоения острова – вырубки леса, осушения болот. Но ведь на Мадагаскаре остались еще огромные участки заповедных джунглей и нехоженых болот. Словом, места для животного эпиорниса достаточно...

ЛЕГЕНДА О МОА

Гиганты-моа известны человеку давно, но с какого точно времени – сказать уже невозможно. Большинство авторов лишь пересказывали из книжки в книжку разные басни и легенды о ней.

Но есть и одна точная дата – 1839 год, когда первая кость моа попала в руки ученых. Таким исследователем. оказался Ричард Оуэн, а, по преданию, принес ее к нему и оставил «неизвестный моряк», когда профессор был в отпуске. Когда Оуэн вернулся и осмотрел кость, то понял, что он стоит перед открытием мирового значения. Он начал искать моряка, но тот как сквозь землю провалился. Словом, история в духе эпохи викторианской Англии. Но кость с обоими обломанными концами действительно существовала, и ее доставил в Англию хирург Джон Рул, и он виделся с Оуэном. Сначала тот не придавал ей значения, приняв ее за «суповую кость» быка. Но по настоянию Рула забрал ее с собой в музей, чтобы выяснить, кому же она может принадлежать. Когда же он увидел, что она очень похожа на страусиную, только невероятных размеров, он, мягко говоря, призадумался. Коллеги, с которыми Оуэн обсуждал открытие, посоветовали не спешить с выводами: пусть появятся новые данные. Но он верил в свои силы и не нуждался в советчиках. Перед ним была кость птицы такого строения, как у страуса, но тяжелее и крупнее, и кость была не ископаемая! Значит, должны быть другие останки, если не сами живые птицы, решил ученый, и общественность Новой Зеландии должна помочь ему! Он заказал 500 оттисков обращения и разослал их миссионерам, торговым агентам, морякам в надежде на поддержку. Так случилось, что, пока его материалы плыли на далекие острова, появились новые доказательства – целое скопище костей моа.

Первыми сообщениями о Новой Зеландии были несомненно донесения Кука. Некоторые авторы утверждали, что, когда корабль Кука бросил якорь, гигантская птица стояла на берегу и исчезла в чаще, как только лодка направилась к берегу. Сам Кук об этом не писал: в его донесении нет ничего, что бы указывало на

существование моа. Так что молчание Кука расценивалось как доказательство того, что моа во время Кука уже не существовало на островах.

Из книги Вилли Лея «Единорог и другие» :

С начала прошлого века много людей – главным образом, англичан – стали ездить в Новую Зеландию и писать книги о путешествиях. Странно, но шесть первых книг вообще моа не упоминали. Первой «ласточкой» стала книга Джоэла Полака, торговца, вышедшая в Лондоне в 1838 году. Он потерпел крушение на Северном острове в 1831 году и провел там шесть лет. Полак писал, что общался с маори и те показывали ему большие кости. Он добавляет, что животные, которым они принадлежали, обитают на Южном острове, где они еще живы. К сожалению, Полак не говорит, кто ему это сказал. Маори? Или он сам сделал такой вывод?

Книга торговца Полака – обычное немудреное повествование о жизни в Новой Зеландии, но упоминание о живых моа выделяет ее из числа других источников. Миссионер Уильям Коленсо упорно утверждает, что эта книга – мистификация. «Торговец Полак вообще не умел писать!» И не мог он видеть кости моа, он бы непременно прихватил их с собой! Все это Коленсо заявляет к тому, что не Полак, а он, преподобный отец, и был крестным отцом моа.

Не знаю, что вызвало такую нелюбовь Коленсо к Полаку. Наверное, сама книга о Новой Зеландии с именем Полака на обложке. Я прочел ее в нью-йоркской публичной библиотеке. И я не могу допустить, чтобы Полак, будучи торговцем, оказался неграмотным человеком! Зачем ему кости? Он торговал с людьми, которые не оценили бы их. Он переправлял товар в Китай, а там они явно ни к чему. Думаю, Полак знал, чем нужно торговать. Мистер Коленсо же слышал о моа от маори, которые рассказали ему, будто большой старый моа устроил настоящий террор среди местных жителей, живших вокруг горы Вакапунане. Он сам полагал, что это всего лишь легенда. Но когда узнал о моа от других людей, то решил летом 1841 и 1842 годов провести собственное расследование.

Сам он так и не совершил путешествия, так как не сумел найти ни одного местного жителя, который бы согласился сопровождать его. Через несколько лет окрестные горы обследовали, но гиганта не обнаружили. Искал его крещеный маори. Человека, обратившего его в христианскую веру, звали преподобный отец Уильям Уильяме,

Собиратель костей моа, мистер Уильяме оказался более удачлив, чем остальные. И корзина с его находками отправилась тихим ходом в Лондон. Но тут вступили в силу странные британские таможенные законы, которые запрещали перевозку костей. В борьбу за кости включился сам Оуэн вместе с Королевским зоологическим обществом, и результатом стал блестящий доклад палеонтолога о вымерших птицах Новой Зеландии на заседании общества.

Другим вопросом было – когда же вымерли моа и по какой причине? Что могли рассказать по этому поводу сами маори? Одна из легенд сохранилась благодаря губернатору Новой Зеландии Фиц Рою. В 1844 году он встретил старика-маори по имени Хауматанги. Старик с гордостью рассказал губернатору, что в детстве он видел капитана Кука. Это явно относится к путешествию 1773 года, и так как Хауматанги было около 85, значит, к приезду Кука он был 13-14-летним подростком. Такое вполне можно допустить. Хауматанги рассказал, что последнего моа в его провинции видели за два года до этого. Думаю, что такое заявление имеет определенную ценность.

Другая история имела место позже, она о том, как вождь маори Кавена Паи-Паи мальчишкой принимал участие в охоте на моа. Событие относится к 1798-1799 годам. Два или три других маори, опрошенные в середине XIX столетия, вспоминали, как их деды рассказывали им, будто они еще охотились на моа. Они вспоминали детали, как атакованные моа становились на одну ногу и отбивались другой. Охотничий прием заключался в том, что несколько человек держало птицу в напряжении, а другие подбирались сзади с длинным тяжелым шестом и били по ноге, на которой стоял моа.

В 1858 году в Новую Зеландию поехал Фердинанд Хохштетгер. Он выслушал все истории, которые пересказал ему Юлиус фон Хааст. Конечно, Хохштетгер знал все ранние сообщения из Новой Зеландии и имел представление о том, что среди маори был не редок

каннибализм. И он выдвинул теорию, которая вошла в книжки – на последующие 70 лет!

Маори прибыли на острова в результате массовой миграции, об этом событии сегодняшние их потомки передают как о «прибытии флота». В те времена на островах жило множество моа. Маори охотились на них ради мяса, и птицы эти были самыми крупными существами на островах. Их воспроизводство было медленным, утверждает Хохштетгер, и охота нарушила равновесие. Они исчезли, и единственным обитателем островов стал человек. Каннибализм стал логическим следствием.

Кто-то менее известный, чем Хохштетгер, выдвинул другую теорию, по которой прибывшие маори застали уже вымирающих моа.

К концу прошлого века все, что было написано о моа, больше касалось разных теорий той или иной школы, нежели конкретных фактов. Те, кто утверждал, что моа вымерли рано, имели значительное число веских аргументов. Многим маори в промежутке между 1840 и 1860 годами показывали кости, и те признали, что они принадлежат именно этим птицам. Имелось несколько поговорок, в которых фигурировало слово «моа», типа: «исчезнуть, как моа». Считается, что это очень старые поговорки. Но тут нужно учесть одно обстоятельство. Когда маори говорят: «Мой дед рассказывал мне...» – не всегда следует воспринимать это; буквально, ибо маори не делают различия между словами «дедушка» и «предок». Что касается старого Хауматанги, то он явно приукрашал свои мемуары. И рассказы Паи-Паи можно воспринимать двояко. Первое: он действительно описал имевшие место события. Второе: он ничего не знал об охоте. Это основывается на факте, что имеется три свидетельства белых и только одно из них подтвердилось впоследствии.

Между тем были обнаружены места, где убивали моа и варили их мясо – там нашли кости, то есть люди и животные несомненно жили одновременно. Осталось доказать – когда? Некоторые ученые считают, что на островах, кроме первых мигрантов «с флота» и маори как таковых, были еще так называемые «охотники на моа». Другие их оспаривают, говоря, что именно маори охотились на гигантов. Эту версию опровергают сами маори. Они не хотят верить, что у них

были другие предки, и называют «людей с флота» единственными прародителями, хотя маори значительно изменились за прошедшие столетия.

Сегодня, кажется, все правы, хотя, как говорится, откуда смотреть. Значительное число стоянок охотников несомненно принадлежит маори. Некоторые другие явно не их, а иных, ранних мигрантов, не организованных «во флот», как маори. Жаль, что охотники не умели рисовать и не запечатлевали свои жертвы на скалах, как бушмены. Так что наши знания о моа покоятся в прямом смысле слова на костях, найденных на всех трех островах. В отношении того, почему скелет не главное доказательство облика моа: представьте, какой археоптерикс получился бы у реконструкторов имей они один скелет без перьев! Несколько перьев моа уцелели, но к каким именно видам они относились – неясно. Скорлупа яиц также не проясняет проблему, размер яиц не дает представления о параметрах самих птиц, их снесших. Как известно, яйца небольших киви очень крупные. С другой стороны, яйца крупных казуаров относительно невелики.

Известны следы – и малых, и больших видов. У маленьких длина шага 20 дюймов, у крупных – 30. Самые крупные похожи на отпечатки лап динозавров. Но есть определенная зависимость между размером следа и длиной шага – с одной стороны, и размерами птицы – с другой. И поэтому, по крайней мере, некоторые следы можно с уверенностью приписать тому или иному виду.

Моа ранних эпох сегодня делятся на пять основных родов, в каждом – несколько видов, которые достаточно сомнительны, так как от них сохранились лишь незначительные фрагменты. Может быть, в наших научных книгах имеется куда больше видов, чем их существовало на самом деле, случалось ведь, что иногда самца и самку какого-то вымершего животного принимали за два разных вида, так как они значительно разнились размерами.

Вот как можно представить себе вероятную картину.

Динорнис . Птицы, принадлежавшие к этому роду, были самыми рослыми в Новой Зеландии, их головы возвышались более чем на три метра над землей. Самым высоким среди них был динорнис максимус. У всех динорнисов были светлые кости.

Эуриаптерикс . Моа этого рода были приземистыми, невысокими, их высота не превышала двух метров. В отдаленные эпохи они были наиболее многочисленны. Известно пять четко определенных видов, шестой под сомнением.

Мегалаптерикс . Известно лишь два вида с Южного острова. Они крупнее обычных птиц, но мельче моа, не превышали полутора метров. Их можно было принять за гигантских киви.

Этеус . Три вида, около полутора метров высотой.

Аномалаптерикс . Пять видов, четыре очень древние, высотой с мегалоптериксов, один вид достигал двух с лишним метров высоты – самый «молодой» из этого рода.

Этот список нельзя понимать буквально. В одно и то же время их нельзя было обнаружить живыми на островах, ибо они жили в разные эпохи. Максимальной численности моа достигали во времена, когда в Средиземноморье жили герои Гомера – около 1000 года до н. э. ...

Закат эпохи моа труднообъясним. Ясно только, что даже если бы никто не заселил острова до капитанов Кука, они были бы крайне редки сегодня. Они медленно размножались, не умели летать и были малосообразительными. Мозг двухметрового моа был равен мозгу голубя.

Находки останков показывают, что моа были привязаны к воде, их обитало особенно много возле болот. На Северном острове эти птицы исчезали, так как площадь лесов уменьшалась в результате вулканической активности. Специалисты по древней истории островов считают, что основной причиной вымирания моа были изменения климата, уменьшение площади открытых пространств.

Ученые попробовали определить возраст костей методом С-14. Замерили одну кость – 1300 лет! Но ученые не удовлетворились этим результатом. Дело в том, что замеренная кость принадлежала динорнису, а зоолог Р. Дафф, директор Кентерберийского музея, и его сотрудники всегда считали, что эти птицы вымерли очень рано и что маори «с флота» встретили более поздних и приземистых эуриаптериксов.

Метод С-14 показал, что динорнис также жил и во времена прихода маори. Но особый интерес представляли изделия из кожи и

перьев моа. У маори с Южного острова до сих пор много подобных вещей, и Дафф датирует их XVII и XVIII веками. Но это представляется слишком маловероятным: ведь в Новой Зеландии климат влажный и органические вещества не могут храниться столь долго. Эти вещи происходят с Южного острова, его самой южной кромки, того самого места, откуда дошли до нас рассказы о большой охоте на последних моа. Одна такая история известна по книге сэра Уолтера Лоренса Баллера «История птиц Новой Зеландии», вышедшей в 1888 году: «Сэр Джордж Грэй рассказал мне, – писал Баллер, – что в 1868 году он был на островке Презервейшн и встретил там нескольких жителей, которые поведали ему о недавнем убийстве маленького моа, описали с чувством поимку 6 или 7 штук».

Островки Презервейшн считаются «страной птиц такахе», строго охраняемой сегодня. Может быть, там прячутся и последние мегалаптериксы?

ТРЕХПАЛЫЙ

Все началось с появления на североамериканском берегу Атлантики, вблизи Клируотера (штат Флорида), каких-то загадочных следов. Они выходили из моря, вели к крутому уступу, который тот, кто их оставил, очевидно, не смог преодолеть, тянулись вдоль берега и уходили снова в воду...

Из книги американского зоолога Айвена Сандерсона «Там чудеса...»:

Молодые люди, проезжавшие ранним утром по прибрежной дороге, рассказывали, что видели, как огромное чудовище вылезло из воды. Днем прилив смыл с берега следы, но за ночь они появились снова. Целый месяц следы попадались то тут, то там.

Надо сказать, что побережье Мексиканского залива во Флориде сильно пострадало от «красного прилива», или, как его называют, «цветения». Временами какое-то микроскопическое животное так сильно размножается, что морская вода на многие мили вокруг становится красной. Такое «цветение» очень ядовито для всех морских жителей. Миллионные косяки мертвых рыб усеивают берега, превращая их в гниющую свалку. «Цветение» может вызывать гибель даже глубинных рыб и морских животных. Неудивительно поэтому, что таинственное существо появилось в конце периода «цветения» внутри замкнутого с трех сторон сушей Мексиканского залива.

Любой обитатель открытых океанских просторов, случайно заплыв в это время в Мексиканский залив, был бы отрезан от Атлантики барьером «красного цветения», что, по-видимому, и случилось. Проскитавшись в этом «огороженном» районе март и начало апреля, хозяин следов отправился на север вдоль западного побережья Флориды, пока не оказался в устье реки Сувонни.

То, что животное заблудилось и металось в поисках выхода, подтверждают его поступки. Если бы оно постоянно обитало здесь, о его существовании было бы уже известно. Животное пренебрегает

всякой осторожностью: недаром его удалось видеть как на суше, так и в воде множеству самых различных людей.

Еще за сутки до того, как следы появились в Клируотере, к северу от этого городка, в Биг-Пассе, два рыбака видели, как в море на рассвете большое животное выпрыгивало и ныряло, резко разбивая спокойную водную гладь. А летчики Джордж Орфинидес и Джон Милнер заметили какое-то существо, которое плыло примерно в 200 футах от берега у острова Хог. Оно отчетливо виднелось сквозь воду на глубине примерно 8 футов. Его тело длиной футов 15 было покрыто густыми волосами. Голова выглядела тупо обрубленной и тяжелой, а задние ноги были как у аллигатора, но много мощнее. Хвост был длинным и толстым.

Летчики немедленно вернулись в аэропорт и взяли на борт директора местной летной школы Марио Эрнандеса. Прилетев назад, они опять на глубине увидели животное, которое двигалось вместе с приливом. Скорость его была примерно 8 узлов. Пролетев над ним несколько раз, летчики смогли разглядеть, что у животного было четыре конечности, но передние оно почти все время держало прижатыми к нижней стороне туловища.

Следующее появление загадочного существа было наиболее поразительным. Двое, муж и жена, приехали во Флориду, чтобы поудить рыбу среди бесчисленных необитаемых островков, песчаных отмелей и рифов, разбросанных вдоль побережья. Они пристали к одному островку и забросили удочки. Остров был покрыт густыми зарослями кустарников. И вдруг они с ужасом увидели огромное животное, которое вперевалку двигалось по берегу. Потом они рассказывали, что голова у него была как у носорога, но совсем без шеи. Она както «вытекала» прямо из узких плеч. Животное было серого цвета, все покрыто короткой густой шерстью. Ноги были короткими и очень толстыми, с огромными ступнями, а с плеч свисала пара ластов. Животное не побежало к воде и не нырнуло, а как бы соскользнуло в воду боком.

После этого оно исчезло, пока его следы не были обнаружены на реке Сувонни. Некий мистер Хейс со своими друзьями заметил в воде куполообразно возвышающийся «неуклюжий» предмет, покрытый

какимито выступами и шишками. Сперва у них мелькнула мысль, что это бревно, но оно двигалось против течения.

Позднее профессиональный охотник, который постоянно жил у истоков реки вблизи болот Окефеноки и лучше других знаком с местным животным миром, сообщил, что он слышал, как нечто «плюхалось» в заросшем водорослями и лилиями пруду. Он рассмотрел там необычные следы и слышал громкое бульканье и рычание.

В следующий раз животное увидел я сам. Мы летели на легком самолете на высоте около 500 футов прямо над рекой, стараясь следовать всем ее поворотам и излучинам. Примерно на полпути между Сувонни-Гейблс и морем в ненаселенной местности, где к берегу подступает высокий лес, мы одновременно с летчиком заметили в реке какое-то огромное существо грязно-желтого цвета, которое взмутило воду. Ниже по течению на фоне темной воды от него тянулся извилистый след пены. Загадочное животное было длиной футов 12 и шириной фута примерно четыре. На обоих оконечностях его было нечто, чем оно вспенивало воду.

Однако, пожалуй, самыми существенными можно считать события, происшедшие в северной части Флориды примерно милях в 40 от моря. Впервые следы этого животного были замечены там рано утром 21 октября 1948 года. Они тянулись вверх по течению реки, которая здесь описывает широкую дугу, в западном направлении, а к реке подступает заболоченный девственный лес. За лесом пролегла полоса, покрытая сосновым сухостоем, среди которого разбросано немало трясин. Затем начинаются расчищенные участки и поля. Выше этих мест река Сувонни до самых истоков течет сплошными лесами и болотами.

Почвы во всем этом районе песчаные. Не редок голый песок даже среди леса. В некоторых местах он очень мелкий, белый, жесткий и, если сухой, сыпучий. А когда влажный, то становится гладким, твердым и прочным, почти как бетон. После первого легкого дождичка тяжелый грузовик не оставит на его поверхности ни малейшего следа. Совсем недавно здесь прошли дожди, продолжавшиеся две недели. Вода в реке сильно поднялась. Район, где нашли следы, местные жители именуют «Гнилой угол». Следы

выходили от реки там, где берег пересекала расщелина, и довольно прямо вели к болоту. Пройдя шагов 60 на юг по этой грязной трясины, животное вышло на его правую сторону, взобралось по отлогому склону, обошло тесную заросль из кустов и преодолело небольшое поваленное дерево, кора которого оказалась ободранной, будто по нему проволокли что-то очень большое и тяжелое. Затем в овражке, заросшем густой травой, следы терялись, но потом появились снова. Ствол большого гнилого дерева, которое оказалось на его пути, в самой середине был совершенно раздавленным. Под аркой из кустов животное прошло к заросшему пруду. После его визита в середине пруда образовался большой круг, в котором все лилии и водоросли были с корнем вырваны из грунта. Потом животное покинуло пруд, воспользовавшись, по-видимому, ручьем и пройдя по нему из трясины до русла реки.

Без подробного осмотра отдельных отпечатков следов невозможно утверждать, четвероногое или двуногое существо их оставило. По первому впечатлению казалось, что мы имели дело с двуногим.

Но самое примечательное мог заметить лишь опытный охотник-следопыт: частота расположения следов менялась при малейшем изменении уклона местности. Кроме того, существо тщательно обходило любой пенек или иное препятствие, вплоть до мелких кустиков и выступающих из земли корней. Все это свойственно зверям, ведущим ночной образ жизни.

Глубина отпечатков следов сильно различалась в зависимости от твердости почвы. На влажном песке некоторые из них были до двух дюймов в глубину, другие – на более плотном грунте – примерно полтора дюйма в самом центре ступни. На берегу, где следов пяток вообще не было заметно, когти оставили вмятины дюйма в три глубиной.

Местные жители, в том числе служители полиции, видевшие следы еще совсем свежими, сообщили, что сначала отпечатки были ясными на самом твердом песке. Мы же, попробовав искусственно имитировать их, сбрасывая 35-фунтовую свинцовую модель с высоты 3 фута, никаких отпечатков на таком грунте не получили.

Конечно, сама мысль о том, что какое-то животное, по размерам соответствующее этим следам, может в наши дни бродить даже в таких относительно глухих местах, как Северная Флорида, очень нелепа. Нет ли здесь «человеческого» источника этих следов, порожденных или чистой мистификацией, или же стремлением поднять шум и затем воспользоваться им в целях рекламы? Ведь почти все, что может сделать животное, может сделать и человек. Но кое-что, считавшееся нами невозможным для животного, оказалось... еще более невыполнимым для человека.

Во-первых, мы думали, что все следы были слишком уж безукоризненными, а это оказалось не так. Они различались и по степени нажима, и по скольжению лапы, по ширине шага и «колеи» между правой и левой лапами на поворотах. Во-вторых, было замечено, что для столь крупного животного, как это можно предположить по глубине отпечатков, ширина шага была до крайности мала. Но, например, пингвину это свойственно.

Отсутствие следов волочащегося хвоста и свидетельство существования передних лап заставили нас задуматься над тем, как такое животное может сохранять равновесие одинаково хорошо на ровной местности и на уклонах. Но ведь помимо человека есть немало существ, которым это удастся. Поэтому, выступая против животного как «автора» следов, мы выступаем и против человека, особенно если учесть, что он надел на ноги некие тяжелые приспособления для одурачивания.

По всей видимости, зверь случайно забрел во Флориду, покинув свою природную среду, и, возможно, заблудился. Его странно выглядевшая трехпалая, кажущаяся лишенной суставов ступня вовсе не бесполезна для существа, ведущего водный образ жизни, если между пальцев у него есть перепонка. Действительно, отпечатки очень напоминают следы огромного пингвина, чьи пальцы соединены такой перепонкой.

Те, кто верит, что следы оставлены животным, ставят очень существенные вопросы. Вот они: как «без животного» объяснить огромную протяженность цепи следов; полное отсутствие каких-либо сопровождающих следов – как человеческих, так и машины; глубину, на которую следы впечатались в песок, ведь на мокром

песке не то что человек, а и мощный грузовик не оставляет следа; случайное и бессистемное петляние следов; то, что они постоянно появлялись из моря или из реки и вновь исчезали в море или болоте; и тот факт, что многие видели неизвестных крупных животных как раз в тех районах, где замечены следы, и нигде более.

Мы провели еще один эксперимент: попробовали воспроизвести следы при помощи 15-килограммовых свинцовых моделей, привязанных к ногам, но никаких отпечатков на влажном песке не осталось.

Кроме того, мы убедились, что карабкаться по берегам, следуя отпечаткам следов неизвестного существа, с привязанными к ступням свинцовыми приспособлениями невозможно, тем более что необходимо было оставлять только глубокие отпечатки пальцев.

Таким образом, единственное, что можно предположить, – это были следы животного. Но какого?

Все сведения, которыми мы располагали, дали нам основание думать только об одном классе животных, у которых ступни лап могли оставлять как раз такие отпечатки. Классе птиц, а если говорить точнее – о пингвинах.

Это как раз те существа, которые ведут водный образ жизни. Кроме того, пингвины обладают непомерно большими, хотя и коротенькими, толстыми ногами, на которых они мелко семят. Есть у них и нечто вроде пары ластов, свисающих с плеч. Более того, голова у некоторых разновидностей пингвинов с их коротким клювом, если смотреть сбоку, удивительно похожа на голову миниатюрного носорога. И это еще не все. Пингвины способны плавать различными «стилями». Если смотреть сверху, лапы иногда выглядят, как довольно длинный, но плотный хвост, – как раз такой, как описывали флоридские летчики.

Ученых ставили в тупик сообщения, что на животном была густая шерсть. Ведь пингвины безволосы, их тело покрыто перьями. Однако большинство людей, не натуралистов, впервые увидев его, неизменно принимают короткие и плотные перья птицы за волосы.

Пингвины выходят на берег, бродят по льду. Далеко уходят от воды, а вот карабкаются, даже и не по крутым склонам, с большим трудом.

Два последующих события подкрепили наши выводы. Взяв гипсовые слепки следов, свинцовые модели, которые «участвовали» в наших экспериментах, фотографии, карты, схемы, я направился в Нью-Йорк. Я также прихватил с собой несколько наиболее отчетливых «следов», тщательно вырезав их вместе с куском почвы. Со своим бесценным грузом и явился в палеонтологический отдел Американского музея естественной истории. В это время в музей прибыла группа новозеландских ученых. Бросив взгляд на привезенные мною «следы», они в один голос воскликнули: «Эти будут куда больше, чем наши!» Оказалось, что перед самым своим отъездом в Соединенные Штаты и коллеги из Новой Зеландии закончили отделять гигантского пингвина (разумеется, в виде окаменелого скелета) от сводов одной из пещер. Итак, сегодня во множестве здравствуют королевские и императорские пингины, достигающие почти метра в высоту. Затем нам сообщают, что некогда в Новой Зеландии обитали их более чем двухметровые собратья. Почему бы не предположить существование и вдвое более крупных! Живут же моржи и морские слоны.

И еще. Один из моих друзей показал мне давние описания острова Кергелен, лежащего в субантарктической зоне крайнего юга Индийского океана. Склоны этого острова местами покрыты чрезвычайно густыми зарослями кустарника и населены мириадами морских птиц, которые гнездятся под сплошным переплетением ветвей и листьев. К этим глубоко упрятанным гнездовьям сквозь заросли ведут бесчисленные туннели. Так вот, большинство этих туннелей имеет размеры, соответствующие росту обычных местных птиц, но некоторые достигают 1 метра 80 сантиметров в диаметре! Какой птице или другому животному нужен проход таких размеров? Нам это неизвестно.

Наконец следует отметить, что большинство сообщений о появлении трехпалых гигантов поступает из южного полушария, а пингины как раз его обитатели. Так что в антарктических и субантарктических водах могли бы существовать гигантские пингины.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА ПАТАГОНИИ

В начале XVIII столетия до Парижа дошли туманные слухи о каких-то гигантских костях, якобы найденных в аргентинской пампе. Говорили, что по размерам они напоминают кости слонов. Парижская Академия наук решила обойти этот факт молчанием, тем более что уже тогда было известно, что слоны в Америке не водятся. Конечно, Южная Америка пока еще не слишком хорошо изучена, так что... пусть испанцы сначала представят доказательства. И доказательства появились!

Сначала исследователи обнаружили лишь несколько костей; обычно их находили в тех районах пампы, где почву пересекали русла рек. В 1789 году был обнаружен скелет, по счастью, не слишком далеко от Буэнос-Айреса, в местечке Лухан. Наместник короля приказал выкопать кости и отвезти в Мадрид. Ученый по имени Гаррига собрал их и в 1796 году опубликовал первое их описание.

Животное размерами походило на слона или могло быть им на самом деле, если бы не одно обстоятельство – его конечности были немного длиннее. Оно было высотой три метра до плеч, и полная длина его туловища составляла пять с лишним метров. Конечности животного были невероятно тяжелыми, гораздо массивнее, чем соответствующие кости слона. Хвост был также очень массивным и, по-видимому, касался земли. К тому же сравнение со слоном тотчас же раз-рушилось при исследовании ступней, скелета и черепа животного. Они не были похожи ни на что когда-либо виденное ранее, во всяком случае подобных размеров. Ну а череп явно указывал на то, что гигант относится к ленивцам!

Имя, данное этому животному, было составлено из двух греческих слов «мегас» (большой) и «терион» (млекопитающее) – мегатериум американум.

Вскоре ученые выяснили, что существовало несколько видов гигантских ленивцев. Один из них, названный милодоном, отличался от предыдущего тем, что его передние конечности были такой же длины, как и задние.

Герману Бурмейстеру, немецкому ученому, было пятьдесят лет, когда он приехал в Южную Америку в 1861 году, решив заняться гигантами. Ближайшим его научным компаньоном, а впоследствии и преемником, был профессор Флорентино Амегино. Вместе они откопали множество костей гигантских травоядных животных. Но никак не могли ответить на вопрос: сколько лет костям? В те годы сложно было дать точный ответ. Бурмейстер был уверен в том, что человек и мегатерий никогда не встречались, так как у коренных жителей не сохранилось никаких воспоминаний о подобных животных, ходили лишь легенды о костях. Они считали, что это крупное животное, чем-то напоминавшее гигантского крота, было вдруг убито солнечным светом, когда оно случайно «взломало поверхность земли».

Рассуждения Бурмейстера были вполне логичны, но факты обернулись против него. Мегатерия, гигантского ленивца, часто связывают с гигантским броненосцем – глиптодоном, и оба эти животные жили, очевидно, в одно и то же время. Были найдены останки глиптодона и стоянки древнего человека, и самым ценным открытием был человеческий скелет, находившийся в сидячем положении внутри гигантского панциря глиптодона. Эта древняя форма захоронения была, очевидно, принята для особо знатных персон. А выкопанный в 1789 году скелет мегатерия был неполным. Хотя все четыре конечности были целыми и невредимыми, но большинство других костей отсутствовало. Посередине между конечностями сохранились следы огня. Очевидно, гигантский ленивец был загнан в яму, пойман и поджарен прямо в западне.

Значит, индейцы его знали, но ответ на вопрос когда? – так и не был получен.

Неподалеку от южной границы Патагонии есть фьорд, именуемый местными жителями «канал», с унылым названием *Ultima Esperanza* (Последняя Надежда). Там в свое время обосновался и уединенно жил в собственноручно построенном доме некто Эберхард, капитан дальнего плавания, немец по происхождению. Люди, посещавшие ранчо Эберхарда, утверждали, что видели там натянутую над кустами шкуру крупного животного. Некоторые, как говорили потом, даже пытались отрезать кусочки от шкуры, однако это оказалось делом

необычайно трудным. Причина в том, что в шкуру было вкраплено большое количество «костей» размером с фасоль.

Однажды – точная дата неизвестна, но это было уже после смерти Бурмейстера – кусочек такой кожи попал к Амегино. Был ли этот кусок из ранчо Эберхарда, с уверенностью сказать нельзя, да и сам Амегино не верил этому. Важно другое – кусок кожи был свежим или, по крайней мере, выглядел таковым. Конечно, это не была свежесть кожи, какую можно встретить в лавке мясника, – ее можно сравнить с недубленной шкурой, выщеланной шорником. Во всяком случае, решил Амегино, кусок шкуры не был ископаемым, и в это трудно было поверить.

Амегино созвал пресс-конференцию. Газеты всего мира напечатали статьи с заголовками типа: «Гигантский ленивец еще не вымер».

Профессор Амегино утверждал, что никаких других свидетельств у него нет. Помимо кожи из неизвестного источника была еще история, рассказанная неким Рамоном Листа, чиновником из провинции Санта-Крус. Однажды он охотился вместе с отрядом в центре Патагонии. Когда наступила ночь, охотники увидели незнакомое животное, похожее на ящера, разве что тело его было покрыто длинной шерстью. Животное скрылось, Несмотря на то что местные звероловы стреляли в него из луков.

Сначала Амегино не поверил рассказу Листа, но потом почему-то изменил свое мнение и впоследствии даже дал существу научное название «неомилодон Листа». А неудачу охотников объяснил тем, что их стрелы вряд ли могли нанести вред животному, в шкуре которого были костяные наросты. Легенды местных жителей рассказывали о некоем большом безобидном ночном звере «иемиш», который целыми днями отсыпался в своей норе, вырытой лапами, похожими на большие клешни.

Амегино поставил перед собой задачу – отыскать в ранних описаниях упоминания об этом животном и названия на местных языках. В своих поисках он неожиданно натолкнулся на книгу под названием «История завоевания Парагвая, Рио де ла Плата и Тукамана» отца Педро Лозано, опубликованную в 1740-1746 годах, где упоминалось существо под названием «су» или «суккарат». В

книге говорилось, что это внушительных размеров животное имеет обыкновение носить своих детенышей на спине. Несмотря на то что это было опасно, местные жители охотились на него, чтобы добыть его шкуру, из-за прочности.

До той поры едва ли кто в Европе слышал об отце Лозано, но после сообщения Амегино о су в научном журнале все европейские зоологи моментально вспомнили аналогичное животное. Его изображения, довольно фантастические, красовались на страницах огромной книги по зоологии швейцарского ученого Конрада Геснера, жившего в XVI веке, которую читала вся Европа.

В книге Геснера «История животного мира» есть параграф, озаглавленный «De Subo», в котором повествуется:

«Самое отвратительное животное, которое можно было видеть на земле, называется в Новом Свете Су. Там на недавно открытых землях живут люди, называющие себя патагонцами, и так как страна эта не очень теплая, они укрывают себя шкурами животного, называемого ими Су, что означает „вода“, так как это животное живет в основном возле воды. Это самое страшное и отвратительное животное, которое только можно увидеть. Когда на него охотятся, оно собирает своих детенышей на спину и, прикрывая их хвостом, убегает. Его загоняют в яму и убивают стрелами».

Всему этому не придавали особого значения до того времени, пока вокруг гигантского ленивца не разгорелись страсти.

Амегино продолжал поиск. Выяснилось, что приведенные строки Геснер взял из книги Андрэ Теве. Но у Теве дальше было так:

«Когда они видели, что зверь пойман, они наносили ему увечья и убивали его детенышей (словно хотели свести его с ума) и при этом издавали такие крики, от которых дикие звери становились робкими и напуганными. В конце концов его убивали стрелами».

Остается вопрос: откуда взялась шкура на ранчо Эберхарда?

Рассказывают, что капитан однажды сам принялся копать землю около своего дома в надежде обнаружить какие-либо свидетельства о животном. И наткнулся на засыпанную яму. Она была достаточно тесной, с грудой наваленных по сторонам камней. Внутри ямы исследователи-любители впоследствии нашли скелет человека и две шкуры, а саму яму приняли за остатки первобытной стоянки

человека. Позднее профессиональные ученые-зоологи обнаружили в яме слой помета милодона глубиной около 40 сантиметров, а затем при более тщательных раскопках нашли части стеблей растений, которые были буквально «отрезаны». Только зубы животного могли оставить такие ровные срезы.

Один из исследователей, профессор Сантьяго Рот, предложил дать животному новое имя – «грипотерий доместикум», полагая, что животное было приручено индейцами, что само по себе не было таким уж невероятным. Однако против этого у скептиков имелось одно возражение: домашнее животное вряд ли бы вымерло. Более вероятно, что животных окружали и загоняли в ямы, где их могли оставлять живыми и даже подкармливать до тех пор, пока не придет время их убить и употребить мясо в пищу. В начале нынешнего столетия директор музея естественной истории в Лондоне Рэй Ланкастер предположил, что в каких-либо малоизученных уголках Патагонии еще обитает гигантский ленивец. Мнения ученого оказалось вполне достаточно для владельца газеты «Дейли экспресс», чтобы финансировать экспедицию в Патагонию с целью поиска милодона. Экспедицию возглавлял некто Хескет Х. Притчард, который, однако, не довел ее до конца и вернулся в Лондон ни с чем.

Но это все было уже давно. Как же обстоят дела сейчас?

Один из самых точных инструментов современной науки – радиоуглеродный анализ рассказал пока что очень мало: помет и обожженные кости имеют возраст 10 800 и 8600 лет. Это свидетельствует о том, что гиганты были современниками человека, но не доказывает, что они дожили до наших дней.

Экспедиция Притчарда не была последней. Были организованы еще две, и обе вернулись с пустыми руками. Конечно, это еще ничего не доказывает. Значительная часть Южной Америки пока что очень слабо изучена.

ОБ ОБЫЧНЫХ ЖИВОТНЫХ, НАЙДЕННЫХ В НЕОБЫЧНЫХ МЕСТАХ

СЛОНЫ-АМФИБИИ

Нет ничего удивительного в том, что так манят к себе в разных зоопарках и цирках слоны: они ведь самые большие сухопутные звери. Но размерами объясняется только малая часть их привлекательности. Слон редко проявляет агрессивность, если только не оказывается в опасности, и многое в его натуре достойно восхищения: и взрослых и детей очаровывает та спокойная грация, с которой даже самые массивные животные величаво несут свое тело, чтобы принять мягкую булочку или яблоко из человеческих рук.

Хотя уже давно известно, что слоны – одни из самых умных млекопитающих, лишь буквально в самое последнее время было открыто, что у них развита одна способность, совершенно уникальная для сухопутных животных: они могут издавать особые дозвуковые сигналы, ниже порога чувствительности человеческого уха, вызывая вибрацию лобных костей. Эти сигналы в отличие от подаваемых китами преодолевают огромные расстояния и могут содержать в себе различную информацию. Таким способом мамаша-слониха может позвать детеныша или предупредить стадо о внезапно возникшей опасности, внешне ничем не показывая признаков беспокойства.

Сходство между дозвуковыми сигналами слонов и сложными распевами китов почти наверняка случайное, ибо первые – это специфически сухопутные животные, и ни один зоолог всерьез не станет рассматривать версию об их морском происхождении. И тем более странно, что все же есть свидетельства, и довольно убедительные, что слоны иногда заходят в воду не только для того, чтобы в жаркий день поплескаться в какой-нибудь луже или пересечь реку, встретившуюся на пути, но и реально выходят в открытое море, подчас покрывая вплавь огромные расстояния. Поначалу это звучало столь невероятно, что специалисты лишь

традиционно отшучивались при одном упоминании о пловцах, оснащенных бивнями, но для криптозоологов, постоянно готовых принять факт таким, каков он есть, доводов в пользу веры в слонов – покорителей океанских просторов – ныне более чем достаточно.

Первое подлинное свидетельство о слоне – порождении моря мы получили от южноафриканского фермера, проживавшего в провинции Натал близ Маргата.

С утра 1 ноября 1920 года Хаг Баланс глазел на море и вдруг заметил на расстоянии в треть мили от берега бурное волнение на воде. Сбегав за биноклем и направив его на океанский простор, Баланс рассмотрел двух сражающихся косаток и некое третье существо, время от времени оказывающееся на поверхности. Пока длилась битва, собралась толпа народу, а фермер наконец, к своему огромному изумлению, сумел опознать третье животное.

Остальные собравшиеся недоуменно заулыбались, когда Баланс заявил, что видит слона. Но стоило кому-то из толпы самому посмотреть в бинокль, как скепсис сменился удивлением.

Согласно полному отчету о происшествии, опубликованному в местной газете, необычная битва продолжалась довольно долгое время, после чего косатки покинули место схватки, оставив третьего зверя безжизненно покачиваться на волнах. А ночью к берегу у Трэджели-Хилл прибило сильно изуродованные останки, которые внимательно осмотрели и признали их явно принадлежащими слону – по отличительной форме туловища и бивней. Труп пролежал, разлагаясь, на пляже несколько дней; затем, пригнав на берег быков, жители сволокли его в воду, и он был унесен океанским отливом.

Когда сообщение о наталском случае появилось в лондонской «Дейли мейл», специалист из Реджентского зоопарка поспешил заявить о мистификации. Однако некоторые читатели газеты, побывавшие в английских колониях, начали присылать в газету письма с описаниями, как они сами наблюдали слонов, плавающих в устьях больших рек, а один житель Новой Зеландии сообщил даже, что во второй половине прошлого века слоновий костяк выбросило на берег в Квинсленде, австралийской провинции. Однако попрежнему лишь немногие, хорошо знакомые с повадками слонов люди были готовы принять на веру, что эти огромные и тяжелые

четвероногие способны плавать долго и на глубине, большей, чем их собственный рост. Но примеры, подтверждающие эту возможность, продолжали множиться все нынешнее столетие.

В 1930 году к Ледниковому острову на Аляске приплыла еще одна туша с длинным туловищем, принадлежащим, похоже, молодому слону, а в 1944-м к берегу у Махриханиш-Бея в западной части Шотландии прибило безголовое тело, по виду – взрослого самца. А ведь и то и другое места расположены не близко к областям обитания слонов, будь то Индия или Африка, так что несложно себе представить, как удивлены были обнаружившие останки жители.

В 1955-м еще двух слонов, судя по всему, индийского вида, вынесло на песок неподалеку от Веллингтона в Новой Зеландии, и в тот же год третий слон был принесен волной к Сен-Дзу-Муры, на побережье Японии. Через 16 лет море прибило еще одно тело слона к берегам Англии. Оно очутилось в марте 1971 года в Уайдмус-Бее, недалеко от городка Бьюда в западной части Корнуолла. А через несколько месяцев моряки рыболовного траулера «Ампула», едва выйдя из порта Гримзби в Северное море, к своему удивлению, обнаружили в своих сетях среди обычного улова трески и сельди тушу молодого африканского слона в добрую тонну весом.

Не просто, конечно, понять, каким образом эти гигантские млекопитающие оказались по воле волн так далеко от родных мест, однако сам факт их появления не вызывает никаких сомнений. Может быть, они погибли на берегу и их унесло приливной волной? Или свалились в реку и утонули, а потом их вынесло сильным течением в море? Может, они бежали из плена и выбросились за борт корабля, везущего их в зоопарки? Впрочем, доказательств последней гипотезы нет никаких, да и для предыдущих их маловато. К тому же довольно много признаков, говорящих о том, что слоны провели в море немалое время живыми. Хотя шкура слона и толста, но морская соль, по всем расчетам, должна была привести мертвую тушу в состояние полной неузнаваемости задолго до того, как от родных берегов животных прибило бы в те далекие северные или южные края, где были найдены перечисленные останки. Однако все тела, за исключением одного, удивительно хорошо сохранились. Проблема в том, что альтернативное объяснение (о способности слонов плавать

по океану) казалось многим специалистам еще более неприемлемым. Зоологи, надо сказать, и слышать об этой идее не хотели.

Но вот в 1976 году, как бы желая подлить масла в огонь, некая англичанка, подписавшаяся просто «Мери Ф.», присылает в местную корнуолльскую газету две занятные фотографии вместе с сопроводительным письмом. В нем она заявляет, что на фото представлен «морской змей», снятый ею в Трефузис-Пойнте недалеко от устья реки Фэл, но на самом деле, вполне очевидно, что на снимке – слон, слегка высунувший голову и часть туловища из воды. Сама «Мери Ф.» тоже признала в письме, что существо более походило по форме на слона, да и размеры были слоновьи, однако по каким-то странным законам природы очевидцы редко приходят к очевидным же заключениям. Как ни была ее история невероятна, но многие местные жители, услышав ее, вдруг припомнили, что лет за пять до этого мертвого слона вынесло на берег у Бьюда, и оттого поверили англичанке гораздо охотней, чем все прочие люди, видевшие курьезное фото.

Так что же, плыл себе весело слон вокруг света по морям и океанам и печально окончил свое путешествие незадолго до высадки на английский берег? Трудно с этим согласиться, но скрытная Мери была совершенно уверена, что сфотографированное ею животное пребывало в воде живым. Так вышло, что всего через три года появилось окончательное доказательство тому, что слоны успешно преодолевают большие расстояния вплавь. В августовском номере журнала «Нью сайентист» за 1979 год была помещена фотография, сделанная месяцем раньше адмиралом Р. Кадиргамом в 20 милях от берегов Шри-Ланки, на которой виден плывущий по океану слон местной породы. Опознать его было несложно даже по фото: хотя ноги ниже водной поверхности, но туловище ясно видно. И тогда наконец, натолкнувшись на неопровержимое доказательство, зоологискептики всего мира были вынуждены признать, что да, они были не правы, а слоны действительно могут плавать по морям. Так что когда в 1982 году абердинские рыбаки вытащили сеть в 32 милях от порта в Северном море тушу слона, никто из братства зоологов не был особенно удивлен. Однако представим себе

реакцию полудюжины моряков с шотландского траулера: применительно к ним слово «удивление» звучало бы слишком мягко!

И ХЛЫНУЛ ДОЖДЬ ИЗ РЫБ

В один из ясных теплых дней мая 1956 года на ферму в Чалатчи, близ Юнионтауна в штате Алабама, с неба посыпались живые рыбы. очевидцы этого невероятного происшествия утверждали, что они вывалились из единственного темного облака, которое появилось из маленького вихря на небосводе, «как будто из ниоткуда». Сначала дождик закапал над маленьким клочком земли всего-то в 200 квадратных футов площадью, и тут же необычная туча из темной стала почти белой и из нее посыпались три вида рыб – сомы, окуни и лещи. Из того, что рыбы были живые и трепыхались, было ясно, что в небе они пробыли не очень долго, чего нельзя сказать о самом рыбопаде, который, по словам очевидцев, длился добрых 15 минут. Хотя все рыбы относились к местным видам и кишевший ими ручей находился всего в двух милях от фермы, однако никаких торнадо или ураганов не наблюдалось уже много недель, так что оставалось непонятным, как именно они поднялись в небо и были перенесены на это расстояние. Один из свидетелей заметил: «По мне, так это самая странная вещь на свете».

Конечно, вещь странная, однако уж не самая на белом свете. Рыбопады были отмечены практически повсюду на земном шаре. Сведения из первых уст об этих «фротскис» (падения с неба) переполняют страницы газет, пишущих об аномальных событиях, и даже трезвые и разумные метеорологические журналы регулярно печатают сообщения о ливнях сельди, шквалах кальмаров и торнадо форели.

В нынешнем столетии наблюдалось много других подобных случаев и в Соединенных Штатах, включая потопаы в Бостоне (Массачусетс), Томасвилле (Алабама), Уитчите (Канзас). Утром 19 декабря 1984 года рыбы посыпались в необычайно большом количестве на Санта-Монику (фривей близ Крэншоу-бульвар в Лос-Анджелесе), создав аварийную ситуацию на дороге. На следующий

год, в мае 1985-го, тоже немалая порция рыбы вывалилась с неба на заднем дворе дома Луиса Касторино в Форт-Борте (Техас). Касторино потом признавался, что был весьма напуган рыбопадом, ибо твердо уверовал в его сверхъестественное происхождение.

Рыбопады настолько привычны в некоторых странах, таких, как Индия и Австралия, что тамошние газеты почти прекратили давать о них сообщения на своих страницах. Австралийский натуралист Гильберт Уитлей даже опубликовал список из 50 рыбных дождей на шестом континенте в одном только 1972 году. В него вошли падения ручейных гольянов в Кресси (штат Виктория), креветок близ Синглтона (Новый Южный Уэльс), карликовых окуньков в Хэйфилде. (Виктория) и неидентифицированных пресноводных видов, обрушившихся на пригороды Брисбэна (Квинсленд).

В Британии хотя такие ливни не столь обычны, но несколько сообщений о них отыскать все же можно. В августе 1914 года видели, как в области Хендон в Сандерленде приземлялись выброшенные из воды угри; в августе 1948 года некий мистер Иан Рети из ХейлингАйленда (графство Хэмпшир), попал под дождь из трески в то время, когда он отправился поиграть в гольф. Среди ракообразных, время от времени выпадающих на британские земли, чаще всего встречаются крабы.

Можно ли объяснить подобные случаи чем-то иным, нежели сверхъестественными причинами? Некоторые полагают, что можно. Среди метеорологов распространено мнение, что уж коль рыбопады больше нельзя считать фантазиями, то, по крайней мере, объяснения для них никак уж не должны лежать в области паранормального. Эксперты-сторонники такой точки зрения считают, что некие вихри или воздушные воронки выдирают, как пылесосом, рыб из рек и морей в небеса, переносят на короткие расстояния и затем сбрасывают на землю. Такая версия вполне может объяснить некоторые случаи, но все-таки стоит указать, что никто не видел, как подобные вихри вытягивали существ из воды, тогда как случаев выпадения их, как мы уже показали, засвидетельствовано великое множество.

К тому же сложно представить себе, как вихри или ветры сортируют рыбу по видам, предпочитая переносить один и

отбраковывать другой. И почему вместе с рыбами никогда не выпадает ничего другого – песка, например, или водорослей? Когда сверху сыплются обитатели моря, никто не отмечает выпадение соленых дождей до или после этого, и если теория водяных вихрей еще как-то может объяснить ливни морских животных, обитающих вблизи берегов, то ей никак не совладать со случаями, когда «дождит» глубоководными видами или теми, которые предпочитают жить подальше от побережья.

Наверное, самым причудливым из всех рыбопадов был дар небес, свалившийся 4 апреля 1986 года на борт шестнадцатифутовой лодки, принадлежавшей трем рыбакам с крошечного островка группы Кирибати в западной части Тихого океана. Потерпев кораблекрушение во время шторма, рыбаки целых 119 дней провели на плаву, прежде чем их подобрала в более чем 500 милях от места, где затонула их шхуна. Все это время они питались, ловя мелких акул голыми руками, которых затем поедали сырыми. Однажды ночью, незадолго до конца приключений, в совершенном отчаянии и страдая от последствий акульей диеты, трое мужчин взмолились Господу ниспослать им какую-нибудь другую еду – и тут, к их великому изумлению, нечто упало сверху прямо в их лодку. Это нечто оказалось редкой, но весьма вкусной рыбой того вида, который никогда не подходит близко к поверхности, а, наоборот, старается всегда держаться как можно глубже. Позже, когда рыбаков спасли, они рассказали о чуде, чем сильно озадачили гидробиологов, которые установили, что этот вид обычно обитает на глубине 600 футов, что сразу же отбрасывало самое простое объяснение – о птице, выловившей, но не удержавшей свою добычу. Так что же – ответ на молитвы? Большинство лучше подумают дважды, чем вспомнят о «руце Господней», но разве есть какое-нибудь объяснение, звучащее неразумней?

РОССИЯ – РОДИНА КРОКОДИЛОВ?

Если открыть 30-й том Полного собрания русских летописей, там под 1582 годом можно найти удивительную запись: «В лето изыдоша

коркодилы лютии звери из реки и путь затворига, людей много поядаша, и ужасошася людие и молиша Бога по всей земле; и паки спряташася, а иных избиша. Того же году представися царевич Иван Иванович, в Слободе, декабря в 14 день».

Что это за «коркодилы» (крокодилы?) вышли из реки и напали на людей? Ведь дело происходило под Новгородом. Может, летописец преувеличил для «красного словца»? Но вот еще одна запись того времени. Она сделана агентом Английской торговой компании Джеромом Гарсеем. В 1589 году он в очередной раз ехал в Россию и в Польше стал свидетелем невероятного. Он пишет: «Я выехал из Варшавы вечером, переехал через реку, где на берегу лежал адовитый мертвый крокодил, которому мои люди разорвали брюхо копьями. При этом распространилось такое зловоние, что я был им отравлен и пролежал больной в ближайшей деревне, где встретил такое сочувствие и христианскую помощь, что чудесно поправился...»

Нечто напоминающее крокодилов встречается и в воспоминаниях ватиканского посла в России австрийца Сигизмунда Герберштейна, приехавшего в нашу страну в 1517и 1526 годах. Вот его слова: «Эта область изобилует рощами и лесами, в которых можно наблюдать страшные явления. Именно там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя дома каких-то змей с четырьмя короткими ногами наподобие ящериц, с черным и жирным телом... с каким-то страхом благоговейно поклоняются им, выползающим к поставленной пище».

Три исторических источника, повествующих об очень похожих феноменах. Разве это не заслуживает внимания? Конечно, можно и отмахнуться от этих свидетельских показаний, так как они явно не вписываются в привычную нам картину мира. Именно так отнеслись однажды ученые к рассказам голландского летчика, потерпевшего аварию на одном из островов в Яванском море. Это было в 1912 году. Вернувшись на родину, он стал рассказывать невероятные истории о каких-то кровожадных драконах, обитающих в тех местах. Лишь в 1926 году на остров Комодо прибыла все же экспедиция зоологов, которые действительно обнаружили реликтовых ящеров, названных «драконами острова Комодо». Эти доисторические животные

численностью не более тысячи особей достигают длины до 3,5 метров и весят 130150 килограммов. Гигантские вараны достаточно агрессивны, иногда утаскивают овец у местных крестьян...

Может, нечто подобное водилось когда-то и на Русской земле? Хочется верить, что однажды криптозоологи заинтересуются легендами о «русских крокодилах». Ведь уже не раз, проверяя подобные слухи, они убеждались, что народные предания не возникают на пустом месте...

«Неведомый крокодил», получивший на этот раз имя «Арзамасский монструз», вновь объявился в России в начале XVIII века. Свидетельство об этом странном событии было обнаружено в архиве города Арзамаса. Вот краткая выдержка из найденного документа: «Лета 1719 июня 4 дня. Была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Куншткаморе и сбору дня ея диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...»

Подписана бумага земским комиссаром Василием Штыковым. К сожалению, «посылка», очевидно, не дошла до Петербургского музея. Природа «Арзамасского монструза» осталась неразгаданной. Может, смерч занес из далеких стран настоящего крокодила? Ведь, согласно описанию, монстр, упавший с неба, имел четыре короткие лапы и огромную пасть, полную острых зубов. Или где-то в густых тогда еще российских лесах оставались таинственные крокодилы, упоминавшиеся в новгородской хронике XVI века? А может, живы они где-нибудь еще и сейчас? Ведь до сих пор из уст в уста передаются рассказы о загадочных существах, обитающих в некоторых российских озерах.

МЕДВЕДЬ НАНДИ ИЛИ АФРИКАНСКИЙ УЖАС

В Кении местные охотники, даже самые опытные и смелые, начинали трястись от страха, услышав имя «чемозит» (чемосит). А когда они случайно набредали на его свежие огромные следы, сразу же ретировались. Говорили, что любой, кто услышит рычание этого зверя, не забудет его никогда...

Не пытайтесь просить кого-либо – охотников или профессиональных зоологов – дать точные сведения об этом живом кошмаре, они только перескажут вам всем известные домыслы, скептически пожимая плечами. И тем не менее понадобилась бы целая книга, чтобы собрать воедино все рассказы о нем, циркулирующие на обширных территориях Восточной Африки, – о свирепом и жестоком медведе большого роста. Живущие в африканских странах европейцы давно уже окрестили его найди – по названию племени, которое живет в месте его обитания.

Из книги Б. Эйвельманса «Следы невиданных зверей» :

Что же это за зверь?

Большой африканский медведь? Но на Африканском континенте не известно ни одного представителя семейства медвежьих! (Единственное исключение может составить территория Марокко, где в горах близ Тетуана в древние времена водились бурые медведи *Ursus arctos crowtheri*, пришедшие с Иберийского полуострова, когда Гибралтар являлся еще сухопутным мостом между Европой и Африкой.)

И нет ни одного достоверного свидетельства, что нанди – действительно медведь, хотя сходство явно имеется и его черты, описанные многими наблюдателями, настолько характерны, что заслуживают серьезного внимания. С другой стороны, в древних свидетельствах тоже есть упоминания о медведях в сердце Африки.

Геродот говорил о медведях в Ливии наряду с питонами, львами, слонами, ослими с рогом – носорогами или, может быть, либитериями, вымершими родственниками жирафа окапи. Плиний же оспаривал наличие медведей в Африке. О. Даппер в 1668 году упоминал о медведях в бассейне Конго среди прочих реальных животных.

На протяжении веков натуралисты были едины во мнении, что на Африканском континенте никаких медведей нет. Но в 1905 году впервые было получено известие о том, что на плато Уазин Гишу видели нечто, называющееся сегодня медведем нанди. Более полное свидетельство о нем появилось только в 1912 году, после того как на значительной части Восточной Африки начали циркулировать упорные слухи об этом животном.

Джоффри Уильямс, участвовавший в начале века в знаменитой «Экспедиции нанди», изложил свои впечатления в «Журнале общества естественной истории Восточной Африки и Уганды». Его статья заслуживает того, чтобы привести ее здесь почти полностью:

"Меня просят описать странное животное, которое я увидел на плато Уазин Гишу. Это дело довольно рискованное, но я постараюсь.

Мы расположились лагерем в Матайе и пошли к скалам Сиргоит, там-то и увидели зверя. Он возвышался над кустарниками. Мой кузен и бой шли впереди всего сафари, когда трава вдруг расступилась. Кузен закричал: «Что это такое?» Повернув голову в ту сторону, куда он указывал, я увидел животное в десяти метрах от нас. Оно было похоже на обычного зоопарковского мишку, а ростом достигало 1 метра 50 сантиметров, правда, в таких условиях рост определить довольно трудно. Приблизительно оно было равно нашему медведю. Потом оно скрылось в кустах в направлении Сиргоита таким характерным галопом. Заря тогда только занималась, но зверя мы хорошенько рассмотрели.

Я вскинул карабин и выстрелил поверху, прежде чем зверь скрылся в скалах. Я подождал, он остановился и повернул голову, чтобы нас рассмотреть. В этом положении он был виден лучше всего. Ростом он явно превышал медведей из зоопарка, был более мощным. Вся передняя часть оказалась покрытой густой шерстью, и четыре лапы тоже, а спина была сравнительно голой. Такое несоответствие

поразило нас. Голова, слишком вытянутая для медведей, была непропорциональна телу. Точно не могу сказать об ушах, но запомнилось, что они были маленькими, а хвост почти неразличимым. Шерсть показалась нам темной, как у гну, но это могла быть игра бликов.

Почва была сухой и скалистой – следов не осталось".

Дж. Уильям продолжает:

"Спустя несколько недель мы показали бою, который нас сопровождал, книжку с картинками животных разных стран и попросили найти в ней виденного недавно. Он указал на рисунок бурого медведя и заявил, что это тот самый зверь.

Так я узнал, что среди найди он известен под именем «чемозит» и его описания совпадают с моими.

Спустя несколько дней в Найроби один друг привел ко мне юношу нанди, и я показал ему иллюстрированную «Книгу джунглей» Киплинга – не окажется ли кто-нибудь ему здесь знакомым? Он сразу же указал на балу – малайского медведя!

В районе Какумега, недалеко от Кабраса, как мне рассказывали, люди тоже знают нечто подобное и даже спят в палатках с поднимающимся пологом из страха перед шивуверре. Они описывают его как ночное животное, немного похожее на гиену, но крупнее и более дикое. Говорят, что у жителей есть даже шкуры этих животных. Найди утверждают, что убили одного много лет назад, когда оно забралось на крышу хижины. Оно провалилось вовнутрь и убило тех, кто был в хижине, но другие подожгли дом, и оно сгорело. Убить его трудно, ибо это ночное животное и редкое, нападает только на одиночек.

То, что это не трубказуб, не бабуин, я верю на сто процентов!"

Приток свежих свидетельств

Надо думать, что такое обстоятельное свидетельство было воспринято со всей серьезностью, особенно во времена, когда

восток Африки полнился слухами о таинственном животном. Прислушаемся к тому, о чем говорили тогда.

Прежде всего, надо отметить, что имя «медведь нанди» – изобретение европейцев-колонистов, основанное на первых наблюдениях, и эти колонисты чем дальше, тем больше верили в то, что «нанди» мифическое животное. Заблуждения перемешались с реальностью.

Большое число свидетельств о загадочном звере собрал британский антрополог С. У. Хобли. Среди них характерен рассказ майора Тулсона, известного на плато Уазин Гишу охотника, поведавшего следующее: "Вечер уже опускался на лес, когда один из моих боев вошел в комнату и в возбуждении сказал, что возле кухни бродит леопард. Я тут же поспешил наружу и увидел странное животное: у него были длинные волосы сзади, а спереди шерсть чуть удлинялась. Мне показалось, что оно 18-20 локтей высотой, черного цвета, а манера ходить напоминала медвежью – нечто вроде приволакивающего ногу. К сожалению, было уже довольно темно, и я не успел рассмотреть подробности – особенно голову.

Многие голландцы незадолго до этого спрашивали у меня, что это за странное животное водится на плато, они говорили лишь, что оно похоже на медведя и издает жалобные звуки. Другие свидетельства касались инженерного персонала и строителей железной дороги в Магади. Они утверждают, что видели странные следы при прокладке шпал. Один из инженеров, Шиндлер, сделал их слепки".

В марте 1913 года местный чиновник администрации Кении Н. Корбетт описывал в своем рапорте: «Я позавтракал возле ручья около Сиргои, у фермы Тулсона, потом спустился к воде, чтобы немного порыбачить, и тут-то нос к носу столкнулся со зверем. Он находился в метре ниже меня, наклонился к воде, чтобы попить. Я сделал движение, чтобы убежать, а зверь рванул влево и исчез в кустарнике. Со мной не было очков, и местность была немного заросшая, и единственное, что я понял, что такое животное я никогда не видел. У него были длинные красно-коричневые волосы со слабой белой полосой вдоль позвоночника. Длинную лапу я видел от коленного сустава до ступни, и он был больше гиены ростом, с большими ушами. Мне не удалось разглядеть подробнее голову, но

по внешнему виду животное не такое уж мощное... Происходило это днем, около 12.30».

Через несколько дней после этого случая Хикенс, инженер-дорожник, тоже встретил животное: «8 марта 1913 года я ехал один на дрезине по дороге из Магади. В 9 часов на 16-й миле в 50 метрах от дороги я увидел животное, которое вначале принял за гиену. Сначала оно находилось прямо на путях, но потом сдвинулось вправо. Было довольно необычно видеть гиену в столь ранний час, но скорость дрезины была довольно приличная, километров 40 в час, и меня быстро пронесло мимо. Было довольно светло, кустарник не превышал 45 сантиметров, земля черная с прогалинами бурого латерита. И все же, проезжая, я заметил, что это не гиена, ведь размерами она была со льва! По виду оно напоминало бежевого льва-черногривку, но с длинными ниспадающими волосами. Тело коренастое, шея короткая, нос приплюснутый. Тварь даже не удосужилась на меня посмотреть, а пустилась бежать, выбрасывая сразу и передние, и задние ноги. Ноги покрыты волосами – я заметил это, когда оно их вскидывало. Остановиться я не мог в силу обстоятельств, хотя при мне была винтовка Rigby-350. Скорее всего, это то самое животное, о котором много говорили на дороге.

Его наблюдали многие рабочие при постройке трубопровода, видели и следы в лужах. Следы были очень похожи на медвежьи. Описания очевидцев были похожи на мои.

Мне довелось изъездить всю Африку, и я видел сотни зверей и птиц. Но такое – никогда!"

У страха глаза велики?

Последнее из свидетельств, собранных Хобли, на первый взгляд не относится к нашему подопечному. Судите сами.

"Имеются истории, – сообщает известный антрополог, – и о другом звере, живущем в речных долинах в нижнем и среднем течении Таны. Мистер Кабербатч, полицейский офицер этого округа, рассказал мне, что немецкие миссионеры, жившие долгое время в

районе Нгао, утверждают, что местные жители из племени покомо знают лесного зверя коддоело. Одного даже застрелили возле Нгао несколько лет назад.

Однажды миссионеры заметили, что все жители в деревне в районе Покомо покинули деревню и перебрались на другой берег, ибо близ поселка появился коддоело. Местный житель описал его как существо ростом с человека, но ходящее на четырех лапах. Иногда оно поднимается только на задние, внешне слегка походит на бабуина-гиганта, жестокого и сильного. Скорее всего, – заключает Хобли, – речь идет о каком-то не открытом пока антропоиде в долине реки Тана".

Неизвестный антропоид? Вот уж действительно, скажет читатель, далеко от нашего «медведя»!

Не так уж далеко, как кажется поначалу. Мы увидим дальше, что сами нанди называли чемозитом и большую обезьяну. С другой стороны, когда мистер Хобли получил немного времени спустя дополнителные сведения о коддоело, добытые анкетированием местных жителей, то выяснилось, что речь идет о тех же чертах, что и в рассказах дорожников в Магади!

Цвет от красноватого до желтого, длина около 1,8 метра, высота в холке – 1,05 метра; шерсть длинная, все информанты сходятся на наличии гривы, шея короткая, крепкая; когти длинные, морда вытянутая, зубы большие, но не такие, как у льва, передние лапы толстые.

Покомо утверждают, что многих таких зверей убивали главным образом за то, что они таскают из деревень овец. Когда зверя замечают возле деревни, местные жители перебираются на другой берег реки и бьют в барабаны, чтобы испугать его. Охотники племени вабоне хорошо знают его, но предпочитают не трогать.

Так не один ли и тот же это зверь – коддоело и чемозит? Одно очевидно – слухи, исходящие из Кении, плодятся вокруг существ, одинаково неизвестных науке.

Прибрежные жители, говорящие на суахили, испытавшие на себе арабское влияние и, следовательно, знающие о медведях, называют это животное арабским словом «дуба» – «медведь». В более глубоких районах животное именуют на языке лумбва – "гетейте

(«герейт», «кетейт», «керит»). В Руанде слово звучит как «икимизи», в других местах – «кикамбангве». Жители в районе горы Элгон предпочитают употреблять слово «сальруку». Но каково бы ни было прозвище, надо признать, что образ зверя сильно «опоэтизирован». Али, проводник знаменитого охотника Роджера Куртни, говорил о животном как о «белом пушистом звере, который ходит только на задних лапах и питается мозгом своих жертв». Уильям Хиченс из административной службы Кении считает, что это «полувзверьполугорилла, с глазом, горящим посреди лба, исторгающий нечеловеческое рычание».

Подобные описания, конечно, не следует принимать всерьез.

Как становятся людоедами

Тем временем наблюдения, сделанные европейцами – колонистами, инженерами и даже натуралистами, – высветили проблему под новым углом зрения. Если описания местных жителей были окрашены в мистические тона и сделаны под воздействием религиозного страха, это вовсе не значит, что они лишены реальных оснований. То, что в глазах белых людей представлялось лишь мифическим монстром, постепенно обрастало «реальной плотью и шерстью». Так родилась легенда о медведе-нанди. Но ее появление породило новую сложность. Теперь все непонятное стали относить на счет нанди-бэра. За ним прочно укоренилась зловещая слава кровавого хозяина леса. Как стали думать местные жители, он не только похищал домашних животных, но и был причиной смерти людей, которых находили со свернутой шеей и разбитым черепом, – считалось, что нанди-бэр охотится ради добычи головного мозга.

Надо сказать, что таким способом не убивает свои жертвы ни одна дикая кошка.

Это могло быть какое-то иное стопоходящее животное большого роста. Медведи, нападая, могут встать на задние лапы и когтями содрать скальп с головы человека. Но маловероятным был не способ нападения, приписываемый медведю-нанди, а сам факт агрессии с

его стороны. Дело в том, что большинство диких животных никогда не нападает первым на человека и всегда старается скрыться подобру-поздорову. Поэтому, я считаю, здесь действует такое правило: животное становится опасным с ростом страха. Чаще всего, пишет Хайатт Веррилл, людоедами становятся старые львы или тигры, не способные больше охотиться на сильных копытных, и они находят себе более легкую добычу – человека. Случались целые эпидемии антропофагии, как, например, поразившие львов в 1860 году и с 1904 по 1909 год, что привело к настоящему террору диких зверей в Кении. В сезон дождей львы тоже могут голодать и поэтому нападать на человека, но так бывает лишь в течение этого периода. А в сухой период они держатся близ источников воды и должны питаться тем, что имеется у них «под лапой». Силовом, причин для людоедства много...

Паника на востоке

Факты людоедства довольно редки. Репутация людоеда того или иного зверя вызывает у натуралистов недоверие. Но в случае с нанди-бэром такие факты основываются на надежной и проверенной информации. По словам Блейни Персиваля, знаменитого охотника и таксидермиста, единственный известный ему случай имел место в кенийской провинции Маракет в 1914 году: «В один прекрасный момент животное стало настолько злобным, что потребовалось его убить».

Более интересно для нас другое сообщение, исходящее от чиновников английской колониальной администрации Кении. В 1925 году одна из деревень подверглась настоящему террору такого «медведя», и жители вынуждены были обратиться к властям за помощью. Зверь, проделав дыру в крыше хижины, унес ночью девочку. И он же пробрался в загон для скота и задушил нескольких коров! Значит, он может не только скальпировать людей, но и преодолевать высокие изгороди, чего, кстати, не скажешь о львах.

Перепуганные жители решили, что зверь обосновался в соседнем лесу. Чиновник, прибывший из административного центра провинции, посоветовал установить наблюдение за песчаной полосой, отделяющей лес от поселка, – уж там-то следы должны появиться! Охотник, приехавший вместе с чиновником, отказывался верить рассказам жителей: они описывали животное как полузверя-полуптицу с мордой обезьяны! На следующее утро охотник был разбужен предсмертным хрипом собаки: нанди-медведь – ирония судьбы – не побоялся задушить собаку охотника!

Животное удалялось, и только слышалось его страшное рычание, от которого у людей волосы вставали дыбом на голове. Земля дрожала от его топота, будто бежал слон или носорог...

Когда нашли следы зверя на песчаной почве, размеры их оказались поразительными. Лапы были раза в четыре больше самой большой ладони человека, отчетливо были видны три загнутых когтя. Ни у одного льва таких лап не бывает!

Сравним это описание с тем, какое дал в своей книге «Зов Африки» Р. Куртни:

"Однажды, когда я охотился в лесу, один следопыт дрожащим пальцем указал мне на громадные следы, будто блюдца, вдавленные в глинистую почву. Следы были направлены вовнутрь. Когти были невтяжными, ибо я отчетливо видел зазубрины, оставшиеся в земле. Этот факт свидетельствует о том, что следы несомненно принадлежали медведю. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что их могла оставить и прабабушка гиен. Гигантская гиена – не она ли хозяйка этих следов?"

Все, кому довелось осматривать следы чемозита, едины в одном: речь идет не о кошке! Как подчеркивает капитан Хиченс, среди этих людей есть много старых охотников, которые могут отличать по следу льва и леопарда, не говоря уже о запахах... Что касается следа из Магади, то тут мнение всех единодушно речь идет о прямоходящем животном! Только медведь может так ходить..."

Слухи о «медведе» нанди-бэре, чемозите, в 30-е годы приходили из разных концов Африки, со всего огромного пространства к северу от Трансвааля. Никто толком не видел это животное, пишет капитан Хиченс, изучивший все свидетельства, связанные с этим загадочным африканским зверем, но многие видели следы и слышали его крики. Местные жители называют его кодумодумо, то есть «лесное чудовище с огромной глоткой». Под покровом ночи зверь пробирается в краали, преодолевая палисады до двух метров высотой, хватает ягнят, телят и даже взрослых животных, снова перебирается через изгородь и исчезает, унося жертву.

Его следы, округлые, в форме подковы, с длинными, в пять сантиметров, когтями, до сих пор никто не может идентифицировать. Они не похожи на следы ни одного из известных животных. Набеги кодумодумо на деревни чаще всего отмечались в районе Грааф-Рейнета, где даже был создан отряд из ста охотников, а голову зверя оценили в круглую сумму!

Все эти рассказы позволяют заключить, что ареал существа очень широк, однако его видовая принадлежность по-прежнему остается загадкой. Уместно вспомнить еще описания двух англичан – майора Брейтсвейна и Кеннета Арчера, которые имели возможность рассмотреть нанди-бэра в саванне. Сначала они приняли его за львицу, но, когда увидели животное «в профиль», усомнились – уж слишком нехарактерным для кошек был нос. Да и голова была очень крупной. В холке оно достигало где-то около 130-140 сантиметров. Походка напоминала медвежью. Шерсть – коричневая, длинная. В конце концов оно скрылось в кустах у реки...

Нужно прежде всего поймать

За последнее десятилетие накопилось такое количество сообщений о таинственном животном, что известный английский натуралист Ф. Лейн не преминул заметить: «В этот период, пожалуй, не нашлось ни одного белого человека в тех районах, который

каким-то образом не оказался причастным к какому-то приключению, с ним связанному...»

Общее мнение об этом звере, пожалуй, довольно точно выразил один охотник из Уганды: «Я думаю, что медведь-нанди может быть гигантской гиеной, неким неведомым нам существом. Но кем бы ни был, его нужно прежде всего поймать и идентифицировать».

Но как раз по поводу такой идентификации единого взгляда и не существует. Приведем еще два описания. Первое принадлежит капитану Хислопу, региональному комиссару из Капсабета: "Я, конечно, не на сто процентов уверен. Это произошло на рассвете, в 800 метрах от перекрестка дорог из Лондиани и Эддамы. Мы вдруг заметили в стороне от дороги, на краю леса, темную тень, обладатель которой был около метра высотой, с маленькой тупой головкой. Она передвигалась на четырех лапах, но задние казались более мощными. Так она пробежала метров пятьдесят, а потом, найдя отверстие в сплошной стене леса, исчезла.

Трудно назвать какое-либо еще животное, кроме медведя. Но что это не гиена и не бабуин – точно. И вообще я не видел похожего на него животного. Только медведей в зоопарках".

Второй рассказ принадлежит Гуннару Андерсену, и описываемый им случай относится к области Каймози, на территории Зинга:

"Однажды в дождливый день я услышал крики моих боев. Взглянув, заметил их в нескольких сотнях метров от дома: они носились вокруг трупа лесного кабана, лежащего в огромной луже крови. Видимо, его убило какое-то очень сильное животное...

Я попросил боев пойти за ним по следу, но те категорически отказались, так как не хотели иметь дела с «шайтани», как они называли его на диалекте найди. А одному в лес идти не хотелось... Позже, когда мальчики успокоились, я расспросил их о происшедшем. «Он был очень большой, с черной шерстью и длинным хвостом». «Шерсть черная, длинная, хвост держал как собака, голова не большая, но *baa sana*».

Мы заметили черные волосы, они клочьями лежали на месте побоища. И свинье никак не могли принадлежать. *Baa sana* – очень плохая. Мальчики не могли объяснить, почему они так охарактеризовали его голову... В траве отпечатки были нечеткие и

походили на следы старого леопарда, у которого уже не втягивались когти.

Свинья была убита странным образом, как будто проколота неким клювом, пронзившим позвоночный столб. А потом перевернута так, чтобы когти проникли в живот, который был разворочен.

Я спросил, не гиена ли это, у которой задние лапы короче передних. Они слышали о гигантской лесной гиене, но у той другого цвета шерсть. Нет, то был настоящий дьявол!

Пошел дождь, и отпечатки на траве потеряли форму".

Слово за экспертами

Таково досье на нанди-бэра. Выслушав свидетелей, перейдем к мнению экспертов. По мнению уже упомянутого Персиваля, если в сообщениях и варьируются описания животного, то в чем-то они все-таки совпадают: зверь большого роста, иногда встает на задние лапы, ведет ночной образ жизни, хищное, убивает животных и людей.

Пытаясь обрисовать облик животного, капитан Питмэн обобщает: «Днем хорошо заметна красно-коричневая шерсть, похоже на гигантского антропоида, чаще всего его видят издали, в высокой траве. Ночью оно представляется покрытым шерстью и больше похоже на медведя или гигантских размеров гиену или же южноамериканского муравьеда».

Да, облик довольно размыт, ведь нельзя походить одновременно на всех животных сразу. Но наберемся терпения и разберемся. И начнем с самого невероятного.

Это не трубказуб

Начнем с гипотезы «муравьед» как с самой невероятной. Речь идет о представителе отряда неполнозубых Нового Света. Думаю, тут всему виной недоразумение. Мы имеем в виду африканского

«муравьеда» (в кавычках!). Это редкое животное и проводит все дни в подземелье, называется оно трубкозуб, или аардварк, «земляная свинья» на языке буров. Снизу он слегка покрыт шерстью, и в этом отличие южного подвида от более северного, эфиопского. И никоим образом эта шерсть не напоминает медвежью! Аардварк иногда может вставать на задние лапы, опираясь на хвост на манер кенгуру, и это еще один пункт сходства с медведями.

Итак, может ли медведь-нанди быть трубкозубом? Последний очень мало известен, и поэтому вокруг него много предрассудков. Особенно у представителей племени ватусси в Руанде. Те совершенно искренне считают, что это «адское животное». Наверняка потому, что живет он большей частью род землей; но питается вовсе не грешниками, а муравьями и термитами. По своим физическим данным трубкозуб не отвечает требованиям семейства медвежьих. Все описания очевидцев противоречат характеристикам трубкозуба! И к тому же аардварк ведет себя слишком характерно при опасности: начинает быстро зарываться в землю, поднимая тучи пыли, тогда как другие животные бегут прочь со всех ног!..

Это не медведь

Кажется логичным и само собой разумеющимся, что нанди – медведь. Разве большинство, свидетелей не связывают его с таковым и суахили не дали ему арабское имя «дуба»?

Конечно, можно не верить зоогеографам, утверждающим, что в Африке нет медведей. Жили же они в Марокко! Тогда действительно, если они могли перейти из Европы в Северную Африку, почему бы им не оказаться на востоке и в центре Африканского континента?

Аргумент вроде бы убедительный, но имеющиеся свидетельства говорят о другом. Наблюдатели указывают на видимый хвост. Другие, правда, его не замечают... А что делать с гривой и шерстью на загривке? Бегают медведи очень характерно, и многие свидетели говорят именно о медвежьем галопе. Ни одна обезьяна так не бежит. Единственное более или менее удовлетворительное описание

монстра был? оставлено инженером Хикенсом, видевшим его во время поездки на дрезине. Вспомним: животное выбрасывало передние и задние ноги одновременно. Снова неясность. И мы подходим к следующей гипотезе: нанди-бэр – не обезьяна ли?

Гигантский бабуин?

Напомним сначала, что африканцы племени мау и нанди называют именами «чемозит» и «керит» вид гигантской обезьяны, а «коддоело» у племени пакомо огромный бабуин. И не имеет ли значения эпизод, описанный нанди, о существе, забравшемся на крышу хижины? Это скорее могла сделать обезьяна, нежели лев или гиена.

«Во многих свидетельствах, – пишет Блейни Персиваль, – сходство этой твари с обезьяной заметно. Но ночной характер охоты вроде бы на первый взгляд сводит это предположение на нет».

Я хочу возразить Персивалю. Имеется достаточно данных о ночной жизни приматов, прежде всего это касается долгопятов и лемуров. В Новом Свете особенно много ночных обезьян. Дурукули (*Nyctipithecus*), как явствует из его названия на латыни, ночные животные. Отмечен ночной образ жизни и у других обезьян, в частности у плосконосых. А что, если существует какая-то ночная африканская обезьяна, не известная науке?

Капитан Хиченс отнесся к этой гипотезе с интересом:

«Многие из нас, охотников, разделяют мысль о некоем неизвестном антропоиде. Его следы неоднократно находили в тропических лесах этого района (Восточной Африки). А тем, кто считает, что антропоиды не питаются животной пищей, можно возразить следующее: собакоголовая обезьяна чакма – плотоядная и представляет опасность для овечьих стад Южной Африки. Или же на них нападают стада бабуинов, выхватывают ягнят и раздирают их своими острыми и длинными, как кинжалы, когтями в клочья – когти у них не хуже чем у львов...»

Совершенно очевидно, что у большинства людей, даже у многих натуралистов, искаженное представление о питании обезьян. Среди них нет исключительно растительноядных, большинство – всеядные, поедают ящериц, насекомых, мелких птиц.

Доказано, что даже гориллы отчасти плотоядные. А иначе как объяснить находки в их желудках паразитов, встречающихся исключительно у плотоядных животных? И все же представление о кровожадном антропоиде вызывает скептическую улыбку. Гориллы, повсеместно считающиеся почему-то жестокими беспощадными зверями, на самом деле пугливы, хотя и сильны физически. Но что их сила перед винтовкой?

Взаимоотношения их с человеком лучше многих сформулировал французский исследователь Альберт Махейдер: «Контакт между нами весьма затруднен, ибо человек очень боится гориллы, а та боится человека».

Известны случаи агрессии со стороны горилл. Например, в Кайоне в 1920 году один самец без видимых причин убил местного жителя. Без видимых? А может быть, причины все же были? Разве абориген не подошел к дереву, под которым располагалась семья с детенышами? Это на самом деле пугливое животное, но умом превосходит собратьев. И разве удивительно, что горилла, у которой убили семью, нападает на человека, мстя за смерть близких? Не следует превращать животных в роботов, действующих якобы лишь по внутреннему физиологическому приказу...

Но не в правилах горилл – нападать на деревни. Это просто исключено.

Чего, однако, не скажешь о собакоголовых обезьянах – южноафриканской чакме, абиссинской геладе и мандрилах центральноафриканских экваториальных лесов. Они нападают на ягнят, потрошат и пожирают их. Гамадрилы – об этом писал еще Брем – отличались жестокостью даже при нападении на людей. Пропадали девушки в лесу – в этом обвиняли старых самцов. Рюппель прямо называет этих обезьян самыми опасными врагами человека. В районе Бурьоро пятеро людей подверглись нападению гамадрилов. И были буквально выпотрошены живьем.

Я считаю, что причиной такого поведения обезьян является их исключительная похотливость. То, что; обезьяны возбуждаются от вида женщины, не пред- ставляет сомнения... Так как зачастую собакоголовые обезьяны ростом с человека, все превращается в кровавую драму.

Зубы взрослых особей этих обезьян ничем не отличаются по размерам и остроте от леопардовых и гиенных. И стоит ли после этого удивляться, что эти хищники боятся обезьян!

Не подходит ли описание медведя-нанди под облик какого-нибудь бабуина? В случае с коддоело у племени покомо такой вопрос просто не стоит – их данные прямо указывают на это животное. Длинные волосы на шее и спине, образующие гриву, более короткие задние лапы, вытянутая морда, клыки, короткая шея. И способ передвижения – все это подходит бабуину, он может вставать на задние лапы, не ведет древесный образ жизни.

Так что за зверь появился на плато Узин Гишу в Магади под названием чемозит или керит?

Если мы сравним три наиболее веские свидетельства европейцев, они совпадут в следующих чертах:

1. Поджарое тело. 2. Выгнутая спина. 3. Грудь покрыта шерстью, сзади более лысая. 4. Морда вытянутая, суженная. 5. Уши маленькие. 6. Хвост не виден (отмечено, что у мандрилов и дрилов он не более длинный, чем у медведей). 7. Окрас от бежевого, как у льва и гиены, до темно-коричневого цвета.

Эти черты дополняются некоторыми деталями, сообщенными Хикенсом (инженер-дорожник, рассказ которого приводили выше), например, лапами, поросшими шерстью, широким крупом и более приплюснутым носом.

Впечатляют внушительные размеры животного. Уильяме называет цифру – полтора метра ростом – и говорит, что его размеры близки к человеческим. Хикенс сравнивает его данные и со львом – в холке достигает метра. Бресуэйт и Арчер называют цифру 1,3 метра и 1,37 метра – это рост быка! А сами покомо приписывают коддоело такие «параметры»: длина тела 1,8 метра и высота в холке 1,05 метра.

Между тем размеры самых крупных собакоголовых, например гелады (*Theropithecus gelada*), не могут претендовать даже на самые

скромные сравнения с чемозитом. Наиболее крупные бабуины не превышают в высоту 90 сантиметров, да и, стоя на задних лапах, они ненамного выше. Но некоторые натуралисты все же утверждают, что отдельные самцы достигают роста человека.

Таким образом, получается, что таинственное животное, о котором мы ведем речь, оказывается вдвое больше всех возможных претендентов на эту роль.

Можно понять, почему свидетели спутали собакоголовых с медведями. Это происходило еще в древности. Немецкий зоолог-систематик Топфель «обозвал» мандрила *Arctocyon* – «медведь-собака» и считал его плодом скрещивания обоих.

С какой стати? – скажет читатель. Не бывает бабуинов таких больших размеров! Однако погодим с выводами. В современной фауне, по имеющимся данным, не существуют собакоголовых обезьян указанного роста. Но раскопки показывают, что в древности в Индии обитал гигантский бабуин *Synopithecus* ростом в два раза выше, чем сегодняшние его родичи. Не могли ли такие монстры сохраниться в африканских экваториальных лесах? Ведь Брем в свое время находил в Южной Африке останки гигантских бабуинов. Не от них ли пошли все эти вымыслы относительно нашего загадочного животного? Тогда, очевидно, это были бы существа, обладавшие силой гориллы и хитростью и ловкостью бабуина...

Медведь нанди – бурая гиена

Скептически настроенные зоологи припасли для публики более прозаическую версию – о гигантской гиене, «привычном» африканском животном. Именно к этой версии тяготеет известный британский ученый из Королевского зоологического общества в Лондоне Р. И. Покок. Ученый уверен, что это даже не гигантская, а обычная пятнистая гиена.

Действительно, формой головы и силуэтом это «наше» животное напоминает медведя, оно передвигается иноходью, что усугубляет сходство.

Что касается жестокости, то в этом плане идентификация не совсем верна. Трусливая гиена боится нападать на стада, где запросто может погибнуть под копытами и ударами рогов. Она предпочитает подбираться ночами к хижинам африканцев и утаскивать слабых животных. Иногда ее жертвами становятся дети. Немало африканцев, у которых лица изуродованы с детства, – это последствия типичных ночных набегов гиены. Случается, гиены нападают на одиноких путников в саванне.

Шерсть медведя-нанди, у разных свидетелей, характеризуется то как красноватая, то как черная, что, по мнению Покока, наводит на мысль о пятнистой гиене. В некоторых областях гиен с редкими цветовыми вариациями местные жители могут принимать за неведомых зверей.

В качестве доказательства реальности зверя английские натуралисты часто демонстрируют шкуру, привезенную из Ньясаленда, (современная Республика Малави), – якобы нанди-бэра. На самом деле она является, несомненно, шкурой пятнистой гиены обычного бурого цвета. А череп, который доставили вместе с ней, принадлежит леопарду необычайно крупных размеров!

Но не все кабинетные зоологи разделяют скептицизм Покока. Писатель Ф. Лейн собрал тысячу (!) свидетельств о неведомых явлениях природы, большинство из которых не поддается никакому разумному объяснению. Пококу возражают: гиены столь же многочисленны у границ лесов и саванн, как зайцы в Англии. Их привычки прекрасно известны местным жителям, равно как и следы и внешность. И спутать гиену с нанди-бэром африканцы так же не могут, как британцы – перепутать лису с зайцем!

У гиены не может быть гривы, и она не встает на задние лапы, не говоря уже о многом другом. Она не может перелезть через ограду высотой почти в два метра. К тому же она шумная – кричит нападавая.

Портрет по-прежнему расплывчатый

Если нанди-бэр – не гиена, не трубкозуб, не обезьяна, то кто же он?

Несомненно, наиболее трезво свою позицию насчет чемозита, то есть нанди-бэра, высказал Блейни Персиваль:

«Уже много лет я пытаюсь дознаться, что же скрывается за легендами о животном, известном под именем „чемозит“. Чем больше о нем рассказывали, тем труднее становилось мне отнести его к какой-нибудь конкретной группе. Я склоняюсь все же к мнению, что речь идет о древесном (?) существе с ночными повадками в лесах племени найди. Его научное открытие, описание и латинское наименование – все это еще впереди».

Интересно, что в 1914 году, когда распространились слухи о чемозите, Персиваль был еще очень далек от подобных суждений:

«Лично я в полном неведении относительно этого зверя, хотя выслушал о нем немало. Мое мнение это описание совокупности многих животных, причем шимпанзе лежит в основе, и плюс к нему леопард, лев, бабуин, гиена... Но главный довод в пользу его существования такой – у него есть местное название и он очень хорошо известен нанди... Но сведения, идущие от нанди и магади, относятся, по-видимому, к разным животным и никак не могут рассматриваться вместе».

Как видим, с годами мнение британского натуралиста сильно эволюционировало. Он уже не ставит под сомнение наличие мифического существа.

Медведь-нанди – черный медведь?

Добавим несколько штрихов к содержанию нашего досье. Речь идет о свидетельстве этнографа из бывшего Бельгийского Конго, которого трудно заподозрить в предвзятости. Это Джордж Сэндрафт, долгое время живший в Руавде-Урунди.

«В 1936 году я оказался на водоразделе Конго-Нил на высотах между 2400 и 3599 метрами над уровнем моря, где сохранились последние оазисы первичного девственного леса. Однажды, ближе к

полудню, возвращаясь с маршрута, я увидел при ярком солнце маленького медведя. Ростом он был меньше, чем карпатский медведь. Цвет был почти черный с коричневым отливом, с треугольником серебристых волос на лбу, отчетливо наблюдалось полное отсутствие хвоста; форма головы, маленькие круглые ушки, изгиб спины, относительно длинные ноги – все напоминало медведя. Но-в Африке?» А ведь Сэндрафту это не приснилось. Сопровождавший его местный чиновник подтвердил сказанное ученым.

Чуть позже оказалось, что такого же зверя видели двое пигмеев народности батуга. У африканцев он известен под названием «исата» поедатель меда. Они даже добыли шкуру этого существа. Оказалось, что это редкий зверь, но тем не менее прекрасно известный охотникам и зоологам – медоед (*Mellifora ratel*). Живет он по всей Африке, в Аравии и Индии. Он, кстати, тоже может подниматься на задние лапы и обладает мощными когтями, густой шерстью, форма головы у него одновременно как у представителей куновых, так и медвежьих.

Я всегда был убежден, что медоед – некрупное животное, меньше размером, чем европейский барсук, но, заинтересовавшись рассказом сэра Сэндрафта, выяснил, что шкуры некоторых медоедов в Африке имели в длину один метр десять сантиметров! Почти как у некоторых медведей. Меня поразило другое. Серо-серебристая полоса, которая пересекает голову и спину медоеда, как, скажем, у зориллы из семейства виверровых, – как же получилось, что это сочетание контрастных цветов. Черного и белого, осталось не замеченным столькими свидетелями?

В 1906 году Лидеккер описал в Западной Африке черного медоеда и посчитал его масть проявлением меланизма, то есть преобладанием темноокрашенных особей. Такое случается у леопардов. Мне кажется, что можно сказать о некоем новом виде, тем более что имеются сведения о целых семьях черных медоедов, у которых серебристая полоса отсутствует. Но о ком бы мы ни говорили, у нас есть доказательство того, что в Африке водится какой-то некрупный зверь, похожий по всему на маленького черного медведя. Свидетельства натуралистов Тулсона, Хислопа и Андерсена

доказывают, что речь идет о медоеде. Но ведь есть и другие наблюдения...

Осталось упомянуть таинственного тоо, о котором Г. Шомбургк собрал сведения в Восточной Африке. Размером с овцу, с зубами, как у собаки, черной шерстью и мерзким нравом. Не о нашем ли это знакомом – черном медоеде?

Нужно ли отвергать версию Сэндрафта о гигантском рателе? Необязательно. Доктор Уэлш отмечает, что в разных местностях медоеды сильно различаются ростом. Основываясь на измерениях пяти живых особей и 26 шкур и черепов, привезенных из разных мест, он замечает: "Различие в размерах настолько велико, что я склоняюсь к мысли о двух разных видах. А уж о подвиде *Mellifora ratel maxima* можно утверждать точно!

Медведь-нанди – два разных животных?

Мой друг, писатель Девисм, тоже занимающийся загадочными животными, предложил такую гипотезу: легенда о нанди-бэре основывается на объединении в одном существе двух зверей – пятнистой гиены и медоеда. Кровавые подвиги первой приписываются не крупному, но агрессивному зверю, которого можно увидеть крайне редко. Не обвиняют ли безосновательно животное во всех смертных грехах?

И второе животное – медоед. В Африке достигает больших размеров, чем, скажем, в Индии. Его манера убивать также похожа на манеру нанди-бэра. И наконец, у него, в свою очередь, много общего с медведем, как в одиночной охоте, так и вообще по кровному родству...

Медведь-нанди наших дней – не медведь. Это местный апокалипсис, явившийся из тьмы веков собирательный образ четырех живых существ – огромного бабуина, черного медоеда, бурой гиены и колдуна. Не есть ли этот зверь, ходящий на задних ногах, дьявол, охотящийся ночью, персонаж фольклора племен нанди?

Френк Лейн рассказывал, что один энтузиаст построил несколько хижин на разных высотах от 3000 до 3800 метров над уровнем моря, чтобы поймать невидимку. Но – увы. Единственное, что остается сегодня, – кусок шкуры с длинными коричневыми волосами в Британском музее. Его до сих пор никто не может идентифицировать...

Часть третья

ЖИВОТНЫЕ МИСТИЧЕСКИЕ

ЧЕРНЫЕ ПСЫ

Одним из самых мрачных персонажей из мира психических феноменов является черный пес – существо, традиционно «населяющее» сельскую Англию и Уэльс. Легенды о бесах в собачьем обличье исходят из самых глубин британского фольклора, и в различных частях страны они известны под местными именами: где Черный Оборотень, а где просто – Дрянь или Мягколапый. Обычная фабула историй о черных псах весьма проста: некто, беззаботно и одиноко шагающий по своим делам ночью, вдруг обнаруживает, что большой черный пес с полыхающими огнем глазами преграждает ему путь или неторопливо движется по дороге прямо на него. Иногда несчастный так и остается в неведении по поводу нематериальной природы своего жуткого видения, пока оно вдруг не исчезает на его глазах, обратившись в туман, либо способом, сильнее всего любимым призраками, – становится вспышкой света, быстро сходя на нет. Хотя чаще в этих существах сразу распознается их неземная природа: то по размеру (кому-то встретился демон величиной с теленка), то по глазам – громадным и фосфоресцирующим, а то просто по жуткому впечатлению – тогда будущему свидетелю сразу приходит в голову, что он столкнулся со сверхъестественным злом.

В предыдущих веках черных собак полагали злыми духами в животном образе, что они будто бы прямиком явились из ада ради гибели того или иного человека, и тому подтверждение – внушительное число легенд о собаках – вестниках смерти, бытующих во всей Англии и особенно популярных в Ланкашире, Йоркшире, Дербишире, Саффолке и Норфолке. Не стоило бы и заговаривать об этих героях старинных фантазий, если бы и в наше время они не попадали бы в отчеты о таинственных происшествиях.

Одна из наиболее ярких встреч с черным псом произошла у батрака Эрнеста Уайтленда на пути домой поздним августовским вечером 1939 года. Он возвращался из гостей от друга, жившего в саффолкской деревушке Бунгэй, и почти на половине пустынной дороги между Молтингсом и Дитчингэм-Стейшн-Уайтлендом заметил,

как нечто движется к нему на четырех ногах. Поначалу, глядя сквозь сгущавшуюся мглу, он решил, что перед ним шетлендский пони, но, сблизившись с существом, обнаружил, что оно представляет собой большую собаку с длинной черной косматой шерстью. Небольшой любитель собак, Уайтленд пошел по середине дороги, надеясь, что зверь мирно минует его, но тот, поравнявшись с человеком, просто исчез. Размышляя: а не померещилось ли ему, Уайтленд принялся оглядываться, ища странного зверя, но вскоре его охватил необъяснимый страх, и он поспешил восвояси, преодолев остаток пути до дому быстрым и напряженным шагом. А наутро выяснил, что тот самый отрезок дороги в прежние времена считался излюбленным местом демона-пса, известного среди обывателей как Черный Оборотень.

Впрочем, единственное, что примечательно в этой встрече, – ее место, неподалеку от Бунгэя. Ведь как раз там в старину случилось одно из самых драматических столкновений с черным псом. Дело было 4 августа 1577 года, что пришлось на субботу, как донес до нас в своей записи Абрахам Флеминг, и дьявольское отродье явилось в местную церковь, в самый разгар службы. Ясно видное всему оцепеневшему от страха собранию, чудище единой жутко пролаяло, а затем бросилось через толпу и сожгло насмерть двух богомольцев, преклонивших колена. А затем собака у всех на глазах исчезла в яростной вспышке, и до сих пор на каменном полу в этом месте можно увидеть глубокие борозды, оставшиеся от когтей зверя. Ну конечно, для большей части современных людей эта история кажется не чем иным, как причудливой сказкой. Не станем спорить. Однако прежде чем наши скептические предубеждения заставят нас совершенно забыть это древнее сообщение, стоит вспомнить, с какой примечательной настойчивостью такие же существа, судя по всему, посещают и нынешнюю Британию. А читая современные сообщения, мы, вероятно, должны будем признать, что они скорее поддерживают, чем опровергают старые предания о черных псах – предсказателях смерти.

В июле 1950 года литератор Стивен Дженкинс видел, как лает и воет гигантский пес на дороге близ его девонского поместья – за день до того, как скончался его брат. Похожее существо встретилось

в 1928 году студенту колледжа Троицы из Дублина, который в то время приехал в Англию. На этот раз появление собак явилось предвестником близкой смерти его отца-ирландца, который уже был серьезно болен. Другие примеры, когда черных псов видели непосредственно перед смертью людей, – встречи в Норфолке и на острове Мэн. И совсем уж не столь давний пример фатального появления черного пса относится к 1978 году, когда супружеская пара увидела призрак на дороге близ деревни Эксфорд в Сомерсете, и с этого дня их семью охватила волна смертей и бед.

Внимательный анализ деталей некоторых видений черных псов укрепляет в мысли о сверхъестественной природе этого феномена. В Бредоне (Вустершир) одна девушка во время второй мировой войны видела собаку, в глазах которой, казалось, сверкали угли; а в 1970 году женщина из Сомерсета была ужасно напугана псом, встреченным ею у Бадсли-Хилла, – тварью немалых размеров с «глазами как блюдца».

Судя по всему, никто из видевших черных собак не может всю свою жизнь избавиться от воспоминаний. Злой вестник, увиденный одним мужчиной близ Лидса в 1925 году, по его словам, извергал фосфоресцирующий пар при лае, а бес, набросившийся в том же году на жительницу Норфолка,дохнул на нее «ядовитым духом». А в 1972 году черный пес размерами с пони посетил один дартмурский сельский дом, порушив стены, крышу и линию электропередачи и нагнав смертельный ужас на хозяев.

Все случаи, перечисленные выше, – всего лишь крупница из сотен встреч с британскими черными псами, происшедших в последние 90 лет. Таким образом, никакого снижения волны видений не наблюдается, несмотря на явное уменьшение нашей веры в существование подобных сверхъестественных существ. Любой, даже самый недоверчивый, читатель, изучив внимательно отчеты свидетелей, поймет, что речь в них идет не об особой, смущающей взгляд своим обликом, разновидности обычных собак-переростков, и тем более совсем неверно думать, будто они попадают исключительно деревенским простачкам или людям, предрасположенным к экстатической вере в легенды. Правда, собак чаще видят в сельской глуши, они явно тяготеют к заросшим тропам

и древним поселкам, пустынным дорогам и прочим местам, столь любимым и другой нечистью; они действительно в полном соответствии с мифами любят глухие ночные часы и темные места, предпочитая являться странствующим одиночкам, группам туристов, что конечно же повышает возможность их галлюцинаторного происхождения. Но коли они – лишь иллюзии, почему же именно эти видения столь часто посещают людей? И почему некоторые вполне определенные участки дорог и заброшенные постройки становятся чаще всего местами кошмарных грез? К тому же нередко черные псы тревожат как раз тех, кто понятия не имел о дурной славе того или иного места.

Видимо, честнее всего признать, что, хотя эти фантомы и не находят себе места в нашей разумной жизни, от этого они не становятся менее реальными.

КОШАЧЬИ ПРИЗРАКИ" В НОВОМ ЮЖНОМ УЭЛЬСЕ

Хотя большинство сухопутных существ, населяющих нашу планету, побывало объектами охоты, ловли, изучения и классификации задолго до начала нашего века, разные неожиданности продолжают происходить и после 1900 года. Крупнейшая в мире человекообразная обезьяна, горная горилла, оставалась в неизвестности до 1901 года, и лишь в 1912 году был открыт дракон с острова Комодо, самая крупная из известных ящериц. Невероятно, но один вид газели, билтис, объявился только в 1986 году. И может быть, есть и другие виды? Обширные лесные и горные, пустынные и полярные области все еще ждут, когда на них ступит нога человека, а пока они известны исключительно по аэрофотосъемкам. В таких местностях возможность для различного рода открытий все еще велика.

Однако, принимая логичность этого утверждения, большинство натуралистов неохотно встречает реальность, и когда какие-нибудь необычные существа вдруг появляются там, где их не ждали, то от подобных сообщений старательно отмахивается. В США, например, придется напрячься, чтобы найти специалиста, согласного с тем, что крокодилы и аллигаторы вполне могут существовать в холодных широтах Северной Америки, несмотря на то что уже неоднократно взрослые особи этих ящеров, и мертвые и живые, попадались на глаза. Те самые звери, которых обычно ожидают увидеть только в теплых реках и южных болотах, на протяжении всего прошлого столетия встречались, попадали в ловушки и были застрелены в таких далеких друг от друга местах, как Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Делавэр, Иллинойс, Индиана, Канзас, Массачусетс, Нью-Йорк, Огайо, Оклахома и округ Колумбия. Как эти твари там оказались и умудрились выжить при температурах гораздо низших, чем те, которые обычны для природных зон их обитания? Этот вопрос остается неразрешенным. (Классический пример – крокодил в... нью-йоркской канализации!)

Конечно, в силу того, что упомянутые штаты неплохо соединены бесчисленными водными трассами, это наводит на мысль, что животные очутились там, просто плывя на север. Но когда неуместных существ обнаруживают на островах или субконтинентах, отделенных от территорий, где их встречали раньше, то такие объяснения уже не срабатывают. Кошачьи призраки Австралии – как раз один из примеров подобного.

Не имея вообще собственных кошачьих и будучи отделенной от других континентов, по крайней мере, 50 миллионов лет назад, Австралия, казалось бы, меньше всего на Земле подходит для того, чтобы стать колыбелью крупных кошачьеобразных существ. Скрывающихся от человека. Однако в последнюю четверть нашего века число свидетельств выросло настолько, что поневоле приходится признать, что большие кошки неизвестного вида вполне могут до сих пор населять этот континент. Остается неясным, откуда они здесь взялись и почему многочисленные проведенные против них охотничьих мероприятия оказались безуспешными. Тем не менее сообщения стали приходить столь часто, что просто нелогично сомневаться в том, что некий тип большой кошки свободно разгуливает по «шестому материку».

...В 1958 году город Эммавилл в Новом Южном Уэльсе стал центром целой череды событий и встреч, в которых были замешаны огромные, черные как смоль призрачные кошки. Известные с тех пор под именем эммавилльских пантер, звери попали на первые страницы газет после того, как бизнесмен из Сиднея Уоллес Э. Льюис в октябре этого года увидел одну из пантер почти вплотную и описал как существо, более агрессивное и во много раз превышающее по размерам самую крупную из обитающих в Австралии обычных кошек. Слава пантер росла, и дальнейшие столкновения с ними совпали с массовой резней ими овец и другого скота, включая коров. Только в одном случае 340 овец фермера Клайва Берри были буквально разорваны на части странным хищником в поместье площадью в 4600 акров у Притги-Галли, к западу от Ураллы. Исключив сразу предположение, что злодейство дело зубов динго или домашней собаки, Берри указал, что способ убийства несет на себе знаки принадлежности к необычайно большим кошкам. Когда же Джон

Кодли, сосед-фермер, тоже пострадавший от хищника, сделал со следов гипсовые слепки и отослал их в зоологический трест парка Таронга для официальной идентификации, то получил ответ, в котором значилось, что следы соответствуют тигровым. Местная община назначила крупную награду за поимку хищника, но она так и не была востребована. Между тем странные встречи и нападения на скот продолжались в Новом Южном Уэльсе на протяжении всех 60-х годов.

Множество сообщений оставляют мало сомнений в том, что речь идет о действительно необычной твари. В 1966 году на ферме, принадлежащей Самуэлу Найту, в трех милях к северу от Новра, большого черного, похожего на пантеру зверя загнали два сторожевых пса. Защищая себя, ему удалось не только спастись в буше, но и буквально разодрать на части настигнувших его собак. В 1969 году после нескольких нападений на туристов в окрестностях Эммавилла были организованы систематические розыски злоумышленников с участием не менее 50 снайперов, однако найдено так ничего и не было.

В начале 70-х годов сообщения о пантероподобных созданиях стали поступать из других частей континента. В сентябре 1972 года фермер Джордж Мойр из Кулджа (штат Западная Австралия) обнаружил несколько своих свиней с перегрызенными глотками и вырванными сердцами; на следующий день он с удивлением наблюдал, как целое стадо перепуганных овец куда-то гнали на чабанский манер две большие черные кошки, бежавшие рысью. Когда Мойр и местный инспектор по охране природы Дон Ноубл погнались за ними на джипах, кошки с легкостью обогнали машины и преспокойно скрылись. Джордж Мойр вскоре узнал, что на двух соседних фермах за последнюю неделю недосчитались уже 14 свиней, и все они были найдены убитыми тем же отличительным, жутким способом. Весь этот год жители края сообщали о леденящих кровь воплях по ночам, когда кошки являлись на фермы за новыми жертвами.

Сообщения о кошмарных зверях Нового Южного Уэльса, которых видели многие фермеры, проникли на первые полосы австралийских газет. Совет директоров сельскохозяйственной охраны штата

настаивал на том, что так называемые «пантеры из Кулджа» совсем не относятся к семейству кошачьих, а всего-навсего «черные кенгуровые псы» (?!). Хотя одна такая собака и была застрелена, ночные нападения продолжались, и очень немногие местные жители были готовы поверить официальным разъяснениям.

К середине 70-х годов сообщения об австралийских пантерах еще больше участились, в газетах была опубликована целая серия статей о них, содержащих фотографии, сделанные очевидцами, что, казалось бы, безусловно подтверждало, будто в Австралии действительно обитают на воле некие крупные кошачьи с черным как смоль мехом. Те фермеры, которые продолжали терпеть урон от их визитов, начали верить, что эти твари обладают способностью появляться и исчезать по своей воле, будучи незамеченными. Появилось даже несколько утверждений о том, как они проходили сквозь стены, растворялись в воздухе в виде ослепительной вспышки и были невосприимчивыми к пулям охотников. Как и в предыдущие годы, массовые охотничьи экспедиции не принесли ничего, и мистер Джеймс Маккиннон, министр охраны природы в австралийском парламенте, был вынужден признать, что лишь призрачное существо может быть в ответе за те жуткие бои, которые поразили ряд районов в Новом Южном Уэльсе и Западной Австралии. Кое-кто усомнился в правильности слов министра, но никто больше не мог сомневаться в том, что угроза остается, и на этот счет имеются неопровержимые и всем доступные доказательства в виде погубленного скота.

В 1981 году журналист Дэвид О'Рейли воспроизвел практически неоспоримую модель, доказывающую существование этих существ, на примере небольшой области возле Перта в Западной Австралии. Книга О'Рейли «Тень дикаря» содержала не только многочисленные показания очевидцев, тщательно документированные, но и дополнительные данные вроде следов и образцов меха, идентифицированных как кошачий, особенного помета крупных кошачьих хищников, а также описаний и фотографий животных-жертв. Книга сделала все настолько очевидным, что даже ранее сомневавшиеся зоологи теперь уже были не в состоянии защищать свою теорию о существах, виденных в различных местах на

протяжении последних двух десятилетий, как о простых «продуктах» урбанистического фольклора.

Однако специалисты все еще не могли предложить удовлетворительной версии разгадки тайны. Вероятность того, что речь идет о необычайно разросшемся племени одичавших домашних кошек, едва ли заслуживала внимания, ибо они никогда не достигали величины, достаточной для нападений на овец и кенгуру.

Другая версия, согласно которой загадочные существа являются представителями некоего доселе неизвестного семейства местных хищников, – была тем более неприемлемой, ибо звери появились лишь во второй половине XX века. Если бы они существовали в Австралии и до того времени, то неминуемо попались бы на глаза много раньше.

Третье предположение о том, что существа были на самом деле пумами, которые вырвались на свободу в прошлом, представлялась более вероятной. Однако не было никаких сведений о содержании этих животных в неволе, равно как и о том, что они откуда-то сбежали. А если еще учесть, что всякая живность, перемещающаяся из одного австралийского штата в другой, подлежит регистрации на въезде и выезде, возможность побега пум, не зафиксированного официально, представляется достаточно шаткой.

В общем, учитывая многочисленные противоречия, которые породила австралийская загадка, ничего нет удивительного в том, что большинство населения предпочитает не доверять слухам о кошках-переростках, свободно бродящих по их стране. Сейчас проводится множество самых разных мероприятий, чтобы выследить таинственных зверей, с использованием самого высокотехнического звукового оборудования, мощных теле- и фотокамер, инфракрасных лучей, различных изощренных ловушек, по-прежнему не отказываются и от услуг охотников, вооруженных винтовками. Однако австралийские большие кошки остаются неуловимыми. И, невзирая на все нелепости во всей этой истории с большими черными кошками, факт остается фактом: похоже, некие загадочные животные обитают в Австралии. Они просто предпочитают, чтобы их не нашли.

«СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ»?

Одного взгляда на овцу было достаточно английскому фермеру Майку Уильямсу, чтобы понять: животное из его стада убито необычным существом. Шея была разодрана, левое ухо откушено, и вообще то, что осталось от овцы, выглядело так, будто кто-то в ярости растерзал тряпичную куклу. Хищник высосал из жертвы кровь.

«Я позвал отца и других фермеров. Никто из них никогда раньше не видел, чтобы овец забивали таким способом», – сказал М. Уильяме в интервью агентству Рейтер. Судя по всему, хищник задрал овцу практически мгновенно, так, что она даже не сопротивлялась.

Эта жертва не была первой. С 1983 года подобных нападений на овец в Эксмуре, пустынной и глухой местности в 320 километрах к западу от Лондона, произошло больше сотни. Здесь расположены в основном фермерские хозяйства, причем все они – на значительном отдалении друг от друга...

В стране таких сравнительно небольших размеров, как Великобритания, одной из самых густонаселенных в мире, не только сложно, но практически невозможно представить себе, чтобы какое-нибудь крупное дикое животное могло оставаться незарегистрированным. Но если мы не намерены игнорировать людские свидетельства, то придется признать, что это нелепое предположение имеет касательство к истине.

В последнее время, а особенно начиная с 60-х годов, приходят, и в довольно немалом количестве, сообщения из разных частей Соединенного Королевства о наблюдениях, которые наводят на мысль о существовании в диком состоянии нескольких видов больших кошек, не похожих на породных британских. В этих подчас несуразных донесениях загадочные животные описываются как пумы, гепарды, пантеры, львицы, рыси и так далее, и на каждый достойный внимания отчет приходится дюжина таких, что превышают возможность веры даже самого ревностного мистериолога. Тем не менее, если попытаться отделить зерна от

плевел, то станет ясным, что на дне этой тайны находится ошеломляющая правда.

Первый поток сообщений о больших кошках Британии, взволновавших средства массовой информации, относился к длинноногой гепардоподобной твари с загнутым кверху хвостом, которую видели сидевшей на дороге близ Шутерс-Хилла, в Вулвиче, предместье Лондона, ночью 18 июля 1962 года. Когда наблюдатель направился к животному, оно скрылось в ближайшем лесу и, несмотря на несколько встреч в ту же ночь и усилия тренированных полицейских на следующий день, поймано не было, – один раз зверь просто перепрыгнул через капот преследующей полицейской машины. Через четыре дня, 23 июля, представители службы водоснабжения Вессекса, что в Суррее, информировали о том, что некая огромная кошка пожирала кролика у водохранилища в Хитипарке. То было первое появление зверя, впоследствии получившего известность под именем суррейской пумы.

Затем, в продолжение зимы 1962/63 года, несколько разновидностей кошек совершили ночные набеги на фермы между Крондэллом и Эушотгом на границах графства Хэмпшир, убивая цыплят и наводя ужас на сторожевых собак. Через 18 месяцев, 30 августа 1964 года, крупный фризский бульдог был жестоко покалечен близ Кранлеха, а неделю спустя нашли труп теленка, который явно волокли через несколько полей. Отпечатки лап около трупа наводили на мысль о звере семейства кошачьих вроде пумы, хотя его следы были втрое большими, чем у любой взрослой особи данного вида. Тварь окрестили Мунстедским Монстром по названию ближайшей деревни, где по всем признакам в продолжение осени 1964 года появлялось кошачье существо необычайных размеров. Активность пумы достигла своего пика, когда была обнаружена мертвая косуля с переломанной шеей и ранами, напоминающими о ранних убийствах в Кранлехе. Полиция оставалась безучастной до тех пор, пока 12 ноября два офицера своими глазами не увидели зверя у мемориала Томаса Грея в Стоук-Поджесе. А следующей ночью обитатели графства вновь ужаснулись жутких воплей и стонов, сопровождавших ночную деятельность непрошеного гостя.

Появления пумы были редкими в 1965 году, но резко участились летом 1966-го. В одну из самых впечатляющих встреч полицейский и несколько поселян целых 20 минут наблюдали, как огромная кошка расправляется с кроликом в поле у Ворплесдона. Затем в августе бывший полицейский фотограф по фамилии Йан умудрился заснять, как тварь крадется по полю в той же местности. Для многих явственным доказательством существования монстра стал доклад Виктора Мантона, куратора Уипснэйдского зоопарка, который проанализировал набранные с колючей проволоки на ограде волоски и определил, что они сходны с хвостовыми волосками пумы. Однако, несмотря на несколько облав, проведенных полицией, зверь не был пойман, а когда полицейское управление Суррея в середине августа 1967 года наконец завершило свое расследование, у него на руках не оказалось ничего, кроме опасений – ни много ни мало 362 встреч. Многие жители других графств все еще отказывались верить, что такой странный зверь, как суррейская пума, существует на самом деле.

В 1970 году не ощущалось нехватки в донесениях о загадочной кошке из других частей Соединенного Королевства, хотя географически они были разбросанными и не казались убедительными. Но затем в 80-х годах возникло новое значительное «дело», на этот раз связанное с обширными территориями между Дартмуром и Эксмуром на западе Англии.

Эксмурская бестия, как прозвали здесь зверя, впервые привлекла внимание публики после необъяснимых исчезновений ягнят весной 1982 года на ферме Дрюстоун, в Южном Молтоне, совпавших по времени со слухами о появлении существа, похожего на пантеру. Поиски ни к чему не привели, и сенсация понемногу затухла. Но на следующий год вновь наступила пора забоя ягнят, и фермеры наблюдали исчезновение скота в тревожащих масштабах, включая, например, сразу 30 голов с той же дрюстоунской фермы. В убийствах ягнят подозревали одичавших собак, и нескольких из них пристрелили, однако нападения не прекратились. Перепуганы фермеры были еще и тем, что бестия убивала свои жертвы необычным образом, разбивая ягням черепа и срывая куски мяса с

загришков, причем оставляя другие части почти нетронутыми. Никакие собаки, как известно, так себя не ведут.

Полиция тоже была озадачена, а к маю потери скота стали настолько серьезными, что к рейдам были привлечены королевские морские пехотинцы, базировавшиеся в Лимпстоуне, вместе с их инфракрасной аппаратурой слежения. В 5.30 утра 4 мая 1983 года снайпер Джон Холден заметил, как очень крупное и мощное четвероногое пересекло железнодорожные пути, но на таком расстоянии от него, что пули не принесли зверю вреда. Животное больше не попадалось на глаза, и в начале июля морские пехотинцы были отозваны, и их командование признало свое поражение, высказав при этом недоумение по поводу почти сверхъестественного поведения хищника.

В последующие годы донесений о призрачной кошке с горных пастбищ Дартмура и Эксмюра заметно поубавилось. В то же самое время произошло несколько убийств скота и косуль, причем явно таким способом, который присущ собакам. Такие случаи вновь привели скептиков к мысли, что именно стаи диких псов и были повинны за предыдущие бойни. Однако, как оказалось, бестия ушла из описываемых мест не навсегда. В январе 1987 года исследователь Тревор Вир обнаружил близ Байдфодца девять огромных отпечатков лап. Двумя месяцами позже этот край стал центром, где монстр начал особенно часто появляться. А в августе Виру удалось сфотографировать огромную темную кошку явно небританского вида, причем съемку удостоверили три очевидца. Один из снимков был показан в программе новостей Би-би-си о дикой природе, и для многих, наконец, этот репортаж стал доказательством, что некое таинственное животное действительно обитает у них под боком. Но если так, то откуда оно взялось?

Среди тех, кто принял всерьез историю о британских загадочных кошках, бытовало множество различных версий. Некоторые зоологи были удовлетворены утверждением, что бестия, вероятно, необычайно крупный гибрид одичавшей домашней кошки и одного из видов диких кошек Британии. Другие предпочли верить, что встреченные монстры принадлежат к экзотическим кошачьим хищникам, сбежавшим из зоопарков, цирков, частных зверинцев и т.

п. Хотя эта последняя версия и казалась самой логичной, вспышки активности бестий совсем не совпадали с сообщениями о побегах. В то же время многие специалисты продолжали настаивать на том, что массовые и необъяснимые убийства ягнят совершают стаи одичавших собак, а вовсе не какие-то призрачные коты. Однако эта версия уж слишком не соответствовала детальным описаниям пантероподобных существ и способу умерщвления ими своих жертв. Рассматривая феномен в целом, этим последним признаком едва ли стоит пренебрегать.

Найджел Брирли, местный житель, написавший недавно книгу «Ночной охотник», вспоминает: «Никто из нас не знал, кого же мы ищем. Один захватил сачок для ловли бабочек, другой, специалист по отлавливанию одичавших собак, таскал повсюду с собой большой кусок мяса». Все жители Эксмур вспоминали тогда «Собаку Баскервилей» из рассказа Конан Дойла и думали, что необычное существо, появившееся в их местности, – это собака чрезвычайно больших размеров. Однако следы, оставленные хищником, его способность нападать на свои жертвы с высоты, а также жуткий рев, который слышали Брирли и остальные участники той охоты, навели их на мысль, что они имеют дело с пумой. «Я слышал его рев два раза, – рассказывает М. Уильяме, живущий здесь с конца 50-х годов. – От него волосы встают дыбом». Эти вопли слышали многие здешние фермеры, а некоторые из них даже утверждают, что видели существо и шли по его следу.

Один из них, Род Браммер, руководитель стрелковой школы, однажды ранним утром недалеко от своего дома увидел, как необычное существо спрыгнуло с дерева на дорогу и скрылось в близлежащих зарослях. «Существо это было величиной примерно с восточноевропейскую овчарку, и, что меня очень удивило, у него были тонкие ноги. Оно мне показалось сильным и ловким. А окраска была желтовато-коричневой, плохо различимой в темноте», – рассказывал он. По его мнению, а он действительно разбирается в животных и их повадках, это была пума.

В Суррее многие сотни сообщений о пумах в середине 1960-х годов воспринимались полицией как следствие галлюцинаций, истерии или ложных идентификаций, невзирая на уверения

свидетелей и такие неопровержимые физические доказательства, как следы, помет и растерзанные трупы овец и косуль. Даже среди тех, кто верил свидетельствам, многие предпочитали традиционное объяснение – о пумах или пантерах, сбежавших из неволи, – независимо от наличия сообщений о подобных побегах. Но правда была в том, что ни одно из объяснений никак не соответствовало действительности, что в Суррее, что в Девоне. Обезумевшие собаки не могли причинить такие увечья трупам, найденным в графствах, – по крайней мере, доныне им это не было свойственно. Невозможно и то, чтобы одно вырвавшееся на свободу животное могло покрывать значительные расстояния, как это было при нападениях, произошедших за одну ночь в Девоне, Эксмуре и Дартмуре. Всего лишь чуть более вероятно, хотя и не слишком, что сразу несколько больших кошек этого типа, которых видели по всей Британии, сбежали из частных зверинцев и не попали в полицейские отчеты, ибо они вряд ли смогли бы прожить в сельской местности незамеченными долгое время. В любом случае еще ни разу не удавалось захватить хотя бы одного хищника. В общем, факты таковы: странности в отчетах о нападениях на скот в сочетании с необычной способностью появляться и исчезать, когда им вздумается, говорят о том, что эти кошки происходят откуда-то не из нашей привычной вселенной.

КРЫЛАТЫЙ ВАМПИР ИЗ ПУЭРТО-РИКО

Его зовут Чупакабрас, а промышляет чудище охотой на домашнюю живность...

На островах Пуэрто-Рико паника. В деревнях фермеры уже в четыре часа дня запирают двери и строят баррикады на ночь. Винтовка, заряженная, всегда рядом. Не дай Бог, прилетит Чупакабрас.

Безумие длится уже около года. Он подкрадывается к овцам, собакам, курам, коровам, набрасывается на них и выпивает всю кровь, оставляя только следы от клыков, – таких свидетельств десятки. А совсем страшно стало, когда его наконец увидели. Первым рассказал о встрече с Чупакабрас полицейский из деревни Кампо Рико: «Чупакабрас похож на кенгуру зеленого цвета высотой чуть больше метра. Спина покрыта твердым панцирем, у него большие красные глаза в форме миндалин. Я даже выстрелил в него, но он смог улететь».

Так оно еще и летает! Другие свидетельства не менее жуткие. У Чупакабрас на каждой ноге по три пальца с когтями, рот без губ и короткое прерывистое дыхание. Одна дама даже пыталась при встрече определить пол чудища, но не заметила вообще никаких следов генитальных органов.

Священник из деревни Кампо Рико, где чудище видели чаще всего, однозначно заявил, что это дьявол. Деревенская молодежь, находящаяся под воздействием американской массовой культуры, считает, что речь идет о персонаже фильма «Предейтор», который на самом деле существует. И вообще эта тварь сбежала с расположенной неподалеку американской аэрокосмической базы, которая ловит «летающие тарелки». В общем, населению есть что обсудить. Тут надо отметить, что в ноябре на островах грядут муниципальные выборы, и синьор Сото – кандидат на очередной мандат мэра от новой прогрессивной партии. Соперники, народная демократическая партия, находящаяся в левой оппозиции, раскусили предвыборный трюк НПП. Народные демократы – за

конструктивное решение проблем островного государства, а Сото и его прогрессисты выдумывают каких-то чудищ и засоряют избирателям головы.

Тут надо заметить, что чудовища навещают Пуэрто-Рико в среднем раз в 10 лет. Последние явления «Вампиро де Мока», потом – «Ганадъяболо» и вот теперь – «Чупакабрас».

Профессор Пуэрториканского университета Рафаэль Хоглар объяснил, что 20 лет назад американцы действительно обустроили на одном из южных островов секретную военную базу. На ней проводились биологические эксперименты по изменению резус-фактора у обезьян. И зверьки получились довольно умные, сильные, агрессивные, злые и некомпанейские. Они прорыли под клетками что-то вроде лаза, выбрались на волю и приплыли (!) в Пуэрто-Рико. Теперь их тут сотни.

Бывший директор зоопарка считает, что все это дело рук (лап!) его бывших питомцев, которых он вынужден был распродать, когда кончились деньги на их содержание.

«ЗЛОЙ ДУХ» АЛТАЯ

Эта история случилась 37 лет назад, в 1959 году. Описанные события произошли в труднодоступном и отдаленном районе Горного Алтая. Ныне житель Барнаула, а тогда – таежный охотник Сариглар Натлитович Маркитанов вступил в поединок с настоящим... людоедом-оборотнем.

В тот день Сариглар и его друг Адар, обвешанные с ног до головы добытой в тайге пушниной, решили возвращаться в свою охотничью избушку, а потом добираться до поселка. Тронулись в путь уже ночью. Когда прошли уже минут десять, Адар резко остановился и, ругая себя, сказал, что они забыли на стоянке их единственный походный топор, и решил за ним вернуться. Минут через 15, после того как Адар ушел, один из оставшихся с Саригларом псов самым настоящим образом завыл! В сердцах хлестнув пса по спине, он, выждав еще минут 10, решил идти навстречу Адару.

Уже подойдя к стоянке, Сариглар различил силуэт Адара, который сидел на корточках и, низко наклонясь, возился с чем-то продолговатым. Каково же было его удивление, когда на его крик в ответ он услышал какойто нечеловеческий, но и не животный, булькающий рык, и перед ним выросло существо, явно выше двухметрового роста, и, рыча, обнажая окровавленные клыки, уставилось на Сариглара маленькими злобными, горящими каким-то гипнотическим светом глазами!

Тело существа покрывала шерсть, по своему виду не похожая ни на какую другую шерсть из виденной в жизни Саригларом. Луч фонарика успел выхватить и мертвые выпученные глаза Адара (голова его, оторванная от тела, упала на снег, когда существо вскочило от крика Сариглара) и большую (предмет гордости Адара) серебряную печатку, которая блеснула тусклым светом – чудовище держало полуобглоданную правую руку товарища Сариглара в своих огромных ручищах – держало, как куриный окорочок!..

Не помня себя от ужаса и что-то крича, Сариглар пустился бежать. Интуитивно добрался до охотничьей избушки, кое-как дождался

рассвета и утром, озираясь по сторонам, с заряженной двустволкой в руках, стал пробираться в близлежащее селение. Чудовище его не преследовало, – скорее всего оно просто насытилось, да и, видимо, опасалось нападать среди бела дня на человека с ружьем и собаками. Поздно вечером Сариглар добрался до глухого алтайского селения и сразу же попросил проводить его к шаману, которому подробно рассказал обо всем случившемся. «Сколько тебе лет?» – спросил шаман Сариглара. «Двадцать три», ответил он. «Этот дух ада убил не только твоего друга, но и почти забрал твою жизнь», – и подал зеркало. На Сариглара глядел осунувшийся, совершенно седой мужчина, в котором он с большим трудом узнал себя...

Шаман рассказал Сариглару, что, оказывается, этот «Злой дух расщелин» уже лет 15 крадет людей из близлежащих селений. В их поселке пропали человек 8-10: женщин «Дух расщелин» берет в основном весной, по всей видимости, чудовище, прежде чем убить, насилует их. Несколько раз устраивали на людоеда-оборотня облавы и засады, но все безрезультатно. Людоед как сквозь землю проваливался, просто исчезал на время опасности.

Однако Сариглар, взяв в помощь еще восемь охотников, отправился на поиски людоеда.

Скажу сразу: в схватке с чудовищем чудом спасся один Сариглар. Остальные погибли, сброшенные в пропасть. И не только спасся: ему удалось убить людоеда.

Опять помог случай: в охотничьей избушке, куда бежал преследуемый чудовищем, потерявший ружье Сариглар, оказалась серная кислота. Охотник плеснул полный ковш в лицо ворвавшемуся людоеду, и тот с дымящимся, обожженным лицом скрылся в тайге.

Спустя год Сариглар снова побывал в тех краях, и ему рассказали, что бесчинства людоеда прекратились. А еще через полгода кто-то обнаружил на дне неглубокой пропасти труп странного существа огромного роста, обросшего с ног до головы густой шерстью. Когда через неделю пришли, чтобы его достать, то увидели, что труп накрыла мощная снежно-каменная лавина. На этом эпопея охоты на людоеда завершилась.

Примечание OCR-мастера. В сборнике на стр. 318-376 были перепечатаны главы из книги криптозоолога Бернара Эйвельманса «Великий морской змей». Эти страницы пропущены, так как читатель имеет возможность ознакомиться с полным вариантом книги Бернара Эйвельманса (без неоправданных сокращений) в библиотеке В. Ершова по адресу http://publ.lib.ru/ARCHIVES/E/EYVEL'MANS_Bernar/_Eyvel'mans_B..html.